Цена 1 р. 50 к.

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ ◆ ТРУДНЫЙ ПЕРЕВАЛ

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ТРУДНЫЙ ПЕРЕВАЛ

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

ТРУДНЫЙ ПЕРЕВАЛ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

91(И5)
В19

Редакционная коллегия
К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
Ю. С. ПОТОМОВ

Васильев А.
В 19 Трудный перевал. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.
304 с. с ил. («Путешествия по странам Востока»).

Книга журналиста-правдиста и ученого-востоковеда Алексея Васильева — публицистический рассказ о странах Ближнего и Среднего Востока на переломном историческом рубеже. Автор был свидетелем таких острых и важных событий, как арабо-израильская война 1973 г., кипрский кризис 1974 г., партизанская борьба патриотов Омана. На основе своих наблюдений, встреч и бесед Алексей Васильев рассказывает о сегодняшнем дне Турции, Ирана, Афганистана, государств зоны Персидского залива, демократического Йемена.

В $\frac{20901\text{-}181}{013(02)\text{-}77}$ 134-77

91(И5)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

СИРИЯ, ОКТЯБРЬ 73-го

О начале военных действий на Ближнем Востоке я узнал 6 октября 1973 года в тот момент, когда находился в Анкаре, и сразу послал в редакцию телеграмму с просьбой направить меня в какую-нибудь из арабских стран. Через два дня пришло распоряжение выезжать в Сирию. Граница между Турцией и Сирией была открыта, и я решил добираться до Дамаска на автомашине. Визовые и другие формальности задержали отъезд еще на сутки. Лишь далеко за полдень 9 октября удалось оставить Анкару.

Дорога, пролегавшая по степному плато, была пустынной. Мусульмане отмечали рамазан — месяц строгого поста, когда верующие от восхода до заката солнца не едят, не пьют, не курят, поэтому шоферы во второй половине дня предпочитают не садиться за руль на голодный желудок. Чтобы выиграть время, я гнал до Аксарая, не соблюдая ограничений скорости. Наступила темнота. В приветливом придорожном кафе я перекусил и снова отправился в путь. Километров сто шоссе петляло в горах. Теперь навстречу шло много автомашин с дальним слепящим светом. К часу приехал в Искендерон. Остановился в гостинице, пыльной и с тараканами, которая почему-то называлась «Палас» — «Дворец». Поспал всего часа четыре — сказывалось напряжение шестисоткилометрового пути. Поковырял вилкой брынзу и маслины с хлебом, выпил пару чашек крепчайшего кофе и выехал.

Радио в машине я не выключал. Эфир наполняли сообщения о ходе военных действий. Египетская армия форсировала Суэцкий канал. Сирийцы вели бои на Голанских высотах. Израильтяне бомбили Дамаск, где якобы погибло около трех десятков советских людей. Я не знал тогда, что эта информация была ложной и аме-

риканского корреспондента, передавшего ее, выслали из Сирии. Бывший начальник военной разведки Израиля генерал Герцог комментировал события по иерусалимскому радио: «До сих пор борьба была весьма тяжелой и кровавой; я не сомневаюсь, что предстоящая борьба не будет легкой».

Радио Дамаска передавало марши и военные сводки.

Бак автомашины мне наполнили бензином на последней турецкой заправочной станции. Но до Дамаска могло не хватить, и я решил заехать в Алеппо.

Долины Сирии окутывала утренняя дымка. Крестьяне шли на поля. На холмах и на невысоких горах паслись стада овец. Все, казалось, дышало миром и спокойствием. Не верилось, что где-то недалеко сталкиваются танковые армии, дыбится и горит земля, умирают люди.

В Алеппо у городской цитадели, возведенной во времена крестоносцев, скучали торговцы сувенирами, поджидая туристов. Я не увидел в городе ни войск, ни патрулей, ни зениток.

Наш генеральный консул Петр Фалалсевич Узлов несколько ночей не спал, но зато благополучно отправил на родину тысячи полторы советских женщин и детей — главным образом с Евфратской стройки. Я попросил помочь достать бензин. Он послал вместе со мной на заправочную станцию своего шофера. По специальным талонам мне налили полный бак. Теперь со спокойным сердцем можно было добираться до Дамаска.

У бензоколонки бурлила очередь взбешенных людей, оставшихся без горючего.

— Как тебе не стыдно не давать мне бензина? Мне же надо ехать по делам,— уговаривал пожилой благообразный спринц рабочего паренька.

Тот смущенно мялся:

— Есть приказ...

— Какой приказ?! Ведь ты сын моего брата! Позор на его седую голову!..

В глазах юноши стояла тоска. Недели через три, возвращаясь в Турцию, я снова увидел его. Он посуровел, его лицо стало непроницаемым. Никакие уговоры на него не действовали. Он выполнял свой долг. В сирийский военный быт входила дисциплина, обязательная для всех, независимо от родственных и племенных связей.

Гостеприимство, доброжелательность, приветливость — черты сирийского характера. В глубине души сириец считает, что проверить документы у гостя, особенно у друга,— значит оскорбить его подозрением, даже во время войны. Я проехал от границы до Дамаска, и меня не остановил ни один патруль, хотя мой голубой «фордик» с турецким номером явно привлекал внимание. В первые дни слова «советский корреспондент» служили паролем, и на лицах вспыхивали улыбки. Но ведь за рулем мог сидеть и израильский агент. К концу войны мои документы изучали более или менее тщательно, прежде чем высказать дружеские чувства.

Из Алеппо на юг вело отличное шоссе. Мелькали километры, проносились редкие глинобитные селения, оливковые рощи. Ровно гудел мотор. Все внимание было на черной полосе дороги. Я не замечал ни красок, ни запахов, ни пейзажа.

Над Хомсом высоко в небо поднимался столб густого черного дыма. Горел нефтеперегонный завод. Несколько часов назад израильские самолеты бомбили город. Кудато лихорадочно спешили люди. Но это была именно спешка, а не паника. Население тушило пожары. В Хомсе дорожные указатели запутали меня, и я попросил пожилого курда, вооруженного старой винтовкой с пулеметными лентами крест-накрест на груди, показать дорогу. Он стоял на посту на перекрестке, но охотно вызвался помочь.

За Хомсом дорога превратилась в прекрасную пятиполосную автостраду без пересечений. Она пролегала через горы и пустыни. Когда я подъехал к Дамаску, то увидел рядом с дорогой нефтехранилище. По вьетнамскому опыту я знал, что они — верный объект для бомбежки, и нога до упора вжала акселератор. Скорость достигла 170 километров в час. Ветер тонко свистел в щелке бокового стекла. Показатель количества оборотов подошел к красной черте. Предосторожность была не лишней. На следующий день это нефтехранилище подверглось бомбардировке.

Мелькнули первые запыленные фруктовые деревья. Пахнуло ароматом желтеющих листьев и апельсинов. Я въехал в оазис Гуту, где лежит Дамаск, снова сбился с дороги и некоторое время плутал.

Говорят, что основатель ислама Мухаммед отказал-

ся посетить Дамаск. «Я не хочу попадать в рай до того, как умру»,— будто бы сказал он. Шумные столичные улицы без перехода превращаются в зеленые тоннели, образованные переплетенными кронами деревьев. Оросительная система оазиса загадочна, запутанна и полна причудливых деталей. Не холодный расчет инженера, а крупные и мелкие события, забытые историей, споры давно вымерших родов, ссоры между селениями формировали план Гуты. «В каждом уклоне канала, в каждом его повороте, в трепете каждой его струйки проявляются и человеческая воля, и осуществленный замысел, и обманутые надежды»,— писал французский исследователь сирийской деревни Велерс.

В знойные летние дни дамаскинцы предаются любимому отдыху — кейфу в тени деревьев оазиса, у арыка и пыхтящего самовара. Сейчас под кронами деревьев стояли танки, выкрашенные в грязно-желтый цвет пустыни. Я прислушался к разговору. Иракский акцент танкистов удивил меня. Я еще не знал, что это была первая иракская бронетанковая бригада, которая совершила тысячекилометровый бросок на помощь сирийцам. Через сутки она вступит в бой, чтобы вместе с сирийскими воинами отстоять Дамаск.

Подросток лет пятнадцати вызвался показать дорогу в посольство. Но сначала он привез меня к советскому культурному центру, разбомбленному накануне. Его охранял патруль военной полиции. Рядом валялись искореженные автомашины. Чудом уцелела доска объявлений с расписанием курсов русского языка.

У Дамаска довольно правильная планировка, здания южноевропейского стиля, с бесчисленными балконами и лоджиями. Мужчины и большинство женщин одеты по-европейски. Очарование Дамаска — в багрянце ползучего виноградника на стенах домов, в приветливых улыбках людей, в тихом уюте небольших скверов и крохотных кафе, в копьях минаретов на фоне голубого неба. Но в тот момент уже чувствовалось, что Дамаск стал прифронтовым городом. Было введено затемнение. На одном из перекрестков мальчишки выкрасили синей краской фары моего «фордика». По улицам шагали вооруженные люди и в форме, и гражданские. Автомашины уступали дорогу бронетранспортерам и военным грузовикам.

Я представился послу, который кратко ввел меня в курс дела. В эти дни на сирийский фронт израильтяне бросили основные силы и несколько потеснили арабов. Обе стороны несли тяжелые потери.

Внизу у дежурного зазвонил телефон. Меня вызывали Москва, редакция. Попросили через час передать первую корреспонденцию.

Ночевал я у нашего дипломата, моего друга еще со студенческих времен. Он только что эвакуировал свою семью, и квартира сразу приняла холостяцкий вид. У него поместились «погорельцы» — директор нашего культурного центра Ибрагим Мусаевич Хакимов и атташе Олег Иванович Фомин. По счастливой случайности за полчаса до бомбежки они уехали из центра по делам. Из советских людей в здании оставалась лишь преподавательница русского языка Александра Петровна Калинычева. Она прошла Отечественную войну, была награждена орденами и медалями и вот погибла на сирийской земле от израильской бомбы. Были убиты также сотрудник центра Мухаммед Амин, его жена и дети. Я встречал Амина в прошлый приезд в Дамаск. Он был симпатичный, обязательный человек, всегда готовый прийти на помощь.

Фомин и Хакимов разбирали пыльный, исцарапанный чемодан с документами. После бомбежки они облазили развалины, откопали сейф, взяли этот чемодан, деньги, составили акт о «наличности и списании имущества» и поехали вверить его у консула. Бомба замедленного действия взорвалась у них за спиной.

Мы слушали по радио выступление помощника начальника генштаба вооруженных сил Израиля генерала Ирии: «Летчики доложили о точных попаданиях по целям в Дамаске». Через несколько дней израильское правительство официально заявило, что оно «полностью уважает и будет впредь уважать положения международного права, которые запрещают нападение на гражданских лиц и гражданские объекты», а в Дамаске израильские самолеты якобы бомбили сирийский штаб...

На следующий день Александр Михайлович Макаьев, корреспондент АПН, представил меня в министерстве

информации, откуда меня направили в сирийское информационное агентство САНА. В военных условиях оно фактически превратилось в главный центр внешнеполитической пропаганды. Здесь толпились иностранные корреспонденты, трезвонили телефоны, стучали телетайпы, бегали вооруженные курьеры. Директор САНА работал и спал здесь же, поддерживая связь с иностранцами и выполняя одновременно роль цензора. Мы мгновенно перешли на «ты», которое, к слову сказать, в арабском языке предполагает меньшую степень интимности, чем в русском.

— Нужны ли какие-нибудь фотографии, документы? — спросил я его.

— Нет, сейчас не до этого.

— Как насчет цензуры?

— Мы тебе доверяем. Если ты сам в чем-то сомневаешься, позвони мне.

— Договорились. Есть еще одно дело. Ты мог бы организовать для меня поездку на фронт, в ракетное подразделение ПВО или к летчикам?

Директор пожал плечами.

— Это дело министра информации.

— Там сейчас никого не найти.

— Я позвоню министру, но ничего не обещаю.

В этот день в Дамаске тревоги почти не прекращались. Израильтяне бомбили дамасский аэродром, заводы, нефтехранилища, пригород Меззу. Сирены выли вместе с грохотом зениток и залпами ракетных установок — шла современная война, война секунд и мгновений, знакомая мне по работе в Ханое. Если ты слышал рев самолета, значит, он уже пролетел. Если слышал разрывы, то мог не беспокоиться: ты уцелел. Так же как и во Вьетнаме, на позициях у мерцающих экранов радара сидели в полной тишине операторы и наводили ракеты на цель. Ракеты устремлялись навстречу самолетам, в небе появлялось облачко разрыва, из которого вываливались обломки. Успешные действия ракетчиков оказывали огромное воздействие на боевой дух населения. По-английски ракета «земля — воздух» называется СЭМ (по первым буквам термина «сэрфис — эйр миссайл»). В сирийских больницах новорожденных, и мальчиков и девочек, начали называть Сэмами. А в Израиле распространилось выражение «грозный генерал Сэм».

В отличие от 1967 года израильтянам не удалось установить господства в воздухе. Поэтому к Дамаску без помех подходили иракские части. Но на фронте обстановка становилась все тревожнее. Усталые сирийские войска начали отступать. Вечером 11 октября иерусалимское радио передало: «Израильские вооруженные силы на Голанских высотах начали наступление на сирийские оборонительные позиции. Пехота и бронетанковые войска прорвались сквозь позиции противника, углубились на территорию Сирии... и продолжают наступление в направлении Эль-Кунейтра — Дамаск».

Фронт был прорван. «Я думаю, что сирийские вооруженные силы практически разгромлены»,— надменно заявил Даян. Но сирийское командование бросило в бой новые резервы, а израилю поредевшие бронетанковые подразделения пополнили иракцы. Обстановка стабилизировалась и уже принципиально не менялась до конца войны.

Возможно, что даяновские офицеры уже готовили парадные мундиры и надеялись смаковать в Дамаске блюда сирийской кухни и предаваться кейфу в Гуте. Сколько им осталось лежать в сухой сирийской земле... А дамасцы взяли в руки винтовки и автоматы, чтобы вылавливать летчиков со сбитых самолетов. Ослепленные кратковременными победами, израильские генералы считали, что несколько бомбовых ударов превратят сирийцев в пугливых ланей. Они встретили стойких бойцов.

С первыми лучами солнца над Дамаском вновь поплыл вой сирен и загремели разрывы. Шел седьмой день войны. И девушка из винного магазина рядом с гостиницей «Новые Омейяды», погасив утреннюю улыбку, сурово посмотрела в небо. На ее плече висел автомат, а к поясу была прикреплена противотанковая граната. Ее брат находился на фронте, и она не знала, жив ли он. В Дамаске она тоже была бойцом, не учтенным в расчетах ланиовского штаба. Впрочем, как и старик-пекарь, который перед входом в свое заведение выставил мешки не с песком, а с мукой. Чтобы все видели: мука есть, хлеб будет — и не беспокоились понапрасну. Старик даже на ночь не убирал своих мешков, прикрытых полиэтиленом от дождя. Никто их не трогал.

В кафе и лавках Дамаска расклеили плакаты. Языком рисунков и лозунгов они призывали граждан соизмерять свое поведение с требованиями обстановки: «Сохраняйте порядок и спокойствие. Если надо стоять в очереди, строго соблюдайте свое место. Прячьтесь в бомбоубежища во время налетов. Помогайте захватывать в плен вражеских парашютистов и сохраняйте им жизнь. Боритесь против распространителей слухов». Это была азбука поведения во время войны. Во Вьетнаме я видел народ, который в искусстве жить на войне мог считаться гроссмейстером. Сирийцы осваивали лишь низшие разряды, но делали это с жаром.

Во время октябрьских событий была достигнута невиданная ранее мобилизация нации. Тысячи ремесленников, студентов, торговцев, крестьян вступали в отряды гражданской обороны. Взяв лопаты и кирки, они ремонтировали дороги. Торговцы не подняли цен, не стали укрывать товары. Не успел сложиться черный рынок, который, к слову сказать, немедленно появился в Израиле.

Годы национального унижения раскалили до бела гнев лучшей части сирийского народа. Она повела за собой остальных. Агрессивность Израиля, его террор служили катализатором процессов, происходящих в арабских странах, ускоряли созревание арабских народов, укрепляли стремление сбросить старую полуфеодальную скорлупу и в социально-экономической структуре, и в психологии.

Политика Израиля была вызовом для независимого существования соседних стран. Чтобы ответить на этот исторический вызов, арабское общество должно было ускоренным темпом трансформироваться, «осовременниться». Процесс обновления, хотя и не завершился, все же зашел достаточно далеко.

Как-то раз я зашел в сирийское министерство культуры, расположенное в небольшом аккуратном особняке. В одной из комнат сидел человек, черты которого показались мне знакомыми. Я вспомнил, что видел его портрет в одном советском издании. Мы познакомились. Это был Ханна Мина, крупный сирийский писатель. Лет двадцать пять назад в журнале «Ат-Тарик» появился его

первый рассказ — об отце, который, спасаясь от нищеты, продал свою дочь. Молодой тогда литератор приобрел известность.

Ханна Мина родился в семье рыбака в портовом городе Латакия. Работал матросом на судах, чернорабочим, поденщиком. И сейчас по виду его можно принять за мастера судоремонтной верфи.

— Я никогда не ходил в школу,— сказал он.— Я всегда писал нутром. Мне бы образование...

— Для Горького университетом была жизнь,— возразил я.

— Для него университетом была великая русская литература.

Ханна Мина — человек большого ума и глубокой культуры, хотя приобретенной отнюдь не в стенах учебных заведений. Его роман «Парус и буря» переведен на русский язык. Он рассказывает о человеческой стойкости, которая побеждает бурю и невзгоды.

— Как война влияет на духовную жизнь народа? — спросил я писателя.

— Самая главная наша победа — над самими собой. Мы преодолели психологический барьер страха и неуверенности. В наших условиях выигрывает войну не тот, кто захватывает больше земли, а тот, кто сохраняет боевой дух и готовность сражаться.

Вошла женщина с медными волосами, немного полная, одетая в яркое, модное платье. Мина представил ее:

— Надежда аль-Аттар, переводчица и литературный критик.

Отец аль-Аттар, мусульманский богослов и судья, поэт и большой знаток арабского языка, придерживался либеральных взглядов. Его дочь получила хорошее образование. Она росла в атмосфере культа арабской литературы. Может быть, во всей Сирии сейчас нет человека, который столь тонко чувствовал бы арабский язык, как она. Аль-Аттар занималась литературой, растила детей. Ее муж — главный врач крупнейшего военного госпиталя. Во время войны она почти каждый день писала для газет и правила английские переводы правительственных заявлений.

Аль-Аттар прислушивалась к нашей беседе и кивала головой в знак согласия с Ханна Мина.

— Для нас эта война — второе рождение,— сказала

опа. — Мы несколько дней действуем — и стали взрослыми.

У сирийцев встречаются черты характера, выраженные словами «маалейш» — «авось пронесет, наплевать, ничего» и «иншалла» — «если пожелает Аллах». Невыполненное задание, незаконченное дело, неотремонтированный вовремя механизм — «маалейш». Но беспечность в условиях войны может стать преступлением. Обещание сделать что-либо сопровождается «иншалла» — легкий способ снять с души ответственность, дескать, не я виноват, на то высшая воля. В этих выражениях — фатализм и смирение Сирии вчерашнего дня, феодальных пережитков и застоя. Но сирийский народ познавал навыки организованности, к нему приходило чувство ответственности, необходимое для революции и современной войны. Офицеры не могли говорить «иншалла», обещая артиллерийскую поддержку пехоте или танкам. Механик не должен был произносить «маалейш», готовя к вылету боевую машину своего товарища, пилота. Современная война рождала современных людей. Сирийцы начинали понимать, что война — не минутная вспышка героизма, самопожертвования, что помимо ратного подвига есть ратный труд — тяжелый, кровавый пот войны.

Александр Михайлович Макавьев устроил мне встречу в корпункте АПН с генеральным секретарем ЦК Сирийской компартии Халедом Багдашем. Он — ветеран коммунистического движения. И кто знает, то ли годы, то ли несколько покушений на его жизнь оставили серебряные пряди в его волосах. Он довольно хорошо говорил по-русски.

— Товарищ Багдаш, какова сейчас обстановка в Национальном прогрессивном фронте? — спросил я.

— До войны в рамках фронта мы достигли единства действий коммунистов, баасистов, социалистов-юнионистов. В условиях войны оно укрепилось.

— А прежние разногласия?

— Если и были разногласия, то сейчас они забыты. Все наши усилия направлены на спасение родины.

Мы сидели за чашкой чая у открытого окна, в перерыве между тревогами слушали разноголосицу Дамаска, вспоминали прежние встречи.

В тот же день меня принял член общеарабского руководства Партии арабского социалистического возрождения (ПАСВ) Фавваз Саяг. После полутора десятков переворотов и полупереворотов, которые пережила Сирия со времени завоевания независимости, к власти пришло левое крыло этой партии. Руководство ПАСВ заявило о намерении идти по пути социалистической ориентации, провело реформы, укрепило отношения с Советским Союзом. Ее союзниками по Национальному прогрессивному фронту стали другие партии и организации, в том числе коммунисты.

Фавваз Саяг — человек небольшого роста, с кобурой на боку, встретил меня в своем кабинете в помещении общеарабского руководства партии. Здесь же стояла раскладушка, покрытая серым солдатским одеялом.

— Что вы можете сказать о единстве политических сил в условиях войны? — спросил я.

— Весь сирийский народ ведет борьбу против сионистской империалистической агрессии. В ней участвуют все партии и организации.

— Вы имеете в виду ваших союзников по Национальному прогрессивному фронту?

— Не только их, но и профсоюзы, студенческие, женские, крестьянские организации. Первый раз в современной арабской истории каждый гражданин, если он патриот, может найти свое место в борьбе — на фронте или в тылу.

— Сейчас вы уверены в ваших бойцах?

— Несомненно. Раньше наши враги сеяли сомнения в боеспособности наших солдат и в качестве советского оружия. Сейчас мы доказываем, что наш солдат — хороший солдат и у него прекрасное современное оружие.

День проходил за днем. Все мои попытки съездить на фронт или встретиться с сирийскими ракетчиками и летчиками ни к чему не приводили.

Налеты на Дамаск продолжались, но стали гораздо менее интенсивными, чем 11 и 12 октября. В госпиталях не хватало кровяной плазмы, хотя посылки с консервированной кровью приходили из многих стран. Круглосуточно работали донорские пункты. Около университета

я зашел в один из них. В комнате на койках лежали чистые простыни, пахло медикаментами, громко тикали часы. Деловитые медсестры кипятили инструменты. На улице стояла очередь желающих сдавать кровь — домашние хозяйки, торговцы, две студентки филологического факультета.

Может быть, эту самую кровь я увидел на следующий день в больничной палате госпиталя «Мезза», где лежал в числе многих своих коллег сбитый израильский летчик Херц Ноах. Несколько дней назад он был молодым, сильным, абсолютно здоровым мужчиной. Сейчас он слабым голосом просил передать в Израиль беременной жене, что жив и хочет вернуться домой. «Со мной обращаются хорошо. Ко мне относятся гуманно. Я думал, что встречу здесь зверей»,— повторил он несколько раз.

Херц Ноах прилетел бомбить Дамаск. Он полагал или делал вид, что полагает, будто здесь живут дикие разбойники с ножом в зубах. Их можно и нужно было убивать. Разве это не позволено? Его сбили. Его жизнь спас сирийский хирург Генри Зааза. Он с трудом стоял на ногах, проведя несколько суток у операционного стола. Каждый день он приходил проведать сбитого летчика. Ноах для него был просто раненым.

Генри Зааза — интеллигент, с тонкими чертами лица, бакенбардами, нервными и сильными пальцами хирурга. Он говорит по-французски без акцента, по-русски с небольшими ошибками. Он любит вспоминать сиреневые сумерки Парижа и пожар заката на Ленинских горах. Он учился в Москве и в Париже. Он немного старомоден, хирург Генри Зааза, и классику предпочитает современным авторам. Поэтому на его книжной полке стоят рядом Таха Хусейн, Ромен Роллан, Антон Чехов и Шолом Алейхем.

Зааза спас жизнь другому израильскому летчику, у которого осколок засел в легком. Во время операции начался налет, и бомбы упали на госпиталь и рядом с ним. Прервать операцию значило подписать смертный приговор раненому. Все медики остались на своих местах. Рядом с хирургом находилась пожилая медсестра Лютфия Бусейри. Когда она мыла руки после операции, ей сказали, что у ворот госпиталя убит ее семнадцатилетний сын Салях. Он был изрешечен израильской шариковой бомбой. Лютфия потеряла сознание.

Она продолжала работать в госпитале. «Все раненые — мои дети»,— сказала она.

Шариковые бомбы мне знакомы по Вьетнаму. Они выстреливаются из контейнера сотнями, разрываются на мелкие осколки и секут стальным дождем все живое. Они предназначены исключительно для убийства людей. Шарик, попав в тело жертвы, идет по сложной траектории. Раненых очень трудно оперировать.

Госпиталь «Мезза» не раз подвергался бомбардировкам. Его лечебные корпуса хранили следы попаданий бомб и ракет. Рядом с госпиталем валялись обломки «фантома». Среди раненых находились не только бойцы с фронта, израильские летчики и мирные жители Дамаска, но и медицинский персонал — около двух десятков работников госпиталя. Вместе с сирийцами, иракцами, кубинцами в госпитале трудились советские хирурги. Они прилетели в Сирию, когда на Дамаск уже падали бомбы, и через несколько часов сменили у операционных столов усталых коллег.

Херц Ноах заплатил страшную цену за свою слепоту — у него ампутирована раздробленная нога. Он и многие другие наконец поняли, что в мире нет «сверхчеловеков» и «недочеловеков», но есть люди, с их добротой, болью, мечтами, слабостями, достоинствами. Понимали ли это те, кто посылал израильских юношей на смерть или на убийство?

Вечером 15 октября я зарядил фотопленки в кассеты и лег спать. Вскоре меня разбудил грохот выстрелов. Стреляли где-то очень близко. Израильский десант? Или израильские войска пытаются прорваться к Дамаску? Не было слышно лязга гусениц, значит, не было танков, видимо, просто десант? «Бу-бу-бу»,— било что-то тяжелое. Пулемет? Нет, скорее, пушка. «Тиу-тиу-тиу»,— свистели пули. Пулеметные и автоматные очереди, одиночные выстрелы, сирена автомашины, какой-то грохот — все слилось в ночную какофонию. Какой уж тут сон!.. Снова раздался грохот совсем рядом. Кто-то стучал в дверь ногами, а может быть, прикладами? Но эта мысль была уже прочней над самим собой. Чертыхаясь, я встал. В дверях меня ожидали два наших корреспондента.

— Выступил президент Асад. Сейчас будут повторять

его речь. Поедем в посольство. Может быть, услышим что-нибудь новое.

Оделся. На всякий случай схватил сумку с фотоаппаратами: а вдруг не вернусь в гостиницу? По коридорам, освещенным керосиновыми лампами, бродили полуодетые корреспонденты.

Через стреляющий, стрекочущий, взрывающийся город помчались в посольство. Там никто не спал. Два дипломата играли в шахматы. По радио передали призыв президента беречь патроны для боев. Оказывается, сторонники Асада и многие полувоенные формирования отчаянной стрельбой в воздух выражали свое одобрение речи президента. Ее вновь повторили в записи на пленку. Асад говорил с пафосом, но взвешенно: «Вы знаете, что на войне бывают обстоятельства, которые не позволяют сообщать всего. Мы не думаем, что путь к победе будет легок... За свободу и достоинство нужно платить, и платить немалую цену».

На следующий день в агентстве САНА меня предупредили, что иностранным корреспондентам будут показывать большую группу израильских пленных. К двум часам дня мы все собрались у агентства, и нас повезли вдоль горы Касьюн куда-то на север Дамаска. Стая машин — новые желтые «доджи», потрепанные «пежо», «газики», «джипы» — неслась по улицам города. Автомобили были наполнены длинноволосой, бородатой, лысой, очкастой толпой журналистов. Странное впечатление оставляли многие мои коллеги, следующие моде хиппи, в городе, который с каждым днем все более принимал вид аскетичной военной столицы.

На пыльной земле сидело человек тридцать пленных, по виду пехотинцев. Некоторые из них были в домашних туфлях, захваченные врасплох. Они сидели, скрестив ноги на земле, положив на шею руки, завязанные шпагатом в запястьях, опустив голову. Эти позы военнопленных кровавыми письменами горели в сердцах всех арабов, переживших горечь унижения в 1967 году. Именно так израильтяне сажали захваченных арабских солдат и офицеров во время той войны. Фотографии арабского поражения обошли западную печать. Но снимки израильских пленных в «объективной» американской и европей-

ской прессе почти не появлялись. Зато в Израиле многие с истеричной надеждой настраивали телевизоры на станции соседних арабских государств: а не мелькнет ли на экране среди пленных лицо родственника, объявленного без вести пропавшим?

Коммандосы в пятнистой форме завязали пленным глаза платками, усадили их в грузовики и увезли.

— Не слишком приятное зрелище,— ворчал какой-то длинноволосый француз, сидевший со мной в автомашине.

— Война вообще не зрелище.

— То, что мы видели,— это пропаганда.

— А мы с вами чем занимаемся, разве не пропагандой?

— Я только объективный репортер.

— Ну и передавайте объективно.

Спустя некоторое время нас пригласили в госпиталь, где лежали раненые — жертвы недавних налетов.

Не раз задумывался я над этикой работы корреспондента, в частности, с кинокамерой. Я видел, как операторы наводили слепящий свет на страдальческие лица раненых, ловили «естественные позы» человеческой боли, бросались, расталкивая друг друга, к бойцам гражданской обороны, которые раскапывали трупы в развалинах после бомбежки. Цинизм? Но ведь живой кино- или телекадр, снятый другом, может вызвать симпатию к делу арабских народов, пополнить ряды сочувствующих им, сыграть положительную политическую роль. А вполне реальному, которого страдания из мужчины превращают в ребенка? Где грань между допустимым и недопустимым, этичным и неэтичным в работе оператора, хотя бы в этой узкой, но такой важной области человеческих взаимоотношений? Как найти гармоничное сочетание целей и средств кинооператору, выполняющему свою миссию, пусть даже с лучшими намерениями?

Большинство иностранных корреспондентов газет, радио и телевидения жило в «Новых Омейядах» — отеле, построенном много лет назад по образцу провинциальных гостиниц для французских буржуа. Кормили весьма посредственно, не лучшими блюдами французской кухни. В баре и вестибюле висели картины с букетиками, с

пейзажами Нормандии и Бретани, обнаженными красотками.

Журналистская братия была разной. У одних под «хипповой» внешностью скрывались благородные сердца, прогрессивные убеждения. Другие слетелись в надежде снять парад дамаскских войск в изнасилованном Дамаске. Они не скрывали своего разочарования. В третьих уже по характеру вопросов можно было угадать работников специальных служб. С наступлением темноты они ускользали из отеля, потом так же незаметно появлялись.

В холле гостиницы постоянно сидел пожилой ливанец, с низким лбом, густыми усами, большим носом, одетый в темный двубортный костюм. С утра до вечера он читал газеты и лишь изредка поднимал тяжелые веки, чтобы оглядеть вновь приехавших. Молодые корреспонденты острили, что в кинофильмах тридцатых годов так выглядели матерые шпионы с умными глазами. Однажды старик исчез, и распространился слух, будто его арестовали и будто он действительно был шпионом, то ли израильским, то ли американским.

Когда фронт стабилизировался, в гостинице начали появляться девицы в брюках или в коротких платьях. Их выписали наиболее расторопные из наших западных и ливанских коллег. Некоторые представительницы «древнейшей профессии» приехали сами. Впрочем, если они себя не очень вызывающе, шумных сцен не устраивали. «Новые Омейяды» дорожили маркой «респектабельности». Днем девицы слонялись по вестибюлю или спали, вечером они тянулись к бару.

Среди приехавших журналистов у меня оказалось немало знакомых. Мы собирались за столиком, угощали друг друга пивом или вином, обменивались впечатлениями, спорили.

— Накануне войны израильский генерал Шарон заявил: «Израиль — сверхдержава... За одну неделю мы можем завоевать весь район от Хартума до Багдада или Алжира». Интересно, как это воспринимается сейчас? — заводил я своих коллег.

Маститый французский журналист, большой знаток ближневосточных дел, отвечал:

— В Израиле рушатся все основы. Двадцать пять лет они строили свою политику на военном превосходстве, на

«сверхкомпетентности» своих руководителей. Сейчас военного превосходства в старом смысле слова нет. Наверняка в правящей верхушке все передрались. Какой-нибудь Сапир из числа «голубей» стучит кулаком по столу на заседании правительства и кричит Даяну: «Я же говорил вам!»

— Но ведь в целом население в Израиле убеждено, что ведет «оборонительную войну»,— пыхтел трубкой американец, приехавший на Ближний Восток сравнительно недавно.

— Уязвимое пропагандистское клише,— возражал я.— Хороший способ «обороны» — захватывать чужие земли, устраивать поселения на чужих территориях.

— Есть понятие «безопасные границы»,— не сдавался американец.

— Конечно, населению внушали, что для «безопасности» страны ей нужны «естественные» границы по Суэцкому каналу и Голанским высотам. Экстремисты кричали о «естественных» границах по Нилу и Евфрату. Но сейчас не восемнадцатый век. В эпоху ракетной техники для безопасности государства важны не горы, каналы и реки, а добрая воля соседей и мирное сотрудничество.

— Я согласен с мосье Васильевым,— поддержал меня француз.— Недавно я был в Израиле. Один из генералов, выигравший шестидневную войну,— сейчас профессор в университете. Я спросил его, какую из захваченных территорий он считает жизненно важной для безопасности Израиля. Что же он ответил? «Никакую».— «Как никакую?» — «Да так. Даяну нужны Голанские высоты для защиты израильских поселений в Галилее. Но завтра для защиты новых кибуцев на Голанских высотах потребуется захватить новые участки сирийской земли. И так до бесконечности. Логика милитаристской психологии».

— Ну, а вы спрашивали насчет Шарм-аш-Шейха?

— Да, спросил. Бывший генерал ответил: «Конечно, говорят, будто для безопасности мореплавания в Индийском океане нам нужен контроль над Шарм-аш-Шейхом. Но завтра потребуется контроль над Баб-эль-Мандебским проливом».

— Кстати, я слышал по радио, что арабы блокировали Баб-эль-Мандебский пролив, а значит, и весь Израиль со стороны Индийского океана.

— Возможно. Чтобы не пропустить транспортных су-

лов, достаточно старого эсминца. А у «фантома» просто не хватит горючего долететь туда и обратно.

— Вы слишком проарабски настроены,— не уступал американец.— Израиль же должен выжить.

— О-ля-ля, но сейчас ясно, что даже одержи Израиль военную победу, она ничего не решит,— отвечал француз.— Где уверенность, что не будет и пятой и шестой арабо-израильской войны? Может ли Израиль существовать на таких условиях и в такой ситуации? Не забудьте и про нефтяной фактор...

Когда я вернулся в Москву, я смог прочитать мнение о войне, высказанное израильскими коммунистами. «Можно ли было предотвратить несчастье возобновления войны? — писал генеральный секретарь ЦК компартии Мейр Вильнер в статье, опубликованной в нескольких израильских газетах.— Безусловно, да... Можно было давно положить конец возникновению военных действий, восстановить справедливый и прочный мир между Израилем и арабскими странами. Выдвигались различные мирные предложения, но все их сорвало правительство Израиля... Эта война ведется не за обеспечение существования и безопасности Израиля, а за... территориальную экспансию, за господство Израиля над сирийскими Голанскими высотами и египетским Синайским полуостровом, за глобальные интересы американского империализма. Кто агрессор в этой войне, являющейся продолжением июньской войны 1967 года? Агрессор тот, кто захватил территорию других государств. Борьба против чужеземной оккупации — не агрессия. Говорят о безумии. Безумен тот, кто разглагольствует о захвате Дамаска и Каира, об уничтожении „раз и навсегда" вооруженных сил арабских государств и навязывании им израильской оккупации. Ведь в 1967 году Израиль одержал военную победу. Но разве это была победа „раз и навсегда"? Разве она решила какие-либо проблемы и обеспечила безопасность? Мы, израильские коммунисты, руководствуясь искренней заботой за судьбу народа и родины, с глубокой болью за каждого гибнущего еврея и араба, с полной национальной ответственностью говорим народу: выход есть. Необходимо прекратить кровопролитие, положить конец оккупации, политике аннексий, необходимо установить справедливый и прочный мир».

За последние годы чувства национальной гордости и патриотизма обострились в Сирии. Но сирийцы отличались терпимостью к людям другой национальности и других убеждений. Большинство населения в стране — арабы-мусульмане. Однако в Сирии есть сотни тысяч арабов-христиан. Их можно встретить во всех областях жизни. Среди торговцев, врачей, технической интеллигенции немало армян. Вкрапления турок и курдов встречаются во многих городах и селениях даже в Южной Сирии. Среди армейских офицеров много черкесов. Евреи занимались торговлей и ремеслами в Дамаске в течение столетий. Политика Израиля отравила атмосферу. Однако тысячи еврейских семей остались в Сирии, и у них во всяком случае меньше ограничений, чем у арабов в Израиле.

Святыня Дамаска и его архитектурная жемчужина — мечеть Омейядов. В ней самой как бы отразились характерная для сирийцев терпимость, взаимопроникновение религий, синтез верований. Она воздвигнута на месте византийской церкви, которую построили на фундаменте храма Юпитера. В первые века ислама в ней вместе молились христиане и мусульмане, и до сих пор в мечети сохранилась гробница Иоанна Крестителя. Напомню для тех, кто не занимался специально историей мусульманства, что и Иоанн Креститель и Иисус Христос включены исламом в сонм своих пророков под именами Яхья и Иса, как и иудейский пророк Моисей, которого арабы называют Муса. Неподалеку от мечети Омейядов туристов и паломников привлекает гробница Салах эд-Дина (Саладина средневековых хроник), который изгнал крестоносцев из Иерусалима.

Возле мечети раскинулся дамасский базар. Он велик, знаменит и славен. Даже во время войны базар кипел, хотя некоторые лавки и были закрыты. С неизменным упорством зазывали покупателей торговцы инкрустированными столиками и оружейники, ковроткачи и медники. По крытым галереям, отчаянно крича, проносились на велосипедах подростки, перевозящие не очень тяжелые товары. Ослики и мулы трусили рядом с крестьянами в рубахах до пят. Разносчики прохладительных напитков мелодично позванивали стаканчиками, предлагая пепси-колу. Впрочем, большинство утоляет жажду просто из кранов. Дамаск снабжается водой из горных

озер. Ни в какой другой стране Ближнего Востока не пил я воды вкуснее.

Враг стоял в полусотне километров от Дамаска. Поэтому стоило прерваться музыке, доносящейся из транзистора, как вокруг него собирались люди, чтобы послушать последние известия.

Я забрел на улицу медников. Они превращают тупую болванку металла в блюда с замысловатыми узорами и кофеварки, в кувшины, похожие на девушек с тонким станом, и увесистые люстры. Сейчас они ковали кинжалы для десантников и мотали рулоны с колючей проволокой.

В одном из домиков у древней византийской стены, покрытой бронзовым плющом, жили трое — дряхлый старик, перебирающий четки, старуха с татуировкой на подбородке и молодая беременная женщина. Мне рассказали, что четвертого, ее мужа, с ними нет. Он славился огромной силой, любил играть многопудовыми слитками меди. Он женился на девушке из семьи беженцев из Эль-Кунейтры с Голанских высот. Их семью любили на улице медников, но это не мешало многим добродушно подтрунивать над жизнью молодоженов. Свекровь заставила невестку носить черную чадру, хотя и совсем прозрачную, а та в отместку надела коротенькую дерзкую юбчонку, как тогда было модно. Мужчина ушел на фронт, и женщины помирились. Накануне в дамасский госпиталь «Аш-Шарк» поступил раненый товарищ молодого медника. Он рассказал, что почти треть взвода, в котором они служили, полегла при защите освобожденного Джебель-Шейха на Голанских высотах. Он не знал, среди живых или мертвых теперь бывший медник.

Когда приблизился вечер, обе женщины в черном, старая и молодая, поспешили к мечети. Они прижались лбом к холодному мрамору и забормотали скорбные и гневные слова. Еще один день закатился осенним медным солнцем за зубчатый гребень Касьюна.

Числа с пятнадцатого-шестнадцатого в небе Дамаска израильские самолеты почти не появлялись. В это время пришел в движение синайский фронт. Кроме того, сказывались тяжелые потери израильской авиации. Летчики — элита израильской армии. Чтобы подготовить только начинающего пилота, нужно четыре года. Потери в ма-

шинах восполнялись Соединенными Штатами, а гибель в людях воспринималась очень болезненно.

Но за первые дни войны израильская авиация разрушила нефтеперегонный завод в Хомсе, нефтехранилища в Латакии, Тартусе, Баниасе, тепловые электростанции в Дамаске и Хомсе, Латакии и Тартусе. Для всех было ясно, что эти бомбардировки служили прежде всего целям устрашения. Их непосредственный военный эффект практически равнялся нулю. Сотни бензовозов шли из Ирака, Кувейта, Ливана, чтобы восполнить потери Сирии. Остановилась сирийская легкая промышленность, лишенная электроэнергии, но это опять-таки не оказало воздействия на ход военных операций.

Конца войны еще не было видно, а в министерстве экономики собрались хозяйственные руководители — министры энергетики, планирования, коммуникаций, внешней торговли, финансов, общественных работ. Вел заседание заместитель премьера Мухаммед Хейдар. В соседнем помещении сидели вооруженные телохранители. Наверху в сквере стояли зенитки. Хозяйственники, мыслящие сухими цифрами и диаграммами, были полны человеческих эмоций. Они обсуждали планы, как организовать тыл на случай затяжной войны. В выступлениях сквозила мысль, что страна недостаточно подготовилась к войне. А я думал о том, что Сирия как нация набирается зрелости, учится переносить страдания, терпеть лишения, выпавшие ей, проходить через разруху и вновь возрождаться.

Журналистские дела вынудили меня на короткое время вернуться в Бейрут.

Город встретил ранней для октября липкой жарой, но море было прозрачным, ласковым, великолепным. Если плыть с пляжа Сен-Симон, установленного белыми кабинками, мимо изъеденного прибоем скалистого островка, то за мысом постепенно открывался Бейрут. Он появлялся сначала одним мини-небоскребом, потом другим и вырастал над волнами изящными ломаными линиями. Но когда я гулял по его улицам, то удивлялся, до чего же бестолково застраивался город, если к нему не применялся принцип единого планирования. Индивидуализм частного предпринимательства был доведен до крайно-

стей. Рядом с элегантными пятнадцатиэтажными домами были расположены свалки. На бейрутском «Бродвее» — улице Хамра чувствовался запах сточных канав. Я уж не говорю об автомобилях, которые неслись, не соблюдая правил, заставляя пешеходов прижиматься к стенкам узких улочек. Добавьте рев самолетов над головой из-за того, что трасса взлетов и посадок проходила над центром ливанской столицы...

Земля Ливана с финикийских времен была как бы торговыми воротами Ближнего и Среднего Востока. Традиции посреднической торговли сохранились. Будь то трижды банально, но я сошлюсь на шофера такси, который сказал мне: «Здесь люди поклоняются лире — ливанскому фунту, а лавка менялы для них — храм». Этот же шофер не преминул меня обсчитать. Погоня за лирой стала движущим стимулом для многих ливанцев. Страна превратилась в главный банковский центр и курорт Арабского Востока, а легальная проституция — в прибыльный бизнес. В Ливан вкладывали деньги нефтяные шейхи Персидского залива, и процветание Бейрута в конечном счете было отражением нефтяного бума на Ближнем Востоке. Но через Ливан сюда проникали и идеи со всего мира. В Бейруте находились сильнейшая полиграфическая промышленность и самые богатые книжные магазины Арабского Востока.

Я бродил по центральным улицам Бейрута, над которыми свирепствовала реклама, устроенная на американский манер. Видел одетую по последней моде публику, полные кафе и сияющие витрины магазинов. Заходил в кинотеатры, где на экранах, как правило, не было намека на искусство, а господствовал секс и мордобой. Когда я соприкасался со всем этим фасадом «сладкой», «красивой» жизни, то невольно думал, что вокруг Бейрута если не в хибарах, то во всяком случае в бедных домах живут сотни тысяч человек. Для них роскошь, «сладкая жизнь» были недоступны. Злость, недовольство рождала не нищета абсолютная, а нищета относительная. Мастеровые с бейрутских окраин, обездоленные палестинцы, неустроенные арабские иммигранты невольно хотели взять автомат, садануть по зеркальным окнам, а что будет дальше — неважно. Автомат достать было нетрудно — ливанское общество вооружилось почти поголовно. Правда, социальную напряженность ослабляло довольно быстрое

экономическое развитие, приток капиталов, возможность эмиграции, но взрывоопасного материала скапливалось все больше. Я не рассказываю здесь о кровавой ливанской трагедии, которая разыгралась спустя два года, а просто передаю свои впечатления о Бейруте тех дней.

Война занимала умы бейрутцев, хотя воспринималась, конечно, не так, как в Дамаске. Израильская авиация бомбила ливанские радары, артиллерия обстреливала ливанскую территорию. В небе в смертельной карусели кружились сирийские «миги» и израильские «фантомы». Столичный порт, живущий транзитом, опустел. Ливанские госпитали принимали раненых. Шли сборы пожертвований в пользу воюющих арабских стран. Бейрут всегда был фабрикой слухов, а во время войны и подавно. Их подхватывали газеты, раздувало телевидение, и распространяли по всему миру тысячи корреспондентов, которым не удалось попасть в воюющие страны.

Не обошлось и без трагических происшествий в бейрутском стиле. 18 октября пятеро вооруженных людей вошли в здание отделения «Бэнк оф Америка» и взорвали в помещении бомбу. Несколько служащих и посетителей получили ранения. Началась перестрелка с полицией. Налетчики, которые удерживали полсотни заложников, заявили, что они принадлежат к некоему ливанскому социалистическому движению. Они потребовали гарантировать им неприкосновенность, выплатить 10 миллионов долларов «на нужды борьбы арабских народов», а также освободить из ливанских тюрем всех палестинцев. Руководство палестинского движения сопротивления категорически отмежевалось от налетчиков. Переговоры не привели к результатам. Начался штурм, сопровождавшийся перестрелкой. Два налетчика погибли, остальные сдались. Среди полицейских были раненые. Для налетчиков «террор на улице банков» вытеснил с первых полос газет сообщения о ходе военных действий на фронтах.

Я вернулся в Дамаск. Вечером ко мне подошел сирийский офицер.

— Я из политического управления армии. Вы просились на фронт?

— Да.

— Завтра утром за вами заедут. Вам разрешено на-

ходиться в боевых порядках атакующей бронетанковой бригады.

Утром, когда я спустился в ресторан отеля, чтобы позавтракать, мне крикнули американцы с соседнего столика, прильнувшие к транзистору:

— Скорее сюда! Сообщение из ООН...

Передавали резолюцию Совета Безопаспости, принятую по предложению Советского Союза и США. Она призывала все стороны прекратить огонь и все военные действия не позднее, чем в течение двенадцати часов с момента принятия решения.

За мной, естественно, никто в то утро не приехал.

Все ждали реакции сирийского руководства. Египет и Израиль согласились с резолюцией. По дамасскому радио по-прежнему передавали только патриотические песни и военные коммюнике. Вечером по радио объявили о решении Совета Безопасности, о заседании национального и регионального руководства ПАСВ, Прогрессивного национального фронта — и ничего больше. На следующий день стало известно, что израильские войска, воспользовавшись перемирием и нарушив собственное обещание прекратить огонь, бросились в наступление на западном берегу канала в направлении города Суэца. Обстановка во всем районе накалилась. Совет Безопасности принял новую резолюцию, требуя прекратить все военные действия на Ближнем Востоке.

Мы не отходили от радиоприемников. Никаких сообщений о том, как сирийское правительство реагирует на резолюцию Совета Безопасности, по-прежнему не было. Настала «ночь предопределения» — кульминационный пункт месяца рамазана. В эту ночь, по мусульманской легенде, Аллах послал с архангелом Гавриилом на землю Коран. По радио передавали молитву из мечети Омейядов и проповедь главного муфтия. Само сочетание слов «ночь предопределения» с боями на фронте электризовало толпу. В мечети и вокруг нее собрались десятки тысяч человек. Слышались вздохи и выкрики. Голос проповедника звенел: «А что даст тебе знать, что такое ночь предопределения? Ночь предопределения лучше тысячи месяцев... Она — мир до восхода зари».

Бои на Джебель-Шейхе достигли апогея. На головы отборных сирийских подразделений были сброшены лучшие израильские десантники. Схватки дошли до руко-

нашей. А в воздухе сшибались десятки самолетов с той и с другой стороны. Большую часть Джебель-Шейха арабы удержали до перемирия.

Наконец, сирийское правительство приняло решение Совета Безопасности. Ирак не согласился с ним, но начал отводить свои войска с сирийско-израильской линии перемирия.

Моя работа в Дамаске закончилась.

По знакомой автостраде мимо сгоревшего нефтехранилища я поехал в Хомс, откуда свернул на Латакию — главный сирийский порт. Навстречу двигались только что нагруженные танки, грузовики с боеприпасами. В душной Латакии я остановился в гостинице «Джеляль». Ее содержал старый сириец-христианин. Он старался создать в небольшом старом доме семейную обстановку. Работали в нем в основном родственники. Жена хозяина готовила, а взрослые дети, вернувшись с дежурства в отряде ополчения и повесив автоматы на крючки, надевали белые фартуки официантов. Старик подсел ко мне и долго рассказывал, как его брат 55 лет назад учился в русской православной школе в Палестине, а также о том, какие именитые гости жили в его заведении. «О бездушие современных отелей,— думал я,— о уют и человечность старых гостиниц со скрипучими половицами...»

Утром я отправился в порт, побывал на нескольких наших судах, познакомился с сирийскими рабочими. Грузчик Халид Галяги показался мне одним из героев прошедшей войны. Коренастый, крепкий, простуженный ветрами, острый на словцо, любитель поспать в кубрике, поиграть в нарды, но когда надо — хватский и злой в работе. Его племянник был в армии. Грузчики работали, не выходя из порта по нескольку суток. Горели нефтехранилища, и грязно-желтое пламя освещало затемненный город. На внешнем рейде торчали из воды надстройки японского и греческого судов, потопленных израильтянами. Советские транспорты входили в порт с разверстыми трюмами и подъемными механизмами наготове. Их сопровождали эсминцы нашей Средиземноморской эскадры. Экипажи транспортов трудились бок о бок с сирийцами. Суда, которые раньше разгружались за две недели, во время войны — за один сутки.

В самом начале военных действий израильские катеры подбили тремя ракетами советское транспортное судно «Илья Мечников» в порту Тартус. Два других советских корабля подошли к горящему «Мечникову», и три команды несколько часов пытались потушить пожар. Когда создалась угроза взрыва, «Мечникова» выбросили на мель. Последовало известное заявление ТАСС. После этого ни одно советское судно не подверглось нападению израильтян.

Накануне отъезда из Дамаска я встречался с министром планирования Мустафой Халляджем, экономистом и немного поэтом.

— Израиль хотел бы отбросить Сирию назад, законсервировать бедность и отсталость,— говорил он.

— За какое время вы надеетесь восстановить разрушенное?

— Сейчас трудно сказать. Наша надежда сейчас — гидроузел в Табке.

Редакция дала мне задание после окончания военных действий посетить строительство гидроузла на Евфрате. Время у меня было, и по дороге в Табку я завернул в город Хаму, чтобы посмотреть знаменитые нории.

Я вышел из автомашины и остановился около заросших тиной гигантских водоподъемных колес. Древность оставила нам затянутые песком развалины, ломкие манускрипты, идеи, измененные до неузнаваемости. Но редко где можно встретить механизм, который безотказно трудится на человека уже два тысячелетия. Через сирийский город Хама прошли римляне, византийцы, крестоносцы, мамлюки, турки, французы, а эти нории все скрипят и скрипят и подают по акведукам воду на поля.

Я вслушался. В плеске падающей воды кто-то, может быть, услышит победный клич древнего изобретателя этих механизмов. А мне в тележном скрипе норий почудился вечный стон истосковавшейся сирийской земли: «Воды, воды!..» Ведь нории не могли утолить ее жажды.

Час за часом ты мчишься на автомашине по сирийской пустыне, и лишь ветер закручивает пыль в одинокие смерчи. Воды не хватает. О ней мечтает кочевник, которого в мареве пустыни манят миражи тенистых пальмо-

ных рощ и озер. И не только он. В обширных районах западной и северной Сирии под весенним дождем грязно-рыжие просторы покрываются сочной зеленью, и здесь возможно богарное земледелие. Но крестьянин, бросая в землю зерно, никогда не знает, чем отплатит поле за его труд: обильным ли урожаем, полными ли закромами или же сгоревшим от зноя колосом.

Нехватка воды тормозит развитие сирийской экономики. Без орошения невозможно добиться устойчивых урожаев, поднять сельское хозяйство, уровень жизни. А на севере протекает полноводный, хотя и капризный Евфрат. Много раз ставился вопрос о строительстве плотины на реке во времена, когда страной, как своей колонией, управляла Франция. Много раз обращалось к Западу за помощью правительство независимой Сирии. Отказа не было.

Сирийскому народу протянул руку помощи советский человек.

Гидроузел на Евфрате, сооруженный при сотрудничестве с Советским Союзом, устранил угрозу наводнений, создал возможность удвоить площадь орошаемых земель Сирии, в несколько раз увеличить производство электроэнергии.

Раньше селение Табка нельзя было найти на мелкомасштабной карте. Едва ли двести душ жило в двух десятках глинобитных хижин. Я видел, проезжая через северные районы Сирии, эти крестьянские домики, которые встречаются в широкой полосе пустынь от Сирии до Афганистана: над обычной мазанкой надстраивается многогранный купол, деревня издалека напоминает груду черепков. Купол дает прохладу в жару и защищает от редких дождей.

Там, где паслись овцы на тощих пастбищах, сейчас раскинулся молодой город. Я ходил по озелененным улицам Табки, вслушивался в говор молодой и веселой толпы. Спускался по звенящим под ногами железным лестницам на дно котлована, где в путанице железной арматуры искрились огни электросварки. Забирался в кабины машинистов подъемных кранов, садился рядом с водителями самосвалов и бульдозеров, беседовал с советскими и арабскими рабочими, инженерами.

После начала военных действий на стройке оставались около тысячи наших специалистов и более 12 тысяч

сирийских инженеров и рабочих. Сотни квалифицированных рабочих, особенно шоферов, монтажников, электротехников, были мобилизованы. Несмотря на пост во время рамазана и нехватку людей, производительность труда выросла. Но ход работ оказался под угрозой...

На первый взгляд ракетный обстрел «Мечникова», разрушение электростанций были лишь актами устрашения. Я уже говорил, что никакого влияния на ход военных действий они не оказали. Однако когда складываешь воедино факты, то обнаруживаешь и другое. На «Мечникове» находилось оборудование для пуска первых трех агрегатов Евфратской гидростанции, необходимая документация и козловой кран. Разбомбленная электростанция в Хомсе раньше давала энергию в Табку.

Советские и арабские специалисты разработали «блуждающий график» снабжения энергией важнейших объектов, приостановили самые энергоемкие производства — земснаряды и компрессоры. На стройке была своя небольшая электростанция, немного энергии давал Алеппо, движки земснарядов также включили в сеть. Поэтому строительно-монтажные работы на тех участках, которые обеспечивали пуск первых трех агрегатов, не прекращались.

Генеральному директору строительства Субхи Кахали было шестьдесят два года. Но выглядел он подтянуто и моложаво. Он учился в Турции и США, работал в Западной Европе и некоторых арабских странах, растрачивая талант инженера и руководителя на чиновничью суету, на что-то второстепенное, незначительное. Гидроузел на Евфрате — его любовь и боль, цель и смысл его жизни.

— Мы в Табке держали второй фронт против Израиля,— сказал он в беседе со мной.

— Чем вы объясняете успех на этом «втором фронте»?

— Советские специалисты и мы, арабы, жили и трудились, как одна семья. Это, пожалуй, главное. Кроме того, наша стройка воспитывает нового сирийца. Здесь рождается новый гражданин, с чувством собственного достоинства, ответственности перед страной.

Сварщику Хусейну Шехуду было около сорока лет. Он вырос в семье крестьянина, который владел клочком земли, но лишь по большим праздникам у него на столе появлялось мясо. Маленькая порция — совсем не такая

большая, древняя и знаменитая, как в Хаме, подавала на несколько бедняцких полей воду. Ее хозяин брал за это с арендаторов половину урожая. С четырнадцати лет Шехуд батрачил, ходил по Сирии, чтобы заработать на лепешку с солеными маслинами. Он уехал в Ливан и работал грузчиком на цементном заводе в Бейруте. Однажды вечером он забрел на улицу Хамра, мерцающую неоновой рекламой, поймал брезгливые взгляды чистых господ на свой заляпанный цементом костюм и почувствовал себя бездомной собакой. Он вернулся на родину, спился и снова стал батрачить, зарабатывая на горький кусок хлеба. Наконец Шехуд пришел в Табку.

Он сидел передо мной, этот бывший крестьянин, с лицом, рано покрывшимся морщинами, но на нем не было выражения забитости или униженности. Это было гордое лицо человека, который знает свое место и свое дело. Каждый раз, надевая маску и беря в руки сверкающий никем аппарат, Шехуд чувствовал себя человеком. В нем проснулось достоинство.

Его обучил русский. Этого он никогда не забудет, хотя честно признался, что сохранил в памяти лишь имя своего учителя — Иван.

Узкая асфальтированная дорога привела меня к сирийско-турецкой границе. Солнце клонилось к закату. В долинах густели тени. Воздух был легким и свежим. Сирийские пограничники проверили мои документы, подняли руку и подняли шлагбаум.

ПУТЕШЕСТВИЕ В «АРАБИА ФЕЛИКС»

Теплый, влажный ветер с моря почти не освежал. На волнах у причала бились катера и шлюпки. На рейде прерывистой цепочкой светились огни крупных судов. Море, слегка фосфоресцируя, ласково плескалось.

Ко мне подошел голландский матрос. Он пропил на берегу все, что у него было, отстал от судна и теперь искал денег, чтобы выпить еще. Голландец спросил меня, не такой ли я матрос-горемыка, как он, и, получив отрицательный ответ, уныло поплелся прочь. Два японца, на лицах которых вежливое подобострастие давно сменилось выражением превосходства над всеми окружающими, спросили меня на ломаном английском языке, где можно «повеселиться». Я ответил, что не знаю.

Причал опустел. Хотелось долго-долго стоять, слушая плеск волн, и вдыхать ветер с океана.

Пробили часы на городской башне, построенной по подобию лондонского Биг Бена. И хотя часы показывали неточное время, они напомнили мне, что пора возвращаться в гостиницу, чтобы не пропустить ужин. Я прошел мимо лодки — копилки общества помощи слепым и очутился в районе Адена, который при англичанах назывался Стимер-пойнт, а сейчас Тавахи. За линией лавок улица резко поднималась вверх, и по ней карабкались жалкие хибарки, слепленные из старых ящиков, ржавых железных листов. Такие жилища в Адене можно встретить повсюду на склонах гор.

Лавки излучали транзисторно-магнитофонное изобилие беспошлинного города-порта. В их дверях стояли скучающие торговцы. Туристов было мало. Суэцкий канал был закрыт и постепенно затягивался песком, и в Аден тогда заходило в пять раз меньше судов, чем до 1967 года. Местные жители почти не покупали фотоаппаратов, часов, радиоприемников, магнитофонов, проигры-

нателей, биноклей, духов. Стимер-пойнт разорялся. Многие лавки слепо глядели закрытыми ржавыми жалюзи.

Торговцы, уловив каким-то чутьем, что я русский, кричали: «Эй, бадходи, басмотрим блаш, бальто для мадам хотишь?..»

На восточном базаре принято навязывать негодную вещь, завышать цену, а потом громко, долго, но вежливо торговаться, призывая на помощь Аллаха и всех святых. Поэтому покупатель должен примерно знать, что сколько стоит и какое качество он вправе ожидать от какой-либо вещи.

Плотное, горячее дыхание Адена осталось за дверьми гостиницы «Амбассадор», и в лицо пахнула прохлада кондиционированного воздуха. За стойкой администратор регистрировал прибывших, отвечал на звонки, гонял вверх и вниз коридорных.

К выходу вслед за своими модными чемоданами важно прошествовал богатый ксенец в живописных оранжевых одеждах. Бодрящаяся старушка-американка, наверняка член какого-нибудь благотворительного или религиозного общества, о чем-то кудахтала со своей спутницей. Они купили «местный» сувенир японского или египетского производства и теперь делились впечатлениями. У стойки бара тянула пиво накрашенная танцовщица живота Сюзи, приехавшая на гастроли. Она уже не первой молодости, из тех, что «вышли в тираж» в Каире или Бейруте. Около нее увивался ливанец в тесном костюмчике — торговец сушеной рыбой. Казалось, будто ты, переступив порог гостиницы, очутился на другом континенте, а не в раскаленном Адене.

Утром за мной заехали друзья, и мы отправились осматривать Аден, называемый арабами «Глазом Йемена».

Когда-то на месте, где он сейчас стоит, вскипела вода, и чудовищная подземная сила выбросила потоки раскаленной лавы. Зыбучая масса застыла гигантской вулканической скалой. Впоследствии песчаная коса соединила ее с Аравией.

Угрюмые скалы Адена породили мрачные легенды: арабы утверждают, что именно здесь похоронен братоубийца Каин. Ибн Баттута, арабский путешественник,

сообщал, что в Адене не было ни воды, ни деревьев. Его современник Ибн Муджавар утверждал: «Климат Адена таков, что вино за десять дней превращается в уксус». Киплинг назвал Аден «раскаленной печкой в казарме».

В окаменевшей, потрескавшейся лаве Адена есть что-то от застывшей смерти. Но какие бы неприятные слова ни говорили о нем, нельзя отрицать его суровой выразительности. Из океанских глубин возникает башня высотой более пятисот метров, сужающаяся к пику Шамсан. Издалека, со стороны моря, не видны здания у подножия голой скалы, и она кажется мрачной и непреклонной. В зависимости от времени дня цвет скалы меняется: ее ущелья, выступы, утесы становятся синими в свете утра, голубыми и серыми под облаками, когда дуют муссонные ветры, сияющими киноварью и малиновым цветом, всеми оттенками красного и бордового — во время заката. Цвет, наиболее подходящий к этому остывшему вулкану, можно наблюдать как раз на закате, когда пурпурные тени сливаются с черной скалой.

Районы города рваными лоскутами притулились с разных сторон к вулканической горе. Скалы стискивают город, а он наступает на них. Вековое соперничество человека с безжизненными скалами придает динамизм облику этого города, который на первый взгляд может показаться непривлекательным. Англичане строили его как порт, как военную базу, и многие его районы до сих пор не могут избавиться от уныло-казарменного вида. Только в Кратере — самой старой части Адена — можно увидеть пеструю толпу на узких улочках, живописные базары, ремесленников.

Аденцы в большинстве одеты по-европейски — в брюки и рубашку, но многие предпочитают в жару удобную клетчатую юбку. Женщин на улицах мало, и они, как правило, закутаны с ног до головы в длинное черное покрывало из легкой ткани. В Кратере можно встретить арабов в белых рубахах до пят — моряков с судов, приплывших из Эмиратов Персидского залива. Но меня особенно поразил бедуин из бывшего султаната Фадли (сейчас третья провинция республики). Он гордо вышагивал среди автомашин, держа за поводок верблюда. Кочевник был обнажен по пояс, и верхняя часть его тела отливала синевой втертого в кожу индиго. Тюрбан также был выкрашен в темно-синий цвет, поверх голубой юбки

повязан многоцветный шарф, а на нем — пояс с патронташем и серебряными бляхами. Чеканенное лицо бедуина с прямым «римским» носом и пушистой бородкой было почти черным. На этого спокойного, гордого, мускулистого человека было приятно смотреть.

С площади через широкие ворота можно попасть на продуктовый рынок, заполняемый толпой с пяти часов утра. Сюда присзжают грузовики, разрисованные разноцветными узорами, украшенные лентами. Продают живых коз и баранов, разделанные туши, вяленое акулье мясо, рыбу, финики, мандарины, помидоры, огурцы, разную зелень. В тени стоят полные корзины со свежими листьями кустарника ката, сладковатыми и вяжущими на вкус. Они обладают легким наркотическим свойством, повышают настроение. Кат в Йемене жуют довольно часто, во время дружеских и деловых встреч, на семейных торжествах. Его чрезмерное употребление снижает аппетит, вызывает тошноту и головную боль, оглупляет человека, снижает потенции.

От центральной площади, забитой оранжевыми обшарпанными такси, расходятся торговые улочки. В лавках выставлены на всеобщее обозрение горы тканей, обуви, различных безделушек, утвари, ювелирных изделий. Ты можешь бродить здесь целый день, нырять в затененные закоулки, выходить на слепящее солнце и вдыхать запах жареной рыбы, кофе. В плотном тяжелом воздухе ты можешь уловить нежный и сладкий аромат — следуй за этим запахом, и ты попадешь в грязную лавку, где в беспорядке свалены мешки с ароматическими смолами. Ладан и мирра! Лишь тень блестящей истории в суетливом сегодняшнем дне Кратера... Лишь воспоминание о древнем «Пути благовоний», который вел из «Аравна Феликс» — «Счастливой Аравии», как называли эти края римляне, в Переднюю Азию.

Лавки в Кратере предназначены для самих аденцев, и здесь упадка в торговле не заметно — не то что в Стимерпойнте, хотя, глядя на сонмище торговцев, всякий раз удивляешься, каким образом удается им сводить концы с концами в этом сравнительно небольшом городе. В аденских лавках в то время можно было найти товары со всего мира — от японских транзисторов и швейцарских часов до индийских тканей и кенийских болванчиков. Для маленькой страны положение, казалось бы, естест-

венное. Абсурдно было бы предполагать, что она сама сможет производить все необходимые ей товары. Международное разделение труда — великий фактор прогресса. Но мировой рынок, ворвавшись в Южный Йемен, паровым катком прошелся по национальным ремеслам и оставил лишь производство, удовлетворяющее специфические местные потребности, вроде циновок и шляп, кинжалов, некоторых ювелирных изделий. Даже широкие йеменские пояса с кармашками и мужские юбки-фута — гонконгского происхождения.

Для меня символом нашествия иностранных товаров стали свалки ржавых консервных банок даже в отдаленных городишках и оазисах. Почему обращаешь внимание именно на это? Потому что в Южном Йемене четыре пятых населения пасут скот, возделывают землю и ловят рыбу. И эта сельскохозяйственная страна не может прокормить себя. Найти свое место в международном разделении труда для маленькой страны — задача сложнейшая...

Вы садитесь в машину, и она выносит вас по шоссе, прорубленному в скале, мимо стен, рвов и бастионов старой крепости на другую сторону полуострова. Далеко впереди открывается искрящееся море, а прямо перед вами, за улицей Маалла,— пристани, около которых суетятся мелкие суда. Местные парусники — одно из самых увлекательных зрелищ в Адене. Англичане называют их «доу», а арабы — «займа», «буггалло», но чаще всего «самбуки». Океанские самбуки бывают до четырехсот тонн водоизмещением. Линии их прекрасны. Некоторые из этих судов напоминают португальские каравеллы, и в стилизованной резьбе на носовой части иногда угадываются латинские названия. В Маалле еще можно увидеть остатки верфей для строительства самбуков, и аденцы будут вас уверять, что именно здесь был построен Ноев ковчег. Теперь верфи переместились на так называемый «Остров рабов» в Аденском заливе.

На борту парусника может быть любой груз — персидские ковры и иракские финики, таиландский рис и цейлонский чай, керосин или запасные части к автомобилям. Они также перевозят гуммиарабик, слоновую кость, жемчуг, опиум, акульи плавники, раковины-каури, заме-

нявшие деньги в некоторых частях Африки, кожу, перламутр, черепаховые щиты. Небольшие размеры и относительная дешевизна самбуков помогают им выдерживать конкуренцию.

Коммерция в этой части аденского порта сохранила восточный колорит. Однажды одноглазый торговец из хлопкового района Абияна — Али аль-Яфан, воспылавший ко мне симпатией после того, как я привез из Кувейта весточку от его брата, привел меня на причал.

На самбуке была навалена куча туркоманских ковров яркой окраски, с геометрическим узором. Мой новый знакомый подмигнул мне своим единственным глазом.

— Они хороши,— прошептал он мне, а затем сказал капитану громким голосом: — Что за ерунду ты сегодня привез?

— Это ерунда?! — воскликнул капитан, бронзовый, полный араб в белой рубахе до пят.— Может быть, тебе нужны не туркоманские, а исфаханские или керманские ковры? Они бы стоили раз в десять дороже.

Али аль-Яфан даже бровью не повел.

— У тебя нет чего-нибудь получше?

У капитана не было ничего получше.

— Сколько ты хочешь за эту пару?

— А сколько ты даешь за все? — спросил капитан.

— Так торговаться нельзя... Ты скажи нам свою самую низкую цену.

— Ну хорошо, сорок динаров.

Али презрительно засмеялся.

— Это больше, чем я заплатил за четыре гораздо лучших туркоманских ковра из Пакистана всего лишь день назад, пусть Аллах лишит меня последнего глаза, если я лгу.

Я спрятал улыбку, так как знал, что одноглазый торговец ничего не покупал последнее время.

— Я бы дал тебе пятнадцать динаров за эти два, хотя они, конечно, не стоят таких денег. Никогда не видел таких жалких ковров.

Теперь настала очередь капитана засмеяться презрительно, и он сделал вид, что хочет свернуть ковры и унести.

— Я думал, что ты пришел сюда заниматься бизнесом, а ты, очевидно, пришел шутить.

— Семнадцать динаров, и ни кырша больше.

— Тридцать пять динаров — моя самая низкая цена, или я совсем лишусь прибыли.

— Ну хорошо, двадцать. Ты нигде не получишь такой цены.

Капитан рассмеялся, потом сказал:

— Только ради тебя я согласен на тридцать.

— Двадцать пять — и с этим делом покончено,— сказал одноглазый и отодвинул ковры в сторону.

— Ну что насчет этих четырех? — спросил он.

Спор разгорелся с новой силой. Наконец Али уверенно произнес:

— Даю полторы сотни за все шесть, и по рукам?

— Клянусь Аллахом, я не продам их за такую цену, я сам уплатил за них сто шестьдесят динаров в Бендер-Аббасе.

Али сторговал все шесть ковров за сто шестьдесят пять динаров. Теперь сердитые слова были забыты, и мы присели, чтобы выпить чашечку кофе. Покупка ковров доставила мне редкое удовольствие. Точно так же шла торговля в Адене и на Занзибаре, в Бомбее и Басре и сто, и тысячу лет назад. История ожила для меня.

В Стимер-пойнт дорога ведет через улицу Маалла, образованную двумя рядами пятиэтажных зданий, хорошо продуваемых бризом. В них раньше жили англичане, и Мааллу называли «милей смерти», потому что из боковых грязных улочек в проходившие английские машины летели гранаты.

Немало домов в Адене сохранили следы уличных боев — выщербленная пулеметными очередями штукатурка, пробитые пулями жалюзи. На стенах видны лозунги недавней борьбы за независимость. Колючая проволока до сих пор огораживает целые кварталы, иногда поднимаясь на четыре-пять метров.

До тех пор пока Аден не стал отдельной колонией в 1937 году, он подчинялся английской администрации Индии. Еще двадцать лет назад в городе строились здания в бомбейско-викторианском стиле, в арабский язык проникали слова из английского языка и урду. Административная власть находилась в руках англичан. Правители «независимых» арабских государств из внутренних районов Южного Йемена были связаны с англичанами до-

говорами, составленными по моделям соглашений с индийскими князьями.

Большинство арабского населения Адена составляли иммигранты из Северного Йемена или протекторатов. Некоторые из них открыли лавчонки или кофейни, кое-кто разбогател. Но подавляющее большинство приезжих были кули, чернорабочими в порту, на военных базах или в английских домах. Они приходили сюда на заработки и возвращались в свои селения, так и не став пролетариатом в полном смысле слова. Но постоянные рабочие — портовики, транспортники, нефтяники — представляли собой вполне сформировавшийся рабочий класс и создали сильные профсоюзы. В Аден приезжали и сомалийцы, чтобы пополнить ряды чернорабочих и кули. Крупный по масштабу бизнес держали в руках индийцы или европейцы. Несколько сот англичан и других европейцев составляли верхушку административной власти и торговцев. Коренных жителей было меньшинство, и они подвизались в мелкой торговле, служили у англичан переводчиками или второстепенными чиновниками.

Европейцы в Адене, отгороженные от арабов стеной высокомерия, были не хуже и не лучше, чем европейцы в других колониальных странах. Они нанимались сюда на несколько лет из других колоний, затем уезжали. Пассажиры, которые знали, что Аден — лишь полустанок в их длинном колониальном путешествии, не чувствовали к арабам ни привязанности, ни симпатии. Чиновник, который оставался в этой колонии надолго, чтобы выучить арабский язык, был исключением.

Со времени открытия Суэцкого канала Аден стал важнейшей бункерной станцией на пути из Европы в Индию и на Дальний Восток, а в 50-х годах нашего столетия превратился в главный английский форпост «к востоку от Суэца». Еще в 1956 году лорд Ллойд, парламентский заместитель министра колоний, высокопарно заявлял: «Правительство Ее Величества хочет сделать ясным для каждого, что важность Адена для Содружества как в стратегическом, так и в экономическом отношении такова, что оно не может предвидеть какого-либо существенного ослабления своей ответственности за эту колонию». В переводе на доступный для всех язык эта тирада означала: «Мы отсюда не уйдем, чего бы нам это ни стоило».

Объяснение такой решимости дает в своей книге «Имперский пост — Аден» англичанин Кинг: «Политика Соединенного Королевства основана на признании того, что нефть Персидского залива должна быть защищена любой ценой, если необходимо — силой». Центром средневосточного командования и главной из аравийских военных баз Англии, призванных защищать ее нефтяные компании в Персидском заливе, был Аден.

Итак, стояла задача удержаться на юге Аравии. Но как? Арабский вождь, один из героев Александра Дюма, говорил: «Англичане расходуют абсурдно большие деньги, чтобы сделать арабов своими союзниками. Время от времени они находят среди них предателя, но никогда — друга». В начале 60-х годов нашего века английские колониальные чиновники действовали способами, которые вызывали усмешку у французского романиста еще сотню лет назад. Из сравнительно развитого города Адена и двух десятков полуфеодальных княжеств они пытались создать Федерацию Южной Аравии, надеясь закрепить привилегии феодально-племенной аристократии, удовлетворить запросы аденской буржуазии и чиновников, ввести борьбу аденских рабочих, радикально настроенной мелкой буржуазии в легальные конституционные рамки,— все это с одной целью: сохранить здесь свои военно-политические позиции. В качестве финансовой базы должна была служить английская субсидия в 15 миллионов фунтов стерлингов в год.

На Западе издано много воспоминаний английских колониальных чиновников, которые были хорошо подготовлены к работе в Аравии, знали и арабский язык, и историю Арабского Востока. Они довольно умно рассуждали об арабском «легко воспламеняемом интеллекте, способном на разрушение», об «арабской душе», об «арабском индивидуализме», о том, что «западные образцы правления здесь не подходят». В то же время в их сочинениях сквозит растерянное недоумение, даже протест: «Почему нас здесь не хотят?» И невольно свои просчеты они объясняют то подрывной деятельностью каирского радио, то интригами коммунистов. Но понять, что настала другая эпоха,— это оказалось не под силу воспитанникам имперской школы с Даунинг-стрит.

Утром 10 декабря 1963 года большая группа людей стояла на поле аденского аэропорта. Среди них были

верховный комиссар в Адене Треваскис и несколько министров из Федерации Южной Аравии, которые собирались лететь в Лондон для участия в «конституционной конференции». Вдруг небольшой темный предмет покатился по направлению к тому месту, где стоял верховный комиссар. Через долю секунды граната взорвалась. Треваскис был ранен; кроме него было ранено и убито 52 человека. А еще раньше, в октябре 1962 года, в горах недалеко от границы с Северным Йеменом началось восстание племен.

Как обычно в такого рода войнах, колониальные войска потерпели не только военное поражение, но прежде всего политическое. Они обнаружили, что против них настроены все слои населения, за исключением феодальной аристократии.

Против колониальных войск сражались упорные, выносливые, готовые на лишения и смерть бойцы. Их ядро составляла молодежь, получившая кое-какое образование и впитавшая в себя идеи национального освобождения. Опираясь на поддержку племен, они умело использовали бедуинскую тактику, наносили короткие удары и исчезали в пустыне и горах, если сталкивались с превосходящими силами. Когда опасность миновала, они вновь появлялись в селениях и наводили там свои порядки.

В Южном Йемене антиколониальная революция слилась с антифеодальной, ибо местные князьки служили опорой англичан. Революционно настроенная молодежь из среды мелких чиновников, рабочих, крестьян примкнула сначала к Движению арабских националистов. Пройдя школу политической борьбы, она поняла, что решение национальных задач необходимо совмещать с борьбой за переустройство общества. Эта молодежь и стала ядром Национального фронта освобождения, который начал восстание в Радфане.

К вооруженной борьбе руководителей Фронта побудил не только опыт племенных и крестьянских выступлений, которыми богата история аравийского юга, но и успех революций на Кубе, в Алжире и Йемене. В 1962 году на северных границах протекторатов родилась Йеменская Арабская Республика. Исторически обе части Йемена составляли одно целое, и территория молодого государства на севере стала тыловой базой тех, кто сражался за освобождение Юга.

В Адене обстановка была сложнее и запутаннее, чем в протекторатах. Здесь на некоторое время верх взяли националистические партии и организации, выступавшие против вооруженной борьбы. На базе Конгресса профсоюзов Адена и ряда мелких политических партий был создан Фронт освобождения оккупированного Южного Йемена (ФЛОСН), ставший соперником Национального фронта. Все попытки примирить эти две организации и наладить между ними сотрудничество кончились неудачей. Основная тяжесть борьбы по-прежнему лежала на Национальном фронте. Его противник был оттеснен на второй план, а когда перед эвакуацией англичан даже федеральная армия встала на сторону Национального фронта, ФЛОСН потерпел поражение.

В Адене накануне получения независимости влияние патриотических организаций было настолько велико, что по ночам город практически принадлежал им. Периодические стачки, восстания и баррикадные бои позволяли патриотам по нескольку дней удерживать целые районы.

Накануне предоставления независимости Южному Йемену в Женеве встретились делегации Англии и Национального фронта. Привыкшие иметь дело с недалекими интриганами из числа феодально-племенной аристократии, англичане были поражены поведением своих противников. «Лидеры Национального фронта хорошо подготовились к моменту, когда они возьмут власть,— писал английский журналист.— Они были снабжены документами по всем вопросам. Их хватка в политических делах изумила английскую делегацию на переговорах, которая ожидала увидеть в них революционных бойцов, но отнюдь не политиков. Сам лорд Шеклтон, возглавлявший английскую делегацию, считал, что это были люди крупного калибра».

Последние английские войска эвакуировались из Адена на военных кораблях с 26 по 29 ноября 1967 года. Английский верховный комиссар Хэмфри Тревельян поднялся на борт транспортного самолета и остановился, чтобы бросить прощальный взгляд на аденскую землю. Оркестр с авианосца «Игл» грянул эстрадную песенку «Твои пальцы совсем не те, какими они были раньше».

Всю ночь на улицах ликовали жители Адена. Так закрылась последняя страница колониальной эпохи в истории «Аравии Феликс».

Пожалуй, ни одну из своих бывших колоний англичане не оставили в более плачевном состоянии, чем Южный Йемен. Экономика была развалена. После закрытия Суэцкого канала порт опустел. Нефтеперегонный завод работал не на полную мощность. Доходы от обслуживания английских баз и семей военнослужащих и чиновников больше не поступали. Страна оказалась пораженной массовой безработицей. Из 200-тысячного населения Адена 20 тысяч человек осталось без работы. Расходы государства значительно превышали его доходы. Лондон, естественно, лишил Южный Йемен тех 15 миллионов фунтов стерлингов, которые он выплачивал Федерации. Многие индийцы, владельцы мелких фирм, уехали на родину.

Англичане покидали Аден с уверенностью, что новый режим или рухнет под тяжестью доставшегося ему наследия, или же будет вынужден вновь пойти на сотрудничество с ними. Они ошиблись. Политическое руководство Национального фронта смогло удержать полный контроль над страной, изгнать эмиров и султанов, ликвидировать княжества и впервые за многие столетия образовать унитарное государство на территории Южного Йемена — Народную Демократическую Республику Йемен.

Однако вскоре после завоевания независимости в руководстве Национального фронта началась борьба между двумя группировками. Одну из них возглавлял президент Кахтан аш-Шааби. Прикрываясь революционными фразами, его фракция на деле выступала за сотрудничество с бывшими колонизаторами, за «умеренный» курс внутри страны. Но левое крыло Национального фронта, во главе которого стал Абдель Фаттах Исманл, в июне 1969 года одержало победу. Генеральное руководство фронта вынудило Кахтана аш-Шааби подать в отставку, а его место занял Президентский совет во главе с Салемом Рубеем Али. Национальный фронт установил полный контроль над вооруженными силами. Из армии и частей безопасности было удалено несколько сот реакционно настроенных офицеров и унтер-офицеров, вышколенных англичанами. Их место заняли бывшие партизаны, преданные фронту бойцы. В вооруженные силы были направлены политические комиссары.

Революционное правительство пошло на ограничение иностранного капитала, и не только иностранного. «Если

мы не пообедаем капитализмом, он поужинает нами» — эта шутка, которую можно было услышать в Адене, отражала суть развернувшейся борьбы.

В демократическом Йемене были национализированы все иностранные банки, их отделения, судоходные, страховые, соледобывающие компании. Вывески «Шелл», «Бритиш Петролеум», «ЭССО», «Калтекс», «Мобил» исчезли с бензозаправочных станций, и яркими неоновыми огнями загорелись надписи «Национальная нефтяная компания». Правда, нефтеперерабатывающий завод долгое время не национализировали. В стране отсутствовали инженерно-административные кадры и не были обеспечены рынки для нефтепродуктов.

Противники фронта отнюдь не сложили оружия. Один за другим были раскрыты несколько заговоров, ставивших целью свергнуть прогрессивное правительство. Против нового режима объединили силы изгнанные из страны князьки и реакционные офицеры, сторонники ФЛОСН, члены организации «Братья-мусульмане». Через незащищенные границы, проходящие через пустыни и горы, в страну засылались наемники, которые минировали дороги, убивали активистов Национального фронта, сеяли недовольство в кочевых племенах. Нити заговоров тянулись в США, Англию, Саудовскую Аравию.

В марте 1972 года я прилетел в Аден, чтобы освещать работу V съезда Национального фронта.

По окончании съезда Абдель Фаттах пригласил меня к себе домой. Он жил в доме у маяка, на вершине скалы, нависающей над бухтой. С нами поехал Салем Рубейя Али. Оба они выглядели бесконечно усталыми.

Вскоре Салем Рубейя Али ушел с небольшой охраной. Мы остались одни. Абдель Фаттах откинулся в кресле и долго смотрел на темную бухту, по которой пролегла серебряная лунная дорожка, потом сказал:

— Вот моя родина. Мне дороги ее пески, ее скалы, ее пустыни. Мы хотим сделать людей счастливыми. Мы не стыдимся ни наших язв, ни наших рубищ,— они нам достались от проклятого прошлого. Расскажи о нас советским читателям так, как ты нас увидел.

Из порта в город Мукаллу идешь под белыми аркадами гостиных дворов, попадаешь в лабиринт узких улочек,

где подчас не разойтись двум ослам с поклажей, и оказываешься как бы на дне колодца, так высоко над тобой небо. Поворот, подъем, закоулок.

Многоэтажные здания белесого цвета с узкими высокими окнами, почти не тронутые современными архитектурными стандартами, поднимаются ярусами по крутым склонам. В небольших кофейнях сидят бородатые мужчины и тянут крепчайший чай. В кузнице без стен, открытой морскому ветру, блестящие от пота кузнецы куют лемехи для сох, большие рыболовные крючки и хадрамаутские кинжалы. В мастерских ювелиров чеканят и льют оригинальные, хотя и несколько грубоватые, поделки: пояса, браслеты, серьги, ножны.

Дома на берегу уходят фундаментами прямо в воду, и в сильный ветер брызги долетают до второго и третьего этажей, а удары волн о камень слышатся как отдаленные взрывы. На рейде в причудливом хороводе кружатся деревянные лодки. Но это не морской праздник. Рыбаки вышли на обычный лов. Обнаженные по пояс темнокожие люди вытаскивают крупных тунцов и королевскую макрель, разделывают их под сваями рыбного рынка и несут наверх. Оттуда доносятся гортанные крики, идет рыбный аукцион, оптовики скупают дневной улов.

Мимо, словно тени, проскальзывают горожанки, во всем черном с ног до головы; у них открыты лишь ступни ног, выкрашенные хной. Идут крестьянки с открытыми лицами, в оранжевых накидках. Жены воинов — в красной чадре с черными нашивками. Бедуины — сухие, мускулистые, с гривой волос, перевязанных плетеной кожаной веревкой, одеты в черные короткие юбки. Горожане и жители оазисов предпочитают рубашки и разноцветные юбки.

Всего несколько лет назад социальная структура Хадрамаута сохраняла любопытнейшие кастовые черты, в которых угадывалось сходство со строем других арабских стран в средние века. На верхней ступени в общественной иерархии стояла племенная аристократия — шейхи, султаны, эмиры или шерифы. Их авторитет зависел от богатства, ума, силы характера. Некоторые из них стали феодальными правителями, другие — не больше чем председателями советов старейшин.

Один из двух главных султанских домов Хадрамаута, Куайти, был основан выходцами из племени яфаев —

пришельцев из западных областей Южного Йемена. Они появились в Хадрамауте много веков назад как завоеватели. Султанские дома Куайти и Каспри (второй клан — местного происхождения) наиболее соответствовали нашему понятию «феодалы». Последний из рода Куайти — султан Мукаллы — владел большими табачными полями близ Шихейра на побережье и пальмовыми рощами в долине Внутреннего Хадрамаута, однако большую часть доходов он извлекал из своих индийских поместий в окрестностях Бомбея и Хайдарабада.

Йафи переселились в Хадрамаут в более поздние времена и были профессиональными воинами. Неся службу у султанов, они становились как бы янычарским корпусом в миниатюре.

В Мукалле нас поместили в бывшем султанском дворце. Мы жили в опочивальне, продуваемой морскими ветрами. В ней все поражало своими огромными размерами: кровать, гардероб, кресла. Несколько комнат во дворце оставлены в прежнем виде, и в них как реликвии прошлого хранятся султанский трон из литого серебра, сюртук с золотыми эполетами, сабля, подаренная «его величеству» английской королевой, зеркала, китайский фарфор, камин с инкрустациями.

Опорой своей власти в Хадрамауте англичане сделали бедуинский легион, сформированный по образу и подобию иорданского: солдаты и офицеры в нем были арабами, а командующий — англичанином. Эксперимент этот кончился плачевно: командующий был убит, а солдаты примкнули к Национальному фронту.

Хадрамаутские племена делились на секции и кланы. Их члены, особенно кочевники, жили по законам, близким к военной демократии европейских варваров раннего средневековья. Набеги с целью грабежа или кровной мести, межплеменная война были привычным состоянием для юга Аравии в течение столетий.

До недавнего времени наряду с обычными судами, где арбитром выступал богослов или глава племени, применялся и так называемый суд божий. Если подозреваемый не мог привести десять свидетелей, готовых поклясться, что он не виновен, то его подвергали испытанию, например, «проклятым куском» — ломтем специально пересушенного хлеба. Обвиняемый сначала клялся всемогущим Аллахом, а потом со словами, что он не виновен, а если

он лжет, то пусть «проклятый кусок» застрянет у него в горле, начинал есть. Если он проглатывал хлеб спокойно, то считался оправданным, но стоило ему поперхнуться — его признавали виновным.

В соответствии с племенными обычаями за все преступления была установлена сложная система штрафов в деньгах или верблюдах. Каждая рана имела свою цену. Убийца и его родственники должны были платить «дию» — выкуп за погибшего человека или же становились объектом беспощадной и многолетней кровной мести.

Титул шейха в Хадрамауте мог ввести в заблуждение. У арабов шейхом называют любого человека, читающего наизусть Коран. В Хадрамауте было даже целое племя шейхов. Согласно местному преданию, дела богословские и судебные находились исключительно в руках этого племени до IX века нашей эры, пока сюда не приехал из Басры некий Ахмед ибн Иса аль-Муджахир. Он был сеидом, то есть потомком дочери пророка Фатьмы и четвертого правоверного халифа Али. Ахмед аль-Муджахир положил начало хадрамаутскому роду, члены которого претендовали на то, что в их жилах текла самая «голубая» кровь из всех аравийских сеидов. Потомки аль-Муджахира потеснили шейхов — богословов, судей, учителей, миротворцев в межплеменных войнах. Светские правители обычно не вмешивались в дела сеидов, которые в общественной иерархии стояли не ниже, а может быть и выше, князей. Сеиды никогда не носили оружия и путешествовали без охраны, защищенные святостью своего звания. Но еще задолго до завоевания независимости приток молодых образованных кадров — учителей, судей, чиновников — начал подрывать их привилегированные позиции.

Вместе с Ахмедом ибн Исой из Ирака приехало 80 семей горожан. Подобно жителям средневековой Европы, они держались обособленно и создали нечто вроде гильдий, подразделявшихся на четыре основные группы: купцов, ремесленников, рабочих и слуг. Как правило, они не носили оружия и были главными налогоплательщиками. Горожане служили связующим звеном с внешним миром.

Бесконечное пространство моря не пугало хадрамаутцев. На обширных каменистых плато и среди песчаных

дюн, которые простираются насколько видит глаз, они усваивали уроки стойкости в борьбе со стихней. Море, как и пустыня, издавна стало их родным домом. Они пускались в рискованные морские путешествия на парусных суденышках, соревнуясь с соседями-оманцами. В восточной части Индийского океана они проникли вплоть до Малайского архипелага, а в западной — до Занзибара и Мадагаскара.

В одном из районов Сингапура, увешанном бумажными фонариками, полном запаха китайского супа, соевого соуса и чеснока, я натолкнулся на улочку, где лавки содержали торговцы арабского происхождения. До меня донеслась арабская речь, и я обратился к изумленным торговцам на их родном языке. Это были хадрамаутцы. Их я встречал также в Африке — в Суданс и в глубине сомалийской саванны.

Молодые хадрамаутцы, главным образом горожане, уезжали на чужбину лет на пятнадцать-двадцать, оставив дома жену и детей. Там они снова женились и всю свою жизнь посвящали погоне за деньгами. Многие навсегда оставались в далеких краях. Однако на старости лет, скопив кое-какой капитал, они предпочитали возвращаться домой, желая услышать перед смертью нежный звук хадрамаутской флейты.

Немногочисленная торговая аристократия строила в Хадрамауте белые дворцы для себя и белые мечети для вознесения молитв Аллаху. Накануне независимости в Хадрамауте уже не только племенные вожди, но и богатые купцы имели свои замки. Они приобретали вес и влияние и платили бедуинским племенам за защиту. Но законы кровной мести туманили головы и богатым торговцам. Нередко в пыльных переулках между роскошными домами двух соседей, не видевших друг друга двадцать-тридцать лет, начинали звенеть сабли и греметь выстрелы — сводились столетние межклановые счеты.

В прошлом веке наиболее процветающие колонии хадрамаутцев сложились в Юго-Восточной Азии — Малайе, Сингапуре, Индонезии. Считается, что некоторые династии малайских князей основаны выходцами из Южной Аравии. Хадрамаутцы вместе с другими арабами юга Аравийского полуострова оседали и в Индии, и в Восточной Африке, преимущественно на Занзибаре. Но волна национализма, охватившего эти страны, выталки-

вает иностранных торговцев, и отток эмигрантов на родину усиливается. Последние два десятилетия они устремились в другом направлении. Нефтяной бум в Персидском заливе привлек сюда несколько десятков тысяч хадрамаутцев.

На самой низкой ступени общественной лестницы в Хадрамауте находились рабы и ахдамы. Еще лет пятнадцать-двадцать назад африканские рабы несли службу в том самом дворце султана Куайти, где нас поселили. Гвардия рабов при хадрамаутских князьках была любопытнейшим реликтом ближневосточного средневековья. Стоит вспомнить тюркскую гвардию аббасидских халифов, мамлюков Египта, отряды черных рабов в северо-аравийских княжествах. Рабы в Хадрамауте, воины и чиновники князьков превращались в привилегированное сословие. Иногда они настолько усиливали свое влияние, что захватывали власть. Но в сложной полукастовой структуре аравийского общества они все равно оставались внизу социальной иерархии, и беднейший бедуин не соглашался выдать дочь замуж за богатого вольноотпущенника. Что же касается участи их собратьев, которые убирали мусор, рыли колодцы и канавы, получая отбросы со стола хозяев и унизительные пинки, то некоторые из них и сейчас могут рассказать страшные истории о своей прежней жизни.

В число рабов попадали не только африканцы. Некоторые бедуинские племена похищали арабов из дальних мест и продавали их в Хадрамауте. Случалось, что эмигранты, вернувшиеся с малайскими или индийскими женами, отправляли их на местные невольничьи рынки, чтобы поправить свои финансовые дела.

Ахдамы, которых иногда называют субьянами, стояли в южноаравийском обществе еще ниже рабов. Они считались потомками эфиопов, потерпевших поражение завоевателей, которые с III по VI век нашей эры вторгались в Юго-Западную Аравию. Их можно сравнить лишь с индийской кастой «неприкасаемых». Уделом ахдамов была грязная физическая работа в поле или в городе, а также музыка. Не только физический труд, но и игра на музыкальных инструментах в Хадрамауте, да и повсюду в Аравии считалась занятием презренным. Рабы и ахдамы жили как бы вне общества. Они не были ни объектами, ни субъектами кровной мести.

Толпа бедуинов собралась в пыльном и белом от слепящего солнца дворце перед бывшей резиденцией султана Куайти. Шла вербовка в южнойеменскую армию, и который раз за время своего путешествия я как бы соприкоснулся с историей: ведь так или почти так набирали солдат в армии Рима и Византии, Ирана и Багдадского халифата. Выносливые и крепкие дети пустыни считались хорошими воинами. Сейчас при виде экзотической толпы бедуинов могло показаться, что присутствуешь на спектакле из средневековой арабской жизни. Но прислушаемся, о чем говорят коротко подстриженный офицер в берете, со щегольскими усиками и обнаженный по пояс мускулистый бедуин с черными горящими глазами и волосами до плеч.

— Почему ты хочешь вступить в армию?

— В армии красная форма.

— Ты знаешь, что в армии дисциплина и ты должен подчиняться приказам офицера?

— Да, знаю.

— А если офицер прикажет поднять оружие против Национального фронта?

Бедуин растерянно молчит.

— Ну, а ты как думаешь? — обращается офицер к другому бедуину.

— Я не подниму оружия против Национального фронта,— решительно отвечает тот,— потому что он представляет народ. В армии я хочу служить народу. У нас на троне султана — народ.

Описывая Мукаллу, я не рассказал об улице, пролегающей вдоль моря. Вечером она освещается тусклым электрическим светом и несколькими неоновыми рекламами. Здесь шумная толпа, слышатся гудки автомашин, заунывная арабская музыка. На этой улице два кинотеатра, ряды лавок, несколько кофеен.

Я вышел из дворца и услышал, как в гортанный говор толпы врезался тонкий голос мальчишки:

— Свежие газеты! Покупайте «Искру»!

У меня в руках очутился листок, на котором арабской вязью было выведено «Аш-Шарара»— «Искра». Заголовки говорили сами за себя: «Роль профсоюзов в нашей жизни», «Поиски нефти», «Конференция учителей»,

«О строительстве дороги», «Ленин о классовой борьбе и государстве», «Фестиваль советских фильмов», «Проблемы аграрной реформы».

— Мы назвали свою газету в честь вашей «Искры»,— сказал мне при встрече ее редактор.

«Искра» в Мукалле существовала около года, потом закрылась — не хватило денег. Но в Адене появилась своя «Аш-Шарара» — вечерняя газета.

В той же Мукалле, рядом с мечетью, куда в урочный час муэдзин зазывает верующих, я видел небольшую группу рабочих. Одни из них шли на молитву, другие стояли у ворот с надписью «Авторемонтная мастерская». Потом они менялись. То был пикет забастовщиков.

Федерация профсоюзов Мукаллы объединяла четыре тысячи членов, которые к своей организации относятся очень серьезно. Я встретился с шофером, секретарем профсоюза транспортников. Он со знанием дела говорил о коллективных договорах, о минимуме зарплаты, о выходном пособии для уволенных, о введении представителей рабочих в административные советы предприятий. Над его столом висел портрет Владимира Ильича Ленина.

В одно из посещений Южного Йемена я стал свидетелем того, как вся страна праздновала столетие со дня рождения В. И. Ленина. О годовщине писали все три аденские газеты, радио и телевидение делали специальные передачи, устраивались фотовыставки, спортивные фестивали, теоретические семинары и торжественные собрания в школах, на отдаленных кочевьях, среди рабочих и служащих, в частях армии, безопасности и полиции.

22 апреля Мукалла украсилась флагами и портретами Ленина. Дворец и главные здания города были иллюминированы. Вечером почти в каждом доме зажгли благовония. Пламя сотен огоньков отражалось в воде залива. Их дым наполнил улицы сладким ароматом, который почти полностью вытеснил запах сушеной рыбы.

В освобожденном Хадрамауте, как и по всей стране, к марксизму-ленинизму потянулись массы грамотного и полуграмотного населения. В Южном Йемене, который еще не окончательно вырвался из средневековья, труды Ленина, классиков научного коммунизма расходились в тысячах экземпляров, и их не хватало. Молодежь жадно

читала. Рушились предрассудки, устаревшие общественные институты, отжившие свой век понятия. У некоторых нетерпеливых людей даже появились иллюзии, что одно знакомство с ленинским учением, весьма поверхностное, иногда через вторые и третьи руки, равносильно заклинанию «Сезам, откройся!» и можно будет переступить порог и попасть в развитое социалистическое общество.

Однако и мечтатели жили на земле. Их родина пришла к независимости разоренной, нищей, отсталой. За исключением Адена, в ней не было современных городов. Девять десятых ее жителей не умели читать и писать и воспринимали события через призму средневековой психологии. Поэтому тот, кто не учитывал эти реальности, рисковал оказаться в рядах разочарованных.

Поездка на «газике» из Мукаллы в Сейун — центр Внутреннего Хадрамаута — заняла у нас часов одиннадцать. Гнетущая жара вади сменялась сухим освежающим ветром пустынных плато. Пейзаж разнообразили причудливые фигуры, образованные выветренными породами. В их очертаниях можно было угадывать и колоссальные замки, и колоннады, и профили людей, и гигантские ворота.

Ни птиц, ни зверей не встретили мы в этих краях. Разве что однажды из-под колес «газика» выпорхнул удод — сероватая птица величиной с голубя. Именно она шептала предсказания на ухо царице Савской и Соломону и являлась героям сказок «Тысячи и одной ночи», чтобы предупредить их о грядущих событиях.

В основную долину Хадрамаута плато обрывается круто, почти отвесно, и наш шофер, прежде чем повел «газик» вниз, прочел молитву и проверил тормоза. Скоро машина покатилась по мощенной булыжником дороге. Мы услышали журчание воды, и повеяло свежестью роскошных пальмовых рощ селения Сах — первого в цепи оазисов, протянувшихся по вади.

Нам рассказали, что недалеко от Саха растут деревья «либани», дающие сок ладана.

Мы проследовали за водителем по узкой каменистой тропе. На северном горном склоне переплелись корявыми сучьями несколько низкорослых деревьев с маленькими листьями. На их стволах тяжелым тесаком или топором

были сделаны глубокие зарубки. Неподвижный, тяжелый воздух казался настоянным на душном аромате ладана. Лишь пиликанье невидимой цикады нарушало мертвую тишину долины. «Так вот где начинался великий „Путь благовоний",— подумал я.— Вот они, мутные капли, которые делали людей счастливыми или добавляли горечь в людскую радость. Как просто и прозаично все это выглядит!».

Деревья источали капли смолы, медленно стекавшие в ржавые консервные банки.

Солнце приблизилось к горизонту, и пустыня окрасилась в розоватый цвет, затем стала лиловой и, наконец, черной. Выглянул месяц, и засеребрились веера пальм и зеркала арыков. Мы въехали в город Сейун.

Остановились мы в одноэтажной гостинице «Ас-Салям». Ее хозяин создал в центре пустыни почти европейский комфорт: в номерах были ванные и «кулеры», которые не только охлаждали, но и увлажняли воздух, но днем одолевали тучи мух.

Наутро губернатор провинции прислал нам настоящий хадрамаутский завтрак — гроздь фиников, чашу дикого меда и лепешки без соли, которые обязательно надо есть горячими.

Во дворе гостиницы росли финиковые пальмы, бананы, гранатовые и манговые деревья, обильно орошаемые водой из глубокого колодца. Насос подавал воду в бассейн для купания. Над ним опустили свои морковно-желтые и красные плети буйно цветущие тропические акации. Из бассейна вода растекалась по арыкам по всему саду.

Сейун, раскинувшийся среди пальмовых рощ, садов, полей,— самый благоустроенный город Внутреннего Хадрамаута. Он может похвастаться и электричеством, и канализацией, и даже двумя полицейскими-регулировщиками. Его улицы заполнены толпой, не менее живописной, чем в Мукалле. У базарной площади, образованной рядами низких строений, возвышается многоэтажный куб с башнями — глинобитный дворец султана Каспри. Он правил этой частью Хадрамаута до революции. Сейунский дворец — одно из самых оригинальных и прекрасных зданий Аравии, соперничающее с «Дворцом радости» в столице Северного Йемена Сане и большим дворцом в Эр-Рияде — столице Саудовской Аравии.

Если Мукалла, особенно со стороны моря, кажется светлой и нарядной, то в Сейуне дома чаще сливаются с пепельно-коричневым цветом пустыни. Чисто выбеленные здания — мечети, либо гробницы над могилами местных святых, либо дворцы состоятельных хадрамаутцев.

Одна встреча скрасила наше пребывание во Внутреннем Хадрамауте. Мне было известно имя историка аш-Шатыри, соединяющего в своих трудах манеру традиционного аравийского летописца и в какой-то мере современного исследователя. Его книги издавались тиражом несколько сот, а то и несколько десятков экземпляров, п достать их не легче, чем рукописные хроники. В Адене мне сказали, что аш-Шатыри живет в Тариме, расположенном в нескольких часах езды от Сейуна.

В Тариме, старейшем центре хадрамаутской учености, в средние века процветали школы, где помимо богословия изучали грамматику, алгебру и астрономию. В нем сохранилось много мечетей, дворцов и богатых домов, построенных торговцами, вернувшимися из Индонезии и Сингапура. Видимо, индонезийское влияние и наложило отпечаток на архитектуру белоснежного минарета главной мечети. Обычно минареты здесь круглые, без окон. У сейунского же минарета много маленьких окон, и сам он четырехугольный. Отличный вид открывается с этого пятидесятиметрового сооружения: зеленый оазис с его дворцами, пальмовые рощи и плоские крыши домов-башен, развалины никому уже не нужной крепости, колонны минаретов, а дальше — бесконечные волны песка в долине и крутые, в несколько сот метров, стены каньона.

Аш-Шатыри предупредили о моем приезде, и он ожидал меня в доме для гостей — бывшем дворце местного богатого купца аль-Кафа. Старый историк был одет в ниспадающую до пят белую рубаху и белый плащ, а не в обычную цветную юбку. Голову его украшала белая чалма. Его седая борода была аккуратно подстрижена. Наш сопровождающий с уважением поцеловал старика в плечо и оставил нас одних. В бассейне, где вода уже зацвела и покрылась пленкой тины, полоскались красные и желтые плети тропических акаций. В саду пахло олеандрами, журчала вода в арыке, и текла наша беседа за чашкой чая с тмином.

Аш-Шатыри был уже не молод и, как подобает сохранившему ясность ума старику, мудр. Он происходил из

сейидов, но с горечью говорил о том, что кастовое чванство его собратьев мешает им признать новые порядки. За свою долгую жизнь он был писцом, богословом, судьей, а сейчас стал школьным учителем. Как истинный хадрамаутец, он много путешествовал, побывал в Индонезии, Малайе, Саудовской Аравии, Египте. В свое время и тоже учился в Каире. Мы начали вспоминать кофейни и торговые ряды Хан-эль-Халиля, мечеть Тулунидов, лавки букинистов на Эзбекийе и книжный магазинчик у Аль-Азхар, где мне удалось достать редчайшие издания по Аравии.

Старика растрогали воспоминания. Мы расстались друзьями. А утром посыльный принес мне от аш-Шатыри дорогой подарок — личный экземпляр его собственной книги «Круги хадрамаутской истории».

История Хадрамаута в библейские времена окутана плотной шалью таинственности и легенд. В древних сказаниях, донесенных до нас через толщу веков, звучат могучие богоборческие мотивы, под стать этой угрюмой и прекрасной стране. Когда-то, рассказывает легенда, здесь жили гиганты, сыновья Ада. Один из его сыновей, Шеддад, был самым могучим. Он почитал себя по крайней мере равным богу, поэтому отверг его. Тогда Аллах послал к нему пророка Худа, который тоже был гигантом. Худ обещал, что если Шеддад уверует во всемогущество Аллаха, то его пустят в рай. «Что такое рай?» — гордо спросил Шеддад. Когда Худ описал рай, могучий гигант поклялся, что создаст нечто лучшее. Шеддад построил в аденской пустыне город Ирам зат эль-Имад («Многоколонный Ирам»). Дома в нем были сложены из серебряных и золотых кирпичей и украшены рубинами, по каналам текли ручьи вина, молока и меда. Вместо гальки в потоках лежали жемчужины и рубины, а вместо песка — шафран и мускус. На берегах стояли деревья с листьями из золота и цветами из серебра и драгоценных камней. Шеддад привел из земли, впоследствии названной Хадрамаутом, сто тысяч своих родственников-гигантов, чтобы показать им этот город. Но когда они добрались до Адена, то внезапно увидели огромное черное облако на вершине горы. Из него вырвалась страшная буря, которая рассеяла и уничтожила всех гигантов. «Так Шеддад и не увидел своего рая. И со времен Шеддада никто не видел его»,— говорит арабский историк Табари. Правда,

в Адене есть поверье: если чистосердечный человек заберется ночью на гору на острове Сира, недалеко от древней аденской гавани, то в полнолуние он может увидеть в аденской пустыне сказочно прекрасный город. Но я не слышал, чтобы кому-нибудь удалось это сделать.

Что же до Худа, то при жизни ему так и не удалось стать пророком в своем отечестве. Он вынужден был скрываться от неверных. Когда его выследили и начали настигать, он подошел к скале, около которой в настоящее время стоит его мавзолей, и сказал: «Спрячь меня!» — и скала расступилась. Жители Хадрамаута поклонялись его могиле еще в домусульманские времена. Ислам вобрал в себя культ пророка Худа и паломничество к его могиле, расположенной в нескольких днях пути от Сейуна.

«Когда потомки Ада погибли,— писал аш-Шатыри,— в этой долине появились дети Хадрамаута, сына Кахтана (библейский Хазармавет, сын Йоктана). Его имя было Амер, но его прозвали Хадрамаут, что значит „смерть пришла". Это соответствовало тем смутным временам, в которые он жил».

Наш путь лежал из Тарима обратно в Сейун и дальше в Шибам, самый своеобразный город Хадрамаута, а может быть, и всей Аравии. Но прежде чем мы приедем туда, хочется рассказать о том, что составляет славу не только Шибама, но и всей Юго-Западной Аравии,— о ее архитектуре.

Здесь два центра оригинального зодчества: Северный Йемен и Хадрамаут. Дождливый климат в горах Йемена не позволял строить жилища из необожженной глины. Йеменцы научились обтесывать камень и сооружать на недосягаемых обрывах массивные здания и крепости, способные устоять против бурь и гроз. Использование камня, умелое сочетание его цветов — красного, голубого, зеленоватого — помогло развиться архитектуре, полной силы и разнообразия.

Хадрамаут — другой самостоятельный центр зодчества в Юго-Западной Аравии. Поразительно, что из всех мусульманских стран только на хадрамаутских кладбищах встречаются надгробия в виде башен — как бы маленькие модели местных жилищ. Хадрамаутские строи-

тели обычно возводят дома в два-три этажа. Чем состоятельнее хозяин, тем выше его жилище. Многоэтажный дом напоминает усеченную четырехгранную пирамиду.

У обеих южноаравийских школ зодчества есть много общего. Их архитектурный идеал с древнейших времен — кубизм и максимальное устремление ввысь, а не вширь. Сейчас наибольшей высоты — десять-двенадцать этажей — постройки достигают именно в Шибаме. Хотя в городе проживает всего тысяч пять жителей, путешественники называют его «хадрамаутским Манхэттеном».

Ты уже привык к тому, что на юге Аравии сталкиваешься с вещами и явлениями поразительными. Ты внутренне уже готов удивиться и этому городу, знакомому по фотографиям и описаниям путешественников. Однако, когда видишь глыбу Шибама, возвышающуюся скопищем небоскребов над рощей молодых финиковых пальм, то невольно останавливаешься в растерянности. Кто и когда среди дикой пустыни, отделенной от главных центров древней и средневековой цивилизации неделями и месяцами караванных троп, замыслил и создал этот уникальный город? Конечно же, его не могли построить рабы с лицом, обращенным в землю, покорные судьбе и воле небес.

Мне говорили, что Шибам возник в III веке нашей эры в качестве оплота против кочевников. Он стоит на скальном основании, избегая разрушительных селей, которые во время редких гроз проносятся по вади, и поэтому должен тянуться вверх. Но его оригинальную архитектуру нельзя объяснить только потребностями обороны и природными условиями. Видимо, гордый дух богоборца Шеддада пробивался сквозь косность средневековой жизни смелыми порывами зодчих.

Внутри Шибам, конечно же, гораздо более прозаичен. Войди в него через главные ворота, у которых стоят грузовики и лежат верблюды, и, миновав главную площадь, где по вечерам при свете электричества школьники играют в волейбол, ты очутишься в узких темных тоннелях, образованных высокими домами. Мечети стоят на открытых пространствах и среди высоких и мрачных зданий кажутся игрушками, сделанными из сахара.

Покидаешь Шибам, направляясь вверх по вади, и перед тобой открываются отвесные скалы каньона, словно

вырубленные огромным топором в плато в первый день творения да так и оставленные без доделки. Природа, величественная и угрюмая, как будто хочет доказать ничтожность человека. Но ты оборачиваешься к одухотворенной глыбе Шибама, выпуклой, объемной в косых лучах вечернего солнца, и твое сердце наполняется теплой верой в людей, создавших это чудо среди пустыни.

В другие времена и в других условиях его выступление носило бы название «О текущем моменте и задачах крестьянского движения», ибо губернатор пятой провинции говорил о происках империалистов и мировой реакции, о наемниках и аграрной реформе. Его слушали час за часом. Автоматчики из охраны вздрогнули от беспорядочной пальбы в воздух, которой крестьяне одобряли раздел земли местного помещика. «Да здравствует революционное правительство! Да здравствует Национальный фронт! Долой трусов-наемников!» — скандировали почтенные старцы и школьники. Я фотографировал их крупным планом и чувствовал, как в ушах отдаются выстрелы. Местный поэт декламировал стихи, сочиненные по случаю реформы, деревенские грамотеи читали радостные приветственные адреса. Митинг завершился совместной трапезой, состоявшей из риса и вареной козлятины.

Так распределяли земли в оазисе неподалеку от глиняных небоскребов Шибама. Аграрная реформа в Южном Йемене ограничила землевладение двадцатью феданами* поливной земли и сорока богарной, неорошаемой.

Но распределение земель — лишь начало длительного процесса модернизации сельского хозяйства. Не хватает воды, капиталов, техники, удобрений, знаний, организации. Следует преодолеть еще один барьер, не менее трудный,— психологический.

Я побывал в маленьком оазисе почти на берегу Индийского океана. Земля в нем когда-то принадлежала одному из родственников султана Куайти, а сейчас ее передали крестьянам. Рядом с оазисом небольшой, но глубокий пресный водоем. При сравнительно небольших затратах можно было бы расширить орошаемые земли, выра-

---

* Один феддан равен 0,42 гектара.

нивать овощи, фрукты. Однако крестьяне довольствовались рощей финиковых пальм да кукурузным полем.

В кофейне на пыльной улице под навесом из старого брезента сидели несколько мужчин, обнаженных по пояс. Они гостеприимным жестом пригласили меня выпить чаю с молоком.

— Вы собираетесь расширять орошаемые земли? — спросил я у мужчин постарше.

— Зачем?

— Например, выращивать овощи — огурцы, помидоры, баклажаны или же папайю, бананы.

— Мы, слава Аллаху, не умираем с голоду.

Подобную логику трудно было поколебать разумными доводами. Но можно ли осуждать этих людей? Ни в коем случае. Веками аравийский крестьянин ковырялся в сухой и тощей земле, добывая себе лишь столько, чтобы не умереть с голоду. Колониализм лишал его инициативы, не позволял поднять голову, консервировал отжившие феодально-племенные отношения. Быть постоянно сытым казалось крестьянину далекой мечтой. И вот он сыт. Должно пройти какое-то время, прежде чем у него появятся другие потребности и он будет готов приложить дополнительные усилия, чтобы их удовлетворить. Разбудить в крестьянах инициативу, убедить в том, что только благодаря упорному труду можно улучшить свою жизнь,— сложная проблема.

Это отнюдь не означает, что йеменские крестьяне «ленивы», как утверждали многие расистски настроенные апологеты английского колониализма. Просто их труд удовлетворял их запросы, запросы общества, в котором они раньше жили. То, что их трудовые навыки остались пока прежними, совсем не значит, что эти люди недостойны уважения. Требуется глубочайшая экономическая, социальная и политическая революция в аграрных отношениях, которая не может не сопровождаться ломкой психологической. Процесс этот болезненный и длительный, он займет многие годы. Когда мы говорим о будущем стран, подобных Южному Йемену, как раз этот фактор нелишне иметь в виду, чтобы не оказаться в плену иллюзий. Но там, где ломка, о которой шла речь, свершилась, крестьяне становятся расторопными, энергичными, жадными до нововведений фермерами или кооператорами.

Молодое государство подстерегает еще один подводный риф — бюрократичное, эгоистичное чиновничество, ставящее свои корыстные интересы превыше всего.

Однажды мы выехали из Адена в пустыню. К нам в кузов «ленд-ровера» забрался тщательно выбритый, совсем еще юный чиновник в белых брюках. Он брезгливо провел пальцем по грязному сиденью, постелил на него носовой платок, аккуратно поддернул брюки и сел. В пути он красиво, даже с патетикой в голосе рассуждал о родине, о солидарности народов, ругая империализм и реакцию. Когда же нам потребовалась помощь — организовать встречу с крестьянами,— он не захотел даже пройтись по пыли.

Конечно, этому молодому человеку мало было «не умереть с голоду». Он хотел жить лучше, красивее, богаче, модно одеваться, ездить на собственном автомобиле, сидеть в дорогом ресторане. Он пока что не мог получить доступных его воображению жизненных благ, но хотел. Стимул к лучшей жизни был налицо, однако пролить для этого пот, не говоря уже о крови, пожертвовать чем-либо — увольте. Трудиться он не желал, но зато требовал для себя сладкого куска.

Англичане оставили Южному Йемену диспропорцию в зарплате чиновников — высокую в Адене и довольно скромную в провинции. Чтобы как-то ослабить финансовый кризис, сэкономить скудные ресурсы государства, новые власти несколько раз снижали чрезмерно высокую зарплату чиновников в Адене, лишали их ряда привилегий — автомашин, поездок для лечения и отдыха за границу, льгот в квартплате. Но борьба с привилегиями чиновничества имела свои границы. Режим, не подрывая своей базы, не мог восстанавливать против себя так нужных ему образованных людей, административные кадры. Больше того, приходилось идти на уступки, особенно в провинции.

Южный Йемен как государство еще очень молод. Чиновничество в нем не стало самодовлеющей силой. Но ведь бывает и так: государственный бюрократический аппарат в недавно освободившихся странах раздувается до чудовищного размера. Чиновники-нувориши, не обладая навыками упорядоченного грабежа собственного народа, в отдельных случаях проедают даже часть национального богатства, а не просто национальный доход.

И думается, молодые и честные лидеры Южного Йемена довольно отчетливо понимают опасность подобного рода и искренне хотят ее предотвратить.

Территория Южного Йемена равна половине Франции, но вряд ли вы проедете сотню километров по хорошей асфальтированной дороге. Осел и верблюд остаются первейшим транспортным средством во многих районах. Чтобы связать республику в единый организм, нужны дороги.

Однажды, путешествуя к востоку от Мукаллы, мы встретили строителей. Среди них были рабочие, солдаты, ученики средних школ и члены молодежных бригад. Руководил работами широкоплечий, бородатый мужчина, которого за его любовь к взрывчатке ласково называли «товарищ Динамит». В его распоряжении, впрочем, были и буры, и отбойные молотки, и два бульдозера. Ребята «товарища Динамита» строили дорогу, которая вдвое сократит путь от Мукаллы во внутренние районы Хадрамаута. Может быть, она будет и несовершенной: повороты слишком крутые, и осилит ее лишь опытный шофер, а лихой водитель может сломать шею. Но дорога строится, и это главное.

...Берег моря. Стаи бездомных собак. Они то купаются в волнах прибоя, спасаясь от жары, то сидят, высунув языки, в ямах у берега. Несколько сложенных из глины домиков среди песков. Вода в колодцах солоноватая. Когда я впервые побывал в этом селении, меня спросили, не специалист ли я по воде, не могу ли я пробурить такие глубокие колодцы, чтобы добраться до пресной воды. Услышав отрицательный ответ, жители не могли скрыть разочарования. Почти каждый из них чуть ли не с семи лет страдает болезнью почек. Только крепкий чай с сахаром с трудом отбивает привкус соли в воде.

И вот я снова в этом оазисе. Из пустыни от источника хорошей питьевой воды в селение протянута пластиковая оранжевая труба. Вокруг крана собираются женщины посудачить, постирать белье. Тут же сделан небольшой цементный бассейн, где, как лягушата, плещутся дети.

— Кто уплатил за водопровод?

— Местные власти и мы сами сложились и купили трубы. А водопровод построила бригада добровольцев. Каждое семейство в оазисе по очереди кормило их.

В плодородной долине Фаледжа, на западе страны, я

видел, как работали бульдозеры и грейдеры. Советские люди и йеменцы возводили плотину. Крестьяне соседних оазисов копали каналы и арыки, чтобы пустить по ним воду и расширить посевы ценного длинноволокнистого хлопка.

В арабском языке, как и во многих других, нет выражения «пресная вода». Арабы говорят: «сладкая вода». Впервые за свою жизнь многие йеменцы получили вдоволь «сладкой воды».

Стремление к образованию, к знаниям — едва ли не самая характерная черта недавно освободившихся стран, хотя их возможности крайне ограниченны. Южный Йемен не исключение.

— У нас не хватает учителей, помещений, средств, но все равно все хотят учиться,— рассказывал мне один из руководителей министерства просвещения.— Жители сами строят школы, нанимают учителей. Число учеников у нас удвоилось.

Школа — иногда простая глинобитная хижина с единственной черной доской, у которой местный грамотей учит азбуке детишек. Мальчиков в полотняных костюмчиках и девочек в голубых платьицах можно сейчас встретить повсюду.

Снова вспоминается шестая провинция, самая отсталая в стране. Тот самый оазис, где люди пили солоноватую воду и мечтали о «сладкой». Их главной заботой была плошка риса да горсть сушеной рыбы. И все же они построили не только водопровод, но и школу. При свете керосиновых ламп на полу, скрестив ноги, сидели рыбаки и пастухи и читали первые в жизни фразы: «Мы будем стро-ить но-ву-ю жизнь. Мы за-щи-тим ре-во-лю-ци-ю». Эти слова звучали как песня, как клятва.

Мне хотелось бы рассказ о своих путешествиях на юг Аравии закончить в светлых и радостных тонах. Хотелось бы «Арабия Феликс» древних назвать «Счастливой Аравией» сегодняшнего дня. Но — будем смотреть правде в глаза — это еще рано. Слишком тяжелое наследие молодая республика получила от прошлого, слишком жестокие и сильные враги ее окружают. Демократический Йемен ожидает достойный, хотя опасный и тернистый путь. Но этот путь будет трудным, ох, трудным.

ДОФАР, ОПАЛЕННЫЙ ВОЙНОЙ

Заревел мотор, и с расчищенной от камней площадки тяжело поднялся старенький «дуглас». Он летел в южнойеменскую столицу Аден через Мукаллу и должен был вернуться лишь через неделю, а нам предстоял путь дальше, на восток, к границе восставшего Дофара.

В ожидании обеда мы расположились прямо на полу в одной из комнат замка — здания в форме куба, выкрашенного в белый цвет. Невдалеке виднелись пальмы и строения оазиса Эль-Гайды — центра шестой, самой восточной, провинции демократического Йемена.

Нас встретили повстанцы, предупрежденные телеграммой из Адена. Сейчас они перетаскивали тяжелые ящики, доставленные самолетом. Руководил ими темный, почти черный араб с явными африканскими чертами, среднего роста, крепко сбитый, с мягкой, тигриной походкой. Он был вооружен винтовкой и одет в выцветшие брюки и рубашку, на поясе — патронташ, на груди — значок с портретом Ленина. Как и все встречавшие, он был босиком. Его звали Абдо.

— Что привезли, Сальман? — обратился он к самому юному из приехавших, который, однако, держался с достоинством и уверенностью командира.

— Оружие. Пулемет бельгийской марки, одиннадцать винтовок и патроны,— кивнул он головой на ящики.

— Наш человек прибыл из Кувейта?

— Тот, что с деньгами?

— Да.

— Ждем на днях. А где товарищ Салим?

— Его взяли...

— Как?!

— Видимо, кто-то предал. Он шел вместе с Ахмедом, «Че Геварой» и Мухаммедом в разведку к Салале. На-

рвались на засаду. Салим прикрывал отход. Его ранили и схватили.

Сальман, тяжело вздохнув, стал выкладывать из ящика патроны в старый, сломанный газовый холодильник. Совсем еще юный, лет семнадцати-восемнадцати, в том возрасте, когда только начинают бриться, он был красив какой-то таинственной, «восточной» красотой, исходившей прежде всего из его темных глубоких глаз, опушенных длинными ресницами. В его облике смешались арабские черты с индийскими и, видимо, сомалийскими. Над глазами густились полукружия бровей, высокий лоб обрамляла шапка слегка вьющихся черных волос. Его небольшой нос был прям, яркие, по-детски пухлые губы открывали при улыбке два ряда крупных, идеально белых зубов. Сальман носил цветную клетчатую юбку-фута, а за поясом — кривой кинжал, отделанный серебром. Пулеметные ленты перекрещивались у него на обнаженной груди.

Сейчас, узнав печальную новость, он стал мрачно-сосредоточенным. Я оглядел остальных бойцов, с которыми нам предстояло провести несколько недель в партизанских районах Дофара. Встреть их где-нибудь порознь, и ты бы принял одного из них за араба, другого за негра, третьего за дравида. У некоторых из них были бороды, другие брились. Одеты все были по-разному — кто в фута, кто в шорты, кто в гимнастерку или старый «колониальный» френч с накладными карманами, а кто и в «цивильную» европейскую одежду. Но всех их объединяла некая серьезность, радостное чувство товарищества, любовное отношение к оружию, с которым по местным партизанским обычаям они никогда не расставались.

Внесли блюдо с дымящимся рисом, котелок с вареной козлятиной и консервную банку с очень острым соусом. Ели быстро. Из риса слепляли маленькие котлетки, закидывали их в рот. Нам пододвигали куски, которые здесь считаются самыми вкусными,— козий жир и жилы.

После обеда постелили на полу одеяла, и все легли спать, не забыв выставить часового. Нам не спалось: духота, наполненная надоедливым жужжанием мух, мешала сомкнуть глаза. Мы вышли на крышу замка, на ветер. Там дышалось легче...

Месяца два назад, в мае 1969 года, мне в редакцию позвонил из Советского комитета солидарности стран

Забастовка на заводе «Филлипс» в Стамбуле

Мечеть Селимие в Эдирне

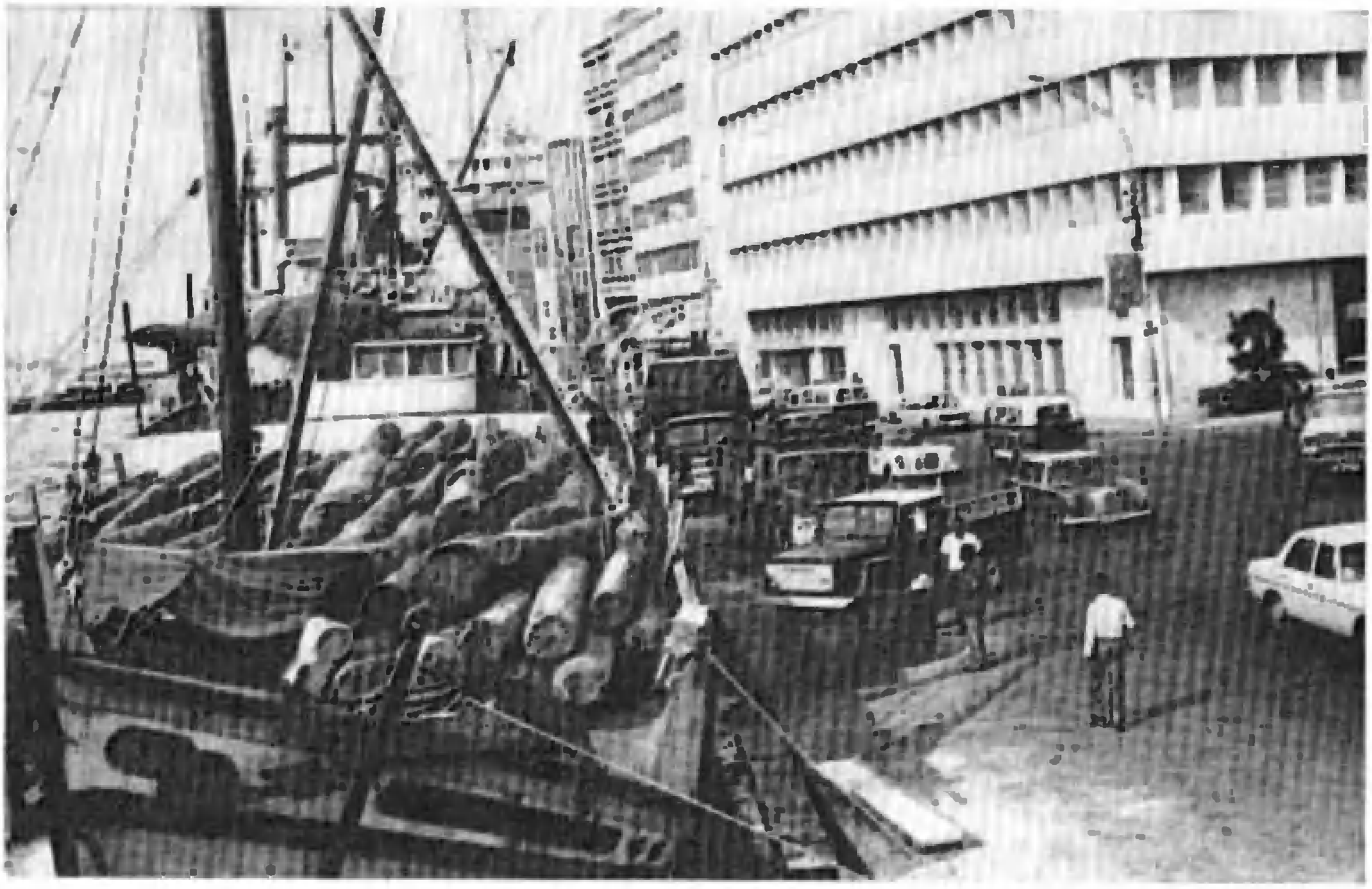
Кремль старой Анкары

Центр новой Анкары

Нэпир

Бродячий продавец воды

Паром в Ялове

Галатская башня

Продавец жареной рыбы у Галатского моста

Устье Золотого Рога

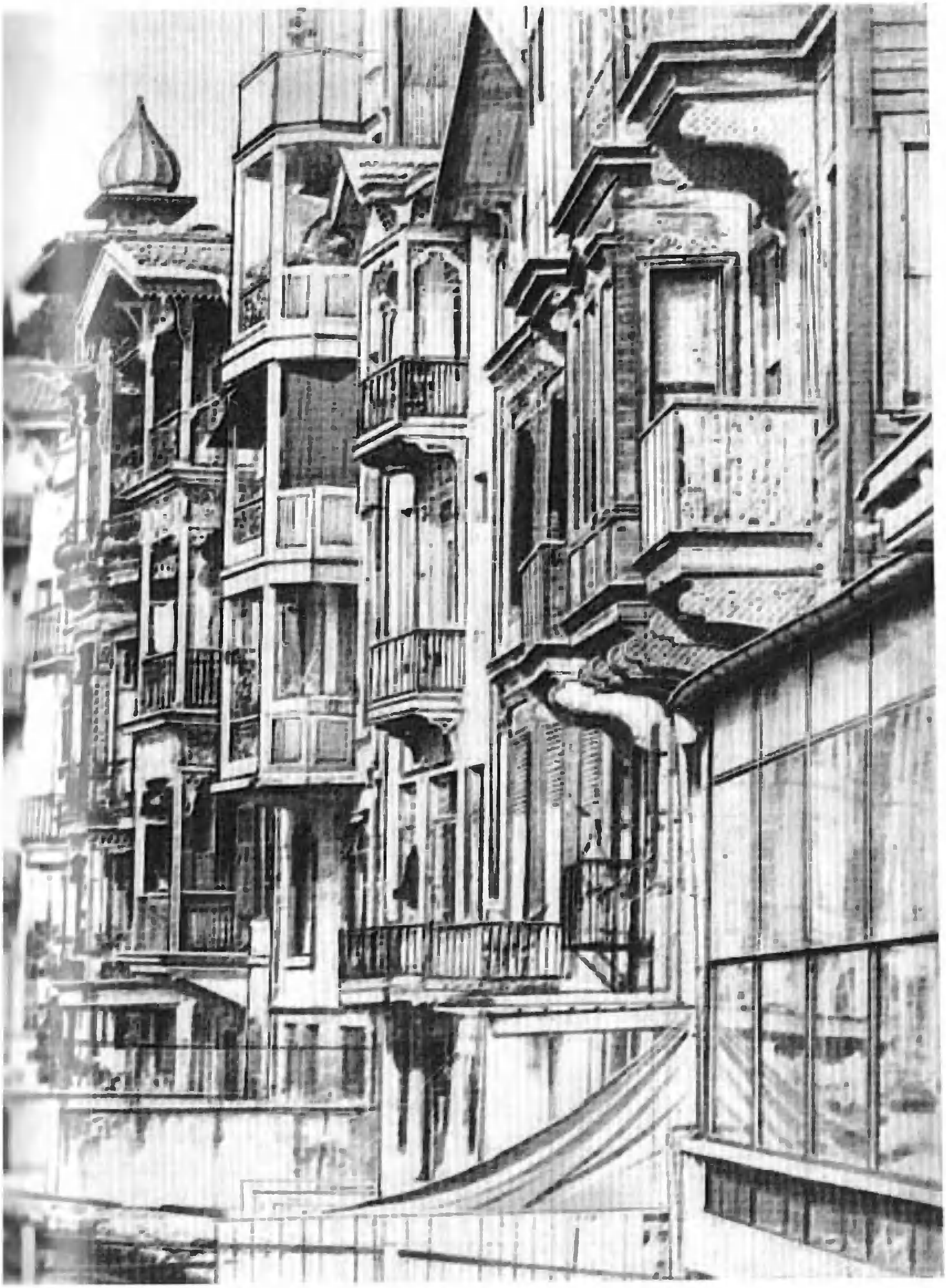
На Принцевых островах моторный транспорт запрещен

Побережье Босфора. Арнавуткёй

На полях Турции более ста тысяч тракторов, но большинство крестьян обходится косой, впрочем и такой вот «молотилкой»

Сталактитовые «водопады» Памуккале

Ужгород сложник

Анкарский овощной рынок

Эрзерум. Старые друзья

Аден и Африки мой старый друг и однокашник и спросил:

— Как ты относишься к Дофару?

Я никак не относился к Дофару, потому что только слышал о его существовании, но на всякий случай ответил:

— Если туда поехать, то весьма положительно.

— Другого ответа я и не ждал,— усмехнулся мой друг.— Советские журналисты получили приглашение посетить освобожденные районы Дофара.

В Адене на улице Маалла мы вместе с моим спутником нашли дом, на дверях которого висела дощечка с надписью: «Народный фронт освобождения оккупированной зоны Персидского залива. Аденское бюро». Мы поднялись на второй этаж и очутились в комнате, казавшейся тесной из-за расстеленных одеял, ящиков с боеприпасами, мешков с сахаром и консервами. В стене вместо кондиционера теперь зиял пролом, из которого дул ветер с моря.

Нас не ждали.

— Мы думали, что вы приедете в сентябре,— сказал нам после приветствий глава аденского бюро, дофареи небольшого роста, но широкоплечий, похожий на борца.— Лучший сезон у нас — осень.

— Почему?

— Нет дождей. Не жарко. Скот нагуливает жир на пастбищах. Много молока. А сейчас круглые сутки идут дожди. Тропы в горах скользкие... Не забудьте взять ботинки на каучуковой подошве и плащи.

Через два дня мы сели в самолет, направлявшийся в Эль-Гайду, и вот оказались здесь, больше чем за тысячу километров от Адена. Начиналось наше путешествие в Дофар.

Вместе с сопровождающими мы погрузились в «ленд-ровер», выехали к морю и помчались по мокрому песку пляжа вдоль пенистого вала прибоя. Слева по ходу движения появились дикие, безлесые горы. Дорога сузилась, начала забираться на кручи по нависающим над морем скалам. Солнце стояло прямо над головой. Водяная пыль прибоя оседала на ветровом стекле. Неожиданно горы расступились, и перед нами открылась неширокая долина с рассыпанными по песку кубиками домов, лиман с соленой водой, в которой стояли розовые фламинго и ку-

пались верблюды. Это было селение Фатх, в котором мы собирались ночевать.

В однокомнатном домике было трудно дышать — сюда набилось десятка три людей: дофарцы, жители Фатха, рыбаки, которые в сезон муссонных ветров не выходят в море, а пасут коз. Абдо пригласил в помещение погонщиков верблюдов. Они вошли, чинно уселись, скрестив ноги, с достоинством приняли большие эмалированные кружки с чаем.

— Нам нужно пять сильных верблюдов,— сказал Абдо.

Высохший старик в полосатом бурнусе, непривычном для здешних мест, долго тянул с ответом, маленькими глотками пил крепкий, черного цвета чай, наконец, проронил:

— Верблюды ослабли...

— Да-да, они не пойдут, они устали,— согласно загалдели остальные погонщики.

— Что ты, Абу Шавариб, верблюды уже отдохнули. Называй цену.

Старик поднялся, подошел к ящикам с патронами, приподнял один из них, поцокал языком:

— Такая тяжесть... Ну ладно — сто пятьдесят динаров...

— Верблюды плохо питались,— подхватил один из погонщиков.

— Нет,— твердо произнес Абдо, этот разговор начинал его раздражать.— Вы же их четыре дня откармливали сардинами здесь, в Фатхе. Я щупал их горбы — они твердые. Там, в горах, товарищи воюют, а вы хотите нас обобрать .. Восемьдесят динаров, и ни кырша больше...

Они спорили и препирались еще с четверть часа, пересыпая свою речь клятвами, взывали к совести друг друга, торговались снова и, наконец, сошлись на ста динарах.

Ранним утром пять верблюдов поднялись в горы по крутой тропинке, как заправские верхолазы. Караван должен был идти в Дофар верхом, кружным путем по плато. Абдо и Сальман вместе с нами направились вдоль берега в Хауф — пограничное с Дофаром южнойеменское селение.

Мы шли по плотному песку мимо отступающих волн прибоя, разгоняя стаи крабов, лезли на скалы, забираясь высоко в горы, когда вдоль берега пути не было, снова

спускались к самой воде и шли по следам бесчисленных морских черепах. Кое-где можно было различить тропинку, очевидно протоптанную за столетия босыми ногами путников и копытами осликов. К моему удивлению, за ней присматривали: в нескольких местах виднелись следы «дорожных работ» — над пропастями из камней было сделано нечто вроде бортика.

Выносливый, крепкий Абдо, не зная усталости, легко и изящно прыгал с камня на камень. На одном из привалов, отрывая от ботинка отставшую подошву, я с завистью посмотрел на толстую кожу его ступней, которым были нипочем острые камни и колючки.

В Хауф мы добрались за двое суток. Тысячи полторы жителей, одноэтажные и двухэтажные строения, несколько лавчонок, мечеть, радиостанция, погранзастава, школа, пара кофеен, лодки-самбуки — таков был Хауф, много лет мирно дремавший на берегу океана. Но сейчас судьба распорядилась иначе. Атмосфера городка, полного вооруженных людей, живущего вестями с фронта, была тревожной. С гор, покрытых в этот сезон туманом, привозили раненых. Туда направлялись караваны с оружием, боеприпасами, продовольствием, шли добровольцы — дофарские эмигранты, работавшие в княжествах Персидского залива. Кружным путем через Аден они возвращались в родные горы, чтобы принять участие в боях. Над Хауфом на склонах гор раскинулись лагеря беженцев. Они пришли сюда, спасаясь от голода, стрельбы и бомбежек. Старики, женщины, дети обитали в изорванных палатках, получая кое-какую помощь от Народного фронта и от родственников из Залива, подрабатывали в Хауфе, но в целом бедствовали и жили надеждой на возвращение.

Меня познакомили со стариком-крестьянином, главой рода из тридцати человек. Англичане сожгли фосфорными бомбами их деревню в горах под Салалой. Старик и его сородичи перебрались в пещеры. Но однажды налетели самолеты и перестреляли у водопоя их коз и верблюдов. Напуганные крестьяне бросили все свое немудреное имущество и направились сюда, в Южный Йемен. В пути они зарезали оставшихся коз и около месяца шли в Хауф, оборванные, полуголодные, надеясь только на гостеприимство тех, чья участь была лучше их. Двое грудных детей умерли в дороге.

— А где мужчины? Где молодежь?

— Одни из них там,— старик показал рукой на восток.— Они воюют. Другие ушли в Залив на заработки. Если бы не их помощь, мы бы умерли с голоду.

— Что вы думаете о Народном фронте?

— Я раньше был как слепой. Народный фронт просветил меня. Теперь я знаю, почему мы плохо живем,— виноваты английские колонизаторы и султан. Я неграмотный, но мои сыновья учатся. Придет час — мы станем свободными и вернемся домой.

Мы переночевали в домике недалеко от пограничного поста на берегу океана. Ужин нам приготовили две дофарки — мать и дочь, которые, видимо, содержали что-то вроде постоялого двора для дофарских бойцов. Они испекли тяжелые, сыроватые, но сытные лепешки и приготовили чай со сгущенным молоком. Дофарки не носили чадры и не прятались от взглядов мужчин. С нами они разговаривали спокойно и с достоинством. Их лица шоколадного цвета имели те же арабско-индийские черты, которые поразили меня при знакомстве с Сальманом. У молодой были серьги в ушах, а в носу на левой ноздре — маленькая круглая сережка. У пожилой женщины посредине носа, чуть пониже хряща, было вставлено крупное золотое кольцо. Очевидно, по случаю нашего приезда мать и дочь надели яркие голубые платья из индийской ткани, волочившиеся по земле сзади и приподнятые спереди. Между собой женщины говорили на каком-то странном диалекте арабского языка, и я их не понимал.

Мерный шум волн убаюкивал, и спалось хорошо.

«...Не так-то просто иностранцу попасть во владения султана Сайида ибн Теймура, если правитель не сочтет это полезным для своего государства». Я вспомнил эту фразу из английского еженедельника «Экономист», покидая гостеприимный Хауф. Наш путь лежал по безжизненным, мрачным горам к никем не охраняемой границе Дофара. Позади остались вал океанского прибоя, соленый ветер, пустынный пляж, полсотни глиняных или каменных строений.

Тропа вела вверх. Все круче становился подъем. Появились серо-зеленые колючие кустарники и удивитель-

ные деревца. Их короткие и толстые стволы лежали прямо на земле. Стирая с лиц горячие ручьи пота, мы карабкались все выше. За нами, не отставая, лез ослик, нагруженный мешками с рисом, чаем, сахаром.

Наконец мы достигли перевала и остановились, поражённые. В глаза брызнула сочная зелень лесов, полей и лугов. Сквозь клочья белого тумана проглядывал пейзаж Западного Кавказа или Карпат. После безводной пустыни, верблюжьей колючки — прозрачная роса на густой траве, аромат цветов. Ручеек со стеклянным звоном пробивался из скалы и пропадал в болотце.

И это тоже Аравия?!

Что нам было известно о Дофаре? Расположенный на южном побережье Аравии, он входил в качестве провинции в английский протекторат — султанат Оман. В то время (лето 1969 года) от границы Южного Йемена, в ноябре 1967 года получившего независимость, до Катара все побережье Аравии занимали английские владения — последние осколки некогда обширной английской колониальной империи на Арабском Востоке. К северу от Омана, непосредственно на побережье Персидского залива, находились семь княжеств так называемого Договорного Омана и два эмирата — Катар и Бахрейн. В своих протекторатах англичане создали систему военных баз. Многочисленные англо-американские нефтяные компании действовали в бассейне Персидского залива.

В центре Дофара — Салале находились резиденция оманского султана Ибн Теймура и английская военно-воздушная база. Ни в Оман, ни в другие княжества советских людей англичане не пускали, да и в целом этот район был запечатан для внешнего мира. Было лишь известно, что в 1965 году в дофарских горах начала вооруженную борьбу против англичан организация, называвшая себя Народным фронтом освобождения оккупированной зоны Персидского залива. Кстати, по его приглашению мы и направлялись теперь в Дофар. Что же еще мы узнали накануне отъезда в Дофар? То, что климат в стране какой-то странный, временами влажный, отличный от остальной Аравии. Вот, пожалуй, и все. Даже карты Дофара в Москве достать не удалось.

Несколько дней мы шли по раскитанным скользким тропам, увязая по щиколотку в грязи или прыгая по мокрым скалам. Густой туман покрывал горы и плато. В де-

сяти метрах ничего нельзя было различить. Тем неожиданнее и любопытнее казались встречи, когда из молочной белизны вдруг возникали караваны верблюдов или босые путники с подоткнутыми подолами юбок, вооруженные винтовками или палками. Местные жители ходят в горах быстро, почти бегом, преодолевая за день невероятные расстояния. Нам, нетренированным горожанам, за ними не поспеть, и бойцы нашего отряда все время примеряли свой шаг к нашим возможностям.

На тропах встречались пастухи со стадами коров и коз, солдаты, торговцы с нехитрым набором товаров и крестьяне, идущие за керосином или медикаментами в Хауф. Они целовались с нами и бойцами, и начинался традиционный обмен вопросами:

— Как ты? Здоров?

— Как твой скот?

— У тебя нет известий от сына моего дяди?

— Какие новости о боях?

Одни спрашивали, другие, естественно, отвечали:

— Три дня назад прошел отряд с ранеными из Центральной зоны. Там сильные бои. Англичане вновь бомбили деревню...

— Бойцы Народного фронта обстреляли из минометов Салалу...

— В горах ополченцы поймали сына собаки, слугу империалистов, английского шпиона...

Такие встречи в горах — и телефонная связь, и переписка, и газета.

С нами шли четыре дофарца. Два из них, Абдо и Сальман, читателю уже знакомы. Третий наш спутник был молодой мулат, а четвертый — бедуин Сайид.

Небольшого роста, с узкими плечами и уже немолодой, ему было под сорок, Сайид казался щуплым, однако в выносливости не уступал своим товарищам. Он был безупречным стрелком. Как-то раз, на второй или третий день перехода, когда порывы ветра неожиданно разогнали облака, мы увидели пару довольно крупных голубей. Сайид припал на колено, мгновенно прицелился и выстрелил. Один из голубей улетел, другой камнем упал на землю. Сайид подбежал к тому месту, где сидели птицы, нашел в траве голубя и преподнес нам — «на жаркое». Затем он поцеловал приклад со словами: «Ты, винтовка, моя верная подруга». Каждый вечер он доставал щеточ-

ку, банку с ружейным маслом и тщательно протирал и смазывал винтовку.

Саид никогда не терял присутствия духа и чувства юмора. Именно он прозвал нашего осла Иби Теймуром — «в честь султана», и в пути постоянно слышалось: «А, вот и наш осел! Здравствуйте, ваше величество!» Он любил говорить рифмованной прозой и свои прибаутки перемежал политическими лозунгами: «Все мы из народа, все мы борцы», «День и ночь в Центральной зоне битва, мы сражаемся со слугами империалистов», «Конец империализма — счастье народов». Саид молился, хотя и без особого рвения и не пять раз в день, как положено мусульманину.

В армии султана Омана он пятнадцать лет таскал на плече пулемет. Потом нанялся в охрану правителя небольшого эмирата Шарджи. Сам научился читать и писать, связался с молодыми дофарцами из Народного фронта и в восстании участвовал с первого дня, с памятной атаки на английский лагерь 9 июня 1965 года. Уже много лет Саид не видел жену и сына.

Среди простых дофарцев часто сталкиваешься с удивительной душевной щедростью. И бедуин Саид — отличный тому пример. У него были великолепные швейцарские часы, которыми он очень гордился и дорожил. Но во время одного из переходов подарил их приглянувшемуся ему человеку.

Или другой случай. Однажды мы купили козу, зарезали ее и стали варить. В нашем отряде было шесть человек. Откуда ни возьмись собрались люди: три пастуха, бродячий торговец, больной старик с мальчиком, две женщины с маленькими детьми, шесть подростков из соседнего селения. Гости спокойно ждали, пока на костре варилось мясо. Пела душа нашего бедуина Саида. Сверкали глаза гостей. Каждому досталась доля.

На следующий день мы остались без продовольствия и совершили на пустые желудки тяжелейший переход по горам. Чем это объяснить? Беспечностью? Да, но еще в большей степени широтой души и чувством коллективизма. Для арабов гостеприимство — прежде всего и главным образом закон самосохранения, закон пустыни. Кочевник, да и оседлый отдаст последнее, но не позволит гостям уйти голодными. И права была английская путешественница прошлого века Энн Блант, заметив, что ара-

бы смотрят на гостеприимство как «на первичный инстинкт нормального ума».

На очередную ночевку мы остановились в большой двухэтажной пещере. Ее потолок, закопченный кострами, горевшими здесь, быть может, еще до нашей эры, поднимался метров на десять. На полу между камнями в углублении метра три на три, где были постелены коровьи шкуры, расположился весь наш отряд. Этажом выше, за ширмами из мешковины или коровьих шкур, в каменных выемках были устроены семейные пещерки. Стадо маленьких белых козочек укрылось от непогоды вместе с нами. Все обитатели пещеры были темнокожими, с негроидными чертами лица. Нас встретила хромая женщина, одетая в бесформенную одежду из мешковины.

— Сколько тебе лет? — спросил я ее через переводчика, после того как мы разместились.

— Не знаю.

— А сколько людей живет здесь, в пещере?

— Не знаю. Я не умею считать,— женщина смущенно отвернулась в сторону.

Немного погодя она подошла к нам снова, села, долго и пристально рассматривала нас. Потом спросила:

— Нет ли у гостя какого-нибудь лекарства? У меня сохнет нога.

С первых же дней путешествия в Дофар к нам обращались с просьбами вылечить от самых различных болезней. «Помогите, у меня кашель с кровью», «У меня уже два года не проходит язва», «Моя дочь ослепла»... Однажды вечером я дал таблетку аспирина солдату, у которого начинался жар. К утру ему стало легче. Решили, что я врач, и потому больным не было конца. Как пригодилась бы мне по крайней мере фельдшерская подготовка!..

Один из путешественников назвал медицину в Аравии «утомительной и необъятной пустыней шарлатанства и невежества». Хотя, может быть, не стоит списывать со счетов народных знахарей, открывших кое-какие способы лечения местных болезней, но в целом это определение трудно оспаривать.

Обитатели пещеры были бедными донельзя, даже по дофарским стандартам. Но перед сном хозяин, пожилой африканец с серебряными курчавыми волосами, принес

блюдо наперченного риса, немного сушеной рыбы и чашу молока.

В пещере ночью спать было холодно. Костер погас, одеял не хватало. Под головой вместо подушки был камень. Нещадно кусали комары. Верблюды, расположившиеся рядом, изредка издавали рев, похожий на рычание льва. Мы встали спозаранку, позавтракали чаем с молоком и двинулись в путь.

Обедали уже на плато под моросящим дождем. Перед обедом открыли банку сока манго. Абдо ставил на крышку патрон с пулей и бил прикладом, делая дырочки. Затем заварили чай. Сначала я удивлялся местному обычаю пить перед обедом чай, потом понял: после похода самое быстрое — вскипятить воду. Сладкий, крепкий чай утоляет жажду, восстанавливает соле-водяной режим, бодрит.

Вниз, в долину, спускались быстро, почти бегом, скользя и чуть не падая на раскатанной глинистой тропе. Туман еще больше сгустился. Одежда промокла до нитки. Я ощупывал карманы рубашки и радовался, что кассеты с пленкой завернул перед выходом в фольгу от сигарет — собирал у всего отряда. По нашим разгоряченным лицам били мокрые ветки. Раскрытым ртом удавалось на ходу поймать несколько капель, и мы жалели, что не захватили с собой полиэтиленовые мешочки,— можно было бы стряхивать ветки и собирать чудесную воду. Но кто знал, что они понадобятся?

Спустились в долину уже затемно. Стоит ли ночевать здесь или идти наверх, в деревню, которая, как обычно, расположилась на плато? У нас не было ни палаток, ни одеял. Абдо и Сальман не хотели лезть по скалам ночью, но мы спешили и настояли на том, чтобы идти.

Медленно пошли по тропинке, круто забирающей вверх, через скалы, обрывы, колючую чащобу кустарника. Минут через пять стало темно, хоть глаз коли. Погас наш единственный фонарик — сели батарейки. Моросил дождь. Мы шли осторожно, отмеряя каждый шаг, опасаясь поскользнуться, покатиться куда-нибудь вниз, спустить камень на голову идущего следом товарища. Потом тропа стала настолько крутой, что, прежде чем сделать шаг, приходилось ощупывать руками скалы впереди себя и ползти почти на четвереньках. Дыхание стало преры-

вистым, пот смешивался с каплями дождя и заливал глаза, мучила жажда. Каким чутьем наши спутники угадывали тропу в кромешной тьме среди нагромождения скал, карнизов, деревьев, кустарников? Вдруг осел по кличке Ибн Теймур встал. Упрямая скотина, как ей и полагается, не поддавалась никаким уговорам, битью, причмокиваниям. С Ибн Теймуром бойцы возились минут пятнадцать, а мы стояли в темноте под моросящим дождем, ощущая где-то рядом пустоту пропасти.

Осла разгрузили, взвалили на плечи поклажу и начали карабкаться дальше. Мы были уже на пределе сил. Наши сопровождающие тоже. Дойдем ли мы когда-нибудь и куда-нибудь?

Вдруг небо просветлело. Лес кончился. Кончился и крутой подъем. Теперь мы шли по пологому склону. Один из бойцов направился вперед предупредить жителей селения о нашем приходе, а мы немного постояли, обернувшись к темному ущелью, восстанавливая дыхание. Ущелье было еле заметным при свете луны, пробивавшейся сквозь туман мутным, бесцветным пятном. Наверху мелькнул оранжевый свет керосиновой лампы — нам навстречу из селения выслали человека. Мы шли еще с полчаса, пока не увидели смутно различимые хижины, похожие на стога сена.

Дымок костра и вода! Всю дорогу мы сдерживали себя, не говорили о воде. Потом устали так, что даже забыли о жажде. Теперь можно было напиться вволю.

В жилище, куда нас привели, было тепло и сухо. Пол покрывали шкуры коров. На очаге, наполнявшем помещение едким дымом, кипел чайник. Именно в такие моменты более всего ощущаешь великое счастье очага, тепла, плеча человека, человеческого привета...

Нет сомнения, что быт дофарских горцев для нашего века ужасен. Но об этом сами они узнали лишь недавно. Веками дофарцы жили на грани голода, в грязи и болезнях, в косном застое своего общества, столь удобного для колонизаторов в этом конкретном случае. Так жили их предки, и они довольствовались тем, что имели. Так могло продолжаться до тех пор, пока люди не знали, что можно жить по-другому. Едва человек видел, слышал, читал о том, что есть другая, лучшая жизнь и люди, такие же, как он, живут лучше его, в нем зажигался огонь недовольства, беспокойства, вспыхивало стремление к пе-

ременам. Активная часть населения — те, кто готов был во имя перемен пожертвовать собой, вели остальных.

...В темноте слышно было дыхание нескольких десятков людей, наполнивших хижину, чтобы посмотреть гостей, поговорить, послушать. Красноватыми глазами вспыхнули угли догоравшего костра: кто-то потянулся прикурить. Принесли керосиновую лампу, и можно было рассмотреть жилище. Из больших грубых камней был выложен круг метров пяти диаметром, в центре поставлен столб и набросаны сучья, между камнями на полу сделан очаг. В разных местах хижины стояли котлы, чайник, помятые алюминиевые кружки и неизвестно откуда взявшийся ржавый железный сундук. Сверху на веревке свисал мешок с кукурузой, сохраняемый от крыс. На полу лежали коровьи шкуры. Больше ничего не было.

Горец, обнаженный по пояс, примостившись у лампы, читал нараспев книжку, с трудом продираясь через трудные фразы. Я прислушался. Не может быть!

— Что это у тебя?

— Возьми, друг, взгляни.

Я взял потрепанную книжку в руки и на титуле прочитал арабскую вязь: «Две тактики социал-демократии в демократической революции». Немного выше стояло: «Владимир Ленин».

Мы только что поужинали вареной фасолью с коровьим маслом, вяленым акульим мясом и чаем. В темноте послышался треск транзистора. Поймали «Голос арабов» из Каира и прослушали последние известия. Бои на Суэцком канале... Действия палестинских партизан... Сообщения из Советского Союза...

Разом заговорили собравшиеся. Заметался огонек коптилки.

— Ну вот ты, Абдо, много ездил, много видел, расскажи нам, почему мы так живем.

— Почему? Потому что мы погрязли в темноте и невежестве. Мы уткнулись лицом в навоз, в свое поле, в свою лавку и дрожим от страха за свою шкуру. Султаны и шейхи продают нас империалистам. Они живут во дворцах с кондиционерами — есть такие машины, из которых в жару идет холодный воздух...

Все восхищенно зацокали языками.

— ...А на нашу долю,— продолжал Абдо,— остаются

грязь, труд до седьмого пота, кровь, унижения. Но мы не рабы. Поэтому мы восстали. Поэтому мы готовы пойти на смерть. Впереди ждет нас светлое будущее, когда никто не будет сидеть на шее другого, а власть будет принадлежать самому народу. Наши дети пойдут в школы. К нам в хижины придет врач. Наша нефть будет служить процветанию народа. Мы пойдем по пути, указанному Октябрьской революцией в России, открытому великим Лениным.

Долго еще говорил Абдо. Его голос постепенно набирал силу, звучал все мощнее, неистовее. Слова его задевали собравшихся, будили в них желание задавать вопросы, возражать, спорить. Потом Абдо закрыл глаза и начал читать стихи какого-то сирийского поэта о свободе. Я с удивлением и восхищением смотрел на Абдо. Этих талантов я за ним не знал.

Как известно, в дальнем походе тяжела и иголка, особенно в горах. Котомка Абдо была постоянно набита до предела.

— У тебя здесь патроны? — спросил я его на одном из привалов.

— Нет, снаряды,— ответил он, усмехнувшись.— Для тяжелой артиллерии...

Он раскрыл котомку. Там были книги. Я брал их одну за другой. «Две тактики...», «Государство и революция», сборник статей В. И. Ленина под общим заголовком «О труде», «Капитал» Карла Маркса, «Десять дней, которые потрясли мир» Джона Рида.

— Что привело тебя в революцию? — как-то раз спросил я его.

Он задумался, потом ответил:

— Унижение.

Сам Абдо не был рабом, но он был сыном раба. Его отец копал арыки на плантациях кокосовых пальм под Салалой. Он не принадлежал к числу тех африканских рабов, которые служили телохранителями у султана, подавали ему кофе из золоченых кувшинов, красовались в белоснежных бурнусах на серых гарцующих жеребцах. Нет, им, рабом, помыкали надсмотрщик и хозяин, его даже в мечеть пускали в последнюю очередь.

Абдо подростком нанялся слугой на парусник, где капитан кормил его отбросами, а в Кувейте «забыл» на берегу, не уплатив ни гроша. Абдо устроился рабочим в

лавку. Днем он бегал по поручениям хозяина, таскал ящики и мешки, а вечером отправлялся в платную школу.

В богатый нефтью Кувейт хлынули иммигранты — ливанцы, иракцы, обездоленные палестинцы, нищие йеменцы, оманцы. Молодые люди из разных стран встречались друг с другом, обменивались мнениями, яростно спорили, запоем читали, слушали радиостанции всего мира. Примерно так же выглядела обстановка в других нефтяных княжествах Персидского залива.

В этот плавильный котел попали и дофарские иммигранты, которые, как Абдо, покинули родину-мачеху в поисках заработка. Перед молодыми дофарцами раскрывался новый мир, невероятно отличный от того, в котором они выросли. Их жаждущие знаний умы сталкивались с новыми идеями, незнакомыми прежде понятиями: «национальное освобождение», «прогресс», «забастовка», «социализм»... Они прочли книги Ленина, которые для них прозвучали как откровение. Но в обществе, развивавшемся в особых условиях, созданных нефтяным бумом, малоквалифицированные, необученные дофарцы оставались на положении отверженных, людей «второго сорта». А что ожидало их дома? Средневековая отсталость, нищета, невежество, мракобесие, английский часовой за колючей проволокой военной базы.

Яростное сопротивление переменам, борьба с каким бы то ни было общественным прогрессом стали навязчивой идеей, манией султана Саида иби Теймура. «Султан хотел помешать XX веку заразить XV век, в котором он запер свой народ»,— говорил моему знакомому, французскому корреспонденту Руло, побывавшему «по ту сторону», в Маскате, один из английских чиновников в Омане. Разрешение иностранцам на въезд в страну султан давал в редчайших случаях. Он запретил газеты, радио, кино, футбол, импорт автомобилей и детских игрушек. В его владениях арабам нельзя было носить нетрадиционную одежду, очки, зонтики, модные прически. Чтобы избежать «пагубных последствий просвещения», он ограничил число начальных школ тремя, а количество учащихся — одной тысячью. Доведя свой вызов XX веку до абсурда, султан запретил расширять и без того жалкую сеть медицинского обслуживания.

Легко понять, почему молодые дофарцы — дети рыба-

ков, кочевников, ремесленников — с такой готовностью и страстью воспринимали революционные идеи, почему они обратились к вооруженному восстанию для достижения своих благородных целей — свержения султанского режима и изгнания англичан.

В 1964 году в Кувейте молодые, революционно настроенные дофарцы созвали тайный учредительный съезд организации, названной ими «Фронт освобождения Дофара», и решили начать вооруженную борьбу. Была проведена и необходимая подготовка — налаживались связи, собирались деньги, закупалось оружие, члены организации проходили военную учебу.

Весной 1965 года активисты Фронта пробрались в горы Кара и в Салалу. Накануне восстания планы организации раскрыла английская контрразведка и арестовала несколько десятков человек в прибрежных дофарских городах. Их отправили в мрачную средневековую тюрьму «Кут-Джаляль» в Маскате, устроенную в бывшем португальском форту у входа в гавань. Тех, кто туда попадал, родные оплакивали заживо. В следующий приезд в Дофар я встречался с одним из бывших заключенных, вырвавшимся из маскатских застенков, но об этом разговор особый.

Восстание все же началось. Те, кто был в горах, избежали ареста. 9 июня 1965 года они одновременно атаковали три английских военных лагеря — Резэок, Любб и Гирзаз.

Дофарская молодежь безумной отвагой ответила на средневековую тиранию своего правителя. Ведь в то время англичане еще занимали все ключевые посты на побережье Аравии от Адена до Катара. У повстанцев не было никакой тыловой базы. Каждую обойму патронов они добывали в бою.

В один из летних дней 1966 года султан Ибн Теймур, не подозревая о какой-либо опасности, отправился инспектировать свои войска в Салале. Но когда он появился перед строем, несколько солдат открыли огонь по нему и его свите. Султан был тяжело ранен. После этого он больше не покидал своего дворца, все глубже погружаясь в трясину полусумасшедшего самодурства.

1967 год внес решительные изменения в обстановку в Дофаре. На его западной границе появилось новое независимое государство — демократический Йемен. Рес-

публиканское правительство поддержало дофарских партизан. Восстание охватило территорию всей страны; англичане и султанские наемники удерживали лишь узкую прибрежную полосу близ Салалы да пару постов в пустыне, по ту сторону гор. Город окружили несколькими рядами колючей проволоки. Французский журналист Эрик Руло, посетивший тогда Салалу, рассказывал мне:

— Город жил тревожно и неспокойно. Менее чем в десяти километрах от него возвышались горы, а там были партизаны. Ночью на город нередко обрушивались мины и попадали даже в султанский дворец. Днем истребители-бомбардировщики вооруженных сил султана, пилотируемые англичанами, вылетали на север и сбрасывали бомбы на «вражеские» деревни. Время от времени над уродливыми и жалкими жилищами Салалы кружились вертолеты, чтобы убедиться, что в городе «царит порядок».

За несколько лет вооруженной борьбы юные повстанцы стали более опытными революционерами и политиками. Они поняли, что освобождение одного лишь Дофара, самой нищей земли на Арабском Востоке, не решит всех проблем, и поставили перед собой задачу: изгнать английских колонизаторов из всех арабских владений. В 1968 году они назвали свою организацию «Народный фронт освобождения оккупированной зоны Персидского залива» (а через несколько лет — «Народный фронт освобождения Омана»), усовершенствовали ее структуру, создали народно-освободительную армию, зачаточные элементы администрации в освобожденных районах.

...Мы остановились на краю обрыва. Прямо перед нами плавала белая пелена тумана, и лишь по отдаленному глухому грохоту можно было догадаться, что в нескольких километрах отсюда — море. Мы спустились той же тропой, по которой недавно шли в атаку на Далькут бойцы Народного фронта. Потом по хрустящей гальке пляжа направились в селение, похожее на Хауф, только маленькое и полупустое. Были видны воронки и несколько разрушенных строений.

Навстречу нам шла демонстрация. Впереди дети, за ними женщины, дальше мужчины. Юноша с винтовкой выкрикивал лозунги, а остальные подхватывали их:

«Административный комитет приветствует дружбу с советским народом, во главе которого идет КПСС!», «Ленин — великий учитель, борец против султанов и колонизаторов!», «Марксизм-ленинизм — подлинный компас для трудящихся масс, борющихся во главе с рабочим классом против мирового империализма»... Мы роздали значки с портретом Ленина, с Кремлем. Их принимали радостно и тут же прикалывали на грудь.

Юноша по имени Салех, который руководил демонстрацией, оказался учителем. Первое, что сделал Народный фронт в освобожденном селении,— организовал школу. Салех учил детей грамоте, а попутно географии и истории. Я смотрел на мальчишек, сидевших на галькe на голом берегу, даже без навеса над головой, и думал о том, что они еще не понимают, как много уже получили, не ведают, сколько усилий потребовалось активистам Народного фронта, чтобы буквально вытащить их из дикого средневековья в современность...

Может возникнуть вполне законный вопрос: как, каким образом пастухи, рыбаки, обездоленные крестьяне, дети бывших рабов, живущие в стране, средневековой по своей сути, восприняли именно марксистские лозунги, а не взяли на вооружение, скажем, буржуазно-националистические идеи? Однозначного и исчерпывающего ответа на этот вопрос, думается, давать нельзя. Видимо, слишком глубоким было противоречие феодально-колониального режима, существовавшего в Омане, со всем ходом развития современного мира. И чем больше ненавидели в стране этот режим, тем решительнее и беспощаднее хотели его сломать дофарские революционеры. Они познакомились с буржуазно-националистическими идеями в других арабских странах и убедились в их несостоятельности.

Учение марксизма проникло сюда не в первоисточниках, а чаще в переложениях, иногда недобросовестных, а иногда и просто искажающих его суть. Вот почему не стоит строить иллюзий насчет действительного уровня «социалистических идеалов» дофарцев. Когда я спросил одного солдата, как он представляет себе социализм, он ответил:

— Социализм — это когда всего много. Социализм — значит много воды, жирного скота и молока.

На Западе иногда пытаются изобразить дело так,

будто Народный фронт является чуть ли не «маоистской» организацией. Утверждение это далеко от истины, хотя в горах Дофара я действительно видел у бойцов и значки с портретом Мао, и красные книжечки с его цитатами. Однако и руководители, и активисты Народного фронта не раз подчеркивали: «От кого бы мы ни получали помощь, мы боремся за национальные интересы своей страны и служим только своему народу». Никакие пропагандистские материалы в кармане гимнастерки того или иного дофарца не могут служить определяющими для характеристики движения, выросшего целиком на аравийской почве. Кроме того, там, где это возможно, все подобные материалы дофарцы заменяют своими собственными брошюрками, которые уже тем хороши, что в них делается попытка анализировать на фактах положение в Омане и в других княжествах побережья Персидского залива. И пусть в идеях молодых революционеров было много ребяческой самоуверенности, мешанины лозунгов, наивных представлений, пусть они подчас увлекались псевдореволюционной фразой и крайними взглядами — свою подлинную революционность они доказали прежде всего пролитой кровью и реальными достижениями у себя на родине.

«И здесь нужно лежать, уткнувшись в горячий песок, сливаться с кустарником, прятаться в скалах, выжидая, пока прекратится налет. И здесь ветер развевает пепел сожженных деревень, а дети спят в пещерах и бомбоубежищах. И эту страну опалила война...»

Такие мысли невольно приходили в голову, когда мы наблюдали, как высоко в небе делали разворот два английских самолета «страйкмастер». Они пикировали на деревушку километрах в двух от нас. Солнце стояло в зените, палило нещадно, лишало желания двигаться. Пахло горячей пылью, сухой травой, кожей бурдюка, в котором давно кончилась вода. Ракеты, пущенные с самолетов, чертили небо и падали за отрогом горы.

Это было во время моего второго путешествия в Дофар в апреле — мае 1971 года. Утром мы посетили самый крупный населенный пункт на освобожденной территории Дофара — городок Рекьют. Сверху он выглядел

веселым и приветливым, как и большинство городков рядом с бирюзовым океаном, который в этот сезон не бьет в берег высоким прибоем, а накатывает ласковые теплые волны. В Рехьюте такие же глиняные дома-крепости с высокими окнами, закрытыми узорчатыми решетками, узкие улочки, лодки-самбуки стародавней конструкции на берегу, как и в Хауфе. Но городок наполняли лишь шум прибоя и крики чаек. Не было слышно ни человеческой речи, ни блеяния коз, ни потрескивания очага. Самбуки на берегу рассохлись, и их затягивал песок. Жители города бежали в горы. Все вокруг было обезображено разрушениями, следами пожаров. Английские военные корабли подошли почти вплотную к берегу и расстреляли Рехьют в упор.

...«Страйкмастеры» улетели. Мы отряхнулись от песка и направились к тому месту, где падали ракеты. Горела деревушка Маброф, и пламя стремительно поглощало жалкие остовы хижин. Я был здесь почти два года назад и помню, как радушно нас тогда встретили. Жители по обычаю выстроились кружком, мы со всеми трехкратно перецеловались, а затем нам предложили полные чаши верблюжьего молока.

Теперь в Маброфе не было людей. Англичане напрасно расходовали ракеты. Наш сопровождающий — комиссар Ахмед, лет двадцати пяти, казавшийся старше из-за густой черной бороды,— поднял с земли большой осколок и протянул нам:

— Фосфорная бомба. Она не только сжигает, но и отравляет вокруг все живое.

Точно такие же фосфорные бомбы и такие же следы пожарищ я видел на горькой земле Вьетнама, в джунглях Лаоса, на каучуковых плантациях Камбоджи, в долине реки Иордан... И здесь, в Дофаре, уже седьмой год сражались и гибли люди.

Английское командование тщательно скрывало от общественного мнения и истинный характер, и размах военных операций против дофарских повстанцев. Но в 1971—1972 годах воздушные налеты на освобожденные районы приобрели такие масштабы, что о них заговорила даже буржуазная печать метрополии. Редкий день проходил без рева «страйкмастеров» над головой, всюду можно было увидеть воронки, следы пожаров, осколки бомб. Руководители Народного фронта дали нам список

сожженных деревень. В нем оказалось несколько десятков названий.

Дофарские повстанцы вооружились тяжелыми пулеметами и создали подобие противовоздушной обороны. Как мне хотелось бы написать, что у меня на глазах падали подбитые самолеты! Но этого удовольствия, испытанного во Вьетнаме, а позднее в Сирии, я был лишен. Правда, нам приносили достоверные свидетельства успехов ПВО: обломки самолетов, об уничтожении которых никогда не сообщали английские сводки.

Мы покинули Маброф и направились на север, в горы. Солнце только что прошло зенит. Земля казалась раскаленной жаровней. На этот раз мы попали в Дофар в самый разгар жаркого сухого сезона — в апреле — мае. Никогда и нигде мне не приходилось испытывать такой жары. Обычно мы вставали в четыре-пять утра и часам к девяти старались добираться до какой-нибудь тени. Снова двигались в путь не раньше четырех вечера. Но сейчас нас задержала бомбежка, а дневать без воды под отвесными лучами солнца никто не хотел.

Трава в горах выгорела. Деревья сбросили листву и стояли сиротливо обнаженные, корявые и колючие, похожие на вырванные из земли и поставленные торчком корни. Поднимались медленно, чтобы не свалиться от солнечного или теплового удара. До ближайшего источника оставалось несколько часов ходьбы.

Нас предупредили, что весь Дофар перекрыт постами и заставами Народно-освободительной армии. Мы уже несколько дней шли по горам, но встречали лишь караваны верблюдов, груженные рисом, консервами, боеприпасами.

— Где же армия? — спросил я комиссара Ахмеда, когда мы наконец добрались до ближайшего источника с чистой водой у подножия гладких черных скал, припали к ней пересохшими губами и несколько утолили жажду.

— Могу представить,— хитро улыбнулся он, приставил ладони к губам и издал звук, похожий на клекот орла. В ответ раздалось тихое пощелкивание, и на скале высотой метров в пятьдесят показалась курчавая голова бойца. Там находилось пулеметное гнездо.

Дисциплина бойцов, авторитет командиров и комиссаров в дофарской армии производили хорошее впечат-

ление. Не раз приходилось наблюдать, как Ахмед приказывал кому-нибудь из бойцов взять дополнительный рюкзак, или заступить в дозор, или идти за несколько километров за водой, и я не помню, чтобы кто-либо из них отказался. Надо сказать, что Ахмед тащил самый тяжелый груз, сам разводил костер, варил рис, бегал за водой, недосыпал ночами.

Вокруг источника «сладкой воды» раскинули широкие развесистые кроны смоковницы с сочными зелеными листьями, образовав несколько островков тени. К воде и прохладе собрались обитатели окрестных пещер. Крестьянин средних лет, с длинной бородой на аскетическом лице, одетый в традиционный арабский дишдаш — белую рубаху до пят, чем-то напоминавший Иисуса Христа с картины Иванова, пригнал несколько верблюдов. Пожилая женщина в заплатанном зеленом платье, волочащемся сзади по земле, увешанная браслетами и ожерельями из серебра, уселась около воды на камень и наблюдала за козами, стоявшими у ручья. Несколько мужчин, одетых кто в фута, кто в старые брюки и гимнастерки, собрались, чтобы посидеть в холодке и обменяться последними новостями. Молоденькая девушка, похожая на стройную газель с зелеными глазами, прогнала хворостиной коз и начала набирать старой консервной банкой с надписью «Бритиш Петролеум» воду в бурдюк. В нем было пуда полтора, не меньше. Девушка легко вскинула бурдюк на плечо и грациозной походкой пошла по тропе в горы. Путь ей предстоял не близкий, километров пять. Мужчины провожали ее взглядами.

Картина была патриархальной и мирной. Мы почти забыли, что совсем недавно слышали взрывы падающих ракет и видели горевшую деревню.

Резкий свисток со скалы вернул нас к действительности.

— Тревога!.. Самолеты!..

Ахмед одним прыжком подскочил к хозяину верблюдов:

— Быстро! Снимай рубаху!

— Что ты?! В чем дело?

— Ты демаскируешь водопой.

Крестьянин проворно снял белую рубаху, бросил ее на камни и лег животом вниз, обнажив худую натружен-

ную спину. Остальные спрятались в скалах. Все смотрели, как высоко в небе пролетела на запад четверка «страйкмастеров».

Без малого два года прошло после первого нашего путешествия в Дофар. Многое изменилось с тех пор и здесь, в освобожденных горных районах, и по ту сторону линии фронта.

В Лондоне на Даунинг-стрит наконец поняли, что средневековый деспотизм Ибн Теймура был благодатной питательной средой для подъема революционного движения. 23 июля 1970 года два десятка вооруженных людей ворвались во дворец Ибн Теймура в Салале и потребовали его отречения. Султан вместе с преданными ему рабами отстреливался из автоматов и пытался ускользнуть по лабиринту скрытых ходов и комнат. Детали поимки Ибн Теймура остались тайной. Но достоверно известно, что понадобилось вмешательство начальника его личной охраны английского полковника Тернхилла, чтобы султан, тяжело раненный, подписал отречение. Через несколько часов он был вывезен из страны на борту английского военного самолета. Командующий оманскими наемниками английский генерал Грэхем «случайно» находился в этот момент в Салале.

«Мы, оманцы!» Тот, кто вскоре после переворота кичливо говорил с иностранными журналистами от имени этого арабского государства, отнюдь не отличался смуглой кожей и не носил белого бурнуса или большого белого тюрбана. Это был чистокровный англосакс, генерал Джон Грэхем, «отданный» лондонским правительством «во временное пользование» маскатскому правительству в качестве... главнокомандующего его вооруженными силами. Он считался правой рукой оманского «министра обороны», также носившего отнюдь не арабскую фамилию Олдмен. Грэхем окружил себя советниками, похожими друг на друга военной выправкой. Более ста восьмидесяти английских офицеров командовали вооруженными силами Омана и обучали оманских солдат ведению карательных операций.

Генерала Грэхема не смущало его двойное подданство. «Можно ли вообразить конфликт между королевой Англии и султаном Омана?» — ухмылялся он. Если в его

армии офицеры были англичанами, то половина рядового состава — пакистанскими наемниками-белуджами, так как местным арабам ни султан, ни англичане не доверяли. По мнению генерала, как, впрочем, и султана Кабуса, для «арабизации» армии требовались «многие годы, может быть, лет двадцать».

Английские военно-воздушные базы сохранились под Салалой и на острове Масира. Масирский комплекс считался крупнейшим после Сингапура английским форпостом «к востоку от Суэца».

Настоящим центром власти, где заседает «невидимое правительство», в Маскате считают не здание в центре столицы, в котором помещаются Совет министров и основные министерства, а штаб вооруженных сил. Армия остается единственной организованной силой, и ее роль в жизни страны огромна.

Для Дофара смена режима в Омане обернулась расширением военных действий и ожесточением бомбежек.

...С утра мы слышали отдаленный грохот боя и, когда подошли к штабу Западной зоны, обнаружили лишь теплую золу от костров, брошенные котлы и несколько бойцов тылового охранения.

— Все ушли на плато отбивать рейд английских наемников,— сообщили нам.

Еще один день догорел золотым закатом, и наступила долгожданная ночная прохлада. Глухие разрывы и пулеметные очереди, доносившиеся издалека, утихли.

Мы заночевали в большой, просторной пещере, которая служила ставкой командования Западной зоны и местом отдыха бойцов. С высоты в полтора десятка метров свешивались сталактиты, образовавшие причудливые арки и колонны. Между ними несколько потайных ходов вели внутрь, к складам оружия и продовольствия, которым распоряжался невысокий сердитый «начхоз». Весь его вид как бы говорил, что лишь он знает великую тайну, кому, сколько и в какое время нужно выдать продовольствия.

Пещера служила также перевалочной базой снабжения подразделений, которые сражались далеко отсюда, и потому вместе с нами расположился на ночлег караван верблюдов.

Нас разбудило какое-то движение и громкие голоса. Пещера заполнилась десятками вооруженных людей. В углу ярко горела керосиновая лампа, и группа командиров осматривала захваченное у англичан орудие.

— Я познакомлю тебя с героем сегодняшнего боя Мухаммедом Али,— сказал Ахмед, и мы подошли к вооруженному автоматом бородачу, стоявшему поодаль.

Мухаммед Али выглядел, пожалуй, как «типичный» араб пустыни — светлая кожа, крупный горбатый нос, крепкая, жилистая фигура. Свою бороду он аккуратно подстригал, оставляя неширокую полоску с мыском на подбородке; бороду дополняли щегольские усы. Лицо бойца казалось спокойным и немного надменным.

— Откуда здесь взялись англичане и наемники? — спросил я Мухаммеда.

— Прошлой ночью две роты наемников выехали на автомашинах из лагеря Хаглит. Смотри,— показал он карту.— К северу от гор у англичан есть в пустыне одна база. Мы их никак не можем из нее выкурить, потому что подступы к базе видны как на ладони и в случае опасности они вызывают по радио авиацию.

— Это далеко отсюда?

— Километров сто по пустыне... Так вот, наемники заняли брошенный год назад военный пост Даан Хор. Наверное, хотели закрепиться в Западной зоне.

— Как вы узнали об их появлении?

— Пастухи... Недалеко пасли коз два бедуина, они и сообщили в штаб о появлении наемников... Дальше Даан Хора наемники не пошли. Они установили орудия и начали стрелять по горам, чтобы нагнать страху. Густой кустарник подступал прямо к их позиции. Мы подобрались к ним и обстреляли из минометов. Дело было перед заходом солнца. Наемники не выдержали, погрузились в автомашины и ночью бежали. Один грузовик подорвался на мине.

В эту ночь в пещере больше никто не спал. Мы сидели с Мухаммедом на краю обрыва и наблюдали, как светлеет черная долина. Над гребнем горы показался сегмент солнца, и восточная часть неба стала золотистой. Солнце поднималось быстро, буквально на глазах. Темно-синее небо голубело и как будто выгорало, приобретая обычный белесый оттенок. Рыжие горы и корявые

безлиственные леса, отдохнувшие в ночной прохладе, снова оцепенели в неподвижном зное.

Принесли чай, забеленный сгущенным молоком. По случаю удачной операции «начхоз» расщедрился и выдал бойцам галеты и плавленые сырки. Кто-то включил транзистор, и в пещере зазвучал вдруг хриплый голос, срывавшийся на визг:

— Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Правоверные, слушайте! Безбожники-коммунисты, предавшие Аллаха и султана, обманывают вас. Они будут разгромлены, убиты, стерты с лица земли. Правоверные! Уходите из гор! Мы раскроем вам свои объятия. Убивайте комиссаров и командиров!..

Бойцы дожевывали галеты с сыром и с веселыми усмешками слушали голос, доносившийся из транзистора.

— Что это? — обратился я к Мухаммеду Али.

— Новая радиостанция в Салале... Психологическая война...

— Ну и как... действует?

— Как тебе сказать... Для тех, кто подготовлен, крепок в своих убеждениях,— нет. Но кое-кто перебежал к султану. В Восточной зоне в сентябре была даже попытка мятежа. Но Кабусу не верят даже в Маскате.

— Ты там был?

— Даже слишком долго... В тюрьме «Кут-Джаляль». Ты слышал это название?

— Еще бы!

Мухаммед Али достал кисет с табаком, свернул сигарету и закурил. Его лицо, обращенное к светлой долине, показалось мне на этот раз усталым и печальным.

Мухаммед родился здесь, в этих горах, с семи лет пас скот, а с пятнадцати начались его скитания по странам Персидского залива. Сторож магазина в Кувейте, солдат в охране князька Шарджи, безработный на Бахрейне, грузчик в Абу-Даби, он был из тех, для кого организация Народного фронта стала делом жизни. Мухаммед приехал в Салалу накануне восстания, чтобы установить связи с активистами фронта, и был арестован. Вместе с несколькими десятками «наиболее опасных агитаторов» его переправили в Маскат и поместили в «Кут-Джаляль». Тюремщики издевались над заключенными в меру своей фантазии: годами держали без света, подбрасывали змей, пускали голодных крыс.

Уже выйдя на свободу, Мухаммед узнал, что за годы его заключения жена и сын умерли в нищете, и он не нашел даже их могилы. И вот он здесь.

Один из основателей Народного фронта говорил мне:

— Мы считаем, что та революция достигнет успеха и достойно выполнит свою миссию, которая готова пойти на жертвы.

Он дал мне пачку листовок с портретами бойцов; на каждой стояла надпись: «Пал смертью храбрых». Я вглядывался в юные, почти детские лица и вдруг увидел двух знакомых. Они промелькнули передо мной прошлый раз то ли на привале, то ли в пути — ничем не примечательные, скромные ребята.

Мы собирались посетить главную военно-тренировочную базу Народного фронта, которую называли «лагерем революции».

За несколько часов мы добрались до каменистого склона, поросшего чахлыми агавами и мелким кустарником. Здесь слышались отрывистые команды. Юноши и девушки, одетые в униформу, по команде прыгали, делали обманные движения, били прикладом невидимого противника, кололи штыком, поворачивались и снова прыгали...

Солнце палило. В тени было градусов за сорок. Занятия, видимо, шли давно. Уставшие лица курсантов посерели от пыли и обострились.

Снова и снова под палящими лучами солнца отрабатывали юноши и девушки приемы штыкового боя. Вскоре инструктор объявил перерыв, и курсанты с веселыми криками, как мальчишки и девчонки в школе на перемене, побежали взапуски к ближайшей лужице.

Через полчаса мы были в лагере. В сухой сезон фарцы не нуждались в палатках, поэтому курсанты и командиры расположились прямо под кронами низкорослых, довольно густых деревьев, сохранивших маленькие жесткие листья. Серые одеяла, серые мешки, защитный цвет одежды делали лагерь незаметным с воздуха. Рядом, метрах в ста, с деревьев свисали влажные бурдюки, в шалашике хранилось продовольствие, а на камнях стояло несколько котлов — здесь была кухня.

Оказалось, что в «лагере революции» девушки со-

ставляли половину курсантов. Они несли равную нагрузку с юношами и проходили вместе с ними военную подготовку, учились грамоте, посещали политические занятия, работали на кухне.

Еще там, «на плацу», мы обратили внимание на их нежную красоту, хотя измученные лица девушек были покрыты слоем пыли. Сейчас, к вечеру, умытые и отдохнувшие, они хлопотали у кипящих котлов, жарили на сковородках, намазанных козьим жиром, толстые блины-лепешки. Девушки-курсантки, одетые в грубую мешковатую форму, подстриженные коротко, по-мужски, не расставались с винтовками, но грациозность и изящество все равно сквозили в каждом их движении. Многие из них вполне могли бы участвовать в конкурсах красоты и соперничать с известными кинозвездами.

Я попросил разрешения сфотографировать одну из них, которая даже в этом букете показалась мне лучшим цветком...

— Товарищ Марьям,— представил мне ее Ахмед.

Девушка крепко, нисколько не смущаясь, пожала руку.

— Марьям, ты могла бы стать кинозвездой,— пошутил я.

— Кинозвезда? А что это такое?

Девушка удивленно посмотрела на меня своими темными глазами с таинственным, идущим откуда-то из глубины, зеленоватым блеском. В ее лице было то же редкостное сочетание арабских, индийских и африканских черт, которое меня поразило когда-то в Сальмане.

Один из путешественников изобрел шкалу из шестнадцати пунктов для определения красоты аравийских женщин. Высший, шестнадцатый балл получили оманки. Ни в одной из арабских стран я не встречал таких очаровательных девушек и молодых женщин...

— Товарищ Марьям, как и другие курсанты, никогда не видела кино,— сказал Ахмед строго.— Если они звезды, то они горящие звезды революции,— добавил он несколько высокопарно.

...Вечером, после ужина, ко мне вновь подошел Ахмед:

— Алексей, приглашаем тебя на политзанятия.

— Что за тема?

— Положение женщины в обществе... Для нас это

очень важная тема. В горах среди местного населения женщин большинство. Ведь мужчины уехали в Залив.

В полной темноте, образовав большой круг, на поляне расселись курсанты — юноши и девушки. Вспыхивали огоньки сигарет. Тот, кто хотел покурить, накрывал голову плащ-палаткой или платком, соблюдая строгие правила маскировки.

— Во имя революции, во имя жертв революции,— произнес в тишине ночи Ахмед и на мгновение замолк.

Не буду пересказывать то, о чем говорил Ахмед. Он излагал содержание какой-то брошюры, посвященной женскому вопросу.

Юноши и девушки, отцы и матери которых еще вчера жили в условиях средневековья, говорили со страстной верой во вновь обретенные идеалы. Здесь, под небом Аравии, произносились слова «раскрепощение женщины», «эксплуатация человека человеком», «равенство мужчин и женщин».

Близилось к концу наше пребывание в Дофаре. Мы собирались идти в Хауф. На прощание судьба подарила нам приятную, радостную, но, как оказалось, горькую встречу.

Мы стали почетными гостями на партизанской свадьбе.

В горном селении, состоящем из нескольких каменных домов и шатровидных хижин, собрались бойцы на редкий для них праздник. Сбежались черноглазые любопытные мальчишки. Пришли старики и женщины. Девушки-курсантки сели на землю, опершись на винтовки и автоматы. Крестьянки с крупными серьгами в носу, повязанные цветастыми индийскими платками, расположились около невысокой каменной ограды. Погонщики верблюдов с непроницаемыми лицами курили самокрутки.

На горы опустился плотный вечерний туман. Зажглись керосиновые лампы-«молнии», и в сопровождении нескольких бойцов, подстриженных и побритых по этому торжественному случаю, появились жених и невеста.

Велика была моя радость, когда рядом с невестой-красавицей Марьям я увидел моего старого друга Саль-

мана. Он возмужал, окреп за эти два года, его лицо посуровело. Но сейчас на нем было выражение растерянного и безмятежного счастья, как у всех женихов на свете.

— Именем революции вы нарекаетесь мужем и женой,— дрогнувшим голосом произнес Ахмед фразу, наверное только что придуманную им.

Грохнули выстрелы, сгорели две палочки бенгальских огней, ударили глухие барабаны, поднялись вибрирующие крики женщин, начались танцы.

Ритм задавали тамтамы. Круг собравшихся освещало жаркое пламя костра. Музыкант, отбивавший ритм мускулистой рукой на своем барабане, находился в тени. Играли флейта и однострунная скрипка. Над округой плыла какая-то таинственная музыка — смесь арабской тягучей мелодии, казалось, сложенной во время долгих караванных переходов, с бешеной африканской синкопой.

Забывшись, со счастливыми лицами танцевали дети сожженных деревень, разоренных, покинутых городов. Что их ожидает? Какие трудности, жертвы, разочарования, успехи? И невольно думалось о том, что эти ребята, весь Народный фронт — капля (правда, лишь одна капля!) великого потока освобождения афро-азиатского мира.

Поблек свет керосиновых ламп. У догоревшего костра на голой земле прикорнул боец, положив щеку на приклад автомата.

На востоке появилось золотое солнце и повисло над горами. В его лучах я увидел темные фигурки людей на гребне горы: на восток, в зону боев, уходили бойцы.

...Спустя примерно полгода я побывал на Бахрейне, маленьком княжестве в Персидском заливе, которое только что стало независимым. Я купил местную газету «Халидж» («Залив») и прочитал на первой странице: «Последнее, решительное наступление англо-султанских войск с целью раздавить дофарских марксистов». Вечером в ресторане «Дильмун» я случайно оказался за одним столиком с англичанином, только что побывавшим в Дофаре.

— Последнее, решительное наступление,— зло ворчал он,— куда там наступать с трусливой бандой наемников. Я на днях был в горах с ротой белуджей из Салалы. Наша рота должна была уничтожить склад с продо-

вольствием. Мы нашли склад, но там нечем было накормить крысу. Все было вывезено. На обратном пути мы встретились с небольшой группой партизан с пулеметом, и они задержали нас на сутки. Наши вояки не решались их атаковать, ждали, пока подвезут орудия. На это ушло часов двадцать. Затем мы начали обстреливать партизан. Они почему-то не ушли и погибли.

— И кто же эти пулеметчики?

Мой собеседник сделал глоток виски, пососал кусочек льда и пожал плечами:

— Не знаю. Среди убитых мы обнаружили молодую женщину удивительной красоты, с редкими арабско-индийскими чертами лица. Даже наемники, грубые и бесчувственные, не знающие в жизни ничего святого, были столь поражены, что не надругались над мертвыми, а захоронили их с почестями. Никаких документов при них не оказалось.

У меня дрогнуло сердце и подступил комок к горлу:

«Марьям!.. Не ты ли это, сгоревшая звезда революции, прекрасная песня дофарских гор?..»

...Прошло еще пять лет. Вести, приходившие из Дофара, становились все тревожнее. Бои ожесточались. Силы были слишком неравными. Повстанцы потерпели поражение.

И вот снова в представительстве Фронта в Адене я обнялся со старыми друзьями и спросил Ахмеда:

— Ты знаешь что-нибудь о Сальмане и Марьям?

Ахмед отвернулся, поднес ко рту стиснутый кулак и глухо произнес:

— Они погибли... Оба.

«ПАТРИЦИИ» И «ПЛЕБЕИ»

Словно раненое большое животное, стонет остров. Стон, переходящий в рев, далеко разносится над бутылочно-зелеными волнами. Звук идет от газовых факелов чудовищной силы. Иногда порывы ветра сминают грязно-оранжевые языки пламени и прижимают к земле черный дым. Он окутывает арматурные переплетения, небольшую взлетно-посадочную дорожку, причалы, сварщиков, серебристые нефтехранилища. Отстраниться от факелов на маленьком участке суши невозможно. Вот и теснятся люди и машины рядом с бешеным огнем. Сквозь дым пробивается расплавленное медное солнце. Люди живут и работают, стараясь не обращать внимания на запах газа, на мрачные отблески вечного пожара.

Остров Дас в Персидском заливе стал главным нефте- и газосборочным пунктом с подводных месторождений компаний «Абу-Даби Марин Эриэз».

Сравнительно недавно жизнь медленно текла под плоскими крышами редких глинобитных хижин близ колодцев с солоноватой водой и в черных палатках кочевников. Аравийское побережье Персидского залива выглядело примерно так, как описал его в IV веке до нашей эры греческий историк, который совершил путешествие из Индии вместе с Неархом — флотоводцем Александра Македонского.

Сейчас пустыню и прибрежные воды опутывают нефтепроводы. Десятки тысяч рабочих и инженеров лихорадочно бурят скважины, строят компрессорные установки, выносят в море причалы нефтяных портов.

На границе пустыни и моря возникают ультрасовременные города со смелыми архитектурными формами, кажущиеся миражами в раскаленном, дрожащем воздухе, однако осязаемые и реальные. Полчища оранжевых бульдозеров вгрызаются в серые аравийские пески, расчищая

площадки для новых кварталов. Действуют самые крупные в мире заводы по опреснению воды. Ею утоляют жажду не только люди. Опресненной водой поливают пальмы в городских скверах и плантации овощей, что выращивают с помощью гидропоники на голом песке.

В княжестве Абу-Даби сам правитель несколько лет назад ездил по бездорожью на единственном в стране стареньком «джипе». Буквально на глазах пустыню покрыли лепестки шоссейных развязок, на автострадах установлены радарные контролеры, следящие за соблюдением дорожных правил. Рядом с молодыми столицами пыль заносит свалки автомашин, как вблизи крупных американских городов.

Летом из Аравии налетают пыльные бури. Ветер гонит ржаво-красные облака. Пыль и песок проникают в дома, воду и пищу, скрипят на зубах, засыпают глаза. Горячий воздух иссушает организм, вызывает жажду и тепловые удары.

Вместе с ветрами из глубины пустыни приходит кочевники — бедуины с длинными волосами цвета вороньего крыла. Их насурмленные глаза смотрят с удивлением, восторгом, жадностью и осуждением на базары из стекла и бетона, на залитые электрическим светом города.

Бывшие деревушки искателей жемчуга становятся торговыми и индустриальными центрами.

Рассказывают, что лет тридцать назад один иракский торговец предложил шейху Кувейта холодильник. «Очень хорош! — восхищенно сказал князь пустыни.— Только слишком дорого». Возможно, эта история — легенда, но она вполне могла быть былью. Сейчас официально объявленная «зарплата» кувейтского монарха в десятки раз выше, чем у президента США. Шейх Кувейта, как и другие нефтяные князья, входит во всемирный клуб миллиардеров.

В воздухе пахнет деньгами. Не просто большими, а фантастическими. Сюда со всего мира собираются бизнесмены — и мелкая рыбешка, и киты, чьи имена встречаются на рекламных щитах от Токио до Лондона и от Нью-Йорка до Сингапура. Покидая западноевропейские столицы, юные блондинки, представительницы «древнейшей профессии», берут билет в один конец: Париж — Эль-Кувейт, Лондон — Доха. Они надеются вернуться с сумочками, набитыми крупными купюрами.

Финиковые пальмы сияют гроздьями красных и желтых плодов. Лучшие джазы мира играют в отелях для шейхов, контрабандистов, нуворишей-спекулянтов, офицеров-паемщиков. Старые глинобитные дома набиты легальными и нелегальными иммигрантами, полны надеждой и отчаяньем.

Сегодняшний день Персидского залива. Нефтяной бум. Его изнанка и фасад. Сверхбогатство и сверхнищета. Сверхмодернизм и средневековье. Все вместе.

Если Саудовская Аравия давно известна миру, то о таких государствах, как Кувейт, Бахрейн, Катар, Оман, и о семерке, образовавшей Объединенные Арабские Эмираты (Абу-Даби, Дубай, Шарджа, Аджман, Рас-эль-Хайма, Эль-Фуджайра, Умм-эль-Кайвайн), до недавнего времени знали только востоковеды. Самый населенный из них Кувейт, здесь около миллиона жителей, а в Умм-эль-Кайвайне — всего четыре тысячи.

Значение Аравийского полуострова в донефтяную эпоху определялось его стратегическим положением, а также религиозно-политической ролью в мусульманском мире: в Саудии расположены священные города ислама — Мекка и Медина, а мусульманские обычан требукт от своих последователей совершать паломничество в Мекку. Но сейчас какая-нибудь межплеменная стычка кочевников Шарджи и Эль-Фуджайры откликается громким эхом на берегах Гудзона, Темзы и Токийского залива. Потому что все вращается вокруг нефти, которая призвана утолить энергетический голод США, Западной Европы и Японии: в зоне Персидского залива (или просто Залива, как его часто называют) залегают две трети разведанных ресурсов этого промышлено-энергетического сырья за пределами социалистических стран, здесь самая низкая себестонмость его добычи, чрезвычайно благоприятные условия для транспортировки. Любые события в бассейне Персидского залива привлекают внимание Международного нефтяного картеля, известного под названием «семь сестер». В это семейство входят американские компании «Экссон» (бывшая «Стандард Ойл оф Нью-Джерси»), «Стандард Ойл оф Калифорния», «Галф Ойл», «Тексако», «Мобил Ойл», англо-голландская «Ройял Датч — Шелл» и английская «Бритиш Петролеум».

Картель — самая могущественная монополистиче-

ская группировка капиталистического мира. Его участники в разных сочетаниях и пропорциях получили в свое время концессии в Аравии и сохраняют влияние даже в тех странах, где добыча нефти национализирована.

Прошлое

Большинство жителей Аравии и побережья Персидского залива в донефтяную эпоху добывали себе пропитание, разводя верблюдов, овец и коз, промышляя жемчуг, выращивая финиковые пальмы. Поэтому нелишне рассказать об этих видах хозяйственной деятельности, чтобы полнее оценить глубочайшие перемены, которые принес с собой нефтяной бум.

Верблюды для жителя пустыни — незаменимое транспортное средство. Они могут пройти огромное расстояние без глотка воды или же пить солоноватую воду, утоляя жажду и голод хозяина прекрасным молоком. Верблюд служит кочевнику живым и мертвым. Из его шерсти ткут плащи, накидки, ковры, тенты, плетут веревки, молоко и мясо идут в пищу, из шкуры выделывают кожи, а кости сжигают. Бедуины употребляют не только свежую верблюжатину, но и мясо, высушенное на солнце. Зябким утром кочевник будет согревать верблюжьей мочой окоченевшие руки, а бедуинки почитают ее лучшим средством для мытья волос.

Кочевники-верблюдоводы в аравийских условиях были господствующей военной силой. Поэтому все феодальные кланы полуострова или вышли непосредственно из бедуинских вождей, или связаны с ними теснейшими семейными и союзническими узами. Аристократические семьи, правящие на Бахрейне, в Кувейте, Катаре, Абу-Даби и других княжествах,— не исключение. Они откочевали из глубины Аравии в основном в XVIII веке, вытолкнутые на побережье засухами и внутренними смутами и привлеченные славой жемчужного промысла Персидского залива.

...Однажды ночью по доске, брошенной на берег, мы поднялись на борт лодки искателей жемчуга. Затарахтел мотор. Он был единственным современным механизмом на лодке, конструкция которой не менялась, возможно, тысячелетия. На Мухарраке, одном из Бахрейнских

островов, до сих пор сохранились верфи. На них из дерева, привезенного из Индии, строят крутобокие доу. Я познакомился с одним из корабелов. Он был строителем судов, как и его отец, дед, прадед. Я спросил его, по какому плану он строит суда. Жилистый, бородатый мужчина, обнаженный по пояс, усмехнулся и постучал себя по лбу: «Здесь мой план. Другого я не знаю». У доу высокие мореходные качества, на таком судне можно путешествовать через океан.

Журчала вода под килем. Силуэт рулевого с негроидными чертами лица, потомка африканского раба, все четче вырисовывался на фоне светлеющего неба. Мне вспомнилась чудесная легенда о происхождении жемчуга, записанная историком Аравии шейхом Набхани: «Весной раковины поднимаются на поверхность моря, и, когда идет дождь или над морем нависает тяжелая роса, они глотают капли чистой пресной воды, опускаются на дно, и из этих капель образуются драгоценные перлы».

Ассирийская надпись, сделанная во втором тысячелетии до нашей эры, гласила, что из Дильмуна была получена посылка «рыбьего глаза», то есть жемчуга. Это первое в истории упоминание о перлах Персидского залива. Большинство историков сходится во мнении, что именно Бахрейн был Дильмуном, который почитался в древней Месопотамии как место встречи богов. О жемчуге Персидского залива писали и древнеримский историк Плиний, и средневековый арабский путешественник Ибн Баттута, и пытливый исследователь Аравии итальянец Ди Вартема. «Главные и лучшие из всех перлов, которые находят в восточных странах, добывают в заливе между Ормузом и Басрой»,— сообщал в конце XVI века ван Линшоттен в книге «Записи путешествий в Восточные и Западные Индии».

Ловля жемчуга особенно расцвела в середине XIX века. Тогда тысячи лодок выходили каждый год на ловлю перлов, которая приносила сотни тысяч фунтов стерлингов дохода. Экономический кризис в 30-х годах нашего столетия подорвал жемчужный промысел, уменьшив спрос на драгоценные украшения. Но почти смертельный удар нанесло ему производство японского культивированного жемчуга. Сейчас лишь несколько десятков лодок с ныряльщиками выходят в море. Впрочем,

специалисты считают, что жемчуг Персидского залива лучше, чем культивированный японский, так как у него особый, долго сохраняющийся блеск, с глубоким розоватым оттенком.

С давних времен в районе Персидского залива введен закон, запрещающий применение ныряльщиками каких-либо механизмов, усовершенствований, включая маски. Таким образом, видимо, пытались сохранить жемчужные отмели от истощения, а ловцов жемчуга от конкуренции и голодной смерти.

Я наблюдал, как ныряльщики собираются на дне. От каждого весла с квадратными лопастями опускается по два каната. Один из них ловец использует для спуска, к другому прикрепляет сетку с раковинами жемчужниц. Ныряльщики работают в узких набедренных повязках или обнаженными. Все их снаряжение состоит из кожаных рукавиц, чтобы не поранить руки об острые уступы скал или кораллы, и ножа для отделения раковин. Нос закрывают специальным костяным или черепаховым зажимом, а уши залепляют воском. Ныряльщик вдевает ногу в петлю с грузилом и быстро опускается на дно. Там он может находиться в среднем до полутора минут, не считая время погружения и спуска. Затем он дергает за веревку, и его поднимают наверх.

Старшина лодки, пожилой человек с гноящимися воспаленными глазами, держал веревку с особой чуткостью старого ныряльщика и рыбака: ведь от его внимания зависит порой человеческая жизнь. Он должен вовремя почувствовать подергивание веревки и немедленно вытащить ловца на поверхность. В Персидском заливе случается, что искатели жемчуга, вооруженные лишь ножом, гибнут от нападения акулы или рыбы-пилы, но особенно опасны ядовитые, обжигающие медузы. Их прикосновение может вызвать шок, и ныряльщик захлебнется.

Судьба искателей жемчуга незавидна. Многие из них заболевают кессонной и другими болезнями. За свой тяжелый, опасный труд они получают ничтожно мало, и все зависят от торговцев, капитанов, владельцев судов. Сравнительно недавно должник не мог уйти от своего хозяина, оставаясь в долговом рабстве, которое передавалось от отца к сыну. Но сейчас этот средневековый обычай отменен.

Я наблюдал добычу жемчуга не только на Бахрейне, но и в Катаре, Кувейте, Абу-Даби, где обычаи, нравы и занятия местных жителей мало чем отличались.

Из района промысла мы возвращались к вечеру на другой лодке, так как ныряльщики остаются на отмелях несколько недель. Вдоль пустынного берега проносилась кавалькада живописно одетых всадников в длинных рубахах до пят, белых платках, накинутых на голову и схваченных плетеными кожаными ремешками. У некоторых на богато украшенных кожаных рукавицах или манжетах сидели, нахохлившись, охотничьи соколы, ослепленные специально надетым на глаза колпачком. Бахрейнская знать любит соколиную охоту и несколько раз в год выезжает в соседнюю Саудовскую Аравию, чтобы предаться бодрящему кровь спорту в пустынях и полупустынях. Сейчас это была просто разминка.

В эмирских конюшнях на Бахрейне около 300 чистопородных лошадей. Их генеалогическое древо прослеживается вглубь десятилетий и чуть ли не столетий с не меньшей тщательностью и гордостью, чем линии родовитых княжеских и королевских семей. Климатические условия — влажная изнуряющая жара летом и сухой холод зимой,— видимо, оказались идеальными для разведения лошадей. Вода, богатая необходимыми солями, отличный корм — финики, ячмень, круглый год зеленая люцерна, отсутствие эпизоотий помогают выращивать этих скакунов благородных кровей.

Мне читали стихи об арабских лошадях в закоулках старого торгового центра Манамы — столицы Бахрейна, в крохотных кофейнях, где с трудом умещается несколько столиков. В век транзисторов и телевизоров оказались живы традиции бедуинского стихосложения. Трудно сказать, насколько они распространены, но и сейчас, слушая изысканные сравнения аравийского скакуна со стройной девушкой, посетители в восхищении цокают языками и, отрываясь от кальяна, восклицают: «Валла!».

Аравия знаменита своими лошадьми, но редко кто знает, что в этих краях они мало кому доступная роскошь. Лишь владелец многих сотен верблюдов мог позволить себе прихоть — содержать благородного скакуна.

Манама хороша, когда на нее смотришь с моря. При-

ближаясь к городу со стороны Аравийского побережья, видишь линию домов с глубокими тенистыми верандами над зелено-голубым морем. На берегу видны невысокие башни, продуваемые бризом, которые раньше, когда не было ни электрических фенов, ни кондиционеров, служили местом отдыха от зноя. Линия городских домов разбивается несколькими минаретами. На главной улице высятся современные многоэтажные здания в «тропическом исполнении» — государственные учреждения, гостиницы, банки.

Через арку «Баб-эль-Бахрайн» — «Ворот Бахрейна» — можно пройти на манамский базар. Он представляет собой узкие улочки, наполненные гортанным говором шумной толпы, заунывной музыкой из транзисторов, запахом свежей рыбы, кофе, пряностей. Большинство мужчин — в европейских костюмах, хотя немало встретишь и дишдашей — длинных белых рубах до пят, которые мне представляются идеальными для аравийской жары. Женщины в основном в традиционных черных накидках, но нередко можно увидеть арабок, одетых по-европейски. Крупные магазины имеют современный вид, в них твердые цены. В лавчонках надо долго торговаться. Базар подержанных вещей, пряностей, металлических поковок, блюд, кувшинов — типично восточный.

На Бахрейне много источников пресной воды. Удивительно, что некоторые из них бьют со дна моря, так как водоносные слои с Аравийского полуострова проходят под дном неглубокого залива. Вода «морских пресных ключей» по трубам подается в сады и пальмовые рощи. Недалеко от Манамы есть чистые пруды с пресной водой, у которых бахрейнцы отдыхают в жару под перистыми кронами пальм.

В Сирии уверены, что именно в благословенном оазисе Гута, в котором расположен Дамаск, находился библейский рай. Большинство все-таки считают низовье Тигра и Евфрата тем местом, где змий некогда соблазнил Адама и Еву. На Бахрейне я убедился, что эти острова тоже претендуют на место библейского рая.

Финики для жителей аравийских оазисов — и хлеб, и овощи, и фрукты. Утверждают, что аравийская хозяйка должна уметь готовить из фиников несколько сот блюд. Они идут в пищу в свежем, вареном, вялом виде.

Из листьев финиковых пальм плетут циновки, из волокон, которыми покрыт ствол, вьют веревки и канаты, используют для рыболовных снастей. Ствол находит себе применение, как и любая другая высококачественная древесина. Из сока гонят финиковую водку. Иногда бедняки пережигают косточки фиников и используют их как суррогат кофе. Незрелые плоды вместе с косточками и сушеной рыбой скармливают скоту.

Жемчуг, соколы, лошади, даже финики и, за исключением Саудовской Аравии, верблюды — это все-таки прошлое. Это старина, теплая от незабытых легенд, традиция, дорогая сердцу местных жителей, любопытно-экзотическая для гостей. Не финики и не жемчуг и даже не верблюдоводство — главный источник существования для населения нефтяных государств. Все это атрибуты донефтяной эпохи, превратившиеся во второстепенные и третьестепенные занятия, лишь детали в картине противоречивого и уникального края, жителей которого нефтяная волна вымыла из глубоких пещер и палаток средневековья и бросила в водоворот последней трети XX столетия.

На аравийскую почву была перенесена нефтяная промышленность — одна из самых передовых отраслей индустрии XX века. Появились современные трудовые навыки у местного населения, сначала у рабочих, а затем техников и инженеров, опыт организации и управления крупным производством. Это происходило медленно и мучительно, так как иностранные компании справедливо усматривали в появлении местных кадров будущую угрозу своим позициям.

Однако нефтяная промышленность была столь высокопроизводительной, что охватила лишь небольшую часть населения. Новая индустрия долгое время оставалась островком в море традиционного хозяйства, чужеродным телом в феодально-племенном обществе. Добыча нефти оказала воздействие на аравийские государства прежде всего постоянно растущими отчислениями, которые попадали в руки правящего класса.

Абсолютные цифры дохода на душу населения в нефтяных княжествах создают статистическую иллюзию высокого уровня экономического развития. Государства на Аравийском побережье Залива превратились в импортеров всего, что можно приобрести за деньги,— от авто-

мобилей до певичек, от реактивных самолетов до картин старых мастеров, от ручных часов до замороженных черничных пирогов. Везде в мире быстрый подъем национального дохода был возможен лишь в результате предыдущих социально-политических изменений. Здесь же финансовый взрыв предшествовал и социальной, и политической, и культурной революции. Попытки «подтянуть» уровень нефтяных государств до их чисто финансовых возможностей упирались не только в политику международных монополий, не только в малолюдство этих краев, но и в общественную структуру Аравии, и в психологию ее населения. Чтобы лучше понять ее особенности, представим себе, чем была Аравия немногим более четверти века назад, перенесемся из княжеств в те районы полуострова, которые не затронул нефтяной бум.

Бедуины

Мы ехали на «лендровере» — автомашине с высокой проходимостью по южной кромке безводной аравийской пустыни Руб-эль-Хали. Каменистые долины-вади и черные, словно обугленные, плато сменялись узкими ущельями и крутыми перевалами. Ветер пустыни завивал песок в крутящиеся смерчи. Дети кочевников-бедуинов выходили на дорогу и просили, нет, не денег, не хлеба, а глотка свежей воды: в течение нескольких дней они утоляли жажду козьим и верблюжьим молоком.

Аравия — край великий по размерам и великий своей историей. Однако с первого взгляда кажется, что ей не хватает привлекательности и она как бы сопротивляется тем, кто хочет познакомиться с ней поближе. Зеленые островки оазисов теряются среди выветренных скал, бескрайних песков и безжизненных пространств. А как палит солнце в пустынях и на плато, где нет никакой тени! Небо над землей бесцветно, и смотреть на него — пытка для глаз. Сквозь мутное марево все кажется неопределенным и колеблющимся. Однако, подобно морю, столь безграничному и столь на первый взгляд монотонному, молчаливые равнины Аравии раскрывают для того, кто с ними познакомится поближе, свое очарование. Но это достигается не сразу, нужно много терпения.

Аравийский кочевник-бедуин представляет собой вы-

дающийся пример выживания, приспособления почти к немыслимым условиям существования. Он рождается в жалком жилище — палатке из козьей шерсти, под испепеляющим солнцем или в пронизывающий до костей холод. Повитуха омывает его тельце мочой верблюда и посыпает сухим навозом. Он выживает, один из трех-четырех братьев и сестер, как будто бы для того, чтобы бросить вызов своей нелегкой судьбе. Он рано усваивает уроки беспощадной борьбы за существование, закаляет волю, познает величие и ничтожество человека в океане пустыни.

Но несмотря на постоянный голод и жажду, самый бедный из бедуинов, который действителью победил нужду и жестокую природу своим непреклонным духом, почитает себя лучшим из людей. Самое страшное преступление для него — предать товарища. Его верность другу, своему роду и племени кажется безграничной. С врагами он свиреп и жесток. Все его эмоции лежат на поверхности. Легчайший выпад против его чести и достоинства может вызвать приступ ярости.

Характер бедуина, который вызывал восхищение или отвращение европейских путешественников, построен на неукротимом стремлении к свободе. Житель пустыни уважает силу и презирает любой признак слабости. Однако для него священно убежище и отказать просящему в убежище — значит поступиться честью.

Бедуин — деликатный, умный и жизнерадостный спутник. Он высоко ценит личную привязанность и обо всем судит на основе личного опыта, не забывая, правда, прикинуть, какую выгоду он извлечет для себя. «Часто герой, еще чаще дьявол, но никогда не раб» — так определяет бедуина современный американский путешественник Филлипс. Кочевник жаден до денег, но в такой же мере великодушен. Бедуин поделится с вами последним глотком воды, последней горстью риса. Принимая незнакомца в качестве гостя, он отдаст ему то, в чем крайне нуждается. Трудно превзойти бедуина в гостеприимстве.

Можно ли, рисуя его портрет, использовать глаголы в настоящем времени? И да и нет. Во многих районах Аравии образ жизни кочевников остался таким же, каким он был и тысячи лет назад. Однако на побережье Персидского залива сам смысл кочевничества, то есть

добывание скудного пропитания с помощью верблюдоводства или овцеводства, перестал существовать. Изменение условий жизни, распространение наемного труда, образования, поездки за границу, доступ к средствам массовой информации размывают племенные привязанности, развеивают патриархальные ценности прежнего общества. В этом же направлении идут события в Саудовской Аравии. Тем не менее буря перемен отнюдь еще не сломала бедуинскую психологию, племенных традиций, предрассудков, специфических общественных отношений аравийского феодализма и полуфеодализма. Как удается бедуину войти в капиталистическое общество последней трети XX века с его жестокой конкуренцией, властью чистогана, распадом как будто бы незыблемых моральных ценностей, с его телевидением, космической связью, автомобилями?

Коренные жители нефтяных аравийских княжеств и более развитых районов Саудии существуют как бы в двух мирах — в прежнем, феодально-племенном, и в современном. Состояние это неустойчивое, временное, преходящее.

Употребляя выражение «аравийский феодализм», все же не стоило бы ставить знак равенства между шейхом и помещиком средневековой Европы, рядовым членом бедуинского племени и крепостным. Племенной шейх ближе стоял к военно-демократическому вождю дофеодального Запада, чем к крепостнику.

Отношения эксплуатации и подчинения внутри кочевых племен были развиты меньше, чем в оазисах, и смягчались традициями племенной солидарности и взаимопомощи. Используя соплеменников в качестве военной силы для ограбления оседлого населения или рыбаков, князь пустыни считал долгом делиться с бедуинами частью добычи или регулярного дохода. Естественно, эти патриархальные отношения не распространялись ни на рабов, как правило, африканского происхождения, ни на вольноотпущенников, которые оставались в полукрепостной зависимости от хозяев, ни на крестьян-феллахов, ни на «низшие» племена.

Когда же в пустыне забили фонтаны жидкого горючего, феодально-племенная аристократия стала получать колоссальные нефтяные доходы, по своей сути (а не по размерам!) не отличающиеся от прежней феодальной

ренты. Первым ее побуждением было построить дворцы, перед которыми бледнеют сказки «Тысячи и одной ночи», а вторым — дать приличные жилища и прочие блага своим соплеменникам, но только соплеменникам.

Как начинался этот процесс, можно наблюдать в Объединенных Арабских Эмиратах, которые позднее других приобщились к нефтяному бизнесу. Многие из местной знати показались мне похожими друг на друга. И не только потому, что за века на узкой территории, где был мал приток свежей крови, все они давно породнились и приходились друг другу двоюродными и троюродными братьями. Они были похожи быстрыми резкими движениями и трагически недовольной миной на лицах. Их мир раньше был ограничен кругозором феодально-племенного общества пустыни. И вдруг — нефть! Золото! Толпы иностранцев! Ловкие дельцы и авантюристы, которые раньше не удостаивали эти забытые богом места своим вниманием, теперь слетались сюда стаями. Шейхи чувствовали, что их бессовестно обманывают, но ничего не могли поделать.

Притчей во языцах нефтяной эпопеи Персидского залива стал прежний правитель Абу-Даби — Шахбут ибн Султан. В начале 60-х годов княжество находилось на пороге одного из наиболее фантастических взлетов в истории нефтедобывающей промышленности, и в карман эмира потекли деньги. Шахбут, человек подозрительный и неуравновешенный, был подвержен припадкам ярости, и тогда его голос поднимался до визга, как у капризного ребенка. Многие считали, что он сошел с ума. Эмир отказывался иметь дело с иностранцами и не намеревался расходовать свое богатство, предпочитая коллекционировать золотые бруски под постелью. Заднюю комнату своего глинобитного дворца он забил крупными банкнотами. Когда его изгнали, то обнаружили, что крысы изгрызли бумажные деньги по крайней мере на два миллиона долларов.

Шахбут любопытен тем, что он исключение, может быть, он был своего рода Дон Кихотом пустыни, уходящих ценностей бедуинского феодально-племенного общества, «чистоту» которого он пытался сохранить столь необычным способом.

Шейхи и эмиры — люди, со своими сильными и слабыми сторонами, со своими понятиями о добре и зле, о

жизненных благах, о роскоши, райских блаженствах. (Напомним, что мусульманский рай — место чувственных наслаждений, с гуриями, изысканными яствами, со звенящими ручьями и тенистыми пальмовыми рощами.) Они не могут устоять перед многими соблазнами современного мира, помноженными на буйную фантазию древних легенд, и проходят через период сверхзатрат и мотовства как в личном, так и в государственном масштабе.

В последние годы правления короля Саудовской Аравии Абдель Азиза ибн Сауда в воздухе сгущался запах гниения. Правитель старел и был не в состоянии контролировать коррупцию, которая пышно расцветала в системе, созданной им самим. Его сыновья, племянники, министры расходовали растущие доходы убыстряющимися темпами. У министров и крупных чиновников появились ливанские, палестинские, сирийские секретари, единственная задача которых состояла в том, чтобы перекачивать деньги из государственной казны в швейцарские, американские банки или бейрутскую недвижимость. В страну ввозилось так много дорогих духов, что один из торговцев удивленно воскликнул: «Зачем им столько духов?! Они, должно быть, купаются в них!» В духах, как и в ваннах шампанского, аристократы этой пуританской страны действительно купали своих дорогостоящих европейских наложниц.

Когда в 1953 году на престол вступил Сауд ибн Абдель Азиз, он превзошел все, что происходило при его отце. Его гарем был больше, чем у отца, а его агенты шныряли в Каире, Тегеране, Карачи, Бейруте, покупая девушек (а иногда и мальчиков) для саудовской аристократии. Их операции приобрели такую скандальную известность, что ближневосточная печать стала требовать их пресечения. Понятие бюджета и разделения государственных и личных расходов практически не существовало в Саудии конца 50-х годов. Несмотря на рост нефтяных доходов, долги страны достигли астрономической суммы. Однако Сауд и его окружение не думали сокращать расходы на дворцы, автомобили, гаремы, самолеты. До поры до времени никто не решался поднять голос против разврата и разложения двора. Лишь старик Джон Филби, выдающийся исследователь Аравии, эксцентрик, бывший английский разведчик, осудивший ан-

глийскую политику, личный друг основателя королевства ибн Сауда, пытался публично одернуть нового монарха, за что и был выслан из страны.

Англичанин Колин Макгрегор, который стал финансовым советником кувейтского правительства, рассказывал, какой была обстановка в этом княжестве в середине 50-х годов: «Сначала мы хранили все доходы в чудовищном сейфе в моей конторе. Мы набивали его индийскими рупиями, золотыми слитками, мешками с золотыми соверенами. Там были миллионы и миллионы. Родственники правителя приходили и забирали деньги, иногда по миллиону рупий, и были очень недовольны, когда я настаивал на расписке. Я помню, как однажды один из братьев шейха, который славился транжирством, прислал записку, требуя огромную сумму в золотых соверенах и талерах Марии-Терезии. Я приготовил ее в двух больших мешках и послал ему, но дал строгую инструкцию охранникам, чтобы они не возвращались без расписки. Они пришли через час и принесли мятый клочок бумаги, на котором было нацарапано: „Получил два мешка денег"».

До сих пор в Кувейте можно встретить остатки этих безумных затрат — разрушающиеся дворцы с мраморными комнатами, наполненными «модернистской» мебелью из самых дорогих европейских и американских магазинов.

Те времена как будто прошли, и практически все прежние правители, у которых голова пошла кругом от потока золота, были сменены более реалистически мыслящими монархами. Расточительство стало не столь явным и во многих случаях сменилось систематическим накоплением и умножением богатств. Но многие «государственные» мероприятия, связанные с престижными соображениями, также граничили с транжирством. Не будем останавливаться на проекте строительства крыши над целым городом Эль-Кувейтом и созданием в нем искусственного климата, приведем пример попроще.

Кабинет министра одного из княжеств. Я не назову его имени, чтобы случайно не обидеть этого гостеприимного, доброжелательного человека. Кабинет, сделанный парижскими модельерами, был выдержан в золотисто-бронзовых тонах — кресла, обивка стен, стол, даже десяток телефонов на столе. В хрустальной вазе стоял букет

свежайших роз, доставленных из Шираза. Нежно шептал кондиционер, создавая восхитительную прохладу. Министр рассказывал мне о проекте строительства мощной станции цветного телевидения.

— Зачем вам эта станция? — не удержался и спросил я.

— Как зачем? У наших соседей есть. Мы тоже должны построить.

— Какие у вас еще планы?

— Построить радиостанцию мощностью семьсот пятьдесят киловатт.

— А разве для вашей страны и ее нескольких десятков тысяч жителей не хватит и двадцати пяти киловатт?

— Ну, мы хотим, чтобы нас слышал весь арабский мир до Атлантики.

— Зачем?

В ответ я встретил недоумевающий, даже обиженный взгляд.

Режимы

Когда началась нефтяная эпоха в Кувейте, Катаре, на Бахрейне и в Абу-Даби, все они находились под английским протекторатом. Поэтому колониальные чиновники и их взгляды наложили отпечаток и на финансовую политику княжеств, и на их постепенные административные преобразования. Было бы примитивно полагать, что англичане видели наиболее подходящую форму правления только в закостеневшей феодально-племенной системе. Они были достаточно гибкими и искали такое общественно-политическое устройство, которое отвечало бы их интересам. Колониальные чиновники предпочитали сохранить в качестве подчиненных союзников феодальных правителей, пустивших корни в местной олигархии, но модернизировать их, приспособив, хотя бы внешне, к потребностям нашего времени. Они хотели бы обезопасить как своих подопечных, так и прежде всего свои собственные интересы от социальных и политических неожиданностей. Однако «сюрпризы» были неизбежны, если учитывать взаимосвязанность процессов, которые происходили на всем Ближнем и Среднем Востоке, и воздействие революционных преобразований в арабских странах на ситуацию в Персидском заливе.

Поддержание безопасности, стабильности в зыбких песках Аравийского полуострова, естественно,— главная забота правителей нефтяных государств. У них есть многочисленные по местным масштабам армии и силы безопасности, набранные из бедуинов, бывших рабов или просто наемников, система тайной полиции и слежки. Но отнюдь не только на голой силе основывают они устойчивость своих режимов. Нефтяные монархи ищут солидную общественную опору и с этой целью обращают свои взоры к соплеменникам. Это делается как интуитивно, ибо им вовсе не чужды некоторые ценности кочевого племенного общества, так и сознательно — по совету иностранных экспертов.

Коренные жители обеспечиваются «теплыми местечками» в государственном, административном аппарате и торговле, бесплатными школами и больницами, другими социальными благами, дешевыми квартирами. В Кувейте — бесплатные телефоны, а школьники получают питание из кухни, которая производит несколько десятков тысяч бесплатных завтраков в день. Из коренных кувейтцев, живущих на зарплату, лишь одна десятая — рабочие, остальные — чиновники и служащие. Если копнуть поглубже и выяснить происхождение рабочих-кувейтцев, то окажется, что они в своем большинстве — выходцы из наиболее угнетенной части коренного населения: рыбаков, ловцов жемчуга, феллахов, но отнюдь не из бедуинских племен «голубой крови». Кочевники с удовольствием пересели, например, с верблюда за руль такси. Им не составляло труда сменить караванный извоз на машинный. Они пошли служить в полицию, армию, получили в министерствах посты, граничащие с синекурами. Главным же источником рабочей силы стала иммиграция, но к этому вопросу мы еще вернемся.

Не во всех аравийских государствах положение было одинаковым. Сказывались различия в уровне нефтяных доходов, традициях, численности населения, его образованности, степени развития феодализма.

На Бахрейне нефтяные доходы стали поступать в начале 30-х годов, и только одна треть из них шла непосредственно шейху и его семье. Остальное было распределено на финансирование различных проектов, дорог и создание резервов, конечно, в английских банках. Но в 50-х годах рост нефтяных доходов временно прекратился.

Население же продолжало увеличиваться. Сложилась ситуация, когда у правящего клана потребности росли гораздо быстрее, чем возможности их удовлетворять. Одна из причин наиболее развитого демократического движения на Бахрейне по сравнению с другими княжествами состоит не только в более высоком уровне образованности населения, но и в том, что растущими нефтяными доходами было невозможно нейтрализовать потенциальных политических оппонентов. Кроме того, торговый характер Бахрейна, его широкие связи с внешним миром делали население политически более сознательным, затрудняли создание там в чистом виде феодального деспотизма.

В декабре 1972 года в стране прошли первые выборы и был создан Конституционный совет. Затем в декабре 1973 года состоялись выборы в Национальное собрание, и несколько человек с прогрессивными убеждениями стали членами местного законодательного органа. «Бахрейнский парламент, конечно, не является примером парламентской демократии в подлинном смысле слова,— писала „Файнэншл Таймс", которую в этом смысле трудно заподозрить в незнании.— Правитель Иса ибн Сальман аль-Халифа остается высшей властью и управляет. Ключевые посты находятся в руках членов его семьи». Несмотря на то что шейх сохранил эффективную власть и имел право «вето» по отношению к любому законодательству, Национальное собрание могло вмешиваться в процесс принятия решений. Поэтому оно превратилось в средоточие политической активности, трибуну, с которой раздавалась критика в адрес власть имущих. Семья эмира не захотела мириться с этим, и в 1975 году бахрейнский «парламент» был разогнан, а его левые депутаты арестованы.

В Кувейте адаптация власти к новым нефтяным доходам — это история того, как постепенно трансформировалась феодально-племенная монархия, как создавались какие-то формы современной государственности. Ведь в Аравии само понятие «государственный служащий» было чуждо местным традициям и социально-политическому устройству. Однако не успело смениться и поколение, а Кувейт уже приобрел внешние атрибуты современного государства и даже парламент. В выборах участвуют все грамотные кувейтцы, мужчины старше 21 года. Это

означало, что в 1972 году из населения 750 тысяч человек только 40 тысяч человек участвовали в голосовании. Оппозиция жаловалась, что в округа, где у нее были возможности получить большинство, привозили кочевников из пустыни, и они голосовали за кандидатов правящего клана.

«Власть в стране сохраняется в руках олигархии, сформированной правящей семьей во главе с шейхом,— писал английский журналист Стефенз в книге „Новый рубеж арабов".— В нее кооптированы некоторые представители купечества. Однако эта власть в определенной степени ограничена и сбалансирована оппозицией в ассамблее и ростом образованного класса и прессы, которая свободнее, чем во многих арабских государствах». Оставим на совести автора выражение «образованный класс». Однако остается фактом, что распространение образования и повышение уровня политической сознательности вынуждают правителей Кувейта более гибко проводить свою политику, учитывая возможную оппозицию. Хотя официально в стране нет политических партий, некоторые влиятельные, радикально настроенные политические деятели симпатизируют социалистическим идеалам.

Другие княжества Персидского залива, кроме Бахрейна, пока что предпочитают не экспериментировать с выборными органами.

Феодальный деспотизм султана Маската Сайида ибн Теймура был из ряда вон выходящим даже по аравийским понятиям. Поэтому англичане инсценировали государственный переворот и посадили на трон его сына Кабуса, знакомого с требованиями современного мира.

Еще йеменская революция 1962 года послужила серьезным предупреждением для многих консервативных режимов Аравийского полуострова, особенно для Саудии. В ноябре 1964 года на собрании саудовских принцев и богословов-улемов было решено низложить короля Сауда и посадить на трон его сводного брата Фейсала. Сауд, дворец которого был окружен верными Фейсалу войсками, капитулировал и покинул страну. Внешностью, взглядами и поведением Фейсал отличался от своего брата. Он считал необходимым установить в стране более строгий финансовый контроль и провести кое-какие преобразования.

«Саудовская Аравия остается глубоко консервативной и в значительной степени феодальной страной,— писала газета „Файнэншл Таймс" спустя десять лет после государственного переворота.— Это государство — самый близкий эквивалент теократии в сегодняшнем мире. Ее „конституция" — Коран, ее закон — шариат, а мораль навязывается бескомпромиссным применением палочной дисциплины со стороны религиозной полиции. Доходы от нефти изменили лицо Саудовской Аравии больше, чем ее душу или ум».

Фейсал осторожно маневрировал между старыми-улемами, многие из которых считают, что земля плоская и нетерпеливыми молодыми саудовцами, которые во все большем числе возвращались из-за границы с дипломами различных колледжей и университетов. В более широком плане главные силы, которые действовали на политической арене Саудовской Аравии,— это королевская семья, образованные технократы в правительстве и армии, бедуинская аристократия пустыни и мусульманские улемы. Легко заметить, что все они представляют собой течения, цвета и оттенки единого феодального класса со всем его аравийским своеобразием.

Король Фейсал играл роль как бы председателя правления саудовской семьи из двух тысяч членов. Она была единственной постоянно действующей политической системой страны. Более узкую группу из пятидесяти принцев называли «делателем королей». Вступив на трон, Фейсал назначил своего сводного брата Халида первым заместителем премьер-министра и наследником. Между братьями короля были поделены другие основные посты в государстве. Турки ибн Абдель Азиз стал заместителем премьер-министра, влиятельный принц Фахд ибн Абдель Азиз — министром внутренних дел, Султан ибн Абдель Азиз — министром обороны, Наваф ибн Абдель Азиз — советником короля. Из членов королевской семьи назначались губернаторы главных провинций и городов. Вместе с тем Фейсал придал новое значение той группе, которую иногда считают «вторым правительством»,— образованным молодым технократам.

Как молодые принцы, так и более старые члены королевской семьи всячески подчеркивали свое уважение к бедуинским племенам. Довольно часто какой-нибудь принц исчезал из столицы на несколько недель, отправ-

лясь «на охоту». На самом же деле он посещал кочевые племена и распределял там подарки или субсидии. На заседаниях королевского совета глава государства мог внимательно выслушивать жалобы какого-нибудь босого бедуина и принимать решение в его пользу.

Королевская армия не считалась достаточно надежной опорой режима. После заговора с целью переворота, организованного в 1969 году государственными служащими и офицерами авиации республиканских убеждений, армию держали подальше от городов, и она даже не имела доступа к складам оружия. В 1972 году была объявлена амнистия некоторым уцелевшим участникам заговора и освобождено примерно 150 человек.

Опорой власти служила хорошо оснащенная национальная гвардия, состоящая из бойцов самых преданных племен «голубой крови». У нее всегда был большой резерв из кочевников. Национальная гвардия охраняла важнейшие правительственные учреждения и нефтепромыслы. Положение ее командующего, принца Абдаллаха, показывало, что он один из трех или четырех людей в правительстве, кому король больше всего доверял.

Сложившаяся структура власти в Саудии, обеспечив свою временную внутреннюю стабильность, не гарантировала жизнь самому Фейсалу.

Утром 25 марта 1975 года во время мусульманского религиозного праздника — дня рождения пророка Мухаммеда — король принимал своих родичей, шейхов племен и богословов. К нему приблизился его племянник Фейсал ибн Мусаид и вместо приветствия выхватил пистолет и разрядил обойму в дядю. Когда в зал ворвались охранники, король уже был мертв.

Эр-риядское радио, прервав программу, посвященную пророку, объявило о смерти Фейсала. В первом сообщении утверждалось, что принц ибн Мусаид сошел с ума. Но через несколько месяцев врачи якобы признали его психически нормальным, и богословский суд приговорил убийцу к смертной казни. 18 июня после молитвы на глазах у многотысячной толпы палач отрубил голову Фейсалу ибн Мусаиду тремя ударами сабли, через минутные промежутки, чтобы продлить мучения жертвы.

Кто водил рукой ибн Мусаида, осталось тайной. Высказывались предположения, что в деле замешано ЦРУ, которое было недовольно строптивостью старого короля.

Не исключались мотивы кровной мести: брат молодого принца погиб в 1966 году при попытке захватить вместе с группой фанатиков телестанцию, которая, по их мнению, передавала программы, несовместимые с исламом. Во всяком случае Фейсал был отнюдь не первым из династии Саудидов, павшим от руки убийцы.

Смена власти внутри королевской семьи прошла сравнительно спокойно. На трон был посажен Халид, а «сильный человек» Фахд объявлен наследником престола, первым заместителем премьер-министра и министром внутренних дел. Абдаллах сохранил важный пост командующего национальной гвардией и стал заместителем премьера.

Пока нет свидетельств, что в стране что-либо существенно изменилось. Тайная полиция действует по-прежнему активно, особенно среди студенчества, которое считается потенциально опасным. Проверяются переписка, телефонные разговоры и передвижение. Одна из французских миссий, посетивших Саудию, утверждала, что эта служба — «единственная полицейская организация, которая хорошо функционирует».

Пропаганда находится под строгим контролем и поставлена на службу режиму. Отчеты о заседаниях правительства выглядят примерно так: «Совет министров изучил все вопросы, стоявшие на повестке дня, и принял соответствующие решения». Чтобы узнать несколько больше о мире, в том числе и о своей собственной стране, саудовцы настраивают транзисторные приемники на иностранные станции и покупают египетские и кувейтские журналы.

В стране нет права на забастовки, собрания и организации. Когда наступает время одной из пяти ежедневных молитв, мотавва, специальные полицейские, следящие за соблюдением религиозных обрядов, проходят по базарам и улицам, чтобы заставить жителей «выполнить свой долг».

Мусульманская религия отнюдь не в модернизированной форме пронизывает всю жизнь арабийских стран, хотя ее влияние на Бахрейне или в Кувейте несколько ослабевает. Сама эта тема слишком велика и многогранна, поэтому для примера возьмем лишь положение женщины.

Жители оазисов и городов Аравии в целом считают,

что женщинам уготовано более низкое положение в обществе, чем мужчинам, так как этот факт якобы установлен высшей волей Аллаха, и ссылаются на Коран. В нем сказано, что женщина при всех равных условиях наследует только половину того, что мужчина. На суде свидетельство одного мужчины равно показаниям двух женщин. По общему убеждению, женщины подвержены соблазну, и мужчины должны строго следить за ними. Грамотность среди арабок еще недавно была редчайшим исключением. Идеальная женщина, по местным представлениям,— скромная и робкая, домоседка, она избегает контактов с другими мужчинами, кроме близких родственников, и не общается слишком часто даже с другими женщинами вне семейного круга. Ее главная забота — обслуживать мужа и детей, вести домашнее хозяйство. Место арабки только в доме, а не на рынке или на общественном собрании. Конечно, под словом «дом» подразумевается не просто семья, но и более широкая фамильная группа.

Самостоятельно содержать себя было для женщины тяжелым делом. Если она отличается предприимчивостью и если мужчины в ее семье не возражают, то она может открыть лавку в собственном доме, но продавать — только женщинам. В Аравии бо́льшая часть покупок делается мужчинами. Даже если очень богатая женщина захочет основать какое-нибудь предприятие, она должна иметь посредников другого пола.

Нанять арабку в качестве домашней прислуги невозможно, так как это означает, что она должна обслуживать других мужчин. Эту роль до отмены рабства в богатых семьях выполняли только рабыни. Когда в 30—40-х годах в княжествах было освобождено много рабынь, в основном из-за того, что хозяева считали невыгодным держать их, для многих единственным средством пропитания стала проституция.

Когда мужчина разводится с женой, произнеся соответствующую формулу, она должна немедленно покрыть лицо чадрой, собрать вещи и вернуться в дом отца. Забота о ее пропитании падает на мужчин из ее семьи, а не на ее бывшего мужа. Но если у нее есть сын, то это уже своего рода социальное страхование, так как сын должен заботиться о благополучии матери.

Естественно, что, когда распространяется образова-

ние, входит в быт телевизор, появляется все больше иностранцев, которые по-другому относятся к женщине, старые обычаи начинают быстро размываться. Но это затрагивает лишь незначительную часть населения. В Заливе наиболее передовыми считаются бахрейнки, где многие из них получают кое-какое образование, занимают секретарские и другие должности. Но даже на Бахрейне такую традиционную для нас «женскую» работу, как официант в ресторане, телетайпист, телеграфист или врач, выполняют только мужчины.

В Саудовской Аравии, где упорно пытаются сохранить прежний статус женщины, все-таки начали тратить миллионы долларов на образование девочек. Но одновременно расходуются не меньшие деньги на то, чтобы отделить девочек от мальчиков, юношей от девушек. В университете города Джидды студентки посещают занятия точно так же, как и во всех других вузах мира, но им не разрешено сидеть в одной аудитории с юношами. Девушки находятся в другой части университета и за лекцией следят по телевизору. Когда они посещают библиотеку, студенты в нее не допускаются. Мужчинам и женщинам в Саудовской Аравии запрещается работать под одной крышей. Поэтому даже посты секретарей занимают только представители сильного пола. Женщинам не разрешается водить автомашину, и они не могут работать стюардессами в саудовских авиакомпаниях.

Человек, стоящий во главе управления школ для девочек, шейх Насер ибн Хамад, бывший судья, в буквальном смысле слова никогда не переступал порога учебных заведений, за которые он несет ответственность. Он отдает распоряжения преподавательницам по телефону или в письменном виде. Религиозные и моральные соображения мешают ему встретиться с ними лично.

Напряженность по вертикали

По хорошему шоссе, которое пролегает из Дохи — столицы Катара — через необжитую пустыню, мы подъехали к сияющему светлой краской заводу удобрений. Он казался индустриальным миражем в доисторическом мире.

— Как вы обеспечиваете кадры для своего предприятия?— спросил я директора завода норвежца Ойстена Линде.

— Катарские законы предоставляют преимущество при найме на работу местным жителям,— ответил директор,— потом арабам из Залива, затем другим арабам и, наконец, всем остальным иностранцам. Пока мы нанимаем египтян, палестинцев, ливанцев, пакистанцев, индийцев. Им на смену, может быть, придут местные, которых мы готовим на заводе.

— Учеба занимает много времени?

— От шести месяцев до нескольких лет. Мы учим сначала языку, так как почти вся документация и техническое обслуживание на английском, затем — специальностям. Всех же рабочих мест больше, чем катарцы смогут занять сейчас и в будущем. Кроме того, многие из них, выучив язык, уйдут, потому что они получат хорошую работу в правительственных учреждениях. Возможно, что часть останется, но я не уверен. Некоторых нужных заводу специалистов можно найти в других княжествах Залива — из тех, кто раньше был связан с нефтяной промышленностью. Здесь также есть неплохие плотники — жители этого района раньше строили хорошие деревянные суда. Естественно, что инструментальщиков и рабочих других специальностей нет.

— Отношение катарцев к производственной дисциплине?

— Это интересная и сложная проблема. У нас требуются и точность, и внимание к работе, и соблюдение смен. Бедуины, безусловно, индивидуалисты. Мы сталкивались с подобной проблемой в Норвегии. Там дело касалось рыбаков. Потребовалось лет десять, чтобы сделать из рыбаков квалифицированных рабочих. У них был свободолюбивый нрав, индивидуализм, и они не желали подчиняться дисциплине. Здесь потребуется больше десяти лет. Но социальный статус рабочих неясен. Мы заинтересованы в «катаризации». Было бы больше устойчивости и меньше текучести рабочей силы. Кроме того, это обходилось бы дешевле. Сейчас мы нанимаем иностранных рабочих, и нам приходится платить за их ежегодные перелеты. Для более высоких постов инженерно-технического персонала катарцы уже готовятся в университетах за границей. Пройдет много времени, прежде чем они

смогут занять хотя бы некоторые инженерно-технические должности.

— Не препятствуют ли работе современной промышленности фанатизм, устаревшие традиции?

— Жители побережья Персидского залива больше связаны с миром, легче усваивают новое, менее скованы фанатическими предубеждениями, чем, например, в соседней Саудии. Они идут впереди Саудовской Аравии лет на двадцать.

— Есть ли социальная напряженность в княжестве?

— Она есть, но со своими умеют манипулировать. «Каждой сестре дают по серьге», стараются обеспечить привилегии для своих рабочих.

— Какое отношение здесь к деньгам, хотя бы у тех, кто получает «по серьге»?

— Это нелегкий вопрос. Материальное благосостояние свалилось на людей сразу. Многие не меняют образа жизни, оставаясь в палатках, лишь приобретают «ленд-роверы», радиоприемники, транзисторные телевизоры. Старые обычаи держатся цепко.

В княжествах Персидского залива и Саудии в течение десятилетия современные кадры формировались только в очагах нефтяной промышленности. Завод химических удобрений в Катаре — продукт новых веяний.

Несмотря на высокий уровень потребления, у аравийского населения не было хозяйственных и трудовых навыков для современной жизни. Однако кто-то же должен приводить в движение маховики того немалого производственного механизма, который запущен в княжествах Персидского залива и Саудии. Кто-то же должен применять технологию, изобретенную отнюдь не жителями Аравии, чинить американские или японские автомашины, телевизоры или кондиционеры, строить дома, стадионы, заводы и причалы, копать траншеи, вывозить мусор, таскать ящики, управлять птицефабриками, преподавать математику, печатать газеты, рисовать рекламные щиты. Это, как правило, забота «плебеев» — иммигрантов.

Нефтяной бум привлек в аравийские княжества активный элемент со всего Ближнего и Среднего Востока.

В качестве «белых» и «синих» воротничков работают палестинцы, ливанцы, египтяне, сирийцы, некоторое количество европейцев, а чернорабочие — это больше

йеменцы, иракцы, иранцы, пакистанцы, индийцы и омайцы, которые до недавнего времени были парпями рядом со своими «сверхбогатыми» соседями. За исключением Бахрейна и, естественно, самого султаната Оман, во всех княжествах большинство населения — иммигранты. Масса приезжих и в более населенной Саудии.

Национальный доход Абу-Дабн, даже учитывая иммигрантов, достиг в 1974 году примерно 27 тысяч долларов на душу населения. Если бы производство нефти не было заморожено, он мог бы удвоиться и в десять раз превысить соответствующие показатели самых развитых капиталистических стран. Пожалуй, ни одно государство не обладает таким сочетанием огромного дохода и малого населения, ни одно так не нуждается в приезжей рабочей силе, в импортированных знаниях, не переживает такую неожиданную трансформацию от нищеты к сверхбогатству, как Абу-Дабн.

На улицах городка Эль-Айна, центра оазиса Бураймн, урду, фарси или хиндхи услышишь чаще, чем арабскую речь. Этот район известен тем, что в начале 50-х годов он стал ареной вооруженного конфликта между Саудовской Аравией и англичанами (Оман и Абу-Дабн были тогда британскими протекторатами). В результате оазис поделили между этими княжествами. Иммигрантов даже в глубине пустыни сейчас больше, чем коренных жителей. И пусть они приехали временно, лишь для того, чтобы заработать, но их сменят другие. В роскошном отеле «Хилтон», одном из всемирно известного семейства дорогих гостиниц, служат только индийцы. Один ливанский журналист жаловался: «Я объехал Маскат, Абу-Дабн, Доху. В гостиницах зачастую не понимают арабского языка. Даже в министерствах в ходу больше английский, чем арабский».

В Абу-Дабн нет ни одного своего врача. Большая часть медицинских работников приезжает из Индии и Пакистана. Здесь нет ни одного пилота для реактивных самолетов «мираж», купленных во Франции, так что на них летают пакистанские летчики. Не хватает рабочей силы. Если у гражданина Абу-Дабн есть какая-то подготовка для какой-либо должности, ему, конечно, отдается предпочтение. Но практически ни у кого из местных жителей нет подобных знаний.

Когда была открыта нефть, Абу-Дабн насчитывал

двадцать тысяч жителей. Сейчас в нем более ста тысяч. В целом в Объединенных Арабских Эмиратах положение примерно такое же. Правительство понимает, насколько опасные последствия для внутренней стабильности создает подобная ситуация, и ищет выхода. В частности, жителям соседнего, более населенного, Омана, предоставляется местное гражданство через три года после въезда в страну. Впрочем, иностранные советники считают, что политические трудности и волнения среди иммигрантов невозможны, так как они разобщены.

В Дубае и Катаре положение, сходное с Абу-Даби. На Бахрейне приезжих меньше пятой части населения, и отсюда многие уезжают в качестве «белых воротничков» в соседние княжества. Но среди экономически активного населения приезжих уже более трети, а в технической области — больше половины.

Как это ни парадоксально, даже Саудовская Аравия все больше зависит от ввоза рабочей силы. Рабство в ней было запрещено в 1962 году. Но Лондонское общество борьбы с рабством недавно утверждало, что в Аравии еще есть его остатки. «В стране в 1956 году было 750 тысяч невольников»,— писал ежемесячник «Монд дипломатик». Эта цифра кажется преувеличенной, потому что, видимо, в число «рабов» парижский ежемесячник включил и полукрепостных вольноотпущенников, и их потомков. Сейчас для неквалифицированной работы используются йеменцы, которых от 750 тысяч до одного миллиона. На рынке труда они легко подпадают под ту же категорию что и бывшие рабы, и занимают места чернорабочих, дворников, посыльщиков, докеров, садовников, слуг. Один из местных жителей говорил корреспонденту «Монд дипломатик»: «Они же очень довольны, что приехали к нам. Здесь они находят работу и деньги, чего нет у них на родине. Они вовсе не несчастные. Некоторые из них даже обогащаются». Йеменцы легко получают визу, находят работу, не платят налогов, и на них распространяются законы о труде, впрочем очень неясные, которые существуют в Саудовской Аравии. Некоторые иммигранты, особенно хадрамаутцы из Южного Йемена, известные своей коммерческой хваткой, смогли сколотить состояния.

Чем вызвано такое положение в Саудии? Прежде всего тем, что в стране значительная часть населения —

кочевники, которых привлекает лишь очень ограниченное количество современных профессий. Даже если для них не находится мест в министерствах, армии или национальной гвардии, они все равно получают большие субсидии. По утверждению многих авторов, королевский режим просто не хочет создавать собственный пролетариат, а для правительства Саны — это приемлемый выход из безработицы, которой поражен Северный Йемен.

Подобно нефтяным княжествам Залива, саудовцы конкурируют в получении подготовленной рабочей силы из северных арабских государств. Учителя, инженеры, врачи, квалифицированные чиновники — в основном несаудийцы. Долгое время въезд египтян в Саудию был ограничен из-за политических разногласий между Каиром и Эр-Риядом, но сейчас запреты практически сняты, и египтяне, одни из самых дешевых квалифицированных рабочих в арабском мире, тысячами хлынули сюда.

В Саудовской Аравии и княжествах, как уже говорилось, существовала полукастовая система с делением на «патрицианские» племена «голубой крови» и племена зависимые и «низшие», а также рабов и вольноотпущенников. Группы населения, стоящие внизу полуфеодальной общественной лестницы, и сейчас близки по своему положению к бесправным «плебеям» — иммигрантам.

«Плебеи» Аравии плохо вписываются в «общество всеобщего благоденствия». Даже состоятельные и образованные иммигранты не могут купить землю, недвижимость, основать предприятие, открыть магазин. Они обязаны брать в напарники «патриция», выплачивая ему за имя немалую мзду. Это открывает дополнительные возможности для обогащения аристократических семей. Лишь единицы из числа приезжих получают местное гражданство.

— Да, зарплата у меня довольно высокая, но ведь жизнь такая дорогая,— жаловался солидный инженер-палестинец из нефтяной компании.— Если меня завтра выгонят, я останусь ни с чем. Разве что получу выходное пособие... У меня нет никаких прав — ни на пенсию, ни на новую работу, ни на получение жилища...

Кувейтские граждане, которые зарабатывают меньше двух тысяч фунтов в год, получают специальную прави-

тельственную субсидию. Но многие иммигранты-чернорабочие трудятся меньше чем за 300 фунтов в год, не надеясь ни на какую помощь. В пустыне, за границами современного города находятся бидонвили некувейтцев, у которых никогда не будет особых заслуг, чтобы стать гражданами этого государства. Они живут в смрадной духоте раскаленных домишек, сделанных из старого листового железа, и по ночам на их жилища падает отблеск горящих факелов газа. Трущобные поселения окружают Абу-Даби, Доху, Дубай.

Перспективы интеграции «патрициев» и «плебеев», уравнения их в политических правах представляются неопределенными. «Явная опасность для политической стабильности вытекает из слишком больших различий между этими группами населения,— писал упомянутый английский журналист Стефенз.— Именно поэтому кувейтское правительство дало задание своей плановой организации разработать новую политику, которая рассматривала бы проблему приобретения гражданства».

Теоретически иностранцы в Кувейте могут получить местное гражданство через 15 лет после въезда. На практике эта статья была заморожена после войны 1967 года, когда в княжество хлынула новая волна палестинских беженцев. Однако даже натурализовавшиеся иностранцы не могут голосовать или занимать важные государственные посты. В Кувейте опасаются, что если иммигрантам, особенно из более передовых арабских стран, предоставлять права гражданства без ограничений, то они могут изменить сложившуюся структуру этого государства, что неприемлемо ни для правительства, ни для местных «патрициев». Есть еще одна сторона: недовольство местных жителей легко направлять не против существующих режимов, а против пришлого населения. Известен случай, когда Ахмед аль-Хатиб, член парламента левых убеждений, призвал распространить привилегии кувейтских рабочих на всех рабочих-арабов в Кувейте. Его мнение встретило отпор «патрициев».

Предприниматели намеренно вносят раскол в ряды рабочих. Нефтяники, например, как организованная группа рабочего класса сначала оказывали влияние на остальное население боевыми выступлениями. Но затем

очень высокая производительность труда, малая доля затрат на рабочую силу в стоимости нефти, высокий дебит скважин позволили иностранным компаниям резко улучшить условия труда и оплаты своих рабочих, выделить их из остального населения, создать очаги благополучия, стабильности, сравнительно высокого уровня жизни. Из нефтяников пытаются сделать рабочую аристократию, которую мало волновали бы проблемы поденщиков, кули, рабочих фирм-подрядчиков, выполняющих заказы основных нефтяных компаний. «Отсутствие проблем — уже проблема» — так характеризовал положение нефтяников лидер кувейтской федерации профсоюзов. «У нас в организации в четырнадцати профсоюзах около десяти тысяч членов,— рассказывал он.— В федерации довольно много некувейтцев. Мы требуем их участия во всех делах. Но хозяева ищут дешевые рабочие руки, предпочитают брать иммигрантов, особенно нелегальных иммигрантов, которым можно меньше платить и не обеспечивать никакими социальными благами. Они пытаются ввести сегрегацию кувейтцев и некувейтцев. Федерация борется против этого. Но есть некоторые коренные кувейтцы, которые не хотят сотрудничать с приезжими».

Социальная напряженность в арабских княжествах создается прежде всего не по горизонтали, то есть не между массой коренных жителей — «патрициев» и феодально-племенной аристократией, а по вертикали — между «патрициями» и «плебеями». Если среди образованных иммигрантов — адвокатов, инженеров, экономистов, врачей, чиновников — в адрес «патрициев» раздается ропот, то «плебеи»-чернорабочие попросту считаются здесь многими взрывоопасным материалом.

Один западный дипломат, долго работавший в княжествах Персидского залива, говорил корреспонденту «Юнайтед Стейтс Ньюс энд Уорлд Рипорт»: «Опасность в Заливе исходит от идей — социалистических и марксистских. Вы не можете что-либо противопоставить этим привлекательным идеям. Они пускают корни среди более бедного населения Залива и арабского среднего класса, которые чувствуют, что не получают своей доли. Правители должны дать людям доказательства, что их надежды будут удовлетворены. Шейхи должны знать, что они не смогут остановить идеи с по-

мощью пушек». Этому дипломату нельзя отказать в реализме.

То, что дело обстоит именно так, подтверждает вооруженная борьба в Дофаре. Напомню, что восстание в этой юго-западной провинции султаната Оман начали как раз «плебеи» Персидского залива, бесправные и угнетенные иммигранты. Именно те, которые из Омана — своей нищей, средневековой, отсталой родины — отправились на заработки в сверхбогатые княжества, а затем вернулись на родину.

Кувейт в 2000 году

Понимает ли хотя бы наиболее дальновидная часть «патрициев» свое положение? Берусь утверждать, что да. Несколько лет назад в Кувейте распространился слух, будто нефтяная компания преувеличивает данные о запасах жидкого горючего, и при быстрых темпах роста его добычи скважины высохнут лет через пятнадцать. Паника охватила всех. «Кувейт Ойл Компани» сделала успокаивающее заявление, но в глубине души ей мало кто поверил. Многие задумались над будущим страны и своим собственным.

В одном из местных театров я видел тогда любительский спектакль «Кувейт в 2000 году», где была показана страна, оставшаяся без нефти: нефтяные скважины истощились, поток золота иссяк, исчезла необходимость и возможность существования огромного города в раскаленной пустыне; разрушаются здания, автострады, ломаются автомашины, станции по опреснению воды, выходят из строя телевизоры, кондиционеры, так как квалифицированным иммигрантам нечем платить, и они уезжают... Все ржавеет, приходит в упадок, гибнет. И тогда кувейтские «патриции» начинают возвращаться к занятиям предков — разводить верблюдов, овец и коз, ловить рыбу, промышлять жемчуг.

Чтобы так смеяться над собой, хотя бы часть общества должна для этого созреть. Злая сатира на самих себя говорила о необратимости перемен. Реалистически мыслящие арабы-аравийцы понимали, что благополучие жизни «патрициев» под золотым дождем нефтяных отчислений рано или поздно может прекратиться. Тогда начнутся переломы, общественные катаклизмы. Но эти

страны смогут уцелеть, если у них будут и собственные кадры, и независимая от нефти экономика.

В государствах Персидского залива пытаются готовить своих специалистов ценой сверхзатрат, сверхпривилегий для тех, кто учится. Даже в Саудовской Аравии расходы на образование за последние полтора десятка лет увеличились в пятнадцать раз, хотя школы еще не охватывают всех детей, особенно девочек. Я посетил кувейтский университет, где преподают иностранные профессора, побывал в профессионально-технических училищах в Катаре, Шардже, на Бахрейне. Условия для учебы здесь неплохие, а в некоторых местах — просто отличные. Каков-то будет результат? Кто будет пользоваться более высоким общественным престижем и лучше оплачиваться — квалифицированный рабочий на химическом заводе или мелкий хозяйчик — владелец собственной мастерской, инженер или чиновник? На эти вопросы пока нет ответа.

Может быть, глядя на бессмысленно сгорающие в газовых факелах невосполнимые богатства своих недр, арабские арабы все чаще говорят об индустриализации, о создании отраслей крупной промышленности, ориентированных на экспорт. Потребительская экономика государств Залива породила кустарные ремонтные мастерские, маломощную строительную, цементную промышленность, птицефабрики, плантации овощей на гидропонике. Нефтяная промышленность долгое время была единственной современной отраслью. Затем появились нефтеперерабатывающие заводы.

— Мы сейчас наращиваем мощности по переработке нефти,— рассказывал мне министр финансов Кувейта Аттики.— Но наша стратегия заключается в развитии химии.

Когда Аттики говорит, он отвечает за свои слова. Хотя он не член аристократического правящего клана, но поднялся на свой пост благодаря знаниям, уму и деловой хватке. Его партнеры на переговорах льстиво шутят, что готовы предоставить ему пост президента в одной из «семи сестер».

Кувейтцы планируют производить на экспорт удобрения, цемент, пластики, стекло, покрышки, алюминий, сталь. Но местный частный капитал неохотно занимается промышленной деятельностью, предпочитая вкладывать

средства в землю, торговлю и стремясь обеспечить быстрые обороты и высокую прибыль. Финансирование промышленных объектов берет на себя государство, и часто только оно в состоянии вынести это бремя. Кувейтцы создали с большими затратами промышленный комплекс в Шуэйбе и постепенно выкупили в нем иностранную долю. Восемь лет комплекс работал убыточно, и лишь общее повышение цен на химические продукты и удобрения сделало его прибыльным. Доля Шуэйбы в национальном доходе пока что мизерная.

В Саудовской Аравии группа американских, западногерманских, японских компаний собирается строить сталелитейный завод мощностью от трех до пяти миллионов тонн в год, основанный на прямом восстановлении железа из руды. Руду намереваются ввозить из Бразилии специальными танкерами, которые в Америке должны разгружать нефть. Проектируются предприятия по производству этилена, заводы по сжижению газа. Это пока планы, так как трудности огромные и деньги отнюдь не решают все.

«Страна начинает фактически с нуля,— писала газета „Нью-Йорк Таймс“.— За исключением АРАМКО, которая действует в восточной провинции, и государственной авиакомпании, современная экономическая деятельность представлена небольшим сталелитейным заводом, нефтеперерабатывающим заводом и парой предприятий по производству цемента и опресненной воды». Такова оценка сегодняшней экономики Саудии и, к слову сказать, характеристика сорокалетней американской деятельности в королевстве.

Раздробленность, малолюдность государственных образований в зоне Залива делают проблематичным само понятие «самостоятельная экономика». В этом смысле наиболее благоприятные перспективы у Саудовской Аравии, хотя она отстала от княжеств на много лет. При соответствующем социально-экономическом климате в ней могло бы появиться и развитое сельское хозяйство, хотя сейчас обрабатываемая площадь занимает лишь пятисотую часть ее огромной территории, а земледелие и животноводство обеспечивают менее двух процентов валового национального продукта.

На Бахрейне, где раньше других началась добыча жидкого горючего, первыми в Заливе поняли, что неф-

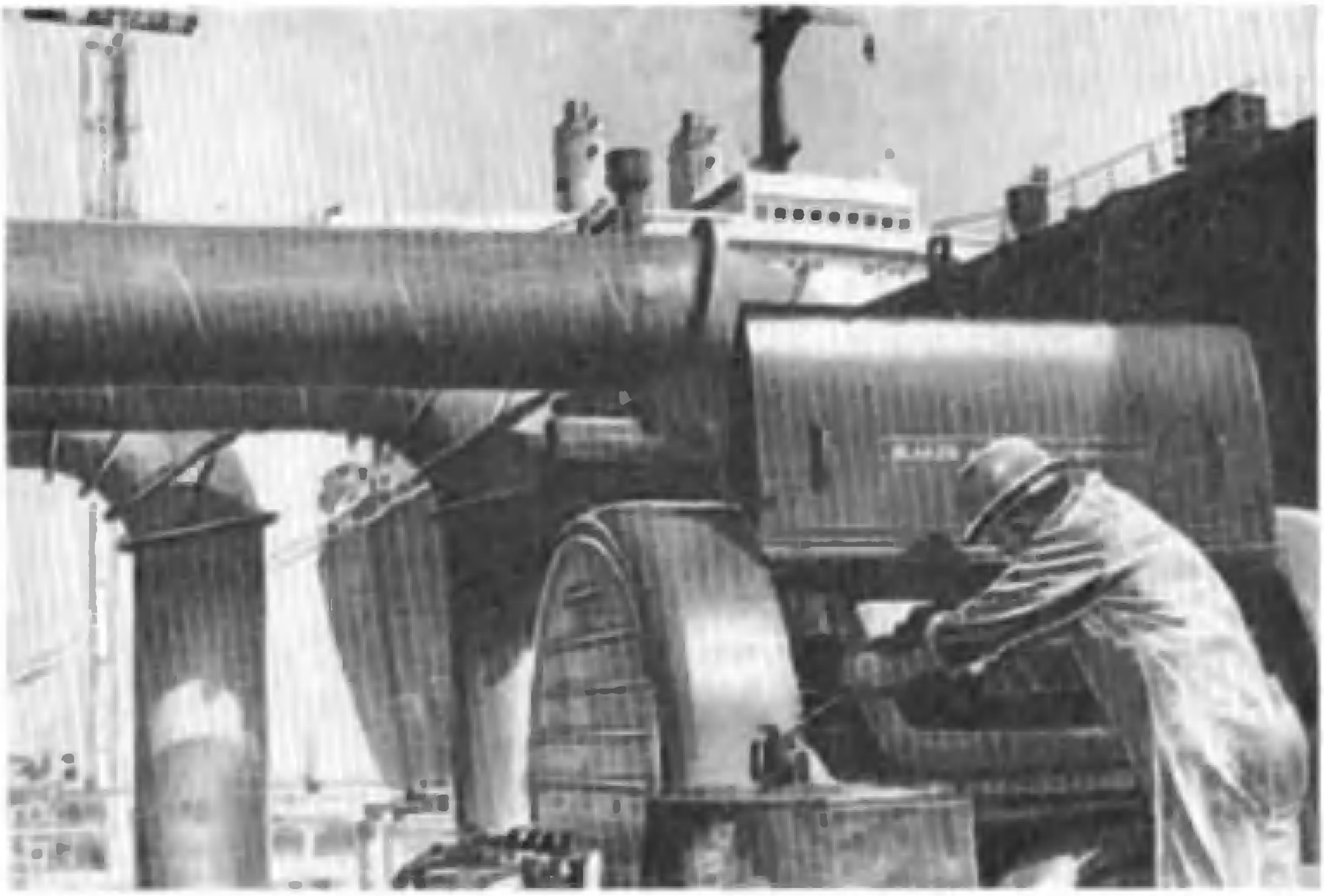
типе экономики не вечны, и стали расширять экономическую базу. Правительство сняло ограничения на вывоз капитала и прибылей иностранных компаний, отменило подоходные налоги с них, уничтожило таможенные сборы за ввоз оборудования и вывоз товаров. Эти меры, возможные в условиях очень маленького государства с выгодным географическим положением, принесли плоды. В новом порту острова — Мина-Сальмане можно увидеть штабеля серебристых слитков легкого металла. Алюминиевый завод, один из самых крупных в мире, принадлежит иностранным фирмам, но в нем есть доля и бахрейнского капитала. На островах нет бокситов, зато велики запасы газа — дешевой энергии. Глинозем же привозят из Австралии.

Из Бахрейна пытаются сделать центр коммуникаций для бассейна Персидского залива. До недавнего времени его аэропорт был одним из самых современных во всем районе. Угольно-черное здание, похожее на космическое сооружение, каждую неделю принимает в свои прохладные кондиционированные залы пассажиров из десятков стран мира.

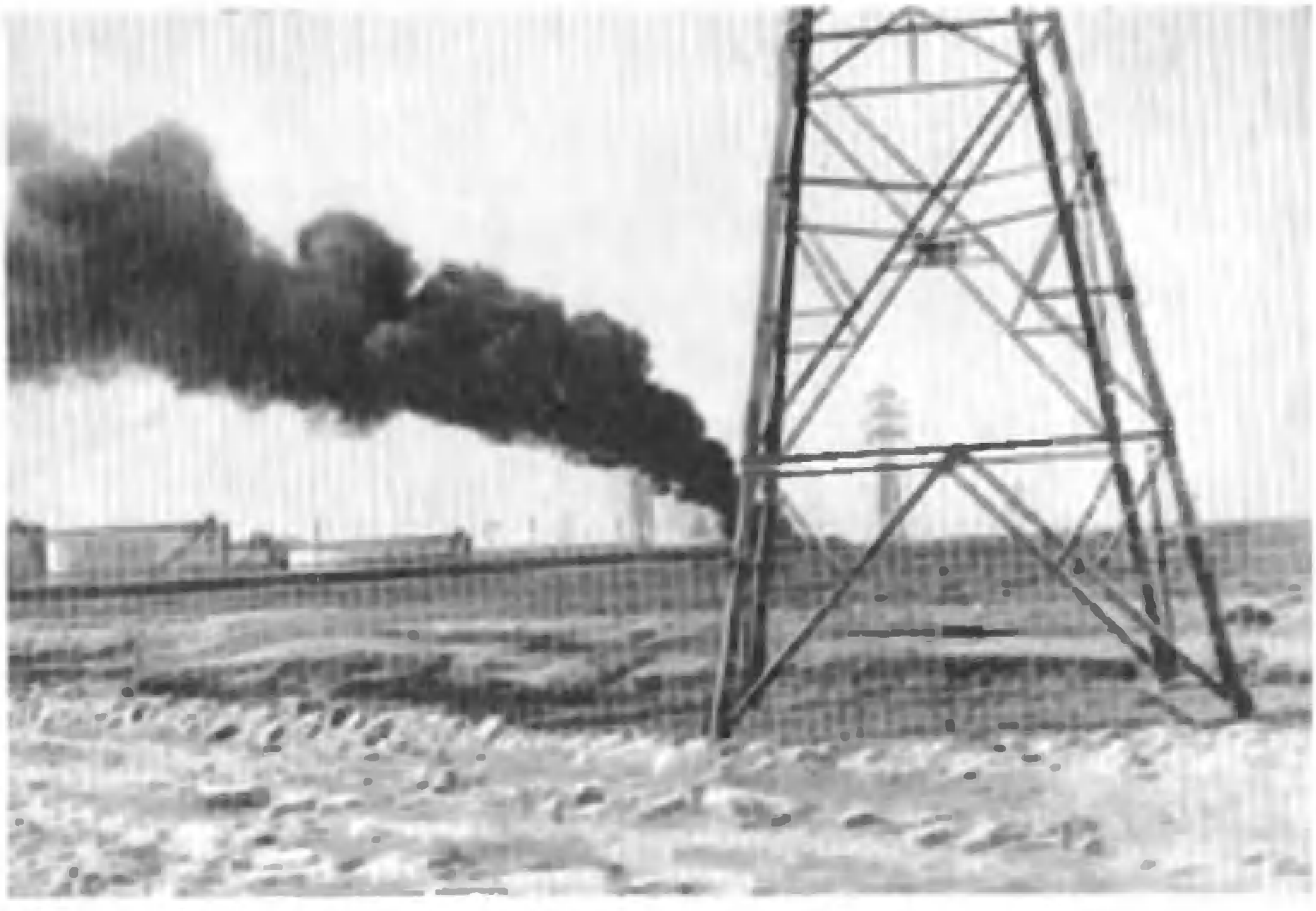
Недалеко от Манамы ладонь радара направлена на искусственный спутник связи, висящий над Индийским океаном. С Бахрейна можно связаться по телефону с Техасом или Токио за несколько минут. Из Англии предпочитают посылать телекс своим агентам на Бахрейне, чтобы те в ответ заказали Лондон. Один бизнесмен из Саудовской Аравии говорил мне полушутя: «Самый быстрый способ позвонить из Эр-Рияда за границу — сесть на самолет, прилететь на Бахрейн, связаться с абонентом по телефону и вернуться домой». Современная торговля зависит от эффективных телекоммуникаций, и бахрейнский центр связи приносит устойчивый доход.

Порт Мина-Сальман расширяется, закладываются доки для ремонта супертанкеров, строятся новые отели. Но у Бахрейна появляются конкуренты. Его более богатые соседи возводят современные аэропорты как по престижным, так и по экономическим соображениям. Центр космической связи появился в Дубае.

Экономическое положение и хозяйственная деятельность в государствах Залива неоднородны, поэтому обобщения трудны. Обратимся к примеру Дубая, чтобы подтвердить это замечание.

Нефтяной порт на о. Харк

Газовые факелы Хузестана

Мечеть в Куле

В Исфахане

Иранец в одежде древнеперсидского воина

Музей в Сузах

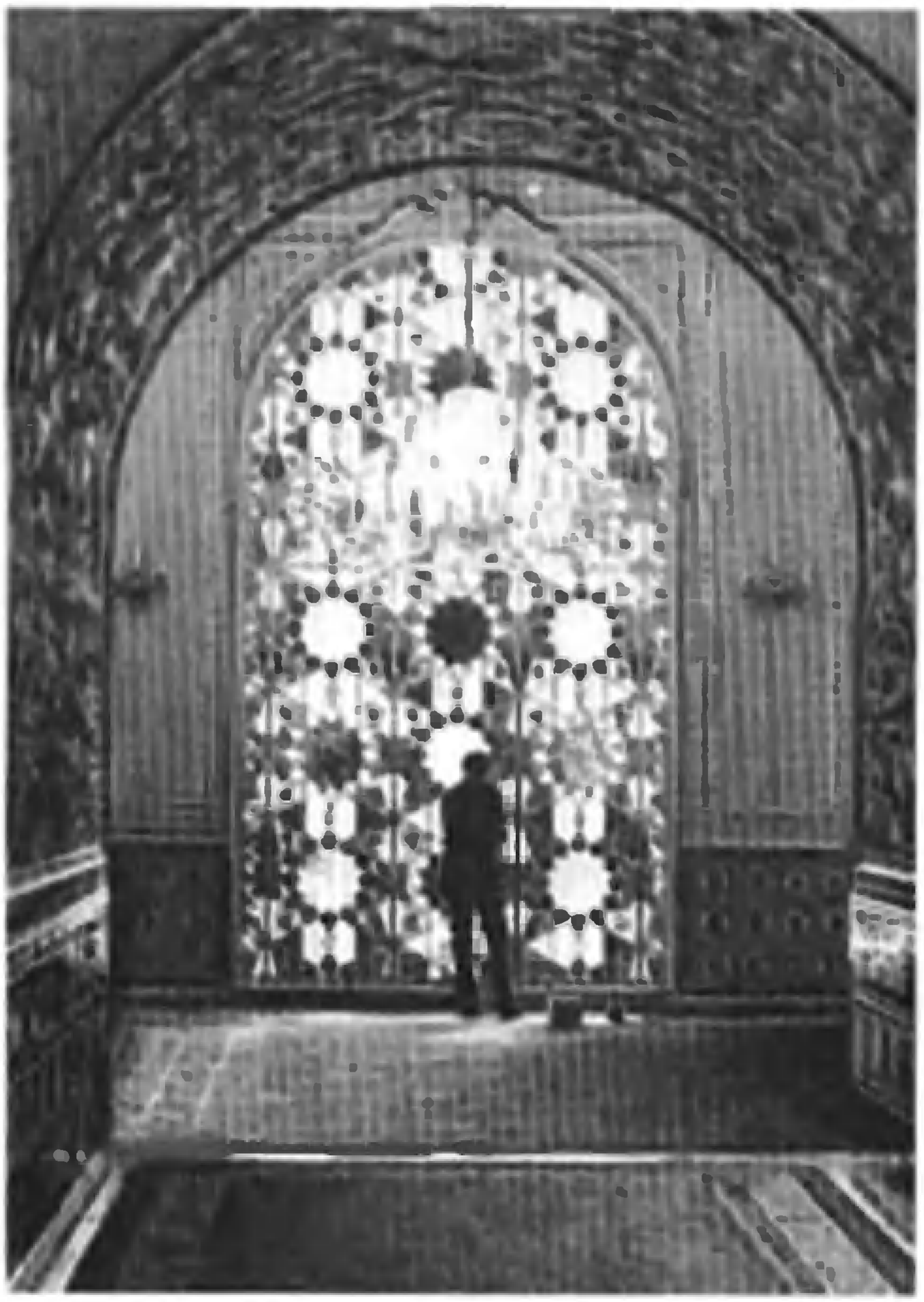

Национальная область проходящий фарс

В Мешхеде

Витраж Гулистанского дворца

Тегеран с крыши небоскреба

Лаборатория физического факультета

Шумная улица

Медики

Мавзолей Омара Хайяма

Мост в Исфахане

Студентка

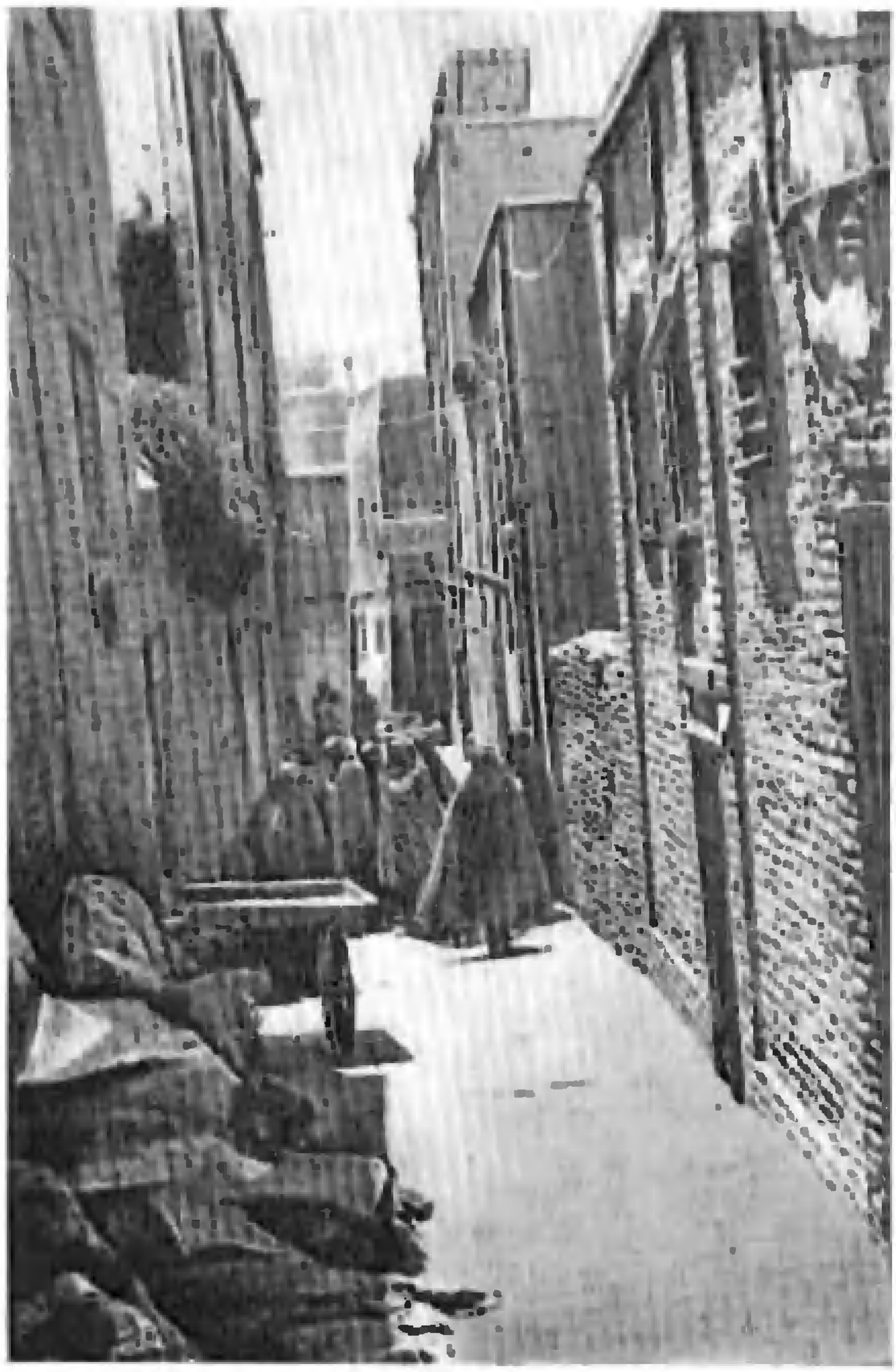

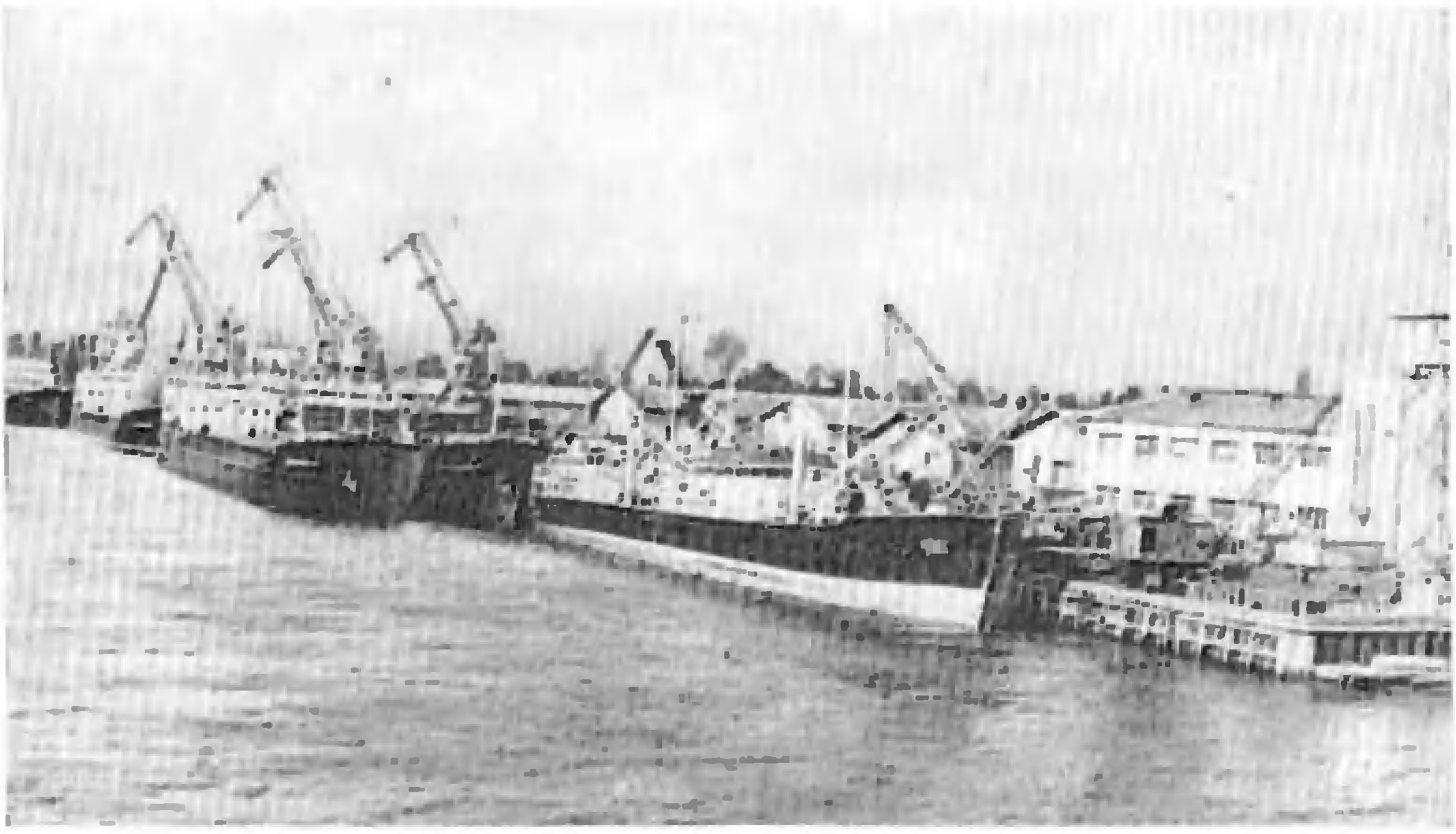
У гори Аламут

Горное селение

Переулок

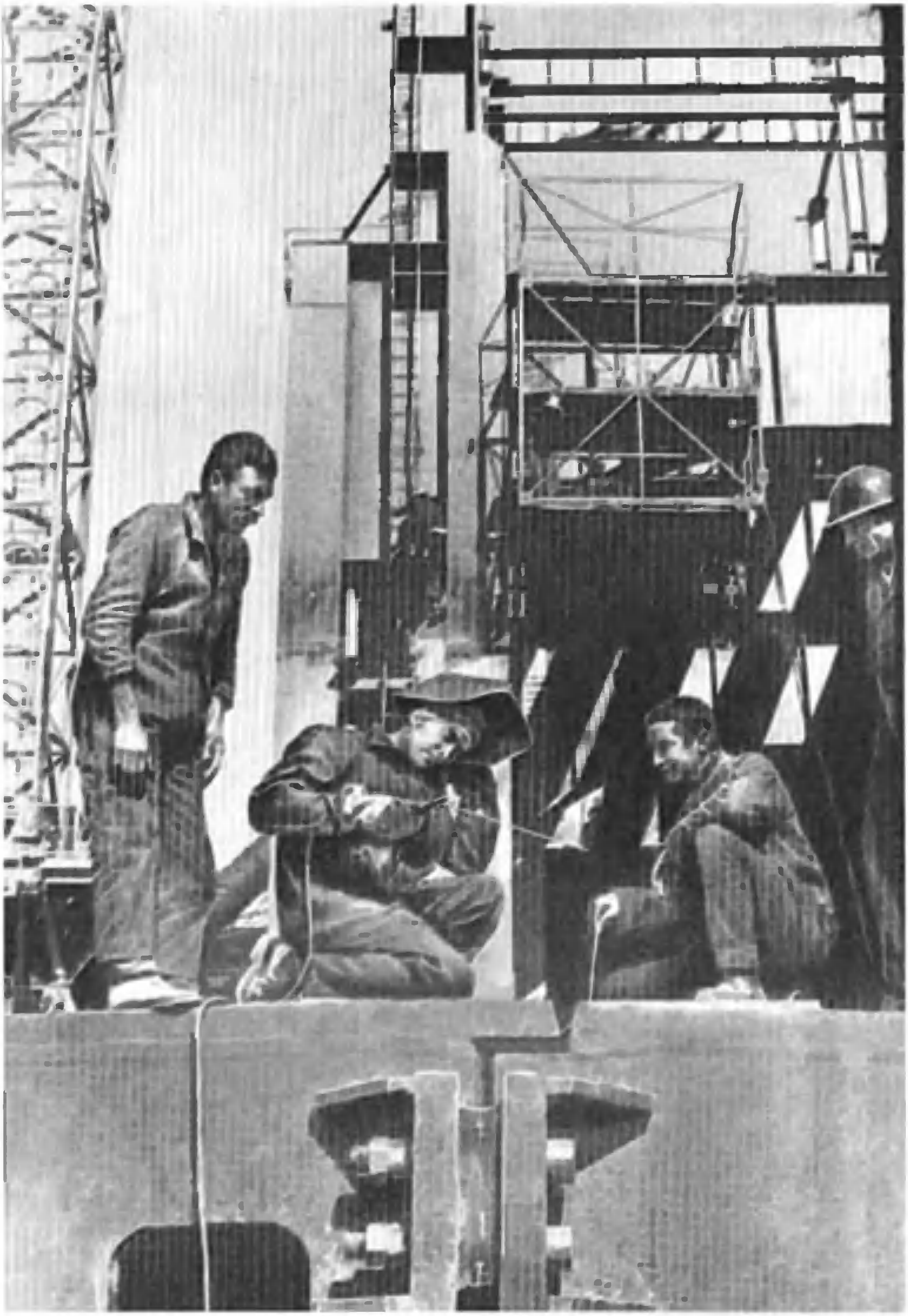
Порт Пехлеви на Каспии

Глава зороастрийца Пеза

Рабочие

На строительстве Исфаханского металлургического комбината

Африканские крестьяне в городе

Уличный торговец

Контрабандисты с телексами

Дубай известен как центр торговли и контрабанды. Я слышал удивительные рассказы о нем еще раньше, когда бывал в Иране, Афганистане, Йемене и Ираке. Но пусть читатель не думает, что современные контрабандисты Персидского залива похожи на средневековых пиратов с черной повязкой на глазу и золотой серьгой в левой ноздре или правом ухе.

Мое знакомство с Дубаем и его «джентльменами удачи» началось еще в Катаре, в прекрасной гостинице «Оазис», которую обслуживали египтяне и суданцы. В холле «Оазиса» скучали два джентльмена. Оба — в темных очках, оба — в белых рубашках с модными широкими галстуками, оба — с атташе-кейсами (плоскими элегантными чемоданчиками). Один из них, как оказалось, был метис — полуараб, полупакистанец. Густые волосы, тяжелая челюсть, крепкие белые зубы — весь его облик как будто свидетельствовал о спокойствии и силе характера, но суетливо подвижные руки выдавали нервную озабоченность. Он говорил по-арабски, по-персидски, на урду, по-английски, по-малайски. Второй — полощекий, лысоватый француз, с влажным ртом, красноватым носом и пушковыми щечками выпивоху, с водянистым жирком на животе и чувством юмора («Я столько денег потратил, чтобы отрастить этот живот, зачем же мне его спускать? Хо-хо-хо!»).

Обоим джентльменам хотелось отметить удачную сделку, но в Дохе действовал сухой закон. Когда я предложил «Столичную», хранившуюся у меня в чемодане, они заметно оживились. Мы разговорились, и они с удовольствием рассказали о своей профессии. Оба были контрабандистами. Их занятие издревле столь распространено в Персидском заливе, что скрывать его они сочли «ниже своего достоинства», а может быть, им просто захотелось прихвастнуть перед заезжим журналистом, который явно не представлял опасности для их бизнеса.

— Если вы не побываете в Дубае, вы не получите представления о Персидском заливе,— рассказывал первый.— Вы думаете, что Дубай — маленькое рыбачье поселение? Ну нет. Пройдитесь по его главным улицам. Блестящие модернистские здания. Все они выстроены до начала добычи нефти. На какие деньги? Контрабанда.

В Дубае открыто более полусотни отделений иностранных банков. Чем они занимаются помимо нефтяных операций? Контрабандой. Конторы дельцов связаны телексом со всем миром через спутник связи. Сделки на сотни тысяч фунтов заключаются по устной договоренности. Хочешь торговать тканями, станками, электроникой? Пожалуйста. Оружием? Пожалуйста. Одно условие — держать язык за зубами и данное слово. Один раз нарушил обещание — ожидай ночного визита убийц, вооруженных бесшумными пистолетами.

— Контрабанда связана с риском?

— Крупные торговцы не рискуют. Голова у тебя одна. Рискуют те, кто перебирается через границу, устраивает перестрелки с индийской или иранской береговой охраной, если она не подкуплена заранее. В случае чего — концы в воду. В океане достаточно акул. Сейчас в Дубае построен современный порт. Причалы длиной несколько километров завалены чем угодно. Разгружаются океанские сухогрузы. Но официальный реэкспорт и контрабанду развозят на доу. Не смотрите, что вид у них неказистый. На некоторых установлены двигатели в две-три тысячи лошадиных сил, и они развивают скорость чуть ли не торпедных катеров. Представьте также, что где-нибудь в трюме спрятан тяжелый пулемет...

— Контрабанда ограничивается товарами, которые доставляются морем?

— Отнюдь нет. Главная контрабанда — «невидимая»: золото, наркотики. Золото идет в основном в Индию, Пакистан, на Цейлон, где есть обычай вкладывать сбережения в золотые украшения для женщин, поэтому цены на драгоценный металл там выше, чем на мировом рынке. (По официальным данным, в Дубай в 1970 году было ввезено 260 тонн золота.— *А. В.*) Раньше эта контрабанда не составляла проблемы — в княжествах ходила индийская рупия. Потом в них пустили в обращение рупию другого цвета, сохранив обличими мелкие монеты. Тогда с индийского рынка стала исчезать мелочь. Десятками тонн ее вывозили сюда. Сейчас контрабандисты перешли на доллары, фунты и иены. Контрабанда — дело двустороннее. Из Индии сюда привозили много серебра. Я помню, как однажды, несколько лет назад, на аэродроме в Дубае я видел целые кучи слитков серебра. Но Индия, насколько мне известно, серебро производит в ог-

раниченных количествах, а в Китае его добывается много. Значит — цепь замыкается где-то в Китае или Гонконге...

Мои собеседники были несомненно смелыми людьми. Оба на прощание извлекли из карманов визитные карточки и протянули их мне.

— Я могу назвать ваши имена в печати?

Они переглянулись.

— Нет, лучше не надо. Мы обойдемся без рекламы.

Наверное, я никогда не попал бы в Дубай и не смог проверить справедливость слов «джентльменов удачи», если бы не кувейтское агентство путешествий «Идрис». Предупредительный молодой ливанец Виктор с «романтической» гривой волос приготовил мне билет для полетов по княжествам, не включив в маршрут Дубай, так как его посещение тогда не входило в мои планы. Виктор был так любезен, что я «потерял бдительность» и не проверил расписание самолетов, а это никогда не мешает делать в тех краях. Пришлось расплачиваться. Виктор, конечно же, кое-что перепутал, и в Дохе я опоздал на самолет, отправлявшийся в Абу-Даби. Выручил египтянин, работавший в местной авиакомпании «Галф Авиэйшн». Он посоветовал лететь в Дубай, а оттуда добираться до Абу-Даби, что я и сделал. Я позвонил в бюро информации Дубая и попросил встретить меня. Мне обещали помочь.

Все побережье Объединенных Эмиратов, лабиринт лагун, протоков, островков и соленых болот,— идеальное убежище для мелко сидящих быстроходных доу. Поэтому местные рыбаки, торговцы и воины могли так долго сопротивляться английскому военному флоту в конце XVIII — начале XIX века.

Самая удобная естественная гавань на побережье — в Дубае. Это княжество — свободный порт, и все виды торговли — законные. Когда же суда контрабандистов входят в территориальные воды других стран, они подвергаются опасности. Поэтому главная гарантия удачи — скорость. Применяется и другая подстраховка. Чтобы обеспечить инициативу и старательность своих таможенных чиновников, правительства Индии и других стран обещают им определенную часть захваченного золота. Но контрабандисты такой же процент уплачивают им вперед и лишь время от времени подставляют какую-

нибудь доу под удар, чтобы создать иллюзию активной работы местной таможенной службы.

Последнее время быстро развивающаяся экономика эмиратов Залива породила другую страшную «контрабанду» — нелегальную иммиграцию. Безработные с субконтинента, в особенности из Пакистана, готовы отдать все свои сбережения владельцам и капитанам доу за нелегальный въезд в эмираты. Их буквально напихивают в лодки и везут в Аравию. Некоторые из них умирают в дороге, и их тела выбрасывают в море. Других, ослабленных путешествием, оставляют где-нибудь на берегу, и они должны сами добираться до «земли обетованной».

Контрабанда оружием — другой вид традиционных операций в Заливе, и свою роль в ней играет Дубай. Многие арабы хотят иметь личное оружие. Раньше автоматы, пистолеты и винтовки отправляли из Дубая во внутренние районы Омана через оазис Эль-Бурайми. Потом в этом бизнесе с Дубаем начал конкурировать порт Сур на побережье султаната Оман.

В аэропорту Дубая я увидел, как с самолета английской авиакомпании выгружали бруски с золотом с такой небрежностью и беспечностью, что чиновника, ответственного за безопасность где-нибудь в лондонском аэропорту «Хитроу», наверное, хватил бы удар. Золото отдается на хранение в местные банки, а затем, пройдя через несколько рук, грузится на доу. Иногда его распиливают на мелкие бруски.

Бухта Дубая была заполнена флотом деревянных суденышек. Они стеной стояли вдоль набережной, которой гордился бы и европейский город. На многоэтажных зданиях пестрели названия банков — «Чейз Манхэттен», «Бэнк оф Америка», «Барклайз Бэнк» — и десятков других. Новый порт Дубая — Мина-эр-Рашид — выстроен недавно. Его потенциальный грузооборот — три миллиона тонн в год. Эмир княжества был уверен, что порт, названный его именем, окупит себя, и не просчитался. Десятки гигантских складов дубайского порта принимают товары со всего мира.

Княжества Дубай, Шарджа и Аджман расположены совсем рядом, в нескольких километрах друг от друга, и лет через пять они сольются в один город — своеобразный Гонконг Персидского залива.

...Средь бела дня на центральной улице Дубая ко мне

подошел хорошо одетый молодой человек и предложил журналы с фотографиями шведских кинозвезд нагишом.

— Мне бы нужен другой товар,— решил пошутить я.— Например, броневик «саладин» для действий в пустыне.

— Бронемашина? Это можно,— ответил молодой человек серьезно.— Только придется внести крупный аванс.

Банкиры в белых бурнусах

Американскому финансисту снится страшный сон: темноглазый человек опускается по трапу самолета в нью-йоркском аэропорту «Кеннеди»; в его дорожном чемоданчике лежат чеки на миллиарды долларов, подписанные компаниями «Экссон» или «Тексако»; он проводит тайные встречи с держателями контрольных пакетов акций крупнейших корпораций, и однажды утром Соединенные Штаты узнают, что правитель некоего арабского княжества установил контроль над «Дженерал Моторз», «Юнайтед Стейтс Стил» или «Дюпоном» или над всеми тремя.

Ночные кошмары американских бизнесменов объясняются фантастически возросшими капиталами, которые сосредоточиваются у нефтеэкспортирующих стран Персидского залива. Цена на жидкое топливо по сравнению с октябрем 1973 года выросла сейчас примерно в пять раз. В 1974 году доходы 13 государств — членов Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) достигли 100 миллиардов долларов. Это означало беспрецедентную перекачку финансовых средств в страны — производители нефти, точнее, в руки их правящих классов.

Лишь государства с относительно немалым населением, уже сделавшие первые шаги по пути индустриализации, такие, как Ирак, Алжир, Иран, могли «переварить» полученные средства. Что же касается Саудовской Аравии, Кувейта, Абу-Даби, Катара, а также Ливии, то у них образовались «свободные» капиталы очень крупных размеров. В 1974 году по крайней мере 60 миллиардов долларов не нашли себе применения в смысле приобретения товаров и услуг и хлынули на международные валютно-финансовые рынки. В 1975 году эта сумма несколько уменьшилась, но все равно исчислялась десятка-

ми миллиардов. В руках правящих классов стран с общим населением около десяти миллионов человек сосредоточились средства невиданных размеров. Словно джин, выпущенный из бутылки, на мировой арене появились магнаты, которые как будто были способны бросить вызов прежним столпам капиталистического бизнеса.

Вокруг этого явления пропаганда стран Запада пыталась создать обстановку истерии, пугая обывателя в индустриальных развитых странах «арабской опасностью». «Нам угрожает колонизация»,— стонали бывшие колонизаторы Западной Европы, Японии и даже США. Бывший министр торговли США П. Питерсон заявил, что все должны признать: «В мире происходит фундаментальный сдвиг в балансе сил и богатства». «Благосостояние большинства наций некоммунистического мира все больше зависит от решений дюжины производящих нефть стран, которые действуют через картель под названием ОПЕК!» — воскликнул журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт».

«Немедленным последствием (нефтяного кризиса.— *А. В.*), вероятно, будет изменение баланса экономической мощи (а следовательно, возможно, политической и военной мощи) между развитыми странами и странами, производящими нефть,— писал крупнейший буржуазный историк Запада — Арнольд Тойнби.— Все ли это? Если так, то это лишь предвещает замену Соединенных Штатов (Западной) Европы и Японии нефтепроизводящими странами в качестве архиэксплуататоров мира».

Но напомним, что за магнатами современного капитализма стоят гигантский производственный аппарат, многовековой опыт, кадры во всех областях, средства информации, разветвленная, налаженная сеть финансовых учреждений, в которых работает больше специалистов, чем могут набрать взрослых грамотных людей четверка арабских стран и Ливия. Можно ли представить себе безболезненное, «бесконфликтное» перераспределение центров экономической мощи в капиталистическом мире как между отдельными группами стран, так и внутри международного финансового капитала? Можно ли вообразить, что вся экономическая и военная машина современного капитализма отступит перед новыми магнатами, появившимися в великих афро-азиатских пустынях?

Не снимая возможности применения «крайних мер» империалистическими государствами, стоит пристальнее вглядеться в суть отношений, складывающихся между новыми и старыми финансовыми магнатами.

Крупный американский банкир, посетивший весной 1974 года зону Залива, сказал: «Худшей ошибкой, которую может сделать Запад,— это полагать, будто арабы сидят на базаре в пустыне и плетут маты, не представляя, что такое международные финансы». Однако от «представления» до реального участия или контроля — дистанция большого размера.

В начале шестидесятых годов эмир Кувейта обратился к Юджину Блэку, который раньше занимал пост директора Международного банка, с просьбой создать консультативный комитет из первоклассных международных банков. «Главное, что мы должны были сделать,— это помешать совершать безумства»,— заявил Блэк. Но он скоро заметил, что кувейтцы, которые традиционно были купцами, искателями жемчуга, а иногда и контрабандистами, быстро схватывали суть банковского дела. Через несколько лет комитет перестал действовать, потому что кувейтцы считали, что смогут обходиться без его советов. У страны появились собственные институты для капиталовложений.

Кувейтский фонд арабского экономического развития был создан в декабре 1961 года. Кувейт тогда старался закрепить свое существование в качестве независимого государства, его правительство учитывало, что в других арабских странах, с большим населением, но без капиталов, раздавались критика в адрес богатого нефтью княжества «бедуинских выскочек». Кувейтские займы на относительно льготных условиях предоставляются для развития транспорта, сельского хозяйства, энергетики в арабских странах.

С 1961 года, со времени завоевания независимости, по 1974 год Кувейт предоставил арабским странам подарков и займов на сумму более 500 миллионов фунтов стерлингов. С 1967 года большая часть этих денег была направлена в виде безвозмездных субсидий Египту и Иордании, пострадавшим от израильской агрессии. Этим государствам выплачивается около 58 миллионов фунтов стерлингов в год.

Но все это незначительно по масштабам по сравне-

ными с новыми возможностями Кувейта. Одним из важнейших актов его Национальной ассамблеи, перед тем как она разошлась на летние каникулы в 1974 году, было принятие закона, который в десять раз увеличивал капиталы Кувейтского фонда арабского экономического развития. Сейчас в его распоряжении один миллиард динаров, то есть более двух с половиной миллиардов долларов. Права фонда расширены, так что он может вкладывать деньги и не в арабские страны.

Министр финансов Кувейта Аттики говорил, что кувейтцы отдают предпочтение вложениям в следующем порядке: в местную промышленность, в развитие арабского мира, в другие государства. Естественно, что по политическим соображениям кувейтское правительство подчеркивает важность вложений в арабские страны, чтобы продемонстрировать свою солидарность с ними и оградить себя от критики и недружественных действий.

По каким же каналам текут кувейтские капиталы за пределы арабского мира? Самые крупные из иностранных банков, действующих в стране,— «Ферст Нэшнл Сити» и «Чейз Манхэттен». Халед Абу Сууд, директор департамента нефти в кувейтском правительстве, так охарактеризовал их деятельность: «Именно эти банки выбирают фирму, куда они вкладывают средства. Им предоставлена свобода покупать и продавать акции, чтобы избежать убытков и получить наибольшие доходы». Вряд ли нужно задавать вопрос, куда таким образом идут кувейтские капиталы. Известно, что услугами «Ферст Нэшнл Сити» и «Чейз Манхэттена» пользуются связанные с ними корпорации из более чем 30 отраслей американской экономики.

В княжестве есть компании и для частных вложений. Многие из них владеют недвижимостью в Европе и на Ближнем и Среднем Востоке. В США, например, остров Кнава около Южной Каролины, на котором развивается туристский и курортный центр, был приобретен кувейтцами. Они собираются строить отель «Хилтон» в городе Атланте, делают вложения в банки, транспортные, судоходные компании, в африканские рудники, цементные предприятия Канады, в разведение скота в американском штате Айдахо. Финансисты из нефтяного княжества вложили деньги в текстильные и фармацевтические фабрики Судана, в рыбные промыслы Восточной Африки, в спи-

ческую фабрику Нигерии. Большинство отелей «Хилтон», «Шератон», «Интерконтинентл» и «Холидей ин» на Ближнем и Среднем Востоке финансируются саудовскими и кувейтскими бизнесменами. Самым крупным кувейтским вложением в Англии было приобретение за 107 миллионов фунтов стерлингов корпорации «Сэнт-Мартинз Проперти», которая занимается операциями с недвижимостью.

Валютные резервы княжества Абу-Даби, которые еще уступают Кувейту и Саудовской Аравии, растут с такой скоростью, что им были бы не страшны даже крысы шейха Шахбута. Но институты, напоминающие кувейтские, в эмирате только появляются. Министр финансов Хабруш Мухаммед пользуется консультациями и «услугами» таких учреждений, как «Юньон де банк сюис» и старой банковской организацией британской колониальной империи «Краун Эджентс». При правительстве создан Совет по вложениям во главе с Джоном Хоггом, вице-президентом английского банка «Вильямс энд Глин». Среди его членов — Лонг Стрит Хилтон, советник администрации «Морган Гаранти Траст», Джон Морелл, администратор английского Совета по инвестициям, и граф Жан ле Сен, заместитель генерального директора «Банк де ль Эндошин». Члены Совета по инвестициям Абу-Даби сами выбирают, куда направлять деньги, в какие ценные бумаги и через какие иностранные банки. Группа Моргана обеспечивает для Абу-Даби рынок в США, группа Флеминга — в Великобритании и Японии, группа «Банк де ль Эндошин» — в Западной Европе. Эмират Абу-Даби летом 1974 года приобрел, например, за 36 миллионов фунтов стерлингов 44 процента акций в небоскребе лондонского Сити, где будет располагаться американская страховая компания.

Саудовцы большую часть своих резервов держат в долларах. В последнее время они обратились и к другим валютам, особенно после того как американское правительство в 1971 году запретило превращать доллары в золото. В 1970 году правительство сводило платежный баланс с небольшим дефицитом. Опытные финансисты предполагали, что через пять лет нефтяные доходы вырастут в полтора раза. На самом деле они увеличились почти в 20 раз. Эти миллиарды полностью поступают в единственный финансовый организм страны — Валютное

агентство Саудовской Аравии, которое является чем-то вроде центрального банка. Но осуществлять вложения за границей — значит затрагивать идеологические основы королевства. Для улемов-богословов сама мысль о роли банкира мира носит оттенок ростовщичества, что противоречит «чистым» исламским принципам. Закон, который создал Валютное агентство Саудовской Аравии в 1952 году, формально запретил ему получать проценты и прибыли. Но догмы рушатся при столкновении с действительностью, и саудовцы стали брать проценты, назвав их «взносами».

В тот момент, когда агентство получает платежи от АРАМКО, а в 1976 году они составили почти 30 миллиардов долларов, оно немедленно использует телекс, чтобы узнать, где наиболее высокие проценты. Бо́льшая часть долларов направляется в Соединенные Штаты, где ставки выше. Представителями Саудовской Аравии выступают все те же «Морган Гаранти» и «Чейз Манхэттен».

Лондонский денежный рынок также привлекает средства Саудовской Аравии и других нефтяных государств. Довольно высокие проценты на вложенные капиталы, «гарантия» для официальных инвестиций в фунтах стерлингов, широта, гибкость и опытность денежного рынка Сити и старые связи с арабскими странами — это факторы, работающие в пользу Лондона. Париж может считаться другим финансовым центром, куда направляются «свободные» арабские капиталы.

Международные банковские монополии, стремясь быть ближе к источникам «нефтяных денег», открывают свои филиалы в арабских странах. Там, где это не удается, они действуют под формальной вывеской национальных учреждений, а в ряде случаев опутывают местные банки контрактами и долгосрочными соглашениями.

В сотнях крупных и мелких компаний развитых капиталистических стран появился арабский капитал. Однако какова его роль? Получили ли арабские магнаты элементы контроля в тех корпорациях, которые они финансируют? Выясняется многозначительный факт: даже кувейтцы с их опытом и сравнительно развитой системой финансовых учреждений не голосуют на советах директоров компаний, куда вложены их деньги. За правительство Кувейта это делают «Чейз Манхэттен» и «Ферст Нэшнл».

Немало аравийских арабов еще считают себя недоста-

точно компетентными, чтобы руководить предприятиями, которые они создают даже на родине. Тем более они не могут оказывать сколько-нибудь существенного влияния на зарубежные фирмы. «Даже если бы мы взяли под контроль „Дженерал Моторз“, то надо было бы учитывать одну важную вещь: мы не являемся представителями, скажем, „Фиата“, которая поглотила бы это предприятие, имея собственные планы и идеи, как руководить автомобильной промышленностью,— рассуждал генеральный директор „Кувейт Инвестмент Компани“ Абдель Латыф эль-Хамад.— Если бы я приобрел, например, „Интернэшнл Бизнес Машинз“, у меня не было бы выбора, руководить этой корпорацией или нет. Совершенно неважно, будет ли президентом этой компании араб. Важно, чтобы этот президент играл активную роль, несмотря на свою расу или национальность».

Хотя в развитых капиталистических странах приветствуют вклады «нефтяных денег», но предпочитают сохранять контроль над главными секторами своей экономики. Так, в конце 1974 года Кувейт приобрел 14 процентов акций знаменитой автомобильной компании «Даймлер-Бенц» в Западной Германии. Спустя некоторое время Иран попытался купить большой пакет акций этой же фирмы, что означало бы переход контроля над «Даймлер-Бенц» в руки средневосточного капитала. Но сделка расстроилась. Сам канцлер ФРГ Хельмут Шмидт настоял, чтобы банкиры ФРГ «помогли» ослабевшей компании, купив акции, на которые претендовал Иран. «Мы не были бы довольны, если бы большие и политически и стратегически важные отрасли нашей экономики оказались бы под иностранным контролем»,— сказал он. Ведущие банкиры и промышленники ФРГ собрались в Дюссельдорфе и разработали меры, чтобы помешать продвижению «нефтяных капиталов» в ключевые секторы западногерманской экономики.

Когда такие же вопросы возникли в США, министр финансов Саймон разъяснил, что нефтепроизводящие страны делают вложения в американскую экономику, согласуя их с американским правительством. «Свобода действия» арабских магнатов в США ограничена жесткими рамками и поставлена под наблюдение казначейства. Заслоном для иностранных вложений в американскую промышленность служит «программа сохранения военной

тайны». Все подрядчики Пентагона должны представлять отчеты о размерах пакета акций, находящегося в руках неамериканцев, и лишаются военных заказов, если доля иностранного капитала переходит за минимальный уровень.

В Англии роль инспектора играет «Бэнк оф Инглэнд». Его одобрение требуется для каждой сделки, в которой иностранцы приобретают более десяти процентов акций компаний.

Пока что у арабийских нефтяных государств нет определенного долгосрочного плана, как использовать полученные средства. Для них самих слишком неожиданными оказались результаты увеличения цен на нефть. На конференции в Кувейте в 1974 году, посвященной проблемам капиталовложений, один из делегатов призвал своих коллег «не уподобляться ослу, который умирает в пустыне с полными бурдюками воды на спине». Финансовые и валютные проблемы выглядят для стран Аравии столь сложными, что любая «реалистическая» политика в этой области требует сотрудничества с Международным валютным фондом и крупными финансовыми многонациональными трестами. Экономисты стран — производителей нефти признали ложный термин «излишние капиталы», выдвинутый западной пропагандой. Все капиталы, которые не потребляются местной экономикой, попадают в международную финансовую сеть. Они продолжают поступать многонациональным монополиям, которые контролируют каналы их движения и пускают в оборот в экономически развитых западных странах.

Используя таким образом свои валютные накопления, нефтедобывающие страны фактически предоставляют правительствам Запада долгосрочные кредиты, а покупая ценные бумаги западных частных банков или корпораций, они тем самым передают им средства для крупных инвестиций. Как заявил Аттики, «значительная часть нашего национального капитала находится в распоряжении промышленно развитых стран; доходы, которые мы получаем от этого, не идут ни в какое сравнение с экономическими выгодами, которые извлекают из них развитые страны». Такова трезвая оценка подлинного соотношения сил между старыми и новыми финансовыми магнатами.

История знает примеры того, как «старый» крупный капитал восточного побережья США пережил приход

миллиардеров-пуворнишей из нефтяного Техаса или как сталелитейные короли Рура согласовали свои интересы с электронными князьями Баварии. Однако то, что происходит сейчас, явление, неизвестное в истории ни по масштабам, ни по возможному воздействию на международное положение. В настоящий момент вес обладателей «нефтяных миллиардов» неизмеримо ниже абсолютной цифры их капиталов. Но учитывая ломку структуры хозяйства США, Западной Европы и Японии, уменьшение темпов их развития, изменение сложившихся экономических отношений современного капитализма, перестройку его валютно-финансовой системы, действительно, может быть, появятся новые, хотя и второстепенные, финансовые центры. Так что, возвращаясь к ночным кошмарам американского бизнесмена, «не был бы сон в руку».

* * *

Завершая рассказ об арабских нефтяных государствах, их месте в мире, их проблемах и планах, хочу снова вернуться к острову Дас, где ревут газовые факелы и пульсирует в серебристых трубах нефть. Директор компании «Абу-Даби Марин Эриэз» познакомил меня с одним стариком-арабом, который представлял правительство княжества. Бывший бедуинский вождь держался с достоинством, но выглядел потерянным среди грохота бульдозеров и суеты стройки. Возможно, он был прекрасным воином и хорошим организатором перекочевок в пустыне. Здесь он чувствовал себя чужим. Я увидел его в последний раз перед отлетом. Он стоял на холме в своих белых одеждах и глядел в сторону отплывающего танкера. Нас разделял грязно-оранжевый газовый факел. В дрожащем, струящемся воздухе фигура старика расплывалась, теряла очертания, как бы растворялась.

АЗИЯ И ЕВРОПА ВМЕСТЕ

Путешественник из Европы, увидев купола и минареты турецких мечетей, лабиринты старых городов, деревенских женщин в цветастых шароварах, услышав разноголосицу крытых базаров, воскликнет: «Здравствуй, Азия!» Приезжий с востока или юго-востока, заметив латинские буквы на вывесках и шеренги безликих домов в современных кварталах, скажет: «Приветствую тебя, Европа!»

Оба они будут правы. Турция — это Европа и Азия вместе, хотя и не слившиеся воедино, несмотря на мост через Босфор.

Он был открыт 30 ноября 1973 года, в день, когда Турецкая Республика отмечала свой пятидесятилетний юбилей. Первый и единственный известный истории мост, соединивший Европу и Малую Азию, построил два с половиной тысячелетия назад древнеперсидский царь Дарий. Современное сооружение — четвертое по величине в мире. Однако его открытию придавали не только утилитарное, транспортное значение. Многие рассматривали мост через Босфор как символ страны, изменившейся за полстолетия.

Само слово «Турция» в политическом и этнографическом словаре появилось недавно. В Османской империи правящий класс именовал себя «мусульманами» и «османами», а «турок» был для него синонимом «мужика». Возрожденная нация приняла это слово в качестве самоназвания.

Республика восстала из пепла Османской империи. Народ, обескровленный одиннадцатью годами непрерывных войн, преданный султанским правительством и уже поделенный между империалистическими державами, нашел в себе силы для победоносной национально-освободительной революции.

Мустафа Кемаль Ататюрк, «отец современной Турции»,

начал проводить реформы. Они должны были сломить сопротивление реакционных феодалов и мусульманского духовенства, расчистив путь для превращения Турции в «цивилизованную страну». Под словом «цивилизация» сторонники Ататюрка — кемалисты понимали строй развитых капиталистических государств Западной Европы. Уничтожение султаната и его близнеца — халифата (то есть духовной власти султана над его подданными) означало разрыв с прошлым, с Османской империей. Кемалисты отделили от государства мусульманские религиозные институты и учреждения, поставили вне закона реакционные дервишские ордена, запретили многоженство, ввели гражданский кодекс по западному образцу, сделали выходным днем воскресенье, а не пятницу. Был введен григорианский солнечный календарь взамен мусульманского лунного. Гонениям подверглась даже традиционная одежда, особенно феска.

Вместо арабского алфавита Ататюрк ввел латиницу. Писатели и журналисты принялись активно очищать язык от арабских и персидских заимствований, заменяя их древнетюркскими и частично западноевропейскими словами. За жизнь двух поколений язык изменился настолько, что молодежь не понимает речей основателя Турецкой Республики, а старые литераторы собственные романы начала века переводят на современный турецкий язык.

Великолепный и гнилой Стамбул, где бродили тени из султанских гаремов, где сам воздух в те времена был пропитан миазмами интриг и предательства, где слишком унизительным было воспоминание о бессилии Высокой Порты, не годился для столицы республики. Ее центром стала Анкара — небольшой городок, затерявшийся среди степных плато, но хороший уже тем, что находился в сердце Анатолии.

С энергией и решимостью Ататюрк и его сторонники пытались превратить Турцию из «закрученного тюрбана» в современное государство. Но многие из реформ проводились «сверху», с помощью армии и государственного аппарата, навязывались массам и не принимались ими. Политика кемалистов сталкивалась с оппозицией как справа, так и слева.

Введение латинского алфавита, европейской одежды, новых форм государственных и общественных институ-

тов, как бы эффектно они ни выглядели, отнюдь еще не означало «модернизации» страны. Главное лежало в сфере социально-экономической. Турецкая практика породила явление, известное под названием «этатизм», то есть государственное вмешательство в экономику, вплоть до создания сильного государственного сектора. Он немало способствовал развитию страны, защите ее слабой национальной промышленности, хотя и служил в первую очередь интересам растущего класса буржуазии. Государственный сектор оказался живучим и способным к самовоспроизводству. Он устоял против сознательных попыток правительства Мендереса в 50-х годах разрушить его, открыв дорогу бесконтрольному частному предпринимательству. В настоящее время на долю государства приходится примерно половина всех капиталовложений.

Турецкая экономика значительно выросла. В стране производят цемент и сталь, электрооборудование и станки, суда и холодильники, собирают автомашины, тракторы, телевизоры. Но до сих пор почти пятую часть ее энергетических потребностей покрывают дрова и сушеный навоз. По производству промышленной продукции на душу населения она уступает в несколько раз самым отсталым государствам Европы.

Все эти факты, известные специалистам, хотя и мало знакомые массовому читателю, вспоминаешь не из платонической любви к истории. Оценивая недавние события в Турции, пытаясь увидеть в них какую-то логическую связь, всякий раз убеждаешься, что ключ к пониманию многого дают именно реформы Ататюрка. Поэтому я и позволил себе небольшой исторический экскурс.

Опасные дороги

Поездка по турецким дорогам на автомобиле — не просто передвижение или прогулка, а испытание воли и внимания. Нужно быть все время начеку, чтобы не оказаться жертвой столкновения. За год на дорогах остается пять тысяч убитых и тридцать тысяч раненых. В Турции на тысячу автомашин приходится в несколько раз больше катастроф, чем в США или Западной Европе. Сдать

экзамен на водителя невероятно трудно, но, получив права, шофер тут же забывает обо всех правилах.

Не таков ли и турецкий капитализм, несущийся вскачь по не слишком ровным дорогам, не соблюдая правил, которые разработал и усвоил более опытный капитализм Запада? Не потому ли выдающееся транспортное сооружение — Босфорский мост — стало популярным местом для самоубийц? Один из основных «житейских» принципов опытного капитализма заключается в следующем: чтобы брать, надо давать, поступаться малым, чтобы сохранить режим, собственность прибыли. Но турецкий предприниматель чаще думает о сегодняшнем дне, о сиюминутной прибыли, занимается пенкоснимательством, сопротивляясь каким бы то ни было уступкам эксплуатируемым классам.

Выйти на большой скорости на полосу встречного движения, даже если грозит затор на улице или катастрофа,— обычное дело для турецкого водителя: «Авось, проскочу, да еще быстрее других». В результате замедляется движение сотен автомашин. Так же рассуждал до недавнего времени турецкий предприниматель, выскакивая на недавно купленном «Мерседесе» или «Мустанге» на встречную полосу социально-экономического движения: «Авось, вывезет кривая!»

Многие турецкие шоферы предпочитают не заглядывать в будущее. Один серьезный экономист, консультирующий среднюю фирму, жаловался: «Я даю им рекомендации на десять лет вперед с учетом качества, стандартов, себестоимости, возможного усиления конкуренции. Мне в ответ говорят: нет, ты разработай программу года на два вперед, а там видно будет».

Турецкая буржуазия молода. В Османской империи турки были крестьянами, солдатами, чиновниками, богословами. Коммерцией в основном занимались инонациональные, так называемые левантийские элементы из числа греков, армян, евреев. В начале республиканского периода средоточием национальной буржуазии стала Анатолия. Сейчас сложился единый капиталистический класс, но инонациональные, прежде всего стамбульские, группы продолжают играть важную роль. Турки — предприниматели в лучшем случае второго поколения.

Приведу пример «конкуренции по-турецки» не пото-

му, что он типичен, а потому, что он колоритен и любопытно отражает местные нравы.

В 1948 году турецкий борец Бильге выиграл на Олимпийских играх золотую медаль. В бизнесе он также отличался железной хваткой и умением положить противника на обе лопатки. Он основал автобусную компанию и заработал миллионы. Однако у него появился соперник, владеющий приемами беспощадной конкуренции не хуже его. Это был Атан, который в 50-е годы завоевал на Олимпийских играх серебряную и две бронзовые медали в вольной борьбе. Он возглавил конкурирующую автобусную компанию.

Соперники вступили в долгую и кровавую борьбу, не обращая внимания на судей. Их схватка началась после ссоры из-за прибыльной автобусной линии Стамбул — Анкара. Бильге утверждал, что первые автобусы по этому маршруту пустил он. Атан, весивший 112 килограммов, явился к Бильге, весившему всего 85 килограммов, и потребовал долю в прибылях. Бильге отказался. Последовали угрозы. «Неизвестные» бандиты останавливали на линии автобусы и избивали водителей.

В 1963 году в уличной перестрелке Бильге ранил Атана и его брата, утверждая, что сделал это в порядке самозащиты. Он провел в тюрьме 18 месяцев. В 1965 году племянник Атана подстрелил Бильге из-за угла и отправился на 12 лет в тюрьму. Бильге выжил. Теперь Бильге встречается с посетителями только в назначенных им самим местах и ходит окруженный телохранителями. В его конторе на окнах — толстые металлические решетки, а на даче он держит свирепых овчарок и прирученного волка.

Атана также охраняет группа мрачных телохранителей во главе с неким Зулкуфом, который был чемпионом Турции по «масляной борьбе». (В этом национальном виде спорта обнаженные по пояс борцы в кожаных штанах намазываются перед схваткой с ног до головы оливковым маслом.) Имя Зулкуфа турецкая печать связывала с таинственным убийством в публичном доме другого турецкого чемпиона в этом «скользком» виде спорта.

Вехби Коч — деятель иного склада и другого калибра, чем борцы-предприниматели. Он платит самые большие налоги и считается богатейшим человеком Турции. «Чепуха,— говорит он в ответ на расспросы об ис-

тинных размерах своего состояния.— Людская молва преувеличивает». Однако известно, что его группа объединяет полсотни коммерческих и индустриальных фирм. В 1973 году на его предприятиях работало 20 тысяч человек. Коч начал с небольшой лавочки в Анкаре. После второй мировой войны занялся импортными операциями, связался с иностранными компаниями «Форд», «Мобил», «Дженерал Электрик». Его первое предприятие электроламп было построено «Дженерал Электрик». Сейчас он сотрудничает с сотней американских и европейских фирм. Его группа собирает легковые автомашины «анадол», грузовики, автобусы, управленческое оборудование, телевизоры, производит текстиль, консервы, химикалии, контролирует отели, магазины и туристские комплексы. Управляющие Коча, среди которых немало «левантийцев», получают втрое больше депутатов парламента и пытаются организовать дело по современным американским образцам. Но в частной жизни Коч остается скупым и, по слухам, не тратит деньги на лишние рубашки. Недавно первым из турецких бизнесменов он издал автобиографию, в которой снисходительно поучает читателей, как разбогатеть.

Фонд армейской взаимопомощи (ОЯК) — своеобразный феномен в турецкой экономике. Офицеры и унтер-офицеры отчисляют в его пользу 10 процентов своего оклада. ОЯК был основан в 1961 году в качестве кооператива, а сейчас стал одной из крупнейших корпораций страны. Он объединяет систему магазинов, строительных фирм, страховых компаний, участвует в сборке автомобилей «рено», производстве нефтепродуктов, грузовиков, цемента, моторов, автопокрышек, консервов.

Фирма Коча, как и несколько других крупных капиталистических групп, выросла «снизу», но влиятельные объединения чаще создавались в Турции «сверху», весьма специфическим путем.

От болгарской границы до Ирана, на садовой скамейке и салфетке в ресторане, на паромах через Босфор и над знаменитыми мечетями, в банях и на стадионах, на экранах телевизоров и в газетах — повсюду встречаешь рекламу банков. Крупнейшие банки Турции — государственные, частные и смешанные — не просто финансовые учреждения. Они стали головными «холдингами» промышленных и торговых фирм. Например, сахарную про-

мышленность в Турции контролирует группа, во главе которой стоят государственные Сельскохозяйственный и Сумербанк, а также частный Деловой банк. Пользуясь поддержкой государства, таможенными и другими льготами, корпорации получают высокие прибыли. Поэтому в Турции влияние крупного по местным масштабам капитала больше, чем можно было бы предположить, учитывая общий уровень ее развития и распространение мельчайшего, мелкого и среднего производства.

Основа турецкой экономики — тяжелая и добывающая промышленность, значительная часть транспорта, энергетики, обрабатывающей промышленности по-прежнему находятся в руках государства. Однако сейчас, набрав силу и вес, частный капитал покровительственно «похлопывает по плечу» государственный сектор, упрекая его в малой эффективности. Коч вошственно утверждал: «Менеджеры государственных предприятий так же хороши, как и частных; если те терпят убыток, значит, сама система негодная». «Государственный сектор показал, что он не выполняет своей роли в промышленности и торговле,— сказал мне другой крупный бизнесмен.— Было бы целесообразно некоторые предприятия отдать нам, частникам». Однако частный бизнес устраняет, когда государство берет на себя убыточные отрасли, фирмы с медленным оборотом капитала или слишком крупные для него предприятия.

Вместе с тем частный бизнес болезненно реагирует на любой намек, что правительство может отдать предпочтение государственному сектору. Поэтому, например, «проэтатистская» политика недолговечного коалиционного правительства Эджевита в 1974 году вызвала настороженность в консервативных деловых кругах. «Мы, частный капитал, заняли позицию „подождем-посмотрим" по отношению к правительству,— говорил тогда в беседе со мной заместитель директора крупного частного Строительно-кредитного банка Йозышик.— Частный капитал подобен черепахе. Он высовывает голову, смотрит по сторонам и, в случае опасности, скрывается в панцире».

Последние годы экономика Турции развивалась неплохими темпами — около семи процентов в год, но достигалось это ценой диспропорций, перенапряжения ресурсов, низкой заработной платы. Турция подписала протокол об ассоциации с «Общим рынком». Начиная с

1973 года она снижает пошлины на товары, ввозимые из Европейского экономического сообщества, чтобы через 22 года стать его членом. Мало кто скрывает свое разочарование первым опытом сотрудничества с этим клубом развитых, богатых капиталистических стран. Как оказалось, ЕЭС предоставило тот же статус, что и Турции, другим странам Средиземноморья, однако от Анкары получило больше уступок. Если нынешние тенденции сохранится, то Турции суждено играть роль дровосека и водоноса развитого Запада, садовника, огородника и в лучшем случае хлопкороба. На других условиях «бесприданницу» не хотят брать в богатый дом. Главные отрасли турецкой промышленности, особенно в государственном секторе, могут рухнуть под напором конкуренции, однако удачливые бизнесмены настаивают на своем: «Это — не главное. Главное — подхлестнуть турецкую экономику».

Сторонники ассоциации с «Общим рынком» указывают на те отрасли, которые могли бы успешно конкурировать в будущем, например прядильно-ткацкую. Действительно, турецкий экспорт пряжи и тканей рос довольно быстро. Но это объяснялось временной благоприятной конъюнктурой, неплохой сырьевой базой, дешевой рабочей силой и модернизацией фабрик. Сейчас, когда говорят о разрыве между индустриальными и развивающимися странами, турецкий пример может служить очень любопытным свидетельством новой ситуации, новых форм зависимости.

В настоящее время в турецком импорте машины, оборудование и сырье занимают 95 процентов, и лишь около пяти процентов приходится на потребительские товары. Развитые капиталистические страны все больше переключаются на тонкое и сложное машиностроение, электронику, научные исследования и другие передовые отрасли. Для них нет необходимости иметь все виды промышленности, а в ряде случаев им даже выгоднее «отдавать» некоторые «традиционные» отрасли другим странам. В этом смысле Турция, развивая, скажем, швейную, текстильную и кожевенную промышленность, не уменьшает своего отставания от Западной Европы. Более того, она превращается в постоянного клиента западной технологии, научно-технической мысли. Турецкие монтажные предприятия больше привязаны к своим поставщикам, чем прежде покупатели готовой продукции. А когда развитые

капиталистические страны сталкиваются с экономическим кризисом, как в 1973—1975 годах, они защищают даже свои «традиционные» отрасли, ограничивая ввоз и турецкой пряжи, и текстиля.

Многолетняя односторонняя ориентация на Запад привела к колоссальному дефициту торгового и платежного баланса. Турецкие внешние долги (примерно пять миллиардов долларов) сейчас больше печально знамениты османских долгов. На их выплату вместе с процентами страна тратит около 250 миллионов долларов в год и при нынешних темпах сможет разделаться с кредиторами лишь в третьем десятилетии будущего века, и то если не залезет в новые долги.

«Мы всегда были плохими экономистами — со времен Османской империи,— говорил, слегка бравируя, в беседе со мной один из крупнейших и самых удачливых бизнесменов Турции.— Лишь военное и дипломатическое ведомства временами были у нас в неплохом состоянии». Его утверждение спорно. Военное ведомство Османской империи привело ее к катастрофе, и лишь национально-освободительная война, которую поддержала Советская Россия, оказав большую военную и материальную помощь, спасла Турцию от раздела и колонизации.

Что касается дипломатического ведомства, то после второй мировой войны оно поставило Турцию в зависимость от США, привело страну в НАТО, впервые в истории предоставило турецкую территорию под иностранные военные базы. Впрочем, дело было не в дипломатах, а в тогдашнем внешнеполитическом курсе правящих классов.

За последнее десятилетие в турецкой внешней политике наметился поворот в сторону добрососедства, укрепления дружественных взаимовыгодных отношений с Советским Союзом. Для реалистически мыслящих турецких политических деятелей стало ясно, что национальные интересы страны отнюдь не совпадают со стратегическими задачами США и блока НАТО и что Турция должна найти свое место в разрядке напряженности, которая происходит в Европе. Турецкие органы печати, не ослепленные примитивным антикоммунизмом или антисоветизмом, не раз писали, что советско-турецкие отношения базируются на устойчивой и все расширяющейся основе взаимовыгодного сотрудничества. Курс добрососедства в отно-

шениях с Советским Союзом стал политическим императивом для любого турецкого правительства, но эта тема требует отдельного и обстоятельного разговора. Сейчас речь — о внутренних делах.

Думы крестьянской Анатолии

В декабре 1972 года, во время поездки по Юго-Восточной Турции, я остановился на два дня в Адане — четвертом городе страны по населению. Несмотря на то что было холодно и сыро, Адана, как и вся Чукурова — Киликийская низменность, зеленела, защищенная горным хребтом с севера. Знакомые журналисты привели меня на товарную биржу — щеголеватый мини-небоскреб на бульваре, образованном колоннадой королевских пальм. В небольшом зале кипели страсти, прыгали цифры на световом табло, заученно жестикулировали маклеры. Покупали и продавали плоды благодатной Чукуровы, где больше всего машин на гектар пшв, садов и плантаций, высокотоварное хозяйство, самые богатые помещики, самые бедные батраки. Вечером в казино «Куюбаши» лились «раки» — анисовая водка — и французское шампанское, звенели бокалы, гремела своя и «привозная» музыка, носились, не разгибая спины, официанты, пахло духами и большими деньгами. Князья хлопка и цитрусовых, бананов и табака отмечали удачные сделки. Пировал современный сельский капитал Турции.

Когда мы перевалили лесистые горы Тавра и очутились на степном плато Анатолии, злой зимний ветер швырнул в стекло снежную крупу. Поблекли бронзовые краски анатолийской осени. Деревья обнажились. Уныло выглядела белесо-серая холмистая равнина. Под плоскими или четырехскатными крышами деревенских домов у очагов и жаровен собирались крестьяне при тусклом свете керосиновых ламп.

О чем в эти долгие зимние вечера размышляли крестьяне деревеньки Молу, расположенной недалеко от Кайсери, догадаться было нетрудно, хотя мне так и не довелось с ними поговорить. О своей тяжбе с ними рассказал мне Ариф Молу, крупнейший землевладелец провинции Кайсери, отпрыск четырехсотлетнего рода местных беев.

Ему было под семьдесят, но держался он бодро. Ариф Молу был бы похож на старого счетовода или сельского учителя, если бы не печать привычной властности, лежавшая на его аккуратно выбритом лице. В гостиной загородного дома, где мы встречались, витал аромат спелых яблок, и флюиды почтения к хозяину, казалось, исходили от моих сопровождающих — чиновника службы информации из Анкары и работника губернаторства Кайсери.

— Как вы относитесь к аграрной реформе? — спросил я хозяина.

— Я — за аграрную реформу. В 1947 году, когда о ней говорили слишком много, я даже распределил среди крестьян три тысячи дёнюмов — около трехсот гектаров земли. Я считаю, что мусульмане — братья и должны помогать друг другу. Затем я продал еще 1500 дёнюмов.

— Сколько у вас земли, если не секрет?

Секрета не было. У господина Молу остался отличный яблоневый сад в тысячу дёнюмов, несколько сот дёнюмов под подсолнечником, сахарной свеклой и ферма породистого скота. Но Молу пустил корни не только в сельском хозяйстве. Он крупный подрядчик, участвовал в строительстве железной дороги и сахарной фабрики, его деньги вложены в центральные банки, перспективные земельные участки и доходные дома в провинциальном центре. Ариф Молу основал на паях с другими бизнесменами из Кайсери текстильный комбинат. Участок он подобрал собственный, но действительно расположенный удобно — рядом с железной и шоссейной дорогами. На комбинате нашлось дело и для его сыновей, получивших образование в Западной Германии,— инженера-текстильщика и адвоката.

— У вас достаточно капиталов для участия в предприятии?

— Конечно, у меня ведь есть еще земли — около шести тысяч дёнюмов. Я хочу продать их крестьянам,— отвечал Молу тихим, спокойным голосом.— Правда, крестьяне распахивают эти земли много лет и считают их своими, даже сады там разбили и не выплачивают мне аренду.— Я не буду нанимать людей и стрелять, чтобы вернуть мою собственность, как это делают в Восточной Анатолии,— добавил он с вкрадчивой усмешкой.— Мое

справедливое дело находится в суде, и суд решит его в мою пользу.

Молу — одна из 77 тысяч турецких деревень. Я так и не узнал, есть ли в ней электричество (в девяти из каждых десяти деревень его нет), проезжие дороги (в двух третях деревень их нет), хорошая питьевая вода (в каждой пятой деревне ее нет), видели ли ее жители когда-нибудь врача (в восточных районах Турции один врач приходится на 15 тысяч человек). Мне не довелось узнать, каков их доход (на турецкого крестьянина-бедняка приходилось в 1972 году 600 лир — менее 50 долларов). Но мне представились жители Молу — жилистые, усатые мужчины и их жены, перевязанные платками, их дети — мал мала меньше — и высохшие старики. Мне представилось, как они пахали эти земли на быках или мохнатых низкорослых лошаденках и обильно поливали ее потом, и подумалось невольно: «Ох, а кончится ли это дело, даже если суд удовлетворит „справедливый" иск господина Молу?»

До введения чрезвычайного положения в 1971 году в турецкой печати появлялись сообщения о кровавых спорах на меже, о захвате крестьянами помещичьих земель, о налетах наемных банд на деревни для расправы с дерзкими. Эти факты не говорили о каком-то широком крестьянском движении. Неграмотное крестьянство в политическом плане остается консервативной частью турецкого общества, и пока что для него самый большой авторитет — имам мечети, духовный глава мусульманской общины. Но сообщения о «беспорядках» в деревне были симптомами застарелой болезни Турции — аграрной.

В Турции плодородные почвы, хороший климат, трудолюбивое крестьянство. Казалось бы, есть условия для того, чтобы обеспечить продуктами питания ее быстро растущее население, а также нужды промышленности и экспорт. Но вот уже три десятка лет в парламенте и на страницах газет говорят об аграрной проблеме. Всего лишь несколько цифр показывают ее остроту: 75 процентов семей владеют 29 процентами обрабатываемой земли, 25 процентам собственников принадлежит 71 процент земли. На одном полюсе — три с половиной тысячи богатейших семейств, на другом — более миллиона безземельных крестьян. Первая попытка аграрной реформы была предпринята в 1945 году, но оказалось, что ее проведения не

желали могущественные круги и слишком сильно было влияние в парламенте и правительстве крупных земельных собственников. Пар из перегретого котла выпускали, распределяя пустующие государственные земли. Этот резервуар исчерпан.

«Турецкий крестьянин отличается консервативностью,— говорил мне известный стамбульский экономист Джиллов.— Нововведения не принимаются им легко. Техническое просвещение и знания все еще с трудом проникают в наши деревни». Однако традиции, консервативная психология, которую нельзя сбрасывать со счетов, все же стоят где-то позади перечня препятствий, которые мешают развитию турецкого сельского хозяйства. Даже там, где «среднестатистический» крестьянин имеет достаточный надел, у него, как правило, нет капиталов, чтобы усовершенствовать земледелие, приобрести технику и удобрения, он мало знаком с агрикультурой. И если в Турции он не платит налогов (впрочем, как и помещик), то это не значит, что плоды его труда достаются ему: длинная цепь посредников-перекупщиков оставляет земледельцу едва-едва прожиточный минимум. Поэтому даже наделение части крестьян землей в рамках буржуазной аграрной реформы не решило бы аграрной проблемы. Деньги в машины и удобрения вкладывают крупные собственники.

За последние годы аграрный вопрос в Турции превратился из «статичного» в «динамичный». Началось сравнительно быстрое развитие капитализма в сельском хозяйстве. Процесс идет очень неравномерно и болезненно. Восточная Анатолия еще не избавилась от феодального землепользования, а помещики Чукуровы или Эгейского побережья уже превратились в крупных фермеров, вооруженных сельскохозяйственными машинами. На турецких полях тракторы (их сейчас больше ста двадцати тысяч) вытесняют упряжку лошадей. На дорогах Анатолии появляется все больше крестьянских парней, которые идут искать работу для своих крепких рук, ставших ненужными в родной деревне.

Механизация сельского хозяйства лишила куска хлеба сотни тысяч испольщиков и издольщиков, малоземельных и безземельных крестьян. Для страны масштаба Турции образовалось колоссальное количество безработных — около двух миллионов. Они направляются в стам-

бульский промышленный район, Измир и Анкару, стоят мрачными, неуменьшающимися толпами на немногочисленных биржах труда, у ворот фабрик и заводов, уезжают в Западную Европу и даже в Австралию.

Мне запомнилась встреча с одним турецким «отходником» в придорожной кофейне между Ургюпом и Учхисаром в одном из самых «экзотичных» уголков Турции.

Словно для того чтобы вознаградить путешественника за тоскливое однообразие степных плато, природа показывает здесь, на что способна ее фантазия. Ветер и дождь, морозы и жара изрезали мягкий вулканический туф, покрывающий равнину, и выточили из него фигуры, напоминающие гигантские белые грибы или конусообразные муравейники. Тысячелетия назад этот район облюбовали люди, и рука человека включилась в игру природы. Вот и появились пещеры, лестницы, переходы, вырубленные в толще туфа. Не будем сгущать краски. Пусть читателю не приходит на ум «пещерный век», закопченные своды, куча костей в углу. Просто в мягком и сухом туфе было удобно вытачивать «комнаты» и «квартиры», хлева и амбары. Из камня делали стол и стул, шкаф и ванночку для купания младенцев. В первые века нашего тысячелетия долина Гёреме в этом районе стала прибежищем для ранних христиан, и с тех времен сохранилось около четырехсот церквей и монастырей в пещерах. Многие из них украшены фресками. Обнаружены подземные города, уходящие вглубь на несколько этажей.

Но как бы экзотически ни выглядела эта земля, думы крестьянские и их заботы здесь были теми же, что и в остальной Анатолии.

— Можно задать вам несколько вопросов? — обратился я к широкоплечему мужчине лет под сорок, в помятой пиджачной паре, при галстуке. Мне сказали, что он приехал погостить на месяц рамазан в родную деревню из Западной Германии.

— Яволь, яволь,— ответил он по-немецки.— Я готов.

По-немецки я не говорил, и мой собеседник (его звали Мехмед Ирамиль) перешел на родной язык. Ему и двум его братьям после смерти отца досталось по два дёнюма сада и по пять дёнюмов поля. Свести концы с концами было невозможно. Все трое уехали в Западную Германию, и Ирамиль девять лет работал на стеколь-

ном заводе в Баден-Вюртемберге. Он сказал, что доволен своей судьбой, потому что его семья имеет кусок хлеба и небольшие сбережения.

Временный экономический подъем в развитых странах Западной Европы создал потребность в иностранных рабочих, более дешевых и покорных, с менее развитым классовым сознанием. Зарплата там была несомненно выше, чем где бы то ни было в Турции, и это, как мощный магнит, притягивало не только разорившихся или безземельных крестьян, но и самых квалифицированных, активных рабочих, лучшую часть турецкой технической интеллигенции.

«В Германию! В Германию!» — только об этом и говорили случайные собеседники, с которыми приходилось встречаться в Турции от Эдирне до Эрзерума. За границей оказалось около 800 тысяч турецких рабочих, а с семьями — примерно миллион. Главная масса их сосредоточилась в Западной Германии, но судьба разбросала турок по всему белу свету. В очереди за разрешением на выезд за границу стояло более миллиона человек.

Безработица внутри Турции рассасывалась. Эмиграция как будто бы решала и другие проблемы. Экономисты и многие политические деятели пребывали в сладкой дремоте, подсчитывая валютные доходы страны от «экспорта» рабочих рук. Во все возрастающих размерах турецкие рабочие высылали деньги своим семьям, так как был установлен выгодный курс обмена марок, франков или гульденов на турецкие лиры. Денежные переводы рабочих равнялись почти всему турецкому экспорту. Впервые за послевоенные годы Турция накопила значительный золотовалютный запас.

В Западной Европе турки жили в гетто городов, скученных общежитиях, испытывая унижение людей второго и третьего сорта. Они стояли у конвейеров и в горячих цехах, рубили уголь и строили плотины, убирали мусор и мыли посуду в ресторанах. Каждый третий получал производственную травму. Несмотря на ряд оговорок в контрактах, турецким рабочим платили меньше, чем местным. Западногерманская буржуазная печать называла их «самыми скупыми» из иммигрантов. Они действительно экономили больше других за счет здоровья и жизненных благ, отдавая лучшие годы для обогащения западногерманских предпринимателей. Но все же мало кто

из них возвращался на родину. Слишком разительным был контраст в зарплате дома и на чужбине, и они оставались за границей, несмотря на все тяготы.

Судьба «нелегальных» турецких эмигрантов складывалась порой просто трагично. «В двадцатом веке в Европе существует работорговля — вещь, в которую невозможно поверить! — писал корреспондент стамбульской газеты „Зафер“, ознакомившись с их судьбой.— Где все это происходит? По сообщениям прессы ФРГ, в этой стране неофициально проживает 40 тысяч турок. Положение их мало чем отличается от положения рабов, они эксплуатируются, как рабы».

«Черный рынок» турецкой рабочей силы существовал во многих странах Западной Европы. Многие турки, гонимые нуждой и безработицей, соглашались ехать в Западную Европу на любых условиях, отказываясь от прав и льгот, существовавших для официально зарегистрированных рабочих. Этим пользовались ловкие дельцы. В Стамбуле, например, была раскрыта подпольная контора, которая переправляла рабочих в Западную Германию под видом спортсменов. В ее деятельности оказались замешанными «благопристойные» сотрудники из официального западногерманского бюро по найму рабочей силы и чиновники министерства труда.

Я помню сцену, свидетелем которой был в 1973 году, на шумном вокзале Сиркеджи, у стен знаменитого дворца Топканы. Когда-то он был известен тем, что сюда приходил «Восточный экспресс», привозивший из Европы дипломатов и потрепанных парижских кокоток, разведчиков и вчерашние моды. Потом он стал главными воротами, через которые уезжали в поисках счастья турки, обездоленные на родине. Крестьянские парни, казавшиеся неуклюжими и чем-то смущенными, и расторопные городские мастеровые заполняли вагоны. На перроне плясали, пьяно пели под аккомпанемент саза — шестиструнного щипкового инструмента, плакали, бормотали молитвы. Волновалась толпа женщин в шароварах и затрапезных платьях и орущих, смеющихся детишек. В покрасневших от слез глазах женщин светилась надежда, что теперь, когда кормильцы получат работу, наконец-то кончится нужда. Но знали они, что не скоро увидят родных и близких у семейных очагов, да и увидят ли вообще? Сколько семей разбила многолетняя разлука...

Так было.

Внезапно наступило протрезвление. Поезда с вокзала Сиркеджи уходили в Европу почти пустыми. Экономический кризис 1973—1975 годов на Западе поставил предел эмиграции турок. Валютные переводы рабочих-эмигрантов начали уменьшаться. Вдруг для всех стала ясна простая и горькая истина — западноевропейскому капитализму лишь до поры до времени было удобно забирать молодых, крепких, готовых на любую работу турок, не неся никаких затрат на то, чтобы вырастить их до 20—25 лет. В случае экономического спада от них так легко было отказаться. Правда, ожидаемого резкого оттока рабочей силы на родину еще не наступило. Даже пособие по безработице, получаемое турками в Западной Германии, было больше их потенциальной заработной платы дома. Да и трудно найти занятие в стране, где своих безработных, не считая эмигрантов, около двух миллионов душ. Кроме того, турки не всегда оказывались без дела на Западе, потому что выполняли такие грязные и тяжелые работы, за которые не брались не только немцы или голландцы, предпочитающие должности «синих воротничков», но и итальянцы, испанцы, греки.

Поток назад все же идет. Одетые в шляпы, неплохие пальто, с полными чемоданами, но с тревогой на лицах возвращаются те, кто лишился пособий и потерял надежду найти работу. Многие из них, прожив долгие годы на Западе, так и не вырвались из плена мелкобуржуазной идеологии полуазиатского общества и мечтают лишь о том, чтобы на сколоченные деньги открыть лавочку или кофейню, построить дом из нескольких квартир и сдать его жильцам или сесть за руль собственного такси. Кто знает, большинство ли из них так настроено — попробуй. измерь чувства, привязанности, симпатии и антипатии десятков тысяч людей. Но бывшие эмигранты привозят и новые идеи. Турецкая реакционная печать с ужасом сообщает, что «неиспорченные» рабочие знакомятся «там» с такими понятиями, как «классовая борьба», «рабочая солидарность», «стачка». Нет, не зря они провели несколько лет в обществе, где буржуазно-демократические свободы и классовая борьба более развиты, чем в Турции.

Нелишне отметить еще два результата длительного пребывания за границей активной части турецкого насе-

ления — психологический и культурный. Турецкое общество, с его мусульманскими традициями, существенно отличается от западноевропейского. Молодые люди, которые провели на заработках несколько лет, частично, а иногда и полностью меняют свои взгляды на быт, брак, взаимоотношения полов. Современное турецкое «отходничество» ускоряет психологическую и культурную ломку в турецком обществе. Почва для этого была подготовлена реформами Ататюрка, но затронула за полстолетия лишь поверхностные городские слои. Стоит, впрочем, и оговориться, что многие эмигранты за границей живут довольно замкнуто, зная только работу, путь домой и ближайшую пивную, превращенную в кофейную турецкого образца, а их знакомство с «культурой» ограничивается кино и дешевым борделем.

Миф о возможности вырваться из нужды, уехав за границу, широко распространился в Турции. Когда печать под сенсационными заголовками сообщила, что Ливия якобы собирается принять у себя 600 тысяч турецких рабочих, то даже в отдаленных провинциях многие распродали последнее имущество и поехали в крупные города в надежде, что их перебросят в Африку. Они пополнили ряды люмпен-пролетариев, очутились в тяжелой, иногда безысходной ситуации.

12 марта

Если кто-нибудь когда-нибудь захочет написать модернистскую симфонию «Анкара зимой», то вместо динамических оттенков типа «крещендо» или «форте» между нотных строк будут стоять знаки: «кашель, чихание, хрип, прерывистое дыхание»... Местные и иностранные источники в один голос мрачно утверждают, что зимой воздух в турецкой столице самый грязный в мире. В анкарском воздухе дыма в шесть раз, а сернистых газов вдвое больше допустимого для здоровья максимума. Исследования, проведенные группой западных врачей, показали, что дышать этим воздухом взрослому и ребенку — все равно, что курить в день по десять пачек сигарет без фильтра.

В турецкой столице около ста тысяч автомашин и очень мало заводов, так что не они — главные отравители города. Воздух загрязняют в основном котельные и част-

ных многоквартирных домах, работающие на плохом угле. Когда в 1923 году Анкару объявили столицей, она была небольшим торговым центром с населением 20 тысяч человек, а сейчас в ней более полутора миллионов. Анкара, расположенная в чаше между горами, оказалась ловушкой для смога. С раннего утра ее покрывает одеяло густого черного дыма, смешанного с туманом. Если на окраине столицы солнце, то в центре видимость снижается настолько, что автомашины иногда включают фары. Солнце здесь не проглядывает неделями. Зимой страшно открывать окна, так как комнаты покрываются копотью. Белье, вывешенное на улице, тут же становится грязным.

За последние десять лет население Анкары удвоилось, а число заболеваний раком легких увеличилось в десять раз, хроническим бронхитом — в одиннадцать. Многие считают, что в Анкаре лет через пятнадцать нельзя будет жить. Первыми начали покидать город врачи, наиболее осведомленные об опасности жизни в загрязненной столице. Анкарцы превращаются в больных, раздраженных и мрачных людей.

Можно было бы построить центральную отопительную систему. Но где взять деньги? Столичный муниципалитет — банкрот. Можно было бы топить печи в домах более качественным углем или мазутом. Но попробуй заставь хозяев раскошелиться. Поэтому чихайте, капляйте, хрипите.

К этой напасти порой добавляется нехватка воды, электричества, а временами и газа. Однажды бесснежная зима понизила уровень воды в водохранилищах, предназначенных для снабжения столицы. Многие районы города остались без воды, в остальных ее давали по нескольку часов в день. В городских трущобах жители выстраивались в очереди с канистрами и бидонами. В больницы, посольства, пекарни и бани воду развозили в цистернах. Депутаты меджлиса умывались в туалетах минеральной водой из бутылок. Министр энергетики предложил анкарцам вывернуть каждую третью электрическую лампочку, чтобы уменьшить расход электроэнергии. Газеты с сарказмом писали, что у большинства жителей Анкары в лучшем случае есть всего лишь одна электрическая лампочка на семью. Глава анкарской торговой палаты посоветовал министру вывернуть свою собствен-

ную лампочку и покинуть пост. Слушая эту перепалку, турки горько острили: «Однажды вдова турецкого грешника навестила мужа в аду. Она посетила американский ад, где обитателей пытали электричеством, японский — с мукамп водой, но в турецком нашла мужа в прекрасном расположении духа — здесь не оказалось ни воды, ни электричества». (Замечу в скобках, что весна в Анкаре — благоухающий сезон, лето — сухое и не очень жаркое, осень — звонкая, теплая и долгая. Так что, если не считать зимних месяцев, Анкара — один из самых приятных городов Турции.)

Не хочу проводить параллели между зимним анкарским климатом и политической обстановкой. Просто так совпало, что на корреспондентскую работу в Анкару я приехал зимой — в декабре 1971 года, когда Турция переживала один из самых мрачных периодов своей послевоенной истории. 12 марта того года армия вмешалась в политическую жизнь, в главных провинциях вскоре было введено чрезвычайное положение. По ночам в столице соблюдался комендантский час. По улицам Анкары патрулировали солдаты в касках и с автоматами наизготовку. Изредка звучали выстрелы. Жандармы и полицейские врывались в квартиры, люди исчезали на много месяцев, и родственники ничего о них не знали. Ходили слухи о пытках в тюрьмах. Когда я устанавливал нормальные журналистские контакты, то чаще всего сталкивался с нежеланием разговаривать и настороженностью. Турки — вежливые люди. Меня принимали, со мной о чем-то беседовали, неизменно поили крепким чаем или отличным кофе, но на лицах было написано: «Когда же ты, наконец, уйдешь?»

Кризисная ситуация сложилась после десятилетнего развития общества в рамках довольно широких буржуазно-демократических свобод. Их гарантировала конституция, принятая после военного переворота в мае 1960 года и скопированная со шведской. В новой конституции даже содержались положения о «социальной справедливости» и о «классах». До 27 мая 1960 года достаточно было употребить эти понятия, чтобы попасть под суд и быть осужденным на срок до 15 лет за «коммунистическую пропаганду». Правящие классы, напуганные левым движением в стране, утверждали, что «с такой конституцией порядка в стране не наведешь», а, по выражению

Нихата Эрима, который стал премьер-министром после 12 марта, конституция 1961 года — «роскошь для Турции».

Рост турецкого капитализма сопровождался болезненной ломкой общества, созданием напряженности, нарушением баланса сил как между «верхами» и «низами», так и внутри «верхов». Политический режим в лице партий, парламента, армии, судебных органов, правительства оказался неприспособленным к изменениям в стране. Волнения лихорадили Турцию, но, конечно, революционная ситуация не сложилась, хотя это слово и витало в воздухе.

Массовый приток жителей из деревни в город создал обширные трущобные районы. В них порывы отчаяния, неожиданных социальных взрывов сочетались с традиционной крестьянской покорностью и консерватизмом. Трущобы стали базой экстремизма, как правого, так и левого. Рабочий класс вырос и набирал силу. Однако его организованность отставала от потенциального веса в обществе. Сказывалось, в частности, развращающее влияние правой профсоюзной организации «Тюрк-иш», созданной с помощью американских советников. В противовес ей появилась Конфедерация революционных профсоюзов (ДИСК), но она уступала «Тюрк-иш» по численности. Рабочая партия Турции была основана в 1961 году группой профсоюзных лидеров и левых интеллигентов для защиты интересов пролетариата. Она имела своих депутатов в парламенте и легальные издания, но так и не смогла стать массовой и на рубеже 60—70-х годов переживала брожение и расколы.

Очень существенное воздействие на политическую атмосферу оказывали настроения интеллигенции. Обстановка буржуазно-демократических свобод позволила Турции вырваться из духовной изоляции, открыла перед ее образованными людьми новый мир, познакомила с новыми идеями. Официальная пропаганда с детства вдалбливала, что Турция — «великая страна», что турки основали «величайшие цивилизации мира» и что «надо быть счастливым тем, что ты турок». Но, оглянувшись вокруг себя, турецкие интеллигенты увидели, насколько отстала их родина. В стране было несколько десятков американских военных баз, а во внешней политике Анкара повторяла каждый жест Вашингтона.

Достаточно было познакомиться с элементарной статистикой — национальным доходом на душу населения, числом врачей или студентов на тысячу жителей,— и многих интеллигентов охватывало чувство мрачной безнадежности. Они жили в стране, где самые богатые люди — помещики не платили налогов, а государство поддерживало свой бюджет прежде всего за счет косвенных налогов и тех, кто получал фиксированную заработную плату, в том числе интеллигенции и служащих. Административный аппарат был поражен мертвящей бюрократией, мало изменившейся с османских времен. Образование оставалось уделом немногих. До сих пор около половины населения Турции неграмотно, а в Восточной Анатолии две трети жителей не умеют читать и писать. Невольно многие задавали себе вопрос, куда же зашла Турция через полстолетия после ататюркистской революции. Достижения кемалистов в 30-е годы казались далеким прошлым, да и были они лишь первыми шагами.

Накануне мартовского кризиса волнения шли по спирали вверх. Антиамериканские настроения стали массовыми, особенно среди молодежи. Требования выйти из НАТО и провести социальные преобразования раздавались все громче. Левые газеты и журналы выходили массовыми тиражами. Множились различные левые организации. Социально-экономические неурядицы, инфляция, снижение жизненного уровня, крушение надежд на лучшее будущее приносили горечь и нетерпение во все слои общества.

Истерические правые фанатики «развлекались» тем, что нападали на семинары по контролю над рождаемостью и вопили, что Турция должна догнать по количеству населения Россию. Некоторые представители интеллигенции и рабочих вступали в левоэкстремистские организации. Университеты стали ареной кровавых боев между правыми фанатиками и леваками. Средневосточный технический университет под Анкарой жандармерия, встреченная пулеметным огнем, штурмовала по всем правилам военного искусства. Среди экстремистов, и правых и левых, были несомненные провокаторы, например маоистская группировка, которую возглавлял Догу Перинджек. Однако остается фактом, что даже подлинно демократическое, патриотическое движение было окрашено левым экстремизмом.

На рубеже 60—70-х годов появилась «Федерация турецкой революционной молодежи» («Дэвгенч»). Она не имела определенной ориентации, но в конце концов встала на путь анархизма и вооруженной борьбы. Ограбление банков, похищение и убийство людей — дело рук ее членов. Они считали себя настоящими революционерами и создали так называемую турецкую народно-освободительную армию. В основном она вербовалась из студентов. Всех остальных левых «Дэвгенч» считала «стражами буржуазии».

Председатель «Дэвгенч» Эртугрул Куркчу, выступая на собрании в Эгейском университете весной 1971 года, говорил: «Тяжесть революционной борьбы в Турции ложится на плечи организации „Дэвгенч“. Такое положение будет продолжаться еще некоторое время. После этого появится острая необходимость в создании организации на более высоком уровне. Ее создадут только выходцы из „Дэвгенча“, но эти люди должны закалиться в действии. Таким образом, партия будет создана в борьбе. Она станет военно-гражданской организацией, которая будет сильна и политически. Мы, революционеры, должны находиться в самых первых рядах массового движения. Мы должны сделать все возможное, чтобы углубить нынешний кризис и предпринять самые эффективные действия. Объединяя наши практические действия с теорией, мы должны идти вперед, не сворачивая с пути марксизма-ленинизма».

Имя Дениза Гезмиша, члена «Дэвгенча», было особенно известно в Турции. Его несколько раз бросали за решетку, но он выходил на свободу. Он вел студентов на демонстрации против американского флота, который пытался посетить Турцию в 1969 году, участвовал в манифестациях против американского посла Комера. Его группа ограбила банк, а в марте 1971 года похитила четырех американских военнослужащих, выпустив их потом на свободу.

Турки не могли не высказывать ворчливого восхищения Гезмишем, хотя многие не разделяли его левацких взглядов. Он отвечал их идеалам мужества. В литературе, искусстве и в народном эпосе турки драматизируют людей, находящихся вне закона. Гезмиш, с его черными, как смоль, волосами, красивый и бесстрашный, был образцом героя для значительной части молодежи.

Когда армия уже сместила правительство и было введено чрезвычайное положение, Гезмиша схватили и приговорили к смертной казни вместе с двумя товарищами. Группа его друзей во главе с Куркчу похитила трех служащих с натовской радарной станции, надеясь обменять их на осужденных. При столкновении с силами безопасности при неясных обстоятельствах погибли почти все эта группа и заложники. В живых остался лишь Куркчу. Гезмиша и двух других осужденных повесили. Это произошло уже в мае 1972 года, через год после введения чрезвычайного положения.

Трудно ставить под сомнение искренность значительной части молодых леваков. Когда они умирают с криком: «Долой империализм! Да здравствует революция!», невольно проникаешься симпатией к их мужеству, самоотверженности, преданности идеалам. Однако их методы, как сейчас совершенно очевидно, были политически негодными и граничили с провокациями. Действия леваков облегчили нанесение удара не только по левоэкстремистскому, но и по всему левому, демократическому движению Турции.

В условиях нараставших массовых волнений правительство, сформированное консервативной Партией справедливости (ПС), не смогло или не захотело навести порядок. Турецкие газеты писали, что, вероятно, премьер-министр Демирель помнил об участи Мендереса, приказавшего расстрелять студенческие демонстрации и кончившего жизнь на виселице после переворота 1960 года. Руководство ПС боялось выходить за рамки конституции, так как именно за это осудили Мендереса.

ПС представляла стамбульские промышленные и торговые круги, значительную часть анатолийских капиталистов и помещиков. В качестве символа Партия справедливости избрала белую лошадь, чтобы привлечь бывших сторонников демократической партии Баяра Мендереса. Для неграмотного крестьянства само слово «демократ» воспринималось как «демир-кырат», то есть сказочная лошадь серо-стального цвета. Своих приверженцев Партия справедливости вербовала среди крестьян и торговцев, среди населения трущоб и членов правых профсоюзов.

12 марта 1971 года начальник генерального штаба Турции, который считается командующим всеми воору-

женными силами, и командующие армией, авиацией и флотом опубликовали так называемый меморандум. Они потребовали создать надпартийное правительство, которое «покончило бы с анархией и занялось реформами в духе Ататюрка, предусмотренными конституцией». Меморандум предупреждал, что «турецкие вооруженные силы готовы взять управление страной непосредственно в свои руки».

Тогда казалось, что армия находилась на пороге установления военной диктатуры. Однако генералы предпочли действовать из-за кулис, сохранив меджлис и формально ответственное перед ним правительство.

Демарш военной верхушки встретили со смешанными чувствами. Некоторые интеллигенты с левыми взглядами, помня о роли, которую армия сыграла в 1960 году, и на этот раз надеялись увидеть в ней орудие прогресса. Против действий военных со всей определенностью высказалась лишь Рабочая партия Турции.

Генеральный секретарь Народно-республиканской партии (НРП) Бюлент Эджевит осудил вмешательство армии в политику, но ее лидер, старейший политический деятель Турции Исмет Иненю, стал на сторону военной верхушки, как и в 1960 году. НРП, созданная Ататюрком, больше двух десятилетий единолично стояла у власти, однако на выборах 1950 года проиграла своим консервативным соперникам — тогдашним демократам. В последующие годы НРП действовала в качестве главной оппозиционной силы. Даже государственный переворот 1960 года и союз с военными не позволили ей единолично прийти к власти. Хотя после переворота 1960 года Иненю и возглавлял несколько коалиционных правительств, на первых же всеобщих выборах его партия осталась позади Партии справедливости.

19 марта 1971 года было сформировано правительство Нихата Эрима, который вышел из НРП, чтобы продемонстрировать свою «надпартийность». Однако ни его первый кабинет, ни второй, ни последующие за ним правительства фактически не провели ни одной реформы. Наоборот, в меджлисе были проведены поправки к конституции, которые усиливали исполнительную власть и давали ей в руки оружие для расправы с политическими противниками. Основной удар был направлен против статей о буржуазно-демократических свободах, предус-

мотренных конституцией 1961 года. Меджлис учредил так называемые суды государственной безопасности для проведения репрессий прежде всего против левых сил. Были продлены полномочия судов, действовавших в рамках чрезвычайного положения. Они могли продолжать разбор дел в провинциях, где чрезвычайное положение отменялось. Парламент урезал автономию университетов, предоставив право правительственным чиновникам брать на себя управление высшими учебными заведениями. Лишь накануне летних каникул 1973 года меджлис проголосовал за закон об аграрной реформе. Даже турецкая печать называла его не иначе, как «так называемая реформа».

Что касается первого и главного требования «меморандума 12 марта» — «покончить с анархией и навести порядок», то его ревностно выполняли и правительство, и военные власти. Военные трибуналы свирепствовали. «Правовой» базой для преследования вновь стали статьи 141 и 142 уголовного кодекса, скопированного в свое время с уголовного кодекса фашистской Италии, которые запрещали «коммунистическую деятельность» и «коммунистическую пропаганду». Под эти статьи подгонялись любые прогрессивные взгляды, не устраивавшие реакцию. Корреспондент отнюдь не левой английской газеты «Дейли Телеграф», который посетил Турцию в то время, писал: «Почти четыре тысячи человек в тюрьмах, чрезвычайное положение в одиннадцати провинциях, университетская жизнь нарушена, свободы слова нет. Ночной стук в дверь, быстрое и бесшумное исчезновение людей, которые возвращаются через несколько месяцев разбитыми и напуганными. Такова реальность современной Турции».

Левые демократические организации были разогнаны, их активисты арестованы, прогрессивные органы печати закрыты. Справедливости ради отметим, что некоторым преследованиям подверглись и крайне правые религиозные и профашистские группировки, но их не осуждали, а, скорее, журили.

В 1972 году суд, действовавший в рамках чрезвычайного положения, вынес приговор по делу двадцати одного лидера запрещенной Рабочей партии Турции. Обвиняемых приговорили к тюремному заключению сроком от шести до пятнадцати лет с последующим лишением гра-

жданских прав и высылкой в отдаленные районы страны. Среди осужденных была лидер Рабочей партии Бехидже Бораи, профессор социологии. Она получила максимальный срок тюремного заключения, несмотря на свои 62 года.

Рабочую партию запретили в 1971 году по обвинению в «коммунистической пропаганде, побуждении к внутренним беспорядкам и призыве курдского меньшинства Восточной Анатолии к восстанию». Лидеры этой партии накануне суда более года находились в тюрьме. В заключительном приговоре Рабочей партии Турции было вменено в вину «создание атмосферы анархии в стране», пропаганда «классовой борьбы».

Среди арестованных и осужденных оказались видные интеллигенты, которые считались гордостью турецкой науки, литературы, публицистики, искусства,— профессор Мюмтаз Сойсал, журналисты и литераторы Доган Авджиоглу, Ильхами Сойсал, Джемаль Решид Эюбоглу, Ильхан Сельджук, Четин Алтан, актер и режиссер Ылмаз Гюней, бывший сенатор генерал Джемаль Маданоглу. На короткое время был арестован всемирно известный писатель Яшар Кемаль. Подверглась разгрому редакция газеты «Джумхуриет», которая выражала взгляды левой интеллигенции и патриотической буржуазии. Список запрещенных книг исчислялся сотнями, хотя «Майн кампф» Гитлера свободно продавалась.

Представитель командования, действовавшего в Стамбуле в рамках чрезвычайного положения, заявил на пресс-конференции: «Фактически установлено, что во имя эгоистических интересов большое количество так называемых интеллигентов оказалось вовлеченным в различного рода подрывные действия в Турции». Он даже употребил слова «предательство интеллигенции».

Важным симптомом расширения репрессий был суд над бывшим сенатором Маданоглу и группой связанных с ним лиц. Даже ко многому привыкшая турецкая печать не могла приклеить ярлык «безответственного студента» к генералу, члену революционной военной хунты, которая в 1960 году свергла режим Баяра — Мендереса и образовала Комитет национального единства. Нелишне отметить, что репрессии и травля демократических сил шли под аккомпанемент антикоммунистической и антисоветской пропаганды, хотя ни одного даже малейшего «дока-

дательства» советского участия в какой-либо «подрывной деятельности» не было представлено.

Левых активистов и профсоюзных вожаков обвиняли и в поджоге стамбульской оперы, и в потоплении парохода на Босфоре, и в намерении «отравить» турецкие воды какими-то бактериями. На процессе «отравителей» и «поджигателей» все обвиняемые «сознались» в предъявленных им обвинениях. И лишь спустя три года, когда атмосфера в стране несколько очистилась, оказалось, что «признания» были вырваны под пытками, и всех их безоговорочно оправдали.

«Слухи насчет избиения и пыток ходят давно,— писал анкарский еженедельник „Янкы" в период чрезвычайного положения,— и их не опровергали... В стране было около 600 тюрем, но за последние 20 лет на них истратили всего лишь 30 миллионов лир»,— сообщал журнал. В тюрьме-развалине даже сон может превратиться в пытку. В некоторых тюрьмах одна койка приходилась на двух-трех человек. «Особо опасных» содержали в одиночках, в темных, промозглых камерах. В анкарской тюрьме, по сообщениям печати, ее обитатели спали на сыром полу, подстелив газеты. Когда с заключенными не разрешали встречаться даже родственникам, когда пресса стала подцензурной, трудно было сказать, соответствовала ли действительности официальная цифра — четыре тысячи человек, подвергшихся в то время преследованиям по политическим мотивам.

Сенатор от Народно-республиканской партии Аталай заявил тогда: «В Турции тюрьмы наполняются арестованными, а потом каждый должен доказать, что он не коммунист». Бюлент Эджевит, касаясь утвержденый о том, что в Турции якобы «нет насилия», говорил: «Когда в стране существует правительство, сбросившее с себя все обязанности в связи с чрезвычайным положением, когда чрезвычайное положение длится около двух лет, когда тысячи людей арестованы, а их родственники месяцами ничего не знают об их судьбе, когда люди за свободолюбивые мысли несут тяжелое наказание, когда изымаются и сжигаются книги, свободно продаваемые в других странах, то разве можно удивляться, что во всем мире идут разговоры о насилии в Турции?!»

Не обошлось и без курьезов. Студенты медицинского факультета Эрзурумского университета выпустили не-

большой журнал, названный именем вымышленного героя «Хомонголос». Одна из полицейских ищеек прочитала его последний слог справа налево. Получилось слово «сол» — «левый», «левые силы». Полиция немедленно запретила невинный журнал.

Турецкие комментаторы начали с опаской просматривать заголовки собственных статей и на всякий случай читать их справа налево: а не зашифровано ли у них самих таким образом какое-нибудь страшное для полиции слово? «Не является ли Лос-Анджелес главным коммунистическим центром, так как первый его слог, прочитанный наоборот, тоже означает „левый“? — спрашивал один из обозревателей.— А об иностранных консулах (по-турецки консолос.— *А. В.*) и говорить нечего». Главный редактор газеты «Миллиет» Абди Ипекчи в связи с этим назвал свою передовицу «Плакать или смеяться?»

Уже после амнистии я несколько раз встречался с Мюмтазом Сойсалом, бывшим деканом факультета политических наук Анкарского университета. Это был человек большой культуры и глубоких знаний. Его любили студенты. Он не был марксистом, мы во многом с ним расходились, нередко спорили, но его честность борца не могла не вызывать глубокого уважения. В период чрезвычайного положения анкарский трибунал приговорил профессора к шести годам и восьми месяцам тюремного заключения с последующей ссылкой и пожизненным лишением права преподавать. Сойсала обвинили в «коммунистической пропаганде», которая якобы содержалась в его книге «Введение в конституцию», только потому, что он ссылался на работы Маркса и конституции социалистических стран. Первый раз приговор был обжалован в связи с отсутствием мнения «экспертов». Сойсала выпустили на свободу, но потом были найдены «ученые», которые солидаризировались с полицией. В своем последнем слове профессор Сойсал сказал: «Суд надо мной превратился в суд над университетом».

Мюмтаз был сдержанным человеком. Мне казалось нетактичным расспрашивать его о том, как он жил в заключении, какие чувства испытал, выйдя из тюрьмы. Но когда, наконец, и Сойсал, и его жена очутились на свободе (госпожа Сойсал также находилась в заключении как переводчик Брехта), они поспешили произвести на свет двух детей подряд. Это было трогательно и понятно: су-

прут Сойсал не отказывались ни от научной работы, ни от литературного труда, ни от политической борьбы, но вместе с тем их охватило желание нормального человеческого счастья, с плачем и первой улыбкой ребенка.

Актер и режиссер Йылмаз Гюней, выйдя из тюрьмы, немедленно сделал фильм «Товарищ», посвященный революционеру-пропагандисту. Я обратил внимание на некоторые как будто второстепенные детали — на то, с какой остротой режиссер и актер передавал радости жизни на свободе: и шум морского прибоя, и стол с аппетитными яствами, и встречу с другом и женщиной — после стольких месяцев, когда голубое небо Турции он видел через ржавую железную решетку.

Турки задавали себе вопрос, почему же роль армии после 12 марта 1971 года оказалась противоположной той, которую она сыграла после 27 мая 1960 года.

Немало людей в Турции и за ее пределами считали, что армия, то есть ее офицерский корпус,— хранитель ататюркистских традиций, что она выступает за курс, во всяком случае более прогрессивный, чем тот, которого придерживаются консервативные партии. Разве за последние полтора столетия многие реформистские движения не выходили из недр армии? Офицерство в Турции пополнялось из рядов «низшего среднего класса» — мелкой интеллигенции, чиновничества, небогатой буржуазии. Важная особенность: в турецкой армии значительная часть офицеров — не кадровые военнослужащие, а резервисты, призванные на краткосрочную службу. Это облегчало связи низшего слоя офицерства с левой интеллигенцией.

Но многолетнее сотрудничество с США и другими натовскими странами не могло не наложить свой отпечаток на настроения в высшем звене вооруженных сил. Если некоторые достижения страны после 1960 года были относительными, то одно не вызывало сомнений: офицерский корпус — особенно его верхушка — добился резкого улучшения своего материального положения и стал привилегированным слоем турецкого общества. Многие отставные генералы приобщались к бизнесу через корпорацию ОЯК.

Между генералитетом и низшими офицерами левых убеждений, особенно в ВВС и ВМС, отношения не были

гармоничными. (Подчеркнем, что речь идет отнюдь не о «всем» высшем офицерстве и не о «всем» низшем звене, а об их политически активных представителях. Трудно найти точный барометр взглядов и настроений для шестидесятитысячного корпуса офицеров и унтер-офицеров полумиллионной турецкой армии.) Революционно настроенные офицеры, видимо, надеялись прийти к власти на плечах широкого левого или даже левоэкстремистского движения. Поэтому «меморандум 12 марта» был направлен скорее на то, чтобы упредить военный переворот левого толка, а не просто отстранить Демиреля от власти. Эту точку зрения подтверждает чистка, которая прошла в офицерском корпусе. В печать просочились сообщения, что несколько тысяч офицеров и унтер-офицеров были досрочно демобилизованы, арестованы или подверглись преследованиям. Военная верхушка, нанеся удар по левым силам как в армии, так и вне ее, выполнила задачи, объективно поставленные перед нею в тот момент правящими классами.

Реваши меджлиса

Традиционный альянс «армия — НРП» оказался недолговечным. Чтобы не потерять влияние и популярность в массах, руководство НРП посчитало целесообразным призвать к отстранению генералов от политики.

Уже несколько лет народные республиканцы искали политическую платформу, которая позволила бы им вновь вернуться к власти. Справа, в лагере открыто консервативных сил и так было тесно, и скольжение вправо не дало бы НРП выигрыша. Тогда в середине 60-х годов ее руководство взяло на вооружение программу «левее центра», проповедником которой был Бюлент Эджевит.

Новая программа призывала провести буржуазно-демократические реформы в рамках существующего режима, ускорить экономический подъем, ликвидировать остатки феодализма в экономической, административной и социальной структуре, прежде всего в деревне. НРП апеллировала к массам, надеясь завоевать их поддержку социал-демократическими лозунгами и методами западного образца. Она выдвинула даже такой радикальный и очень злободневный в условиях Турции призыв, как

«Земля тем, кто ее обрабатывает!», хотя произносила его как бы вполголоса.

Для правящих классов при достаточно гибком подходе курс «левее центра» открывал немалое поле для маневров. Предполагалось, что НРП могла бы поглотить демократически настроенные элементы, пустить их деятельность по легальным каналам и помешать им перейти на подлинно левые позиции. В докладе руководства НРП на XX съезде говорилось: «Движение „левее центра" — наиболее эффективная преграда коммунизму и ультралевым, лучшая гарантия существующего в стране строя».

Группа Эджевита имела большинство в ЦК — на так называемой партийной ассамблее и в исполкоме партии. Поэтому когда из-за разногласий с Иненю, вызванных оценкой вмешательства военных в политику, Эджевит ушел с поста генерального секретаря, на это место все равно был поставлен его сторонник. Против Эджевита действовала довольно сильная группировка правых, за которыми стоял Иненю. Ни одна из фракций не желала раскола партии, опасаясь, что НРП будет отброшена на третьестепенные роли. Но влияние группы Эджевита росло, и его противники в мае 1972 года созвали чрезвычайный съезд.

Он проходил в большом спортивном зале Анкары, украшенном красными полотнищами с изображениями шести стрел — шести ататюркистских принципов, на которых все еще формально базировалась идеология НРП: республиканизм, национализм, народность, этатизм, лаицизм, революционность. В зале, сизом от табачного дыма, сидело больше тысячи депутатов. Среди них вряд ли нашлось бы два человека, полностью согласных в толковании этих положений. Однако большинство, отдавая предпочтение Эджевиту, высказывалось за перемены, за реформы, за полевение партии.

Большинством голосов съезд поддержал фракцию Эджевита. Он стал генеральным председателем НРП. 88-летний Иненю, бессменный лидер этой партии в течение тридцати четырех лет, подал в отставку, а затем и вышел из НРП. Вместе с ним Народно-республиканскую партию покинула группа правых.

Смена руководства НРП в мае 1972 года существенно изменила баланс политических сил в Турции. Народные республиканцы временно нашли общую платформу с

Партией справедливости. Заявляя о своем уважении вооруженных сил, обе сильнейшие партии не делали секрета, что предпочли бы видеть солдат в казармах, а генералов отстраненными от непосредственного участия в политике. ПС и НРП были заинтересованы, хотя и по разным причинам, в проведении парламентских выборов. ПС рассчитывала вновь собрать голоса большинства избирателей и единолично прийти к власти. Эджевитовское руководство надеялось на предстоящих выборах если и не добиться победы, то по крайней мере укрепить позиции и получить контроль над своей парламентской фракцией, где осталось немало сторонников Инсю. Новое правительство, сформированное Феритом Мелеком, было плодом компромисса между военной верхушкой и политическими партиями. Оно обещало следовать курсу, отвечающему «меморандуму 12 марта», но одновременно обязалось обеспечить скорейшее возвращение «к нормальным условиям» буржуазной демократии и провести в срок парламентские выборы.

Партия справедливости после короткого периода растерянности смогла вновь обрести уверенность и начать активно действовать. Имея большинство в парламенте, она добилась того, что и в «надпартийном» кабинете Мелена большинство составляли ее представители. Наблюдатели в Анкаре, отмечая, насколько успешно саботируются в меджлисе требования военных, не устранившие ПС, начали поговаривать о «дуализме власти». Когда же НРП решила отозвать своих министров из кабинета Мелена, он стал практически плешником ПС.

Меджлис остался средоточием политической власти в Турции, хотя некоторые особенности парламентской жизни могли вызывать у новичка-наблюдателя сомнения в серьезности этого высшего законодательного органа. Я имею в виду нередкие драки между депутатами. Подкреплять свои аргументы нанесением сильных ударов по физиономии оппонента стало как бы традицией в меджлисе. Однажды я наблюдал, как нижняя палата парламента обсуждала весьма противоречивый вопрос об ответственности лидера Партии справедливости Демиреля за якобы незаконные займы, предоставленные государственным банком его братьям — крупным предпринимателям, в бытность его премьером. Дискуссия приняла такой горячий характер, что между депутатами от Партии

справедливости и (новой) Демократической партии Бозбейли произошла ожесточенная потасовка и заседание парламента пришлось отложить.

Кровь из носа одного из депутатов пролилась в меджлисе и за день до этого. Правда, ожесточенная «дискуссия» произошла в кулуарах, а не в зале заседания. Представитель правого крыла Народно-республиканской партии Ханагаса обозвал депутата враждебной группировки из той же партии Ока «обманщиком» и после мощного удара по лицу очутился на полу. Прокричав еще несколько «аргументов» в адрес Ока, он был окончательно нокаутирован.

Когда я спросил одного из депутатов, стоявшего в коридоре с чашечкой кофе, как он ко всему этому относится, он пожал плечами и сказал: «Обычное дело»...

Хочу отметить, что в целом турецкое общественное мнение не осуждало ни драки, ни брань в парламенте. Возможно, некоторым избирателям даже импонировала экспансивность их депутатов. Если бы такие формы «дискуссий» в меджлисе хоть в малейшей степени умаляли популярность парламентариев, они, конечно, были бы более сдержанными в жестах и выражениях.

В марте 1973 года стал вопрос о выборах нового президента Турции, так как срок полномочий Суная истекал. По турецкой конституции, президента избирает парламент. У Партии справедливости оказывались сильные позиции, и она могла противостоять военной верхушке, устранившей ее от власти. Располагая парламентским большинством, Демирель мог требовать от военных определенных уступок или компромисса в обмен на поддержку кандидатуры президента, которая бы их устраняла. За полстолетия существования Турецкой Республики ее возглавляло пять президентов, из них Ататюрк (1923—1938), Иненю (1938—1960), Гюрсель (1960—1966) и Сунай (1966—1973) были военными, а Баяра, гражданского деятеля (1950—1960), свергла армия.

В турецких вооруженных силах к тому времени сменилось руководство. Согласно конституции, у трех из четырех авторов «меморандума 12 марта» истекли полномочия в конце августа 1972 года, поэтому и начальник генштаба Тагмач, и командующий военно-морскими силами Эйнджеоглу ушли в отставку. Их посты заняли соответственно бывший командующий сухопутными си-

лями Гюрлер и адмирал Кояджан. Место Гюрлера перешло к Санджару, бывшему командующему второй армией. Командующий ВВС Батур сохранил свой пост. Но новый начальник генштаба был решительным противником Демиреля.

Военный совет в начале февраля решил сделать президентом начальника генштаба Гюрлера. Тогда Демирель начал играть ва-банк. Другие политические лидеры также стремились к тому, чтобы Гюрлер не стал главой государства.

13 марта депутаты собрались на заседание, чтобы выбрать нового президента. Вокруг здания меджлиса через каждые три-четыре метра стояли полицейские в белых касках, а на территории парламентского городка патрулировали солдаты, вооруженные автоматами. Бывший начальник генштаба и командующий вооруженными силами Гюрлер сменил генеральский мундир на штатский костюм и стал членом парламента. В начале марта один из сенаторов отказался от своего депутатского мандата, и на освободившееся место президент Сунай назначил генерала. Тем самым конституционные формальности, предусматривающие выдвижение кандидата из числа членов высшего законодательного органа, были соблюдены.

Но Гюрлер не набрал достаточного числа голосов. Когда избирательные бюллетени были извлечены из урны для голосования, похожей на маленький янычарский барабан, стало ясно, что выборы президента зашли в тупик. Ни один из предложенных кандидатов не получил и простого большинства. 14 туров не принесли результатов, хотя в зале заседаний вспыхивали даже кулачные бои.

К этому времени стало ясно, что армия не вмешается. Новый начальник генерального штаба, Санджар, не проявлял никакого желания направить танки к стенам меджлиса, чтобы поддержать своего предшественника. Накануне пятнадцатого тура Партия справедливости и народные республиканцы договорились о совместной кандидатуре. Главой государства был избран Фахри Корутюрк, имя которого раньше не фигурировало в числе кандидатов. Шестой президент Турции родился в 1903 году. В 1923-м он окончил морское училище. В звании полного адмирала он вышел в отставку в 1960 году и был назна-

ным послом в СССР. С 1964 по 1968 год Корутюрк был послом в Мадриде, а в 1968 году стал сенатором.

Устранив Гюрлера с политической арены, ПС и НРП вновь превратились в яростных противников. Во главе исполнительной власти встал кабинет Талу, где ключевые посты принадлежали представителям ПС. Все в Турции понимали, что новое правительство носило технический характер и его главная задача состояла в том, чтобы «избежать случайностей» и привести страну к выборам.

Военная верхушка отошла от непосредственного участия в политике.

Незадолго до выборов с анкарских и стамбульских улиц исчезли патрули солдат, вооруженных автоматами. Чрезвычайное положение, действовавшее в основных турецких провинциях примерно 29 месяцев, было отменено. Казалось, что внутриполитическая жизнь в Турции после двух с половиной лет чрезвычайного положения возвращается в привычное русло. Многие обозреватели пророчествовали, что к власти вновь придет Партия справедливости в ореоле «мученика», успешная антидемократическими законами и разгромом левых сил. Однако мне вспомнились строки, написанные английским корреспондентом Хотхемом, который провел в Турции восемь лет: «Лучшее правило для человека, следящего за событиями в Турции,— обдумать наиболее вероятный ход событий в данной ситуации и ожидать обратного».

Выборы 1973 года

Как обычно, турецкий избиратель относился с большой долей здорового скептицизма к предвыборным программам партий. Направо и налево давались обещания уменьшить безработицу, решить аграрную проблему, остановить инфляцию, открыть массам доступ к образованию. ПС несколько лет назад выступала даже против термина «социальная справедливость» как «коммунистического лозунга», а на этот раз включила его в избирательную программу. НРП заверила, что в Турции не будет ни «угнетателей», ни «угнетенных», если она получит власть. Народные республиканцы требовали провести всеобщую амнистию, отменить реакционные поправ-

ки к конституции, вернуть демократические свободы. Правое руководство конфедерации турецких профсоюзов («Тюрк-иш») заявило о намерении стоять «вне политики», что на деле означало поддержку Партии справедливости. Однако фракция «социал-демократов» внутри «Тюрк-иш» призвала поддержать НРП. За народных республиканцев высказалось левое профсоюзное объединение ДИСК, уцелевшее от разгрома в период чрезвычайного положения.

Два с половиной года тяжелых репрессий ослабили и дезорганизовали левые силы. Лишь малочисленная Партия единства взяла на вооружение ряд левых лозунгов и объединила усилия с некоторыми бывшими членами Рабочей партии. Она включила в избирательную программу требования выйти из НАТО и СЕНТО, ликвидировать иностранные базы на турецкой земле. Другие партии в предвыборной пропаганде обходили внешнеполитические темы.

Веер правых политических группировок включал Республиканскую партию доверия (состоявшую из лиц, отколовшихся от НРП) и Демократическую партию (отделившуюся в свое время от Партии справедливости). Появилась и быстро набирала силу клерикальная Партия национального благоденствия во главе с Эрбаканом. Она были бы не прочь превратить Турцию из светской в мусульманскую республику, а ее агитаторы, в частности, хотели бы ввести в школах преподавание Корана, а женщин-горожанок одеть в шаровары. Напоминала о себе крикливая, агрессивная, но немногочисленная Партия национального движения, стоявшая на национал-шовинистических позициях.

Результаты выборов в октябре 1973 года оказались неожиданными для всех. Народные республиканцы впервые обошли своих консервативных соперников — Партию справедливости, получив более трети парламентских мест. Стремление к обновлению, к переменам, демократии было столь сильным в турецком обществе, что избиратели, не имея другой альтернативы, отдали голоса НРП.

Еще один важный феномен выборов 1973 года — успех клерикальной Партии национального благоденствия, которая, вопреки конституции, открыто стала на религиозную платформу. Я не пишу научное исследование или

исторический трактат, где каждому социальному явлению нужно было бы уделить внимание, строго соответствующее его подлинному весу в обществе. Поэтому хотел бы подробнее остановиться на причинах возвышения именно этой партии, совершив заодно поездку в оплот ее влияния — город Конью.

...Каждую осень конийская равнина наполняется скрипом телег. Крестьяне с темными, неподвижными лицами, в надвинутых на глаза кепках, и их жены, одетые в национальные костюмы, свозят на тока сжатую пшеницу. В телеги запряжены пара волов, лошадь или ослик. Иногда попадаются тракторы с тележками. Стучат молотилки, палит солнце, пахнет сеном и немытой овечьей шерстью. Пот заливает глаза, и пыльное марево плывет над равниной. Если прибрежные низменности — Эгейская и Киликийская — поставщики экспортных культур и добытчики валюты, то ее внутренние плато — житницы страны.

Шоссе из Анкары в Конью то позволяет машине набирать скорость до 120 километров в час, то гасит ее заплатами и крутыми поворотами. Недалеко от Коньи пересекаешь стальные рельсы. Самый обычный переезд — и ты не сразу вспоминаешь, что это некогда знаменитая Багдадская дорога. Та самая, которую кайзеровская Германия пробивала на восток через Стамбул и Багдад, чтобы приблизиться к Персидскому заливу и Британской Индии. Нет уже Британской империи, кайзеровской Германии, Османской империи. Но по-прежнему есть и эти холмы, будто бы покрытые грязно-рыжей верблюжьей шерстью, и белые ручейки овец, и саманные хижины с плоскими крышами. Есть хлебная Анатолия, Турция бронзовых степняков, зерна и скота.

Конья встречает кварталами, безликими, как все окраины современных городов, и ты разочарован, потому что в своем воображении уже нарисовал бывшую столицу Сельджукской империи — «Киевской Руси» Турции. Но в центре города каменная вязь мечетей, изломанные своды медресе, аркады караван-сараев, изящные контуры минаретов вознаграждают и за пыль, и за степное однообразие.

Конья — одни из древнейших городов мира. Раскопки в его парке обнаружили крупное селение, которое существовало за семь тысячелетий до нашей эры. Хетты, элли-

ны, римляне, византийцы, крестоносцы владели Коньей, Иконией древних, пока она не стала столицей турок-сельджуков, рухнувших под монгольскими ударами. Ее археологический музей хранит сокровища, которые украсили бы и Эрмитаж, и Лувр.

В конце каждого года по Турции развешивают объявления: «Ашики, приходите со своими сазами сражаться в Конью!» Народные певцы — ашики с сазами собираются на фестиваль. Темы их песен и баллад — в основном лирические. Грустная песня называется «карассевда» — «безнадежная любовь». Сердце юноши ранила несчастная любовь, но девушка недосягаема, и она остается идеалом, к которому влюбленный стремится всю жизнь. Один из певцов мечтал жениться на деревенской красавице с длинными косами. «Ты стала посетителем моего сердца, о моя любовь,— стонет ашик.— Но где мне достать денег, чтобы заплатить калым? Каждую ночь мое единственное утешение — саз». Другие певцы сочиняют баллады о трудностях жизни в бедной стране. Их грудь полна тоской, и они изливают ее в своих песнях.

Ашики презирают людей, которые хотели бы подражать Америке или Европе, не зная своей страны. «Жалкие длинноволосые люди, как смеете смотреть на свою страну свысока?» — поет один из них под громкие приветствия слушателей. Но в ашиках патриотизма столько же, сколько и глубокого консерватизма.

Высшая точка соревнования — импровизация. Двум певцам судьи задают тему, и ашики тут же должны сочинять стихи и музыку. Публика рукоплещет, когда то один, то другой изобретает удачное сравнение или изящный музыкальный поворот. Виртуозы иногда вставляют меж губ булавку, чтобы сочинять стихи, не произнося звуков «б», «п» или «м», иначе она уколет губы.

Конья привлекает турок еще и могилой мауланы — Джелалуддина Руми, великого поэта Востока, уроженца Балха. Семь столетий назад, в век религиозного мракобесия и фанатизма, Руми проповедовал терпимость и любовь, обличал рабство, осуждал многоженство и считал, что человек должен зарабатывать хлеб в поте лица, быть скромным и искать прекрасное в жизни. Джелалуддин ввел в мусульманство ритуальный танец — вращение под звуки флейт и барабанов и основал мистическую секту «маулави» — «вертящихся дервишей». Эта секта за-

пресна, но танцы сохранились, и дервиши дают представления в стране и за границей.

В Конье сезон «вертящихся дервишей» — декабрь. Хотя впечатление от их танца ослабевает из-за того, что они кружатся в спортивном зале, но представление все равно уникальное. Под странную, непривычную для нашего слуха, музыку, донесенную сквозь столетия, построенную на четвертьтонах, монотонную и однообразную, которая как будто бы ввинчивается в душу, танцоры начинают плавное вращение вокруг своей оси. Они одеты в конические шапки и белые рубахи до пят. Их руки сначала сложены на груди, потом с ускорением вращения они раскидывают их свободно и одновременно начинают движение по кругу. И так четверть часа, полчаса, час... Белым колоколом вертятся рубахи дервишей, кружатся в небе минареты мечетей...

У главной городской мечети кипит торжище — здесь ряды лавок и улиц, по которым не проедет автомашина, слились в обычный базарный лабиринт. Выступающие балконы вторых этажей образуют полусводы. Изредка встречаются фонтанчики с питьевой водой.

Но вот прозвучал призыв муэдзина, и многие, бросив свои занятия, устремились в мечети. Их приходится по одной на каждые 500 взрослых душ, и Конья остается центром религиозного и политического консерватизма. Хотя этот город и дал несколько героев национально-освободительной борьбы, однако в целом он был враждебен Ататюрку. Первый турецкий президент якобы настоял на том, чтобы его монумент был воздвигнут в Конье спиной к городскому центру. И сейчас у крайне правых партий в Конье прочная база. Этот же город стал штаб-квартирой Партии национального благоденствия.

Когда говорят о том, что Турция — Азия и Европа вместе, имеют в виду не только географию, но и культуру, идеологию. Если в прокуренных салонах турецкой интеллигенции в Анкаре и Стамбуле спорят о новых моделях общественного устройства, авангардистском театре и «Общем рынке», о социалистических идеалах и их применении к рабочему движению, то в деревнях и мелких городках рассуждают о чистой питьевой воде, школе для детей, топливе на холодную зиму, не говоря уже об извечной проблеме земли, молятся и слушают баллады

песнопения имамов под аккомпанемент саза. Для многих в Турции живы еще образы героев старинных тюркских легенд — Кёроглу или Кара-Мурата, и их не стер коммерческий кинематограф с его культом секса и насилия. Мусульманские традиции крепко держатся в деревнях и городках, среди людей среднего и старшего возраста, среди вчерашних крестьян, поселившихся в трущобах больших городов.

Стоило в Турции появиться партии, открыто провозгласившей религию своей основой, стоило большинству из 65 тысяч имамов начать пропаганду в ее пользу, как она смогла завоевать в парламенте 49 мест. Свой успех Партия национального благоденствия достигла, несмотря на принцип лаицизма, лежащий в основе турецкой конституции, несмотря на ряд пропагандистских ошибок, допущенных ею по неопытности, несмотря на враждебный настрой той части прессы, которая в какой-то мере придерживалась ататюркистских традиций.

Дала о себе знать дремавшая сила традиционализма Турции азиатской. Нельзя сказать, чтобы правые буржуазные партии раньше не использовали религию в политической борьбе. Ведь при правлении «демократов» началось строительство огромной мечети в центре Анкары, что многие расценили как оскорбление памяти Ататюрка. При «демократах» вновь были разрешены призывы на молитву на арабском, а не на турецком языке, причем через динамики. При «демократах» размножились школы, в которых готовились мусульманские проповедники, и строительство мечетей в деревнях. Но последовательно опереться на мусульманский консерватизм не решался никто.

Религия, как говорится,— нечто нематериальное. Успех Эрбакана и его сторонников объясняют и другими причинами. Партия национального благоденствия пыталась выражать интересы анатолийской мелкой и средней буржуазии, которая зависит от продажи и переработки сельскохозяйственной продукции, в противовес предпринимателям Стамбула и Измира. Конечно, о социально-политических функциях каждой турецкой партии можно говорить лишь с большой мерой условности. Дефиниции трудны, категорические утверждения могут привести к серьезным ошибкам, социальная картина Турции пестра и противоречива. В игру включаются и личные амбиции,

и мелочные расчеты, и просто голая власть чистогана, когда покупаются и продаются те или иные депутаты. Поэтому рано еще говорить об окончательном успехе клерикальной партии в турецких условиях.

После выборов 1973 года в меджлисе народные республиканцы получили 185 мест из 450, Партия справедливости — 149, Партия национального благоденствия — 48, (новая) Демократическая партия — 45, Республиканская партия доверия — 13, Партия национального движения — 3, Партия единства — 1, остальные — независимые. Перечисляю эту скучноватую парламентскую арифметику потому, что она показывает неустойчивое соотношение сил внутри высшего законодательного органа, когда на счету был каждый голос. Для формирования правительства НРП достаточно было вступить в союз с любой из трех следующих за ней парламентских фракций, а ПС — по крайней мере с двумя.

После нескольких месяцев переговоров правительство создали НРП и Партия национального благоденствия. «Этот противоестественный союз технократов и теократов долго не продержится»,— съязвил в беседе со мной один из крупнейших турецких журналистов, старый сторонник НРП. Но он воздержался высказать такое же мнение в газете.

Эрбакану было трудно решиться на союз с народными республиканцами, известными своими антиклерикальными взглядами. Но две партии заключили «брак по расчету». У НРП не было другой возможности прийти к власти, а Эрбакан не мог устоять перед соблазном окончательно «легализовать» себя. Достаточно сказать, что против этого лидера было возбуждено около 40 дел с требованием лишить его парламентской неприкосновенности за нарушение конституции. Партии национального благоденствия, получив портфели министров юстиции и внутренних дел, застраховала себя от подобных случайностей, а Эрбакан стал заместителем премьер-министра.

Правительственная коалиция обязалась восстановить буржуазно-демократические свободы и провести всеобщую амнистию, которая должна была распространиться не только на 50 тысяч уголовников, но и на несколько тысяч политических заключенных. Законопроект об амнистии касался лиц, осужденных за так называемые

идеологические преступления, в том числе и тех, кого обвиняли в «коммунистических убеждениях».

В качестве уступки правым силам народные республиканцы согласились принять поправки к конституции, чтобы возвратить политические права бывшим членам демократической партии Баяра — Мендереса и разрешить членам султанской семьи возвратиться в Турцию. Но во время голосования законопроекта об амнистии часть депутатов от Партии национального благоденствия присоединилась к оппозиции и провалила статьи, которые касались политических заключенных. Из тюрем вышли бывшие грабители и контрабандисты, фальшивомонетчики и убийцы, а люди, осужденные по статьям 141 и 142, в том числе руководители Рабочей партии, остались за решеткой.

Разногласия внутри Партии национального благоденствия были вызваны ее конгломератным характером. Под мусульманскими знаменами объединились и люди левых убеждений, и консерваторы.

Но конституционный суд, ставший на сторону НРП, признал «противоречащим конституции» исключение из закона об амнистии статей о политических заключенных. Спустя некоторое время они вышли на свободу и вновь начали издавать прогрессивные газеты и журналы. Появились левые партии. Однако потребовались многие месяцы, чтобы хотя бы частично залечить раны, нанесенные левому движению репрессиями в период «после 12 марта».

Кипрский кризис

15 июля 1974 года на Кипре произошел фашистский переворот. События, последовавшие за ним, не только вызвали цепь международных осложнений, но и оказали глубокое и многостороннее воздействие на политическую обстановку в самой Турции.

Еще Шекспир писал в «Отелло»: «Для турок Кипр важнее, чем Родос, и Кипром овладеть гораздо легче».

О кипрских делах, о роли в них НАТО и империалистических держав было столько сказано в нашей печати, что я ограничусь лишь менее известными аспектами кризиса, прежде всего турецко-греческими отношениями.

Турция и Греция накопили за последние полвека много взаимного недовольства, тяжелых воспоминаний. Попытка греческих войск при поддержке других стран Антанты в начале 20-х годов захватить значительную территорию в Западной Анатолии вызвала турецко-греческую войну. Она кончилась разгромом интервенции, но истощила обе стороны. Тогда, сознавая трудность сохранения греческого меньшинства на турецкой территории и турецкого меньшинства на греческой, Анкара и Афины договорились об обмене населением. Несколько сот тысяч греков выехали из Турции, около полумиллиона турок покинули Грецию.

После второй мировой войны Додеканезские острова в Эгейском море, лежащие у самого побережья Турции, были отобраны у Италии, которая участвовала в гитлеровской коалиции, и переданы Греции, сражавшейся на стороне союзников. У многих турок это вызвало горький осадок.

В начале 50-х годов антикоммунистические, антисоветские настроения определяли внешнюю политику как Турции, так и Греции и толкнули их в военный блок НАТО. Обе страны предоставили свои территории под американские военные базы.

В 1960 году Кипр, захваченный Англией у Османской империи в прошлом веке, был провозглашен независимым. По мнению Анкары, остров имел жизненно важное значение для безопасности Турции и ни в коем случае не должен был оказаться в греческих руках. Кроме того, турецкое правительство считало себя защитником прав турецкой общины, составляющей примерно 18 процентов населения острова. Англичане немало потрудились, чтобы посеять между турками-киприотами и греками-киприотами семена недоверия и ненависти.

Независимому Кипру навязали лондонско-цюрихские соглашения, которые предоставили трем натовским странам — Англии, Турции и Греции права «гарантов», обеспечивающих статус-кво на острове. Здесь были сохранены крупные английские военные базы, расквартированы греческий и турецкий полки, под командованием греческих офицеров оставлена так называемая национальная гвардия. Затем в период спровоцированных столкновений между греческой и турецкой общинами на остров ввели войска ООН. В греческих и турецких районах появились

ополченческие отряды. Все это создавало неразбериху и чересполосицу. Разнокалиберные и разношерстные войска служили источником трений и конфликтов.

Абсолютное большинство населения Кипра высказывалось за независимый статус острова в качестве суверенной, единой, самостоятельной республики, проводящей политику неприсоединения. Однако на острове была довольно сильная партия сторонников слияния — «энозиса» Кипра с Грецией, связанная с самыми реакционными деятелями в Афинах. Турецко-греческие разногласия и вражда турок-киприотов и греков-киприотов подогревались НАТО, которое рассчитывало играть роль некоего «арбитра» и тем самым крепче привязать к себе и Грецию и Турцию. Однако, поддерживая на острове неустойчивую обстановку, враги независимого Кипра «перегрывали». В 1964 и 1967 годах это привело к межобщинным вооруженным столкновениям и поставило турецкие войска на грань вмешательства. Лишь энергичные акции США помешали высадке турецких войск. Вашингтон вынужден был действовать таким образом, чтобы сохранить единство в НАТО и избежать войны между двумя его членами.

За несколько месяцев до переворота, совершенного Самсоном и организованного греческой военной хунтой, интересы Турции и Греции столкнулись в районе Эгейского моря, где накопилось не меньше взрывчатого материала, чем на самом Кипре. Греция считает континентальный шельф Эгейского моря своим, так как практически все острова здесь греческие. Турция полагает, что ее суверенитет распространяется и на коптинентальный шельф — продолжение Анатолии, полуострова Малая Азия. Нуждаясь в нефти, обе страны предоставили лицензии на поиски и добычу этого сырья в спорных районах. Конфликт сопровождался резкими заявлениями, военными маневрами и газетной полемикой. Кроме того, Греция намеревалась ввести 12-мильную зону территориальных вод, что превратило бы Эгейское море в «греческое озеро».

Афинская хунта, совершая переворот на Кипре, шла на авантюру. Удачной кипрской операцией она рассчитывала поддержать свой престиж. Кроме того, она надеялась, что США не допустят военных действий, как это было в 1964 и 1967 годах.

Однако на этот раз речь шла не просто о межобщинных столкновениях, какими бы серьезными они ни были, а о возможности поглощения независимого Кипра Грецией, что, с точки зрения любого турецкого правительства, было бы совершенно неприемлемо. Для правительства Эджевита и обоих партнеров по коалиции не предпринять никаких действий означало бы полностью подорвать свои политические позиции внутри страны. Премьер-министр Эджевит продемонстрировал себя сильным политиком и не упустил «золотой шанс», предоставленный Турции авантюрой греческой хунты. Правительство Самсона не пользовалось никакой поддержкой в мире, а хунта была изолирована. Турецкая армия превосходила по численности греческую и в течение нескольких лет готовила специальные части парашютистов и морских десантников для высадки на Кипре.

Переворот на острове прозвучал в Турции как сигнал к возможной войне. На юг, к средиземноморскому порту Мерсина, двинулись колонны танков и боевой техники. Во Фракии, на границе с Грецией, армия была приведена в состояние высшей боевой готовности и заняла позиции в окопах. По радио передавали сводки последних известий, марши, патриотические и военные песни, национальную музыку. В эфире не звучало ни одной западной мелодии. По телевидению показывали хронику времен турецко-греческой войны 20-х годов. В день высадки на Кипре во всех городах было введено затемнение и соблюдалось оно неукоснительно. В основных турецких провинциях объявили комендантский час. На улицы Анкары, Измира, Стамбула и других городов вышли патрули солдат. В пекарнях специальная охрана следила за организованной продажей хлеба населению.

Гражданская авиация полностью передала свои самолеты в распоряжение армии. Были отменены рейсы пассажирских судов на линиях в Эгейском и Средиземном морях, и суда подчинены военно-морскому флоту. Газеты сообщали, что предприятия оборонной промышленности стали работать круглосуточно. Турецкий парламент предоставил правительству полномочия для ведения общей войны.

На первом этапе турецкие войска заняли плацдарм от порта Кирения до столицы Кипра Никозии, а затем

сосредоточили на этом участке около трех дивизий общей численностью до 40 тысяч человек. Турецкое правительство заявило, что цель этой военной акции — восстановление независимого, целостного и суверенного кипрского государства. Провал авантюры Самсона привел к падению военной хунты в Греции и к созданию гражданского кабинета. По призыву Совета Безопасности ООН военные действия на острове были прекращены, и Турция, Англия и Греция начали переговоры в Женеве. Но с самого начала стало ясно, что попытка решить кипрскую проблему в узком натовском кругу успеха не принесет.

Переговоры были сорваны. На острове на короткое время турецкие войска возобновили наступление и установили контроль над 40 процентами территории Республики Кипр, где расположены ее главные сельскохозяйственные, промышленные и туристские районы. Генерал Санджар, начальник турецкого генерального штаба, заявил, что в этой зоне до начала военных действий проживало около 125 тысяч греков-киприотов. Премьер-министр Эджевит утверждал: «Турция была вынуждена предпринять односторонние акции для установления правового порядка, при котором существование, независимость, территориальная целостность кипрского государства никоим образом не были бы поставлены под угрозу, а права и безопасность турецкой общины были бы защищены». В правительственной декларации говорилось, что Турция не стремится ни к каким территориальным захватам на острове.

Вследствие событий на Кипре и турецких действий отношения между Анкарой и Вашингтоном резко ухудшились. В феврале 1975 года конгресс США объявил эмбарго на поставки Турции оружия и военного снаряжения. В ответ турецкое правительство летом 1975 года прекратило деятельность всех американских баз в Турции, за исключением Инджирлика.

Если заявления турецкого правительства по поводу Кипра были взвешенными и осторожными, то печать, радио и телевидение охватил националистический угар с шовинистическими нотками. Антигреческие настроения стали очень сильными и раздувались безответственными органами печати.

Во время кипрских событий высоко взлетел авторитет

народных республиканцев и лично Эджевита. Органы пропаганды и информации создали ему ореол Караоглана, народного героя турецких легенд. Не стоит забывать, что операции на Кипре были первыми за 50 лет военными действиями армии за пределами Турции и их успех улучшил репутацию вооруженных сил, подорванную после 12 марта 1971 года. Сложились хорошие отношения между НРП и военной верхушкой. Примерно за полгода пребывания Эджевита у власти деловой мир убедился, что генеральный председатель НРП — вовсе не «красный», и наиболее просвещенная часть турецкой буржуазии, которая понимала, что, для того чтобы «брать», надо «давать», увидела в нем подходящего политического лидера.

В этих условиях Эджевит порвал тяготившую его коалицию с мусульманскими клерикалами, чтобы провести досрочные выборы, на которых он рассчитывал единолично прийти к власти. Но по турецкой конституции решение о досрочных выборах принимается парламентским большинством. Другие партии были категорически против намерения НРП по тем же самым причинам, по которым ее руководство хотело поскорее привести избирателей к урнам для голосования. Досрочных выборов не хотело абсолютное большинство членов меджлиса, опасавшихся потерять хлебные и почетные мандаты.

Начался самый длинный в истории Турецкой Республики полугодичный правительственный кризис.

Националистический фронт

В начале января 1975 года Партия справедливости, Партия национального благоденствия, Республиканская партия доверия и Партия национального движения образовали так называемый Националистический фронт. В качестве общей платформы был избран лозунг «борьбы с коммунизмом». Вместе с поддерживающими его «независимыми» фронт обеспечивал в парламенте меньшие половины мест. Его лидеры обратились к президенту с предложением поручить Демирелю сформировать правительство. Корутюрк колебался около трех месяцев, прежде чем согласился.

Вместе с Демирелем и Эрбаканом, а также бесцвет-

ной Республиканской партией доверия Фейзиоглу в Националистическом фронте оказалась Партия национального движения Тюркеша. Турецкое общественное мнение уделяло ей гораздо больше внимания, чем, казалось бы, она заслуживала. В меджлисе ей принадлежало лишь 3 места. Но эта партия наиболее близко подходила под определение «фашистской» и не скрывала своих взглядов. В обстановке острых социально-политических неурядиц быстро шла поляризация турецкого общества. И если слева были экстремисты-маоисты, игравшие роль провокаторов, то крайнее правое место занимали тюркешевцы. Проповедь шовинизма пантюркистского и пантуранистского оттенка, игра на низменных чувствах отсталых масс, религиозный фанатизм, рядом с которым эрбакановцы казались либералами,— все это находило отклик у некоторой части общества.

Тюркешевцы черпали крупные средства из каких-то тайных источников и смогли создать сеть «идеалистических очагов», под прикрытием которых готовились вооруженные отряды штурмовиков, или коммандосов. Филиалами «идеалистических очагов» стали клубы дзюдо, каратэ, где обучали отнюдь не спортивной борьбе. Многие студенческие общежития попали под контроль тюркешевцев и превратились как бы в казармы с дежурными, с докладами, с полувоенной дисциплиной, со складами холодного и огнестрельного оружия. В такие общежития и университетские городки не допускались не только учащиеся левых убеждений, но и далекие от политики «нейтральные» студенты.

Коммандосы постоянно устраивали кровавые драки в университетах и других высших учебных заведениях, увечили и убивали многих студентов. Свои намерения и растущую силу тюркешевцы продемонстрировали во время кровавых февральских событий, охвативших турецкие города.

В Турции существует Союз учителей, среди которых преобладают ататюркистские настроения, левые взгляды, хотя и разных оттенков. Учитель — низкооплачиваемая профессия, и работа в отдаленной деревне, преодолевая средневековую косность, сопротивление мусульманского духовенства и местных фанатиков, зачастую требует мужества и патриотизма. Союз учителей, который отнюдь не охватывал всех людей этой профессии,

стала одной из влиятельных прогрессивных организаций. Поэтому и ненависть к нему коммандосов естественна.

По призыву Союза 15 февраля десятки тысяч учителей, студентов, рабочих, учащихся старших классов приняли участие в собраниях протеста против фашизма, безработицы и дороговизны. Но к ним подготовились и штурмовики. По заранее разработанному плану в восемь провинциальных центров, главным образом в Восточную Анатолию, где консервативные настроения особенно сильны, были переброшены банды вооруженных коммандосов. Они завязали драки, применили огнестрельное оружие, ножи, кастеты и цепи. Несколько человек убито, десятки, если не сотни, ранены. Штурмовики громили и сжигали книжные лавки, редакции газет, местные центры Народно-республиканской партии, адвокатские конторы, дома активистов Союза учителей. В некоторых случаях полиция не смогла справиться с положением и вызвала армейские подразделения. Были раненые среди офицеров и солдат. Бесчинства продолжались два дня.

Корреспонденты стамбульской буржуазной газеты «Миллиет», изучив ход событий в Малатье, Муше, Токате, Мараше и других городах, выяснили, что пропагандистская подготовка к бесчинствам была начата заранее. Распространялись слухи, что учителя якобы хотели пройтись по улицам с «московским флагом», что «из России прибыли коммунисты, которые собираются закрыть мечети».

Лидер Народно-республиканской партии Эджевит расценил эти действия как «мятежные». Но участники Националистического фронта обвинили в кровавых событиях народных республиканцев, заявив, что «столкновения свидетельствуют о коммунистической угрозе».

Через несколько дней коммандосы начали погромы в Эрзинджане — сравнительно крупном городе в Восточной Анатолии. Жертвой нападения стали алавиты — одна из религиозных сект, многие члены которой поддерживали народных республиканцев. Сотни лавок и мастерских, принадлежавших алавитам, были разграблены или уничтожены. В город ввели военные части и усилили их подразделениями из соседних провинций. Над площадями и улицами кружили вертолеты.

Все эти события говорили о глубине политического кризиса в стране. Редкий день проходил без забастовок,

столкновений, бойкотов в учебных заведениях. В армии серьезные волнения охватили унтер-офицеров, требовавших повышения зарплаты. Правда, голос рабочего класса как политической силы почти не был слышен. Его организованные выступления затрагивали только экономические вопросы, хотя и становились более продолжительными, дисциплинированными, массовыми.

В начале апреля 1975 года правительство Националистического фронта получило вотум доверия в меджлисе. «За» голосовало 222 депутата, «против» — 218. За несколько дней до голосования участники коалиции начали охоту за недостающими голосами и привлекли на свою сторону несколько человек из фракции Демократической партии. Среди журналистов распространялись слухи о больших суммах, истраченных на подкуп, но документально они не были подтверждены. Такую же тактику «переманивания» депутатов применили и народные республиканцы. Некоторые члены парламента по нескольку раз меняли свою партийную принадлежность.

Переход из партии в партию, даже не прикрытый идейными соображениями,— особенность турецкого парламентаризма. Формальную основу для этого дает сама конституция, которая предусматривает, что парламентарий представляет всю нацию, а не партию или избирательный округ. Фактически побудительные мотивы другие. Для многих депутатов из отсталых районов партийная принадлежность — дело условное. Главное для них — быть в меджлисе и поближе к власти. Таковы были «принципиальные» основы для «переманивания» из одной партии в другую.

Правительственный кризис был преодолен. Многие в Анкаре рассматривали формирование кабинета как личный успех Демиреля. Военные отстранили его с поста премьера в 1971 году, он потерпел поражение на выборах 1973 года, но смог вновь занять пост главы правительства.

Первой заботой участников Националистического фронта, естественно, было поставить своих людей в верхнем эшелоне государственного аппарата. Правительство назначило несколько десятков новых заместителей министров и директоров департаментов, сменило почти всех губернаторов провинций. Распределение постов проводилось в соответствии со сложным соотношением сил

внутри правящей коалиции. Само существование Националистического фронта зависело от поддержки его главной составляющей части — Партии справедливости другими более мелкими политическими группировками, которые требовали для себя непропорционально большего влияния в ущерб старшему партнеру.

Коалиционное правительство поспешило установить контроль над радио и телевидением (ТРТ). Оно считается автономной организацией, но его директора назначает премьер-министр. В стране, где половина населения неграмотна, а абсолютное большинство не читает газет, радио и телевидение — важнейший пропагандистский орган. До прихода к власти Националистического фронта во главе ТРТ стоял Исманл Джем, назначенный в свое время Эджевитом. Правые партии обвиняли радио и телевидение в «подрывной пропаганде», а народные республиканцы утверждали, что ТРТ ведет «объективные передачи». Демирель сместил Джема с поста директора ТРТ и назначил на его место некоего Ялчинташа — обозревателя махровой реакционной газеты. Участники Националистического фронта были тем более заинтересованы в ТРТ, что из газет с крупными тиражами их поддерживала лишь правошовинистическая «Терджуман».

Если борьбу внутри различных секций правящих классов пытались вести в «рамках закона», то против внепарламентских демократических сил все чаще использовались отряды коммандосов. Тюркеш, ставший заместителем премьер-министра, объявил их «помощниками сил государственной безопасности». Многие газеты жаловались, что полиция оставалась безучастным свидетелем операций правых боевиков. Столкновения между студентами правых и левых убеждений происходили весной — летом 1975 года почти ежедневно, и волнения в вузах стали частью политического быта.

Огни Стамбула

Когда в Анкаре выдавалось затишье и мне надоедало смотреть на однообразие современных «столичных» зданий, я уезжал в Стамбул.

В мире есть города, к которым нельзя относиться равнодушно. Таков Стамбул, где встречаются Европа и

Азия и где спрессовано три тысячи лет истории — и какой истории...

Проходили века. Византия стала Константинополем, чтобы затем превратиться в Истанбул, или Стамбул, как его называют европейцы. История оставила здесь автографы на каждой улочке, едва ли не на каждом камне. День сегодняшний и день вчерашний переплетаются в Стамбуле в немыслимом хороводе. В архитектуре города смешались эпохи и стили. Изломанная готика западноевропейских соборов соседствует с мягкими очертаниями греческих церквей, помпезные купеческие здания начала века — с барокко. В зеркальных стеклах современных зданий отражаются неказистые домики прошлого века, акведуки и крепостные стены. Но лицо города, его слава и символ, конечно же, мечети. С византийскими куполами навеки слились ракеты минаретов, придающие динамизм, устремленность ввысь этим прекрасным, но несколько тяжеловатым сооружениям.

За свою историю Стамбул много раз горел. Еще византийские и османские хроники сообщали о пожарах, пожиравших целые районы. Раньше город был деревянным. Из камня строили крепости, дворцы, храмы. До сих пор в Стамбуле осталось немало бревенчатых домов с узорными резными наличниками и затейливыми балконами, нависающими над тротуаром. Деревянные дома высохли и сгорбились, как старые турчанки, которые встречаются на кривых улицах, вымощенных брусчаткой. Достаточно неосторожно брошенной сигареты, чтобы сухое дерево вспыхнуло. Частые пожары уносят и деревянное прошлое Стамбула, и прелесть его тихих улочек, оставляя пепел забвения.

Многие ветхие домики все еще населены, потому что даже на плохую квартиру в новом здании уходит до половины заработка семьи среднего достатка. В Стамбул, где сейчас 3,5 миллиона жителей, каждый год переселяется еще 250 тысяч человек, которые не могут и мечтать о современной квартире. Самый крупный город Турции стал самым большим средоточием трущоб — «геджеконду», что в переводе означает «жилище, построенное за одну ночь». По обычаю дом, возведенный под крышу, нельзя сносить, поэтому обездоленные собираются и, пока дремлют стражи порядка, строят дом для одной семьи из старых досок, железа или просто саманного кирпича. В сле-

дующую ночь рядом с ним вырастает другой, и через некоторое время появляется очередной поселок «геджеконду». Этот обычай глубоко укоренился. Однажды полицейские попытались снести «геджеконду» на анкарской дороге, но, несмотря на гранаты со слезоточивым газом, брандспойты и бронемашины, они в конце концов отступили под градом камней и ругательств.

Урбанизация, переселение крестьян в города, обгоняет развитие стамбульской промышленности. Вряд ли это явление можно считать открытием, настолько оно распространено в развивающихся странах. В Стамбуле можно увидеть мужчин в расцвете лет, которые предлагают прохожему орешки или лотерейные билеты, сидят по десятку в ряд, готовые почистить обувь. В их глазах прочтешь тоску и ненависть к этому городу.

Для крестьянина, особенно из отсталых восточных районов, где не знают ни электричества, ни газет, переселение в Стамбул, чужой, жестокий, но и полный недоступных соблазнов, означает болезненную ломку сложившихся взглядов, прежней системы ценностей, вживание в огромный, часто непонятный мир. Обитатели трущоб — отнюдь не все борцы-пролетарии. Психология вчерашнего крестьянина, почти неграмотного и полного предрассудков, и сегодняшнего люмпен-пролетария мешает сознательному движению.

Все же стамбульский рабочий класс, хотя и разбавленный массой полупролетарских элементов,— наиболее организованный в стране. Боевая Конфедерация революционных профсоюзов, которая провела самые длинные забастовки в Турции, базируется как раз в Стамбуле. Здесь же центры левых партий, взявших на вооружение социалистические лозунги.

Знаменитый залив — Золотой Рог — может использоваться как широкий крепостной ров. Об этом знали не только в византийские времена, когда Стамбул еще был Константинополем. И в наши дни власти нередко разводят плавучий Галатский мост, чтобы не допустить объединения студенческих демонстраций из различных вузов, разбросанных по городу.

Исторический Стамбул занимал район к югу от Золотого Рога. К северу от залива стояли городки Галата и Пера, а за Босфором — Скутари, или по-турецки Ускюдар. Во времена султанов лишь собственно Стамбул и

Ускюдар были почти чисто турецкими, а Галата и Пера носили больше «левантийский» характер, то есть были населены представителями других национальностей. Там жили торговцы-компрадоры, перенимавшие европейские обычаи и нравы, там находились иностранные посольства. Пересекая Золотой Рог, молодые султанские чиновники и офицеры видели сколок Европы и пытались его копировать. Но они копировали именно отражение Европы, ее «потребление», а не ее «производство», и это, в частности, накладывало отпечаток поверхностности на реформы, которые проводились сверху правящими классами.

Стамбул давно перехлестнул через старые городские стены, а о «левантийцах» напоминает лишь нетурецкая речь в магазинах на улице Истикляль в Бейоглу — бывшей Гран рю дю Пера. Город заливает каменными строениями берега Босфора, европейский и азиатский берега Мраморного моря. Из Стамбула в Измит около ста километров едешь по сплошному населенному району, где границы между мелкими городками сливаются. Здесь сотни промышленных предприятий. Всего в Стамбуле сосредоточено около половины турецкой промышленности. Газеты могут сетовать на то, что калечится бесподобный пейзаж, а бесплановое развитие делает город еще более не приспособленным для жизни. Но для капиталиста прекрасно то, что дает прибыль, а умножение прибылей — синоним прогресса. И в романтических бухтах появляются химические заводы, отравляя ядовитыми отходами море и пролив, в лесистые холмы врубаются бульдозеры, чтобы расчистить площадки для жилых коробок, без садика, без дворика. Золотой Рог, который когда-то назывался «Сладкие воды Европы», стал похож на сточную канаву, покрытую густыми разводами мазута и разным хламом.

Для туриста Стамбул, конечно, полон очарования. Как можно не посетить Айя-Софию или Сулеймание, не пройтись по лабиринту Крытого базара, не спуститься в подземные византийские водохранилища? Но если просто походить по кривым улочкам вокруг Галатской башни, это также будет знакомство со Стамбулом, но настолько же горькое, насколько познавательное. Ибо Стамбул — как слоеный пирог, в котором соседствуют богатство и нищета, современность и средневековье, передо-

ное производство и примитивный ручной труд. Около Галатской башни можно увидеть тысячи лавок и лавчонок, в которых чего только нет, а рядом, в подвальных мастерских, куют, шьют, конопатят, полируют, стругают. Среди рабочих — и дети, и глубокие старики. В мелком и мельчайшем производстве заняты в Стамбуле десятки, если не сотни тысяч человек, зачастую не учтенных статистикой, не охваченных ни трудовым законодательством, ни социальным страхованием. Кустари выживают за счет труда от зари до зари и низкой заработной платы подмастерьев.

Лишь нехватка капиталов не позволяла раньше строить в Стамбуле небоскребы, хотя именно к ним предрасположены старые кварталы. В них дома — несколько метров по фасаду, два десятка метров вглубь, остальное — ввысь. На том же месте стало больше людей. Земля подорожала. Дома сгрудились теснее, карабкаясь на плечи друг другу, при прежнем фасаде наращивалось все больше этажей. Наконец, выкроив себе место под фундамент, заплатив астрономические деньги за каждый метр земли, поднялись первые небоскребы, демонстрируя элегантный функционализм. Но глубже и мрачнее стали тупели улиц.

Стамбульские трущобы внедрились прямо в зажиточные кварталы. Нищета ютится в сырых подвалах, задыхаясь от кашля, скручиваясь в ревматизме, или забирается на чердаки, мансарды и пристройки, где летом изматывающая жара, а зимой леденящий холод. Богатство в Стамбуле пагло, шумно и обжористо, как и полагается нуворишу. А нищета тем злее, чем безнадежнее, и единственное, чем ее кормят досыта, так это обещаниями.

В Стамбуле нет общепризнанного городского центра. Роль его осевых магистралей играют Босфор и Золотой Рог, разбивая город на три неравные части. Галатский мост — пристань для паромов, пассажирских судов, катеров, баркасов и фелюг, которые развозят пассажиров во все стороны. Суда скапливаются в порту так же густо и беспорядочно, как маршрутные такси — так называемые «долмуши» — на городских площадях.

Полтора десятка тысяч стамбульских такси и «долмушей» в большинстве — отслужившие свой век американские автомобили. У всех «сломаны» счетчики. Остроум-

ные стамбульцы будут советовать приезжему не садиться в такси, если у шофера плечи шире, чем у вас, а шея крепче и если вы заранее не договорились об оплате за проезд. Это, конечно, шутки, но факт, что транспортная проблема давит город, как кошмар. Ее пытались решить с помощью моста над Босфором. Через Золотой Рог возведен уже третий мост, но по-прежнему на узких улочках часто самое быстрое транспортное средство — собственные ноги. В час пик от коммерческого центра Стамбула Бейоглу к Золотому Рогу машины идут бампер к бамперу. Но прямо в потоке автомобилей нередко увидишь телегу, в которой возница гордо правит стоя, или осликов, груженных фруктами.

Стамбул тоскует по метро. С 1908 года муниципалитет обсуждает планы «подземки», принимает проекты. Все согласны, что метро нужно, как воздух. Дело за «пустяком» — деньгами. А их у муниципалитета нет...

...Угасает день. Предвечерний свет, когда уже нет теней, но еще не наступили сумерки, окутывает Стамбул. Свинцовые воды отливают киноварью отраженного заката. Густые гудки лайнеров тонут в крике чаек. Далеко разносится плач муэдзина.

Темнеет. Лунная дорожка ложится на черные воды. Желтые, зеленые, красные огни судов длинно отражаются в Босфоре.

Затихает Стамбул — один из самых экзотичных городов мира с совсем неэкзотичными проблемами его жителей; город борцов и надломленных судьбой приживальщиков; город писателей, поэтов, художников и никчемных, горьких пьяниц; город, полный запахов бензина, кипарисов, лавра, рыбы, гнили; город бронзовых рыбаков и бледных детей из смрадных колодцев трущоб — нежных растений, лишенных хлорофилла; город, в котором имперское прошлое окаменело в ансамблях дворцов и мечетей, византийских храмах и мусульманских медресе, акведуках и крепостных стенах, а настоящее обыденно, но трагично.

Ночь одевает все фиолетовым покрывалом, расцвеченным звездами огней, и Стамбул кажется нарядным, таинственным, праздничным. Однако если взглянуть на его окраины с крыш небоскребов, то можно увидеть, как за веселой рекламой торговых улиц мерцают неяркие, мутные, но красновато-грозные огни «геджекондu». Словно

кистры бесчисленных осаждающих армий, они обложили со всех сторон «благополучные кварталы» великого города.

Стамбул горел много раз...

Трудны и ухабисты дороги общественного развития Турции. Часто ее сегодняшнее состояние называют «переходным периодом». Но переходный период к чему? На этот вопрос трудно ответить. Прошлое и настоящее, мусульманские традиции и поверхностный европеизм, героизм одиночек и паровой каток подавления — таков сегодняшний день Турции.

Турки очень горды. Эта их черта национального характера выражена в пословице: «Харкаешь кровью, а говори, что пил вишневый шербет». Поэтому, когда беседуешь с честным турком, настоящим патриотом, будь то политический деятель, рабочий, писатель, крестьянин, он не будет жаловаться, а скажет примерно так: «Мы сами найдем в себе силы и выкарабкаемся из наших неурядиц».

БЕГ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Когда мы слышим слово «Иран», то довольно часто вспоминаем «персидские мотивы» Сергея Есенина, княжну, которую Степан Разин бросил в набежавшую волну, несколько страниц из школьных учебников, а иногда выцветшую литографию времен нижегородских ярмарок: перс в халате торгует урюком и изюмом.

О большой стране за Каспием мы знаем мало. Со мной, наверно, не согласятся любители персидской поэзии, забросав именами великих, а специалисты снисходительно напомнят, что советская иранистика — одна из самых сильных в мире. Но все-таки я буду стоять на своем, хотя бы для того, чтобы защитить право на существование собственных журналистских заметок. Буду надеяться, что они кое-что расскажут читателю о сегодняшнем Иране, а может быть, и добавят несколько капель к фундаментальным знаниям иранистов.

Оазис Тегеран

У Стамбула есть море, Босфор и Золотой Рог. У Каира — Нил, у Тегерана — горный хребет Эльбурс. Он виден отовсюду, проглядывает в конце каждой улицы, идущей с юга на север. Вершины хребта дрожат в летнем мареве или белоснежно сверкают в остальные времена года; они кажутся лиловыми в предвечернем свете, радостно-розовыми утром.

Когда не было кондиционеров, персидские дома своим фасадом всегда смотрели на север, на Эльбурс, чтобы в летнее пекло улавливать прохладное дуновение с гор. Другой стороной они выходили во дворики — на юг. Если для состоятельного иранца двор — это бассейн, свечи кипарисов, плети лв, цветение роз, вишен, персиков, то для небогатого — хотя бы одно тенистое дерево

о сочащиеся слезы небольшого фонтанчика. Человеку, привыкшему с буйной тропической растительностью, слава персидских садов с первого взгляда покажется преувеличенной. Но для путника, который пересекает раскаленную пустыню, даже три дерева будут олицетворением рая. В Иране говорят: «Приходите поужинать в мой сад»,— как у нас приглашают к себе домой.

Судьба иранского народа складывалась так, что ему был враждебен мир пустыни. Оттуда ветры приносили испепеляющий зной летом и злой холод зимой. Из пустыни налетали кочевники, чтобы разграбить, разрушить очаги цивилизации, выпестованной многими поколениями. Поэтому иранец стремился повернуться спиной к враждебной пустыне, создать некий противоположный ей микромир, где особенно остро и полно ощущались бы радости жизни.

Старые, да и часть новых персидских домов в какой-то степени воплощают эту жизненную философию. Они глядят на прохожих слепыми, ничего не выражающими стенами. Характер жилища раскрывается не снаружи, а изнутри. Ты погружаешься в прохладный колодец дворика, открытого ниже поверхности земли, видишь над собой нестрашное теперь жаркое небо, отделенное кроной дерева, или острые звезды на бархате ночи, вдыхаешь аромат пылающих роз, слушаешь стихи Хафиза, Саади или Хайама... Тогда ты начинаешь понимать внутренний мир перса, впрочем еще не понимать, а как бы соприкасаться с ним, и уже хороша и эта близость, и эта сопричастность.

Персидскую культуру, иранский национальный характер отличает стремление к двойной интерпретации жизненных явлений, поэзии, науки, истории, желание во всем искать двойное дно, потаенный смысл. Одной из причин этого было большое влияние поэзии на персидскую жизнь и литературу и господство суфийских или мистических символов, которые требуют объяснения. В обществе было принято эзотерическое толкование, которое предоставляет отдельному человеку право искать для себя особый смысл в каждом факте жизни.

Тегеран — город сравнительно новый, но он не лишен очарования. Звенящие ручьи в уличных арыках и кроны чинар напоминают, что Тегеран — оазис. Как и большинство иранских городов на колоссальной дуге, охватываю-

ней внутренние пустыни, он вырос на выходе из «канатов» — подземных каналов. Они внедрились в тело Эльбурса, чтобы вывести на поверхность влагу, отдав ее арыкам. Самые длинные «канаты» тянутся здесь на два десятка километров. Сейчас, впрочем, Тегеран утоляет свою жажду из водохранилищ, образованных большими плотинами на соседних мелководных, но бурных реках, и из глубоких колодцев.

Еще полсотни лет назад Тегеран был известен рощами, садами и охотничьими угодьями. Где сейчас все это? Где тихий оазис, который казался путешественникам приютом покоя? Его нет. Есть растущая, гремящая, освещаемая огнем электросварок, дышащая газовым перегаром столица с населением более четырех миллионов человек. Напомним, что в двадцатые годы здесь было всего 200 тысяч жителей. Есть необузданные стада автомашин, полных спешащих людей, которым некуда спешить. (Американский астронавт — гость иранской столицы воскликнул: «На тегеранских улицах опаснее, чем в космосе!») Есть стальное и люралевое многоэтажие новых зданий, у которых такое же отношение к иранским архитектурным традициям и вкусам, как у небоскребов Чикаго, Сингапура или Осаки.

В Тегеране нет средневековых архитектурных жемчужин, которыми славится Исфахан. Голистанский дворец мил, хотя он и считается порождением болезненной архитектуры в период упадка. Но Голистанский дворец задавлен и потерян среди параллелепипедов и кубов административных зданий, еще более безликих, чем слепые заборы персидских двориков.

Футурологи мрачно пророчествуют, что к концу века число автомашин в Тегеране умножится и дети, собираясь в школу, будут надевать противогазы. Нехватка воды станет катастрофической; по количеству самоубийств от общей депрессии и безнадежности, по уровню преступности иранская столица будет соперничать с Лос-Анджелесом. Один из видных иранских психиатров нашел несколько главных причин неврозов у тегеранцев. Первая из них — отсутствие чувства безопасности, вторая — сильная злоба или злоба, которая не может быть законным образом выражена против источника беспокойства, и третья — поздние браки мужчин. На юге Тегерана находится запретный квартал, который посещают

только мужчины. Он построен по принципу прямых улиц с отходящими от них переулками и тупиками. Вокруг квартала установлены полицейские посты, но они наблюдают лишь за санитарной дисциплиной и еженедельной медицинской проверкой. Каждое из «заведений» управляется хозяйкой или хозяином, и при них состоит несколько «гурий». В «приемном зале» сидит очередь мужчин, как за дефицитным товаром. Когда освобождается «гурия», посетитель платит в кассу и удаляется на полчаса во внутреннюю комнатушку, где нет даже простыней, но висят вырезанные из журналов портреты своих и иностранных кинозвезд. Драки и скандалы здесь редки, потому что продажа алкоголя запрещена. Когда я осмотрел этот квартал при содействии иранского журналиста, у которого были друзья в полиции, то вынес впечатление не разврата или греха, а гораздо более гнусное ощущение «конвейерного производства».

В центральных и северных кварталах по вечерам зажигаются красные огни баров. Здесь можно выпить водки, вина или пива вприкуску с «беседой по душам». Его ведет барменша, не забывая удесятерять за «развлечение» твой счет. Она называет себя «артисткой», эдакой «гейшей». Но в то время как она развлекает посетителя, дюжий вышибала следит, чтобы тот не улизнул из заведения. Подобные бары распространились, как эпидемия, по Ближнему и Среднему Востоку. Бедняки в них не ходят, но тоска одиночества гонит сюда состоятельных людей, которые надеются получить эрзац человеческого общения.

Как и в большинстве стран Азии и Африки, в Иране урбанизация идет впереди индустриализации. Скопление людских масс в городах не сопутствует строительству заводов и фабрик, а резко обгоняет его. Рост Тегерана обеспечивается его административными функциями столицы. Множится число чиновников и служащих всех видов, родов и рангов. Правда, последние полтора десятка лет бурного экономического роста создали вокруг Тегерана довольно многочисленные предприятия. Большая их часть толпится вокруг промышленного спутника Кереджа и вдоль автострады Тегеран — Керелж. Но их пока мало.

В поисках лучшей доли и заработка сотни тысяч бывших крестьян съезжаются в столицу из Иранского Азербайджана, прикаспийских провинций и Хорасана. Для

них главные виды деятельности — строительство и сфера услуг. Я с удивлением обнаружил, что на тегеранских улицах с грехом пополам можно объясняться на турецком языке, который понимают приехавшие сюда азербайджанцы. Более четверти населения Ирана не говорит на персидском языке, и около половины жителей не пользуются им в быту.

Вода и воздух — главные причины современных «социально-топографических» контрастов в Тегеране. Состоятельные жители двигались вверх по склонам Эльбурса — туда, где вода чище, подземные источники глубже, воздух прохладнее и свежее. Старое городское ядро в районе базара и Голистанского дворца давно уже перестало быть географическим центром столицы, а скорее, лежит на юге. Город подошел к крутому склону горного хребта и начал по нему карабкаться.

Когда поднимаешься с юга на север, например по двадцатикилометровой авеню Пехлеви, то как бы переносишься из одного города в другой, из одного общества в другое. Не только чище становятся вода и воздух, но и выше здания, цены в магазинах. В лавчонках южной части города изощренно и долго торгуются, в северных супермаркетах твердые цены щадят нервы, хотя и не щадят кошельки. На юге долго будут мять и рассматривать на свет крупные купюры, на севере начали принимать в оплату чеки. Если на юге еще нет хорошей питьевой воды, то на севере есть кинотеатры, где фильмы смотрят, не вылезая из автомобиля. Там, внизу, на один квартал едва найдется пыльная шелковица, здесь благоухают райские сады.

За жизнь старшего поколения тегеранцев в тридцатые годы были заложены широкие проспекты в меридиональном и широтном направлениях. Некоторые из них следовали вдоль прежних городских укреплений, но большинство начисто игнорировало старый городской план, вламываясь в запутанный ковровый узор глинобитных кварталов. В городском плане Тегерана можно и сейчас увидеть особенность иранской истории последних десятилетий — сильную центральную власть. Она даст муниципалитету формальные права, о которых только мечтают их коллеги в Нью-Йорке или Токио. Мэр Тегерана рассказывал мне, что его муниципалитет может в принципе навязывать ту или иную архитектурную фор-

му крупным домовладельцам и даже после соответствующей процедуры силой выкупать собственность тех, кто не хочет ему подчиняться.

Может быть, придавая планировке столицы геометрическую правильность шахматной доски, надеялись обрести не только городскую, но и социальную гармонию, избавиться от средневекового наследия. Но шахматная доска, состоящая из черных и белых клеток, в которых размещены фигуры, призванные друг друга уничтожить, сама по себе таила дисгармоничность и противоречие. Подобно реформам, которые были проведены сверху в тридцатые годы и создали фасад современного государства, не изменив существа общественных отношений, геометрия городского планирования не уничтожила прежних глинобитных лабиринтов. Они по-прежнему встречают тупиками нужды, узкими переулками безденежья, ямами отчаяния.

Чтобы набросать план района Оуд Ладжан, не надо пользоваться линейкой или циркулем — достаточно вылить на бумагу тушь и размазать ее кистью погрубее: любая линия изобразит какую-нибудь улочку, любая клякса — скопление домов. В каждом жилище, которое давно не ремонтировалось, обитает по семь-десять семей. Пыльные, ухабистые переулки выводят к старинным базарчикам — четыре галереи под одним куполом, в центре — хранилище воды. Здесь сохранились мелкие и мельчайшие производства — свечные, обувные, посудные, стекольные, которые выживают за счет полударового труда ремесленников и приспособления к примитивным потребностям рынка. Ночью на улочки выползают пьяницы, преступники всех мастей, наркоманы. Подпольные опиумокурильни заполняются посетителями. (По официальным данным, в стране 140 тысяч наркоманов, но неофициальные источники эту цифру утраивают.) Полицейские ходят парами по прекрасным авеню шахматной доски, не испытывая желания решать головоломку старого города.

300 тысяч обитателей Оуд Ладжана долго ждали, когда снесут их проклятые кварталы, где жить стало невозможно. Сейчас они молят Аллаха, чтобы к ним никогда не пригнали бульдозеры и грейдеры. Плата за жилье в других районах для них стала недоступной, и им пришлось бы перебраться в «ямы».

Тегеран строился из кирпичей, обожженных из глины, на которой он сам стоит. Когда копи становились слишком глубокими и из них было неудобно или дорого доставать глину, ее начинали добывать в другом месте. Заброшенные «ямы» наполнялись лачугами бедняков, сделанными из той же глины, только необожженной. Это — настоящие трущобы, но они никогда не превращаются в «бидонвили» других городов Азии, Южной Америки или Африки. Иранцы — издавна оседлый народ, который привык зарываться в землю в случае опасности и нужды, и они всегда хотят придать минимум солидности своим жилищам, предпочитая копать вглубину, а не возводить неустойчивые стены из ржавых канистр или ящиков. Раскаленный воздух в «ямах» наполнен зловонием, об элементарных санитарных требованиях нечего и говорить. Жители «ям» могут считать удачей, если до них через весь город доберется грязная струйка арычка.

В Тегеране несколько десятков трущобных районов. На их благоустройство выделено немало средств, ведутся кое-какие работы, на месте некоторых из них разбивают парки и копают озера. Однако приток жителей в Тегеран не позволяет уменьшиться общему числу трущобных обитателей. Часто городским властям не до них.

Муниципалитет осаждают другие проблемы большого города. Он сражается или делает вид, что сражается с опасным противником — земельными спекулянтами, которых называют здесь «пожирателями земли». Корпорации или, скорее, мафии земельных спекулянтов захватывают пустыри и русла селевых потоков, оформляя на них «законные» документы. Газеты писали, что муниципалитет ведет тяжбу с «пожирателями» по крайней мере 150 миллионов квадратных метров земли. Алчность, раскаленная сумасшедшими прибылями, защищаемая нанятыми адвокатами, оказывается достаточно могущественной, чтобы тягаться с сильной городской властью. Особенно когда в муниципалитете сидят чиновники, которым «тоже надо жить». В руслах селевых потоков земельные спекулянты строят жилые дома, и люди поселяются в них, несмотря на постоянную угрозу оказаться погребенными валом воды, камней и грязи. Но квартплата уже настолько взвинчена, что рядовым тегеранцам даже с приличным заработком не остается дру-

того выбора. Недаром в Тегеране детей пугают «пожирателями земли».

На Ближнем и Среднем Востоке Бейрут называли только нефтяного бума, Тегеран — его лицом. Этому определению нельзя отказать в меткости, потому что значительная часть доходов Ирана от нефти оседает в его столице. Тегеран стал зеркалом и одновременно генератором перемен, происходящих в стране в целом. Но задавая тон многим из них, он все же остается оазисом и не только в старом смысле слова. Иранская столица — оазис, хотя и не единственный, современной жизни, промышленного развития в стране, которая еще рвет путы средневековья, полуфеодальной психологии.

«Восьмая сестра»

Огромное золотое солнце опускалось за грязно-рыжие горы с мягкими очертаниями. В его лучах золотилась пыль, поднятая стадом овец. Темная фигура пастуха графически отпечатывалась на фоне пылающего заката. Небогатые глинобитные домики с плоскими крышами окутывал дымок от очагов. На небо выползла бледная, прозрачная луница. Вот так же сотни и тысячи лет здесь вставало и садилось солнце, появлялась и исчезала луна. Пастух в развевающихся одеждах, и дым от очагов, и весь пейзаж, казалось, плыли вне времени. Это был Хузистан — юго-западная провинция Ирана.

Несколько труб большого, почти метрового диаметра бежали по эстакаде в залив, где стояли супертанкеры. Сутки погрузки — и отяжелевший четырехсоттысячник отваливал от причала, способного принимать суда водоизмещением полмиллиона тонн. На серовато-коричневом холме серебрились резервуары размером с футбольное поле. Людей почти не было видно. Лишь в центре управления погрузкой на пульте перемигивались разноцветные лампочки, да приборы мерно и прозаично отсчитывали миллионы тонн. Это тоже был юго-западный Иран, остров Харк.

Раньше он был известен лишь развалинами несторианских храмов и мусульманских мечетей да серыми морскими черепахами, а сейчас стал одним из самых современных нефтяных портов мира. В его трубопроводах

клокочет нефтяная река, способная почти полностью напоить такую промышленную державу, как Япония. Поток нефти питают ручейки с месторождений, над которыми уныло и бесстрастно проходят стада кочевников.

Некоторые месторождения не имеют себе равных. Когда приближаешься к скважине № 35 в Гяджсаране, то чувствуешь вибрацию земли под ногами, будто могучий вулкан трясет устои подземного царства, желая выбраться наружу. Подталкиваемая сжатыми газами, под чудовищным давлением из земли рвется струя нефти. Более четырех миллионов тонн в год дает эта самая производительная в мире скважина. Она пробурена сравнительно недавно, но в целом черная маслянистая жидкость уже почти 70 лет бьет из недр Ирана.

В 1908 году на месторождении Месджеде Солейман, где зороастрийцы когда-то добывали для своих пылающих алтарей черную маслянистую жидкость, ударил фонтан нефти. С тех пор вокруг нее вращалось все во внешней и внутренней политике страны. Нефть стала стержнем политической борьбы и экономических преобразований, а символом нефтяного колониализма в Иране и не только в Иране считалась Англо-иранская нефтяная компания (АИНК).

В 1951 году правительство доктора Мосаддыка приняло отчаянное, но мужественное решение национализировать нефть. Однако тогда силы были неравными. Англичане послали крейсеры в Персидский залив, АИНК объявила иранскую нефть «ворованной» и при помощи других компаний смогла организовать экономическую блокаду страны. На международном рынке тогда был избыток жидкого горючего. Другие нефтедобывающие страны не только не выступили вместе с Ираном, но стали его конкурентами. Нефтяные краны были открыты на полную мощность в Кувейте, Ираке и Саудовской Аравии. В дело включились западные разведки, в том числе ЦРУ, иранская военная верхушка. Правительство Мосаддыка было свергнуто.

В 1954 году иностранные нефтяные компании вернулись в Иран в форме Международного нефтяного консорциума — наследника АИНК. В него вошли крупнейшие международные монополии, известные под названием «семь сестер» — самая могущественная группировка капиталистического мира. Более половины акций получили

ничание — «Бритиш Петролеум», бывшая АИНК и «Робил Датч-Шелл», меньшая доля досталась американским «сестрам», несколько процентов отдали более мелким независимым компаниям.

Я посетил Месджеде Солейман, где была пробита первая скважина. Сейчас она сухая, а месторождение считается одним из мелких. Что здесь создал консорциум, помимо добычи нефти? Как изменилась жизнь в глинобитных хижинах и палатках кочевников?

— Чем заняты те, кто не связаны с нефтяной промышленностью? — спросил я.

— Не знаю, они, наверно, торгуют,— ответил мне представитель консорциума.

— Десятки тысяч торгуют друг с другом?..

Правда, в городе есть и школы, и клубы, и водопровод, но все это — дело рук иранцев, а не плод доброй воли нефтяных монополий. Современных заводов, высших учебных заведений нет и в помине.

Когда я расспрашивал английских дельцов, строил ли консорциум какие-нибудь предприятия, кроме добывающих, они обычно указывали на Абаданский нефтеперерабатывающий завод мощностью более 20 миллионов тонн в год. Однако его основали в то время, когда АИНК была уверена, что иранская нефть навсегда и безраздельно останется в ее руках. А когда хозяевам консорциума будущее представилось отнюдь не в розовом свете, они не только не стали строить новые заводы, но и с большой неохотой модернизировали старый. Иранские инженеры из Абадана рассказывали мне, что им буквально силой приходилось выбивать средства на обновление завода, чтобы не допустить превращения его в больного и изношенного гиганта. Будь это в его власти, консорциум высосал бы до капли черную кровь иранской земли и бросил бы ее истощенной, сухой и неприветливой, дорогой лишь для тех, кому она — родина.

С годами представление о консорциуме, как о «государстве в государстве», все же менялось. Его деятельность была поставлена в определенные рамки под контроль государства в лице Иранской национальной нефтяной компании (ИННК). После 1954 года правовой статус нефтедобывающих компаний существенно изменился. Нефтяная промышленность Ирана в принципе считалась национализированной и была передана консорциуму в

ареиду. Он должен был отвечать за свою деятельность перед государством.

Два десятка лет назад Иран предоставил концессии за пределами зоны консорциума нескольким другим нефтяным компаниям, не связанным непосредственно с «семью сестрами»,— итальянским, французским, японским, американским. Предусматривалось участие ИНИК в их деятельности «на равных». Поэтому доходы Ирана па новых концессиях поднялись до 75 и более процентов от прибыли. Конечно, самый жирный кусок по-прежнему паходился у консорциума, но такое распределение прибылей в мелких компаниях служило дополнительным рычагом давления на «семь сестер».

В новых компаниях ИНИК принимала участие и в добыче, и в транспортировке нефти, то есть занималась производственной деятельностью, приобретая необходимый ей опыт. По соглашению 1954 года, она добилась передачи ей национальной сети распределения нефти и начала самостоятельно строить в Иране перерабатывающие и химические заводы. Сотни миллионов долларов были вложены в современные предприятия в Шахпуре и Абадане, на острове Харк и в Ширазе. Хотя в некоторых из них участвовал иностранный капитал, контроль принадлежал Ирану.

Несколько раз я задавал вопрос английским и американским инженерам о профессиональных качествах их иранских коллег. «О, мы действуем на равных,— отвечали мне,— иранские инженеры и квалифицированные рабочие соответствуют международному уровню». То ли говорили их предшественники два десятка лет назад, когда персов не пускали на ключевые посты в нефтяной промышленности? За долгие десятилетия удалось добиться почти полной «иранизации» кадров в нефтяной промышленности (чего, впрочем, не скажешь об остальных отраслях). Число иностранцев сократилось до нескольких сот, иранцы занимаются самыми сложными и самыми ответственными операциями. Это — одна из существенных причин, почему консорциум не мог действовать на земле Ирана, как в былые времена.

Когда я вернулся в Абадан из поездки по нефтяным промыслам, меня поселили в гостинице «Интернэшнл». Как раз в этот вечер отель был в суетливо-приподнятом состоянии. Там все сверкало: белые манишки и белые

манжеты приглашенных, золотые часы марки «Ролекс» и бриллиантовые булавки в галстуках, мельхиоровые подносы официантов, трубы в оркестре, глыбы льда, в которых покоились серебряные ведерки с черной икрой. В нежном шепоте кондиционеров, среди раскаленной пустыни встречались представители «его величества» нефтяного бизнеса. Это тоже был юго-западный Иран.

Гости представляли международные нефтяные сверхмонополии. Но на их лицах, преимущественно англо-саксонского происхождения, змеились улыбки невольного почтения к хозяевам — иранским нефтяным воротилам.

Мне так и не удалось выяснить, какое конкретно дело привело сюда высокопоставленных особ. Видимо, они съехались на очередное совещание, на котором утрясали спорные вопросы между консорциумом и Иранской национальной нефтяной компанией.

За многие годы Иран укрепил свои позиции в нефтяной промышленности, приобрел производственный и коммерческий опыт, подготовил кадры. Но главным оказались не его единоличные усилия, а международная обстановка в целом. Спрос на нефть повысился, и рынок стал более благоприятным не для покупателей, а для продавцов. Добывающие страны образовали единый фронт — Организацию стран — экспортеров нефти (ОПЕК) и начали увеличивать свою долю в прибылях от продажи сырой нефти. Если в тридцатые годы Иран, например, получал лишь 16 процентов от прибыли, то в начале семидесятых годов его доля превысила 60 процентов. Одна страна за другой полностью или частично брали под контроль свои нефтяные богатства и добычу. Багдад национализировал «Ирак Петролеум Компани». В 1973 году Иран установил новые отношения с консорциумом, превратив формальную национализацию в фактическую. Консорциум согласился передать ИИНК все свои нефтепромыслы и Абаданский нефтеперегонный завод. Однако в обмен Иран обязался поставлять участникам консорциума в течение 20 лет большую часть нефти из зоны бывшей концессии. Цены было решено устанавливать не ниже, чем в других государствах Персидского залива.

Иран — одна из богатейших стран мира по запасам нефти. Они оцениваются примерно в 9 миллиардов тонн. Иран стоит на четвертом месте по добыче и на втором по экспорту этого ценного промышленно-энергетического

сырья. Доходы от нефти в шестидесятые годы непрерывно росли и достигли больших размеров. Но подлинная революция в ценах на нефть произошла в конце 1973 года, когда члены ОПЕК учетверили их, и весь мир заговорил об «энергетическом кризисе». Доходы Ирана приблизились к 20 миллиардам долларов в год — огромная цифра по любым масштабам.

Но в Тегеране полагали, что установление контроля над добычей сырой нефти — полдела в условиях, когда остальные звенья нефтяного бизнеса — транспортировка, переработка и продажа готовых продуктов остаются в руках «семи сестер». Поэтому иранское правительство попыталось ввести ННК в качестве «восьмой сестры» в международный нефтяной бизнес. Она строит перерабатывающие заводы в некоторых странах, даже собирается начать вместе с «Бритиш Петролеум» добычу нефти в шельфе Северного моря. Но «большая семерка» не собирается пускать в свою компанию чужака с большими амбициями. Иранцам не удалось прорваться в нефтераспределительную сеть США и Западной Европы.

Да, но...

«Я спросил сегодня у менялы, что дает за полтумана по рублю...» — писал поэт. В городе Мешхеде на базаре я видел менялу. Он сидел в пыли, и перед ним на коврике были разложены столбики монет и пачки банкнот. Может быть, он был последним традиционным персидским менялой. В тегеранских конторах его коллег стоят телексы, телефоны, электронные арифмометры. А у Джалиля Шорака, первого заместителя председателя Центрального банка Ирана, в распоряжении счетно-решающие устройства, квалифицированные экономисты, отлаженный финансовый аппарат. Хороший английский язык банкира напоминает о годах, проведенных в США. Он — из тех образованных специалистов в возрасте 35—40 лет, которые появились за последние годы в Иране и пытаются внедрить современные методы в экономику.

«Одна из наших текущих задач — содействовать созданию более крупных банков, увеличить капиталы существующих,— говорил в беседе со мной Шорак.— Банковская система Ирана должна соответствовать растущим

размерам нашей промышленности и новым финансовым возможностям». Шорак свободно оперировал цифрами с девятью и десятью нулями. Его подход отражал положение Ирана на гребне нефтяного бума.

Последние 10—15 лет иранская промышленность бесспорно развивалась быстрыми темпами. В 1973/74 году, благодаря увеличившимся доходам от нефти, валовой национальный продукт в постоянных ценах возрос на 33 процента, а в 1974/75 году — на 40 и достиг примерно 27 миллиардов долларов. Хотя это не означает физического роста производства в тех же пропорциях, но цифры выглядят внушительно. Кроме нефтяной промышленности и железных дорог в 1960 году лишь на очень немногих предприятиях работало более тысячи человек. Пятнадцать лет спустя в стране действовало более ста предприятий, на которых занято от тысячи до десяти тысяч человек. Доля сельского хозяйства в валовом национальном продукте снизилась в несколько раз, и, по формальным показателям, Иран можно считать промышленно-аграрной страной.

Правда, зависимость иранской экономики от нефти пока подавляющая. За исключением нескольких нефтеперерабатывающих и химических заводов, крупная промышленность представлена Исфаханским металлургическим комбинатом, несколькими машиностроительными, моторостроительным, тракторным и автосборочными предприятиями. Остальное — легкая промышленность, предприятия приборов бытового назначения.

Может ли страна быстро нарастить экономический потенциал в соответствии со своими новыми финансовыми возможностями? Экономисты, с которыми я беседовал в Иране и за его пределами, на этот вопрос отвечали: «Да, но...», «Да, если...». Этих «но» и «если» много.

Иран тратит на военные нужды большую часть валового национального продукта страны, чем любая держава НАТО, писала английская газета «Таймс» в июле 1975 года. В 1974 году военные ассигнования выросли на 50 процентов по сравнению с предшествующим годом. За четыре года это был уже третий тур увеличения военных расходов, и он явился последним в быстротечных событиях, которые отразились на соотношении сил в районе Персидского залива и западной части Индийского океана.

В мае иранская армия заказала еще 1200 танков «чифтен» английского производства на сумму более 200 миллионов фунтов стерлингов — в дополнение к 750, о которых уже договорились ранее, что более чем вдвое превышает число танков, которые оказалась в состоянии закупить или укомплектовать личным составом сама Англия, отмечала «Таймс».

Но самым сенсационным в последний период было, однако, заключение секретного контракта с Соединенными Штатами на создание комплексной системы сбора разведывательной информации с использованием электронных вычислительных машин, радиооборудования, самолетов-разведчиков и, как утверждают, даже космических спутников. Этот контракт позволяет корпорации «Рокуэлл Интернэшнл», выполняющей роль главного подрядчика, вербовать бывших сотрудников американских разведывательных органов для проведения в жизнь этой программы, то есть нанимать работников тех самых организаций, которые используют собственные разведывательные спутники Америки. В числе самолетов фигурируют машины «С-130 Геркулес», оснащенные электронными средствами радиоперехвата, которые могли бы патрулировать районы, прилегающие к «враждебной» территории вокруг Ирана, и обеспечивать шаху и его правительству возможность ловить «даже шепот».

На вооружение отвлекаются средства невиданных ранее размеров. Правда, нефтяные доходы таковы, что Иран одновременно пытается осуществлять свои планы развития тяжелой промышленности. Он старается разместить за границей заказы на крупные предприятия. Однако, как выяснилось, международный капитал идет на сотрудничество такого рода с оглядкой. США, Япония, страны Западной Европы сталкиваются с проблемой загруженности собственных заводов в этих отраслях, и своими руками создавать конкурентов им не хочется.

Иранский опыт капиталистического развития — интересный пример экономической политики развитых стран Запада и Японии. Поставлять за наличные деньги заводы для производства стирального порошка? Пожалуйста. Трикотажа? С удовольствием. Собирать холодильники или даже автомобили? Нет особых проблем. Но все делается в такой форме, чтобы продукция предназначалась в основном для иранского рынка. А машиностроение,

электроника, научные исследования, крупные, рассчитанные на экспорт предприятия саботируются. Иранцы пытались уговорить японцев и западных немцев за наличные деньги построить нефтеперерабатывающий завод мощностью 50 миллионов тонн в год, но и те, и другие отказались.

Местный рынок, хотя и расширяется, остается ограниченным. Поэтому большинство предприятий, обращенных вовнутрь, обречены на отсталость, на третьи роли, по сравнению с международными гигантами. Попытка выйти на внешние рынки встречает убийственную конкуренцию. До сих пор главными экспортными товарами Ирана, за исключением нефти, по-прежнему остаются хлопок, ковры, сухофрукты, а общий объем нефтяного экспорта — около 600 миллионов долларов в год. Страна уступает по этому показателю другим средневосточным странам с сопоставимым населением — Турции и Египту.

Становясь экономически более развитым государством, Иран все теснее связывается с международным капиталистическим рынком и больше подвергается воздействию инфляции, валютно-финансовых неурядиц, циклических колебаний конъюнктуры, конкуренции, диспропорций в экономике. Его заводы и фабрики зависят от ввоза сырья, полуфабрикатов, запасных частей.

Отдельные предприятия и целые отрасли иранской промышленности сотрудничают с гигантскими многонациональными компаниями. Иностранный капитал внедряется в новые или только зарождающиеся отрасли — химическую, металлургическую, сборку самолетов и вертолетов, атомную энергетику, разработку медных и урановых руд. Даже когда международные компании не имеют контрольного пакета акций, они оказывают влияние при помощи технологической политики, патентов, кадров, рыночных связей.

В центре Тегерана, в районе улицы Лалезар, расположен большой торговый центр. Бесконечные магазины, магазинчики, лавчонки, просто лотки сливаются в «супермаркет». В одном из его переулков, в редакции небольшого ежемесячника я встретился с журналистом Язданфаном, специализирующимся по экономическим проблемам.

— Сейчас в Иране модно говорить о том, что ваша страна превращается в «Японию Ближнего и Среднего

Востока». Каково ваше мнение по этому вопросу? — спросил я у него.

— Мы переживаем тот период, который Россия прошла в конце прошлого столетия,— ответил Язданфан.— Мы только-только выбираемся из средневековья в XX век. Правда, это происходит гораздо быстрее, чем в других странах, но с большим опозданием. Должно смениться поколение людей, прежде чем нам это удастся. Сравнивать нас с Японией — по крайней мере рановато. Возьмем хотя бы одну деталь: в Японии и сто лет назад была всеобщая грамотность.

Мой собеседник был убежденным сторонником частного предпринимательства, что не мешало ему реалистично оценивать иранскую экономику.

— Мы построили много предприятий по монтажу холодильников, радиоприемников, телевизоров, стиральных машин,— говорил он.— Машины с клеймом «Сделано в Иране» зачастую на 60—80 процентов состоят из привозных деталей. Монтажные заводы зависят от импорта. Для крупных фирм Запада и Японии это был способ внедриться на наш рынок и привязать нас к себе.

Все же в Иране многие были убеждены, что за деньги и нефть в конечном счете удастся «соблазнить» Запад на строительство крупных объектов. В этом смысле оптимистической точки зрения придерживался глава частного металлургического концерна «Шахрияр» Али Резайи.

— Уже три года я слышу разговоры, что вот-вот в Иране будут построены ультрасовременные предприятия по прямому восстановлению железа из руды с помощью газа. Но пока что не заложено и первого камня. Не считаете ли вы, что ваши контрагенты просто не хотят строить таких заводов? — спросил я Резайи.

— Вопрос решился,— уверенно ответил он.— У нас есть деньги, у них товар — заводы. Через полтора года с помощью самой передовой технологии на моих предприятиях будет получена первая сталь.

Мы беседовали весной 1974 года. С тех пор дата получения первой стали на предприятиях «Шахряра» все отодвигалась и отодвигалась.

Наша встреча с Резайи состоялась при обстоятельствах любопытных, которые заслуживают упоминания, как пример иранской специфики.

Зная цену времени крупного бизнесмена и заторы на

тегеранских улицах, я уточнил у секретаря Резайн... адрес и выехал за полтора часа до встречи, решив, что, если прибуду раньше, посижу где-нибудь в соседнем кафе. Я хотел, как обычно, «держать марку» и ни в коем случае не опаздывать. На адресе была указана улица Ширази. Два часа шофер возил меня по огромному городу, где оказалось четыре улицы Ширази. Совершенно обессиленный, взмокший от жары, я случайно натолкнулся на человека, который знал, где находится контора «Шахрира». Она оказалась в 20 минутах ходьбы от «Парк-отеля», где я жил, на улице... Хафеза, которая несколько лет назад действительно называлась Ширази. Я вошел к Резайн, извинился за опоздание и добавил, что он будет совершенно прав, если откажется от встречи. Резайн, впрочем, не изменил иранской вежливости и уделил мне полчаса.

Встречу с Резайн устроил для меня директор Русско-иранского банка Константин Назарович Жуков. Отвлекаясь в сторону, расскажу немного об этом банке, старейшем из ныне действующих финансовых учреждений Ирана. Ему больше 50 лет. Банк занял солидное положение на иранском денежно-кредитном рынке и сотрудничает со всеми крупными фирмами страны.

В одном из банковских сейфов хранится папка со старыми документами, которые определили статус советского финансового учреждения в Иране,— письмо министерства иностранных дел Ирана политическому представителю СССР в Тегеране, согласно которому Русско-азиатскому акционерному обществу разрешалось начать банковскую деятельность в Иране, а также первый устав русско-иранской банкирской конторы, утвержденный заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР. На нем крупная сургучная печать Совета Народных Комиссаров и подпись его секретаря Л. Фотиевой. Советско-иранский договор 1921 года ликвидировал все элементы неравенства между нашими двумя странами и создал условия для новых политических и экономических отношений, основанных на добрососедстве, сотрудничестве, взаимной выгоде. Успешное развитие экономических связей привело к необходимости создать учреждение для расчетов между СССР и Ираном.

Советско-иранское экономическое сотрудничество за последнее время расширилось. Соответственно увеличи-

лась и роль Русско-иранского банка. Он установил связи с другими банками с советским капиталом, которые находятся в Париже, Лондоне, Цюрихе, Франкфурте-на-Майне, Бейруте и Сингапуре, с банками социалистических и капиталистических стран. Его деятельность может служить отменным примером равноправного взаимовыгодного сотрудничества СССР и азиатской страны в области кредитно-финансовых отношений.

Но вернемся к иранской экономике.

С конца 1973 года Иран попытался начать экспорт капиталов, так как он был не в состоянии на том этапе освоить все доходы от нефти. «Мы дали займы Международному валютному фонду и Международному банку реконструкции и развития на сумму более миллиарда долларов, подписали соглашение о займе Египту на миллиард, предоставляем кредиты Англии, Франции, Индии, Италии, Пакистану, африканским странам»,— утверждал в беседе со мною Шорак. Не обладая достаточным опытом, разветвленной сетью банков за рубежом, Иран предпочитал давать государственные займы. Но он сразу же столкнулся с нежеланием бывших метрополий уступать иранскому капиталу контроль над сколько-нибудь крупными корпорациями.

Международная инфляция, рост цен на промышленное оборудование и сырье сделали цифру капиталов, которыми располагает Иран, менее увесистой, чем кажется на первый взгляд. Повышение цен на нефть временно сократило ее потребление в развитых странах или во всяком случае замедлило его рост. Производство нефти в Иране в 1975 году упало на одну пятую. Хотя это и не означало прекращения золотого дождя, орошающего его экономику, но широко разрекламированные планы экономического развития пришлось урезать. Об экспорте капиталов последнее время вообще не говорят.

Серьезнейшее препятствие на пути развития Ирана — нехватка квалифицированных кадров во всех звеньях. В начале 1975 года иранские экономисты подсчитали, что ему недостает 560 тысяч квалифицированных рабочих, 52 тысяч техников, 34 тысяч инженеров. Именно положение с инженерами было наиболее угнетающим.

В Иране отдают себе отчет в том, что система образования не удовлетворяет потребностей страны в специалистах и быстрое движение вперед невозможно без ее

реорганизации. Неграмотного рабочего нельзя использовать на современном предприятии — это прописная истина. Но до сих пор больше половины населения в Иране не умеет читать и писать, а в деревнях неграмотных — до 70 процентов. Хотя в Иране недавно введено семилетнее образование, школ и учителей не хватает. Кроме того, крестьяне в своем сыне с восьми-девяти лет уже видят помощника и работника, а учить грамоте девочек часто считают лишним.

«Неграмотность у нас, возможно, будет ликвидирована лет через десять,— говорил в беседе со мной заместитель министра просвещения Шейх.— Сейчас учатся около 70 процентов детей школьного возраста, и мы надеемся, что к концу текущей пятилетки в школу пойдет 90 процентов». Эта беседа состоялась в мае 1974 года. С тех пор ситуация мало изменилась.

На тысячу жителей в Иране приходится меньше студентов, чем в Турции, Египте или Сирии. Лишь на рубеже XX века в стране появилось первое заведение, которое напоминало университеты Европы, а Тегеранский университет был основан несколько более 40 лет назад. Он был ориентирован в основном на подготовку гуманитариев.

«Университетскую систему пытались сделать такой, чтобы она готовила людей, заинтересованных в поддержании существующего режима, и это — одна из причин замедленного развития высшего образования,— утверждал американский исследователь Марвин Зонис в своей книге „Политическая элита Ирана“.— Университет остался одной из баз пассивной оппозиции режиму, несмотря на строгий отбор студентов... Известно, что многие из университетских профессоров в свое время поддерживали Мосаддыка. Как бы то ни было, университет находился под подозрением, и это было одной из главных причин, почему режим отказывался его расширять».

Еще более беспощадную оценку системы высшего образования дает Фрэнсис Фицджеральд в журнале «Харперс», в статье «Новый курс шаха», появившейся осенью 1974 года: «В последнее время шах и его премьер-министр усиленно жалуются на качество обучения в Иране, называя университетские степени „степенями невежества“. И они не преувеличивают, ибо, как рассказывают иностранные преподаватели, диплом иранского универ-

ситета примерно соответствует аттестату об окончании средней школы в большинстве развитых стран. Университетские студенты, по мнению их преподавателей, еще могут что-то написать по готовым формулам, но, видимо, совершенно не в состоянии самостоятельно мыслить. Кроме того, очень широко распространена коррупция: преподаватели обычно работают в нескольких местах, и административное руководство снижает требования к студентам и, как правило, ускоренно продвигает их с курса на курс. Причины всего этого, однако, не так уж трудно распознать, поскольку университеты находятся в зависимости от правительства, а шах относится с большой подозрительностью к интеллигенции. Правительство постоянно вмешивается в дела университетов. Профессоров выгоняют или арестовывают, если те высказывают самостоятельные суждения, а студентов арестовывают или расстреливают за участие в демонстрациях. Иными словами, основная задача администрации университета заключается в том, чтобы не допустить возникновения каких-либо беспорядков. В результате университетское руководство оказывается союзником САВАК (тайной полиции) и уступает каждый раз, когда студенты жалуются на сложность экзаменов. Едва ли стоит удивляться, что иранцы, имеющие хоть немного денег, отправляют своих детей учиться за границу, и не удивительно также, что очень многие из этих студентов не возвращаются на родину».

Положение с кадрами усугубляется «утечкой мозгов», то есть отъездом квалифицированных специалистов за границу. Впервые этот термин начал применяться именно по отношению к Ирану. Известно, например, что более половины врачей, кончающих иранские факультеты, выезжают на работу за рубеж. Сейчас в Нью-Йорке больше врачей-персов, чем во всей сельской местности Ирана. Из 40 тысяч студентов, которые обучаются за границей, большинство по разным причинам — моральным, материальным, семейным и политическим — не собираются возвращаться на родину. Проблему пытаются временно решить за счет найма тысяч иностранных специалистов, но это создает опасную ситуацию и стоит дорого.

«Образованным иранцам, видимо, не по душе этот оптовый импорт иностранцев,— пишет Фрэнсис Фицджеральд.— Они считают, что он... унизителен для них самих

увековечивает старую зависимость от Запада. Но практически, однако, это очень удобно. Иностранцы ничего не требуют, кроме денег, а если они и начинают доставлять какие-то хлопоты, их всегда можно немедленно вернуть восвояси». «Мы ограждаем правительство от необходимости иметь дело с народом его страны,— говорит по этому поводу один из американцев, живущих в Иране.— При существующем положении эта система удобна и для некоторых американских предпринимателей, и ряда американских государственных учреждений».

Приглашение иностранных экспертов, обучение студентов за границей, плата за новую технологию, патенты, лицензии — все это так называемый невидимый импорт. Он обходится в сотни миллионов долларов ежегодно. И на примере Ирана можно видеть, как долго странам, быстро развивающимся по капиталистическому пути, нужно будет платить дань Западу за свою технологическую отсталость.

Соль и вода земли

— Иран иногда называют страной с мертвым сердцем. Конечно, только в географическом смысле,— говорил Двинятинов.— Его обжитые районы окружают сожженные солнцем, враждебные человеку пустыни. Если в Сахаре или Аравии есть и оазисы и кочевники, то в глубине иранских пустынь редко найдешь живую душу.

— Почему?

— Главная причина — соль. Нет пресной воды. Иранские пустыни, особенно Дешт-е Кевир,— замкнутые бассейны. В них теряются зимние потоки с гор, высыхая и отдавая соль. В некоторых местах грунт на сотни метров вглубь состоит из смеси песка, гравия и соли.

— Что-нибудь найдено в пустынях?

— В геологическом смысле они по-прежнему загадка. Их центральные районы пока что никто не разведал. Опять же нет воды... Зато стоило нам копырнуть самую окраину — и раскрылся настоящий клад...

Мой собеседник Виталий Георгиевич Двинятинов был руководителем бафско-зарандской железорудной группы геологов. Вместе с ним и гидрогеологом Юрием Ивановичем Трусовым мы ехали в «газике» по кромке пустыни. Косые лучи солнца пробивались сквозь зимние обла-

ка и расцвечивали ее серебристо-серой краской там, где легла тень, грязно-бордовой на юге, лиловой на севере. Преобладали оттенки коричневого и оранжевого цвета. «Газик» прыгал по неровному дну каменистых долин, объезжал дымящиеся барханы и выветренные скалы. Иногда попадались гладкие, как стол, участки плотно сбитой глины, и несколько километров можно было гнать как на автостраде. Нас окружали горы без малейшего признака растительности. Сколько может быть точек зрения на один предмет? На этот раз я убедился, что по крайней мере две. Пока я любовался красками ландшафта, мои спутники-геологи перебрасывались короткими фразами-формулами о структурах горных пород.

Мы проезжали полузасыпанные песком оазисы, с глиняными куполами жилищ и полуразвалившимися заборами. Редкие корявые деревья жались к пыльным полям. Века и тысячелетия жизнь текла сонно и однообразно в этих краях, на стыке двух главных иранских пустынь — Дешт-е Кевира и Кевир-е Лута. Сейчас молодые индустриальные очаги бросили вызов мертвой пустыне и взбудоражили уставшие в борьбе за существование оазисы. Грохотали взрывы на Чогартском руднике, экскаваторы полными ковшами черпали разрыхленную железную руду, скрежетали стальные челюсти обогатительной фабрики. Зыбучие пески прорезала новая железная дорога. Из шахты Пабедана вагонетки вывозили уголь. Рабочие в спецодежде, стальных касках и с шахтерскими лампочками становились за рычаги горных комбайнов. Сегодняшние горняки еще вчера пасли скот или гнули спину на тощих полях. В пустыне появились поселки, построенные со свойственным иранцам чувством изящества. На малахитовой зелени их лужаек невольно останавливается глаз, измученный бесцветным небом пустыни.

— Месторождение Чогарт отмечено на картах с 1892 года,— рассказывал Двинянинов.— Но еще в 1949 году считалось, что в нем всего лишь 13 миллионов тонн руды. Здесь работали и японцы, и французы, и немцы. Они заявили, что у иранцев нет железорудной базы для своей металлургии. Я не думаю, что эти эксперты были невежественны. Может быть, они просто не хотели открывать руду...

В 1968 году советские геологи начали поисковые работы. Впервые в истории Ирана они провели аэромагнит-

ми съемки большой территории и обнаружили аномалии железорудной природы. Более детальные исследования показали, что промышленные запасы составляют по крайней мере 1,2 миллиарда тонн. Один лишь Чогарт скрывался целой горой богатого магнитного железняка — 170 миллионов тонн. Эти цифры отражали не только глубокие знания наших специалистов, но и честный подход к своим обязательствам, умение делать правильный геологический анализ.

Совсем не зря наш разговор зашел о соли и воде. Без воды, обычной, пресной воды, не смогли бы взять подземных богатств. Вода была, но только у отрогов гор, на кромке пустыни. Сверху островки зелени и человеческое жилье безошибочно находишь по линиям воронок — выходов оросительных каналов — «канатов». С самолета пунктиры кратеров кажутся перфокартой, или пунктированной лентой, на которой зашифрованы история, экономика, человеческие судьбы, страдания, успехи и поражения в борьбе с безжалостной природой. В Иране самые глубокие и длинные «канаты» построены недалеко от Бафка — в Йезде. Они достигают сорока трех километров длины и сорока метров глубины.

Наш «газик» остановился у колодца, в котором шла работа. Вниз уходили две джутовые веревки. Жилистый крестьянин раскручивал их с помощью рук и ног через примитивный барабан. Закрепив ногу в петле веревки, я начал спускаться в могильный мрак «каната». Когда небо наверху уменьшилось до светлого пятачка, я почувствовал под ногами чавкающую, скользкую грязь. Глаза привыкли к темноте, и при свете масляной горелки можно было различить две фигуры в глубине горизонтального забоя. Один из проходчиков отбивал породу киркой с короткой ручкой, другой руками набирал ее в кожаное ведро и оттаскивал к колодцу. То ли глухой ритмичный стон, то ли хриплая тихая песня послышались мне. Производительность труда?.. Да что говорить о ней. Сколько пота и жертв потребовалось на протяжении десятилетий, столетий, поколений, чтобы создать иранские подземные тоннели. Каким мастерством и чутьем должны были обладать проходчики, чтобы уловить, не ошибившись, водоносный слой, рассчитать уклон подземного канала, место его выхода на поверхность, расход воды. Строители «канатов» — самая почетная и хорошо оплачиваемая

профессия в иранской деревне, но сколько их каждый год гибнет...

Горная промышленность «канатами» обойтись, конечно, не могла. Гидрогеологи Юрия Ивановича Трусова действовали сначала в районе Заранда, а затем Бафка. Они применили современную технику, привезенную из Советского Союза, пробурили несколько скважин и смогли найти необходимую воду.

С Трусовым и его товарищами мы решили съездить в долину Котрума.

— На языке гидрогеологов мы называем ее разгрузочной и надеемся найти в ней самый крупный в районе Бафка источник воды,— сказал он.

Расстояние от Бафка до Котрума как будто бы небольшое — 60 километров, но гидрогеологи подозрительно посмотрели на мутную пленку на северной стороне неба и перед выездом погрузили в машину дополнительные канистры с бензином, большие бидоны с водой и термосы. Их предосторожность оказалась нелишней. Мы не преодолели и половины пути, как ветер окреп, закрутил вихри песка и превратился в пыльную бурю. Включили фары, но луч света пробивал пыльную стену лишь на несколько метров. Земля и небо смешались. Дышать стало трудно. Грудную клетку что-то сдавило, и на губах ощущался противный привкус. По «газику» с характерным шорохом били мелкие камешки, принесенные ветром. На счастье, в пыльной мгле мы увидели скалу. Она возвышалась над песками, как утес над морем. Там мы и укрылись. Через несколько часов небо просветлело и буря утихла. Мы обошлись «без потерь», только бок «газика» изменил свой цвет — песчаная буря жестким скребком стерла краску.

Солнце клонилось к горизонту, когда мы въехали в оазис Котрум. Он спрятался в узком каньоне между скал. Несколько глинобитных жилищ с плоскими крышами, рощица финиковых пальм (самая северная в Иране) и гранатовые деревья, школа, юноши в военной форме из «Корпуса просвещения», барханы, наступающие на бахчи,— вот и все селение. Крестьяне с радостными возгласами окружили «газик», приглашая выпить чаю.

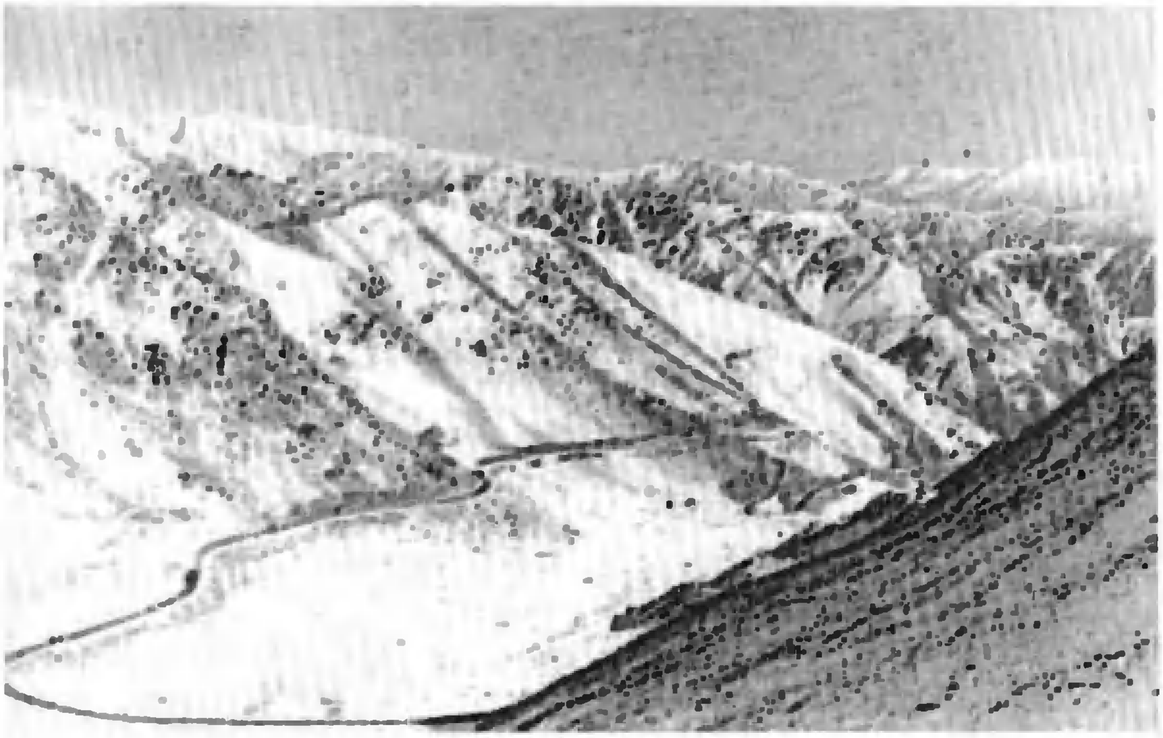
— Добро пожаловать, водный мастер, добро пожаловать, ага Турусоф,— приветствовали они Юрия Ивановича, как старого знакомого.

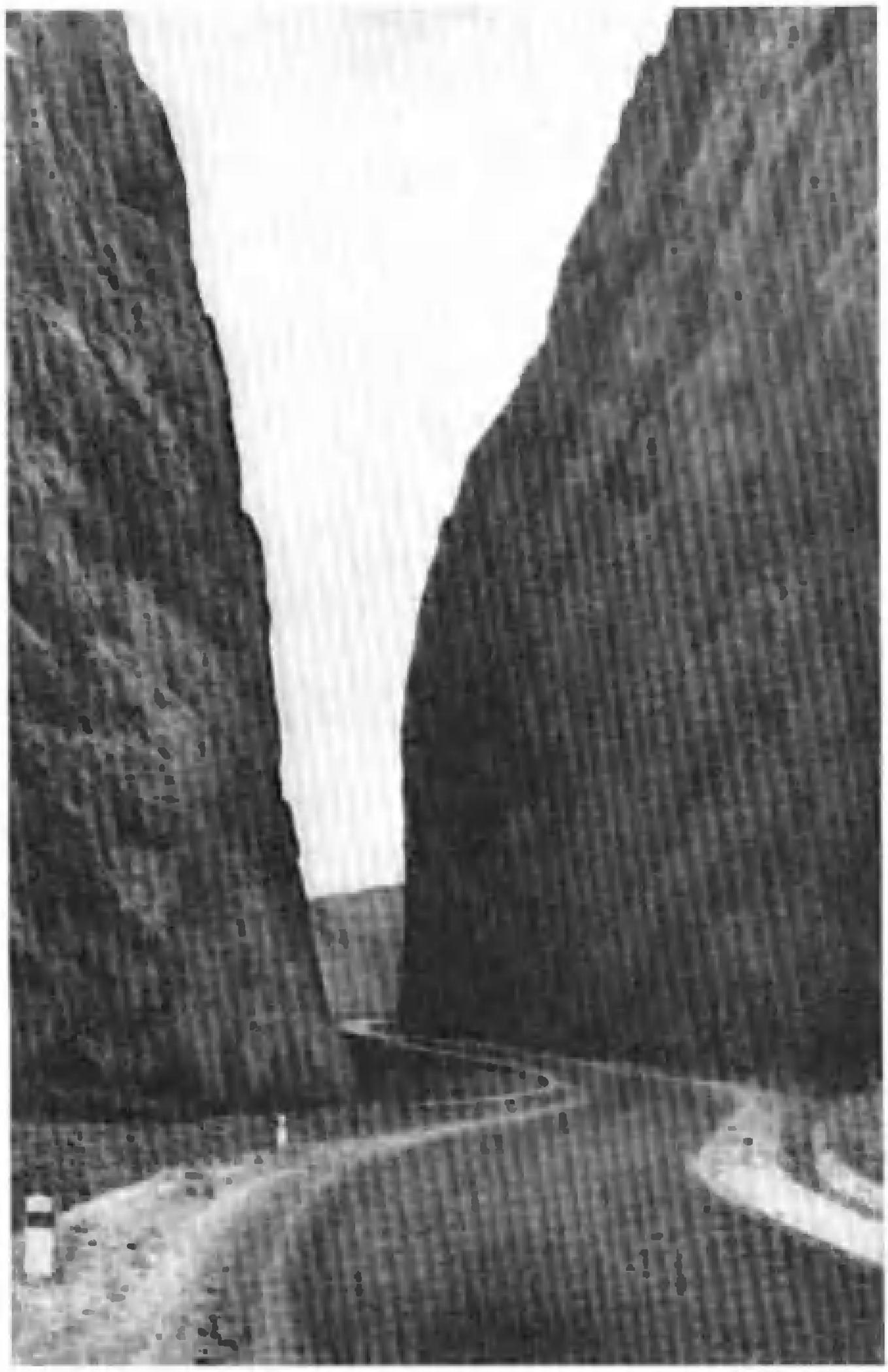
Афганцы

*Дорога из Кабула в Ма-
зари-Шериф через пере-
вал Салан*

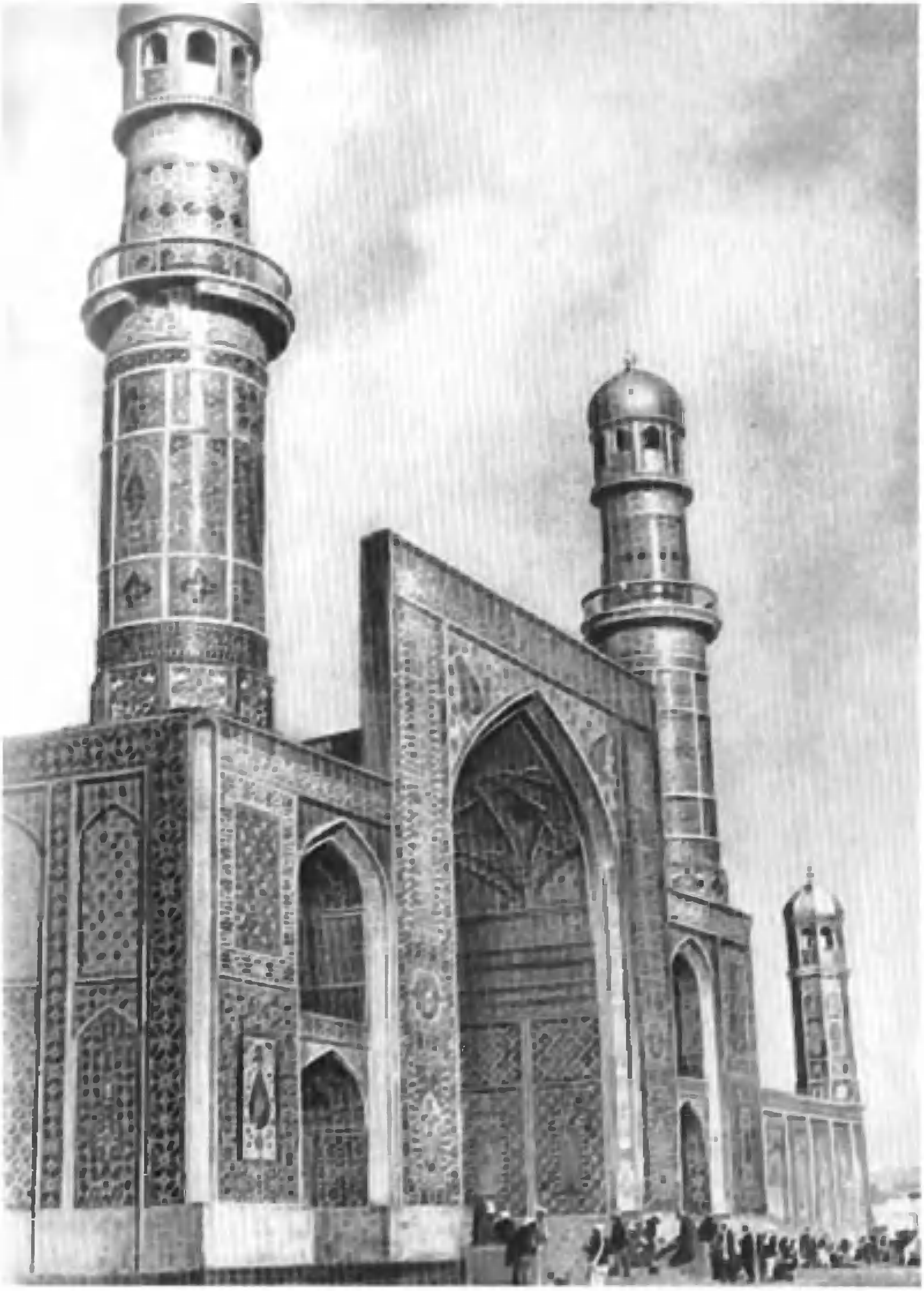

Уличные парикмахеры

Мечеть в Герате

Старик

У мечети в Мазари-Шерифе

Китайские девушки

В чайхане

В саду Джелалабада

Техникум в Мазари-Шерифе

Нефтепромыслы в Шебергане

Бамиан. Большой Будда

Гидро Балаи Ахар

Гидро Балаи Ахар

Национальная харчевня

На кабульском базаре дрова продаются на вес

Продавец корзин

Рано в полдень в Кабуле разбился пушечный выстрел

Дети Афганистана

На окраине оазиса в «твердь земную» вгрызались алмазные коронки бура. Прошло совсем немного времени, и помпы выбросили из скважины струю свежей, пресной воды.

И железорудные месторождения, и угольные шахты, и дороги, и источники воды — все это было тыловой базой главного — Исфаханского металлургического комбината. Он — основной объект советско-иранского сотрудничества и база тяжелой промышленности. Об Исфаханском комбинате довольно много писали, что даст мне право сократить свой рассказ.

Английский исследователь Питер Эйвери всего лишь в 1967 году утверждал в своей книге «Современный Иран»: «Вряд ли страна даже в отдаленном будущем станет независимой в производстве стали, за исключением небольших поставок для железных дорог». Долгие годы Иран пытался создать собственную металлургическую промышленность. Он обращался к развитым капиталистическим странам. Советы западногерманских, английских и американских специалистов сводились к одному: строить домны и конверторы в Иране убыточно, нецелесообразно. А тем временем его быстрорастущий рынок поглощал все больше импортных черных металлов. Без металлургической базы иранская промышленность не могла стать на ноги. Тогда Иран обратился за содействием к Советскому Союзу. Наши эксперты изучили его возможности и нашли, что Иран сможет создать собственную металлургию. В 1966 году было заключено соглашение, которое тегеранская газета «Кейхан Интернэшнл» назвала «поворотным пунктом в программе индустриализации Ирана». Советские поставки Иран обязался оплачивать природным газом.

Комбинат строился быстро, и в канун 1973 года за пульты управления разливкой стали сели двое — русский и иранец. Покатились тележки с чугуном, рухнул в грушу конвертора металлолом, многотонная махина начала вращаться, и вот из ее зева потекла огненная струя первой в Иране стали. Забилось индустриальное сердце Ирана. Полетели вверх кепки и каски строителей, пролилась кровь заколотых по этому случаю баранов.

Первая очередь даст 600 тысяч тонн продукции в год. Мощность комбината в ближайшие годы намечено довести до 4 миллионов.

Сооружая в Иране металлургический комбинат, машиностроительный завод, электростанции, элеваторы, создавая учебные центры, Советский Союз отнюдь не занимается благотворительностью. Мы честно сотрудничаем на основе взаимной выгоды, получая из Ирана газ, руду и многие нужные для нашей экономики товары. Мы пришли сюда как добросовестные партнеры и установили хорошие, деловые отношения с иранской стороной. Наше сотрудничество укрепляет независимость Ирана и способствует его экономическому прогрессу, так как позволяет получать из СССР как раз ту технологию и те предприятия, на строительство которых развитые капиталистические страны идут неохотно даже за наличные деньги. В советско-иранских учебных центрах готовятся квалифицированные рабочие и техники — бесценный вклад в прогресс страны. Экономическое развитие Ирана и укрепление его независимости отвечает и интересам Советского Союза.

И все-таки неужели только куплей-продажей, пусть даже целых заводов, ограничиваются наши отношения? Почему же тогда можно видеть слезы на глазах иранцев, провожающих наших экспертов? Почему такая теплая атмосфера царит за роскошными столами на проводах, где жареного фазана подают во всем великолепии его оперения и где в лучших традициях Омара Хайама льется золотое вино? Персы, работавшие раньше на Западе, признавались мне, что для них было откровением, с какой дотошностью, терпением и честностью передавали им свои знания советские инженеры и мастера, не скрывая «производственных секретов». На Исфаханском комбинате и других объектах не только формировались кадры рабочих и инженеров. Иранский административный и инженерно-технический персонал учился управлять массами людей. В Иране, где за фасадом стольких вещей и явлений скрывается совсем иное содержание, чем кажется на первый взгляд, советско-иранское сотрудничество воспринимается как безусловная реальность, потому что под него подведена прочная база взаимной выгоды и взаимного уважения.

У Исфахана особое место в современном Иране, как и в его истории и культуре. Я много раз приезжал в этот город и не уставал задавать себе вопрос, рука какого волшебника сотворила его голубое чудо — мечети и

дворцы. Они дышат изяществом, благородством, гармонией. Они удивительно легки, несмотря на свое величие, а их орнамент не утомляет, несмотря на свою сложность. Иранский художественный гений навсегда сплел с архитектурными линиями причудливый узор, который придает им экспрессию, делает их стремительными или, наоборот, мягкими. Преобладает прохладный голубой цвет — цвет отдохновения в палящий зной. Но словно специально для холодной зимы иранские зодчие добавили в орнаменты теплый бежевый оттенок. Из Исфахана хотелось навсегда унести в сердце жар солнца на бирюзе куполов, каменную музыку голубых аркад и минаретов, тонкое искусство чеканщиков по меди и серебру, легкую кисть миниатюристов. Но когда я возвращался в этот чудесный город с металлургического комбината, невольно думал и о том, что персы, известные миру высокими порывами художественного гения, давно тайли мечту применить таланты на поприще современной промышленной деятельности, ибо народ, идущий в ногу с эпохой,— не только художник, но и пахарь, и кузнец, и инженер, и экономист, и сталевар...

Потаенный смысл базара

Раньше сердцем городской жизни в Иране считался базар. Да и сейчас, чтобы почувствовать дух Тегерана прежних дней, его гость не преминет пройтись по бесчисленным рядам, крытым галереям, караван-сараям базара. Он будет нырять в полутьму коридоров, щуриться от солнечного света на двориках, освеженных небольшим бассейном и несколькими деревьями, вдыхать острый аромат пряностей и запахи погуще, слушать перестук медников, любоваться бесконечным многообразием ковровых узоров, пытаясь расшифровать мелодию линий, полифонию красок. И уж если я упомянул о коврах, то не могу не рассказать о них поподробнее...

О персидских коврах сочиняют стихи, рассказывают легенды и пишут трактаты. Им посвящают жизнь мужчины и женщины. С раннего детства, день за днем, год за годом, создатели ковров живут в мире узоров и красок. «Иранские ковроткачи,— говорил известный американ-

ский эксперт из музея „Метрополитэн" Д. Петерсон,— творцы, которые не ведают цены своему творению».

«Ковер ручной работы — произведение искусства, а не просто теплая подстилка»,— категорически утверждал тридцатилетний мастер иранских ковровых рисунков Абдоль Хасан Мусави. Рисунок персидских ковров, кажущийся непосвященному бесконечно разнообразным, имеет свою классификацию — «бута» (куст или крона дерева), «шах Аббас», «цветок хны», «треугольник», «лимон», «мозаика», «ива»...

Узор «бута» — один из самых традиционных и старых. Объясняют его по-разному. Одни видят в нем крону кипариса, другие — девушку в чадре, склонившую голову, третьи — прихотливо стилизованную форму листа, четвертые — просто абстрактное сочетание линий и красок. «Бута» известен всем ткачам страны, но особенно им славится Керман, где разработано такое множество узоров этого типа, что редко можно найти два одинаковых.

Узор «шах Аббас» — стилизация растительного орнамента исфаханских мечетей. Его основа — изогнутые линии, окаймленные изображением цветов и листьев. «Шах Аббас» встречается на коврах Исфахана, Кашана, Кермана, Мешхеда...

Узоры персидских ковров можно еще разделить на две большие группы — «деревенские», состоящие из ломаных линий, и «городские», образованные изогнутыми линиями. Ломаный узор не требует предварительного рисунка на бумаге. Перенял от отца основную идею рисунка, ткач передает свое искусство сыну. Но хитросплетения изогнутых линий настолько сложны, что по памяти их воспроизвести очень трудно. Поэтому художники готовят сначала эскиз, иногда затрачивая на него многие месяцы, а затем передают его ткачам. Лучшие мастера изготовляют ковры только по эскизам. Качество работы определяется количеством узелков на квадратном сантиметре.

Но настоящий мастер, перенося в узелки цветных линий и пятен готовый рисунок, тоже становится художником, начинает импровизировать. Если художника по коврам сравнить с композитором, то ткач будет исполнителем.

Пальцы ткача гибки и проворны, как пальцы скрипача или пианиста. Они мелькают так быстро, что их не видно. Самые изысканные узоры и тонкие узелки получа-

ковер, когда ковер ткут дети. Да, лучшие ткачи — дети. Это объясняется не только тем, что у них маленькие ручонки и нежные пальцы. Может быть, взгляд ребенка особенно свежо и остро воспринимает краски и линии окружающего мира и находит лучшее воплощение замыслов художника по коврам.

Однако согнувшиеся в пыльных мастерских тысячи ткачей-крошек — это серьезная социальная проблема. Принимаются меры, ограничивающие детский труд, но пока они малоэффективны. Хотя отделения ковроткачества открыты и в школах изящных искусств, и в училищах народных промыслов, эксплуатация детского труда продолжается.

Путь ковра начинается раньше, чем на станке появится первая нить. Истинные ценители предпочитают старые ковры. Дело в том, что в течение нескольких лет меняется сама материя ковра и оттенки красок. Если ковер старый, ему уже не грозят изменения.

Согласно легенде, знаменитый ковер «Бахаристан», покрывавший пол Ктесифонского дворца в столице древней Сасанидской империи, был соткан из золотых и серебряных нитей и украшен драгоценными камнями и жемчугом. Ныне иранские ткачи используют материал куда более прозаичный — шерсть и шелк, но в основном — шерсть. Отнюдь не всякая шерсть подойдет для ковра. Шерстинки должны быть тонкими, крепкими, эластичными и хорошо впитывать краски. Лучшая шерсть для ковров настригается со спины и шеи овец особых пород. В шерсти ищут первооснову будущих красок — белой, черной, голубой.

Современные синтетические краски имеют больший спектр, чем растительные, и стоят дешевле. Но они не обладают радужностью, блеском, игрой и стойкостью растительных. Иранские мастера внесли в рисунки такие цвета, как пурпурный, лазоревый, все оттенки кремового, гранатовый, нежно-зеленый и другие. Если Страдивари́ус в самой структуре дерева уже слышал нежный голос скрипки, то иранские ткачи, вобравшие опыт десятков поколений, видят в красках будущие волшебные переливы ковров.

Один из известнейших в Иране знатоков ковров, Хосейн Солейман, рассказывал: «Возьмем, например, янкорастущую марену. Из ее корней извлекается гамма кра-

сок от красно-кирпичного до темно-красного. Но мастера знают, что надо использовать корни растения не старше девяти лет. Если марена старше, ее краски быстро блекнут. Растение куркума дает желтые оттенки. Если смешать краски куркумы с синим индиго, получится зеленый цвет. Чтобы добиться нежных бежевых тонов, используют кору луристанского дуба. Если смешать ее с красителем из кожуры граната, пряжа приобретает темно-кофейный цвет... Да разве можно перечислить все невообразимое богатство растительных красок?»

Ковер окончен и брошен под ноги прохожим перед дверьми мастерской или лавки, чтобы его потоптали и сделали ворс мягче. Затем вымыт. Теперь он готов выдержать суд самого строгого ценителя...

...Базар в Иране — не просто крытые улицы лавок, не просто купля-продажа и толчея, не просто внешние атрибуты торгового средоточия. Если мы попытаемся понять его сокровенный смысл, то обнаружим, что базар — целый социально-экономический, политический и этический феномен. При внимательном рассмотрении мы найдем в нем и иерархию купеческих объединений и ремесленных гильдий, и групповую солидарность торговцев, несмотря на жестокую конкуренцию, и клановые родственные связи, и даже свои правовые нормы. Хотя в Иране внедрены основы уголовного и гражданского кодексов, скопированных с европейских образцов, базар предпочитает использовать арбитраж на основе обычного или мусульманского права, решая споры быстрее, дешевле и проще, обходя медлительные суды и взяточничество.

Сейчас кажется, что самый большой в стране знаменитый тегеранский базар пришел в упадок. Строительство караван-сараев прекратилось. Некоторые торговые ряды, особенно на южной стороне, покинуты и превратились в ночлежки для бедноты.

Однако не будем видимость принимать за действительность. Движение города вверх по склонам Эльбурса вывело торговцев из крытых галерей на улицы Лалезар, Истанбули, Надери, где образовались как бы сливающиеся друг с другом огромные универмаги. Но это не все. Воротилы тегеранского базара раскинули сети по всему городу и стране. Они сосредоточили в своих руках оптовую торговлю, едва ли не половину экспортно-импортных операций, исключая, конечно, нефть.

Базар исстари был одним из барометров общественного мнения (а по временам и важнейшим). Перед ним трепетали неудачливые правители, а из его закоулков вырывались фанатичные толпы. Тесно связанный с мусульманскими богословами и подчиненный их духовному влиянию, он долгие годы выступал оплотом консервативных, реакционных сил, смотревших в прошлое и сопротивлявшихся внедрению сверху западных модернистских стандартов. Будучи потенциально заинтересованным в буржуазных реформах, имея кадры и капиталы для участия в новых видах бизнеса, базар все же принял эти реформы лишь после долгой борьбы.

К реформам, которые официально именовались «белой революцией», а потом «революцией шаха и народа», приступили в Иране в начале 60-х годов. В тот момент, как, впрочем, и сейчас, рабочий класс не был политически организован. Иранское общество состояло главным образом из феодально-помещичьей верхушки и полукрепостного, нищего, забитого, неграмотного крестьянства. Прослойка иранских разночинцев, активной части интеллигенции, городской мелкой буржуазии, не подчиненной влиянию базара, была дезорганизована, разбита, бессильна. Требования перемен, преобразований стучались в дверь, но они наталкивались на глухую стену сопротивления со стороны феодальной оппозиции и мусульманского духовенства, которые не желали расставаться со своими привилегиями. Подобное положение становилось нетерпимым, и это понимали наиболее дальновидные представители «верхов».

Первые попытки провести реформы через меджлис кончились неудачно, так как большинство в нем составляли представители крупных помещиков и феодальных кланов. Соотношение сил не изменилось и после внеочередных выборов осенью 1960 года. В мае 1961 года был распущен вновь избранный парламент. В январе 1962 года верховная власть приняла закон об аграрной реформе и приступила к его осуществлению без утверждения меджлисом. В сентябре 1963 года изменили избирательный закон, и после новых выборов парламент послушно проголосовал за реформы.

«Верхи» были вынуждены выполнять некоторые требования «низов», так как чувствовали, что сидели на вулкане. Они проводили реформы с целью превратить капи-

тализм в господствующую систему во всех сферах экономической, политической и общественной жизни. Произошла определенная классовая переориентация государственной власти. Сравнительно мирным путем она отрывалась от своей феодально-помещичьей основы и трансформировалась в объективного выразителя интересов национальной буржуазии со всей спецификой монархического режима. Таким образом, государство в условиях Ирана, как и ряда других стран Ближнего и Среднего Востока, волей-неволей приняло на себя функции насильственного осуществления буржуазных преобразований, сочетающихся с мерами «осовременивания» иранского капитализма. Государство, применяя рычаги, находящиеся в его распоряжении, способствовало, в частности, эволюции феодальных помещиков в капиталистических предпринимателей. Главной составной частью преобразований была аграрная реформа, но о ней речь впереди.

Национальная буржуазия сначала не желала вкладывать капиталы в промышленное развитие. Она получала значительные доходы от экспортно-импортных операций и довольствовалась ими, выступая фактически в качестве агента крупного международного капитала. Именно государственный сектор направил средства на развитие инфраструктуры, железных и шоссейных дорог, телекоммуникаций, плотин и ирригационных сооружений, в воздушный и водный транспорт, в тяжелую промышленность. Крупные доходы от нефти позволяли государству не только вкладывать деньги в создание промышленности и затыкать дыры в бюджете, но и содержать крупную и постоянно увеличивающуюся армию, покрывать расточительность государственного аппарата, его неэффективность и коррупцию.

Национальная иранская промышленность была защищена от иностранной конкуренции таможенными пошлинами. Государство ввело для нее различные налоговые льготы, открыло краны кредитования. Дети купцов образовали хребет нового класса — национальной буржуазии, алчной, хваткой, беспощадной. Бизнесмены новой формации стали перемещаться вверх по шахматной доске Тегерана, наполнять роскошные особняки коллекциями старых ковров, средневековых миниатюр, музейного оружия. Они делали ход конем, занимая позиции в промышленно-

ство и строительстве, переходили от счетов и простейших арифмометров к компьютерам. Если в 1960 году в Иране не было ни одного предприятия с оборотом в 5 миллионов долларов, то сейчас таких частных предприятий более сотни.

«Шахрияр» относится как раз к тем концернам, которые росли особенно быстро. Он создал собственный банк и впервые в Иране продемонстрировал сращивание банковского и промышленного капиталов. Его примеру последовали другие. Недавно «Шахрияр» организовал три компании с общим капиталом в 400 миллионов долларов.

В стране за последние годы появились крупные капиталистические объединения, которые монополизировали производство стального проката (за пределами Исфаханского завода), стирального порошка и бытовых приборов, обуви и автомашин, хлопчатобумажных тканей и искусственного волокна. Хотя в промышленности нередки высокие прибыли, многие не выдерживают конкуренции местных гигантов. Каждый год прекращают существование сотни фирм, а позиции монополий укрепляются.

По мнению Марвина Зониса, верховная власть в Иране не обладает прямыми рычагами воздействия на национальную экономику. «Редкие промышленные или коммерческие предприятия в Иране открываются без благословения шаха,— пишет он.— Чтобы обеспечить это благословение, шаху часто делается подарок в виде части акций нового предприятия. Точно так же Реза-шах, его отец, получал поместья от элиты, которая хотела добиться его расположения. В других случаях шах или члены королевской семьи вкладывают личные средства в местные коммерческие предприятия. В результате по крайней мере у какого-нибудь члена семьи Пехлеви есть законный голос в управлении почти всей промышленностью и торговлей Ирана».

До сегодняшнего дня государство активно вмешивается в деятельность частного сектора. Здесь играют роль и субъективные, и объективные факторы. Значительная часть буржуазии только «выскакивает» из халата торговца изюмом и в массе представляет собой лишь первое поколение предпринимателей. Она опьянена успехом экономической скачки, но не обладает кругозором для современного бизнеса. Так, например, многие пред-

почитают сохранять акции фирм в руках одной семьи, близких или дальних родственников.

В 1972 году в Иране было всего 10 тысяч держателей акций, которые и составляли верхушку иранской буржуазии. Но масштабы производства меняются. Если лет десять назад было достаточно 2,5 миллиона долларов, чтобы основать крупное по условиям Ирана предприятие, то сейчас для этого нужно по крайней мере 25—50 миллионов, а в ближайшее время потребуется 100 миллионов. Такие вложения оказываются не под силу лицам, связанным только семейными узами. Поэтому правительство заставляет предпринимателей распродавать часть акций мелким держателям. Таким образом предполагается расширить рынок капиталов для индустриализации, с одной стороны, а с другой — переложить часть коммерческого риска с крупных держателей на мелких. Под давлением правительства декларации о распродаже сделали сотни крупных корпораций, но результаты еще требуют изучения.

Дети купцов начинают понимать, что современная деловая хватка — не эквивалент хитрости и умения обмануть контрагента. Они устремляются в «школу менеджеров» — единственное учебное заведение в Иране, которое работает с безусловным успехом. Оно создано по модели «школы бизнесменов» при Гарвардском университете США, и у большинства его слушателей шести-семилетний стаж работы. После года учебы менеджеры получают диплом, который гарантирует им удвоение или утроение зарплаты. Вся программа построена на практическом освоении бизнеса без теории. Слушатели изучают ситуации на примерах, взятых из жизни. Пока лишь 20 процентов всех деловых ситуаций иранские, но их надеются довести до половины. В школу принимают иностранцев, чтобы поощрить обмен опытом бизнесменов из разных стран.

При мне был задан вопрос, стоит ли компании, которая производит помидоры и продает их через оптовиков, создавать собственную распределительную сеть. Группа в составе коммерсанта, инженера, экономиста изучила возможные расходы, спрос, конкуренцию и наконец дала положительный ответ. К слову сказать, слушатели ошиблись, потому что на практике компания прогорела на этом деле, так как не учла морального фактора — воз-

действия оптовиков на розничных торговцев и отношений, сложившихся между ними за многие годы.

Какое же место в иранском обществе занимает сама национальная буржуазия, выросшая и окрепшая за последние полтора десятка лет? Долго ли она будет ограничиваться ролью ведомого? Не столкнутся ли ее интересы с государственной властью в ее нынешней форме? Пока что эти вопросы остаются без ответа. Но вполне определена тенденция вырваться из-под «отеческой», но жесткой опеки государства.

«Мы не можем быть и капиталистами и социалистами одновременно,— говорил в беседе со мной Али Резайи.— Мы — за то, чтобы правительство нас защищало, проводило политику протекционизма. Но есть разница между защитой и участием. Без правительственной помощи у нас не существовала бы индустрия. Государственные вложения должны идти через банки, но направляться в частные предприятия. Дело государства — налоги и кредитная политика». Для предпринимателя, ворочающего капиталами в сотни миллионов долларов, участие государства в производстве означало «социализм», и он был категорически «против».

«Сейчас на базаре по очевидным причинам нет политически организованных групп, находящихся в оппозиции к правительству,— писал американский исследователь Густав Санс в сборнике „Иран перед лицом семидесятых годов".— Недовольство правительством принимает форму обвинения в коррупции и неэффективности, в особенности налоговых чиновников. Молодежь на базаре гораздо более критически высказывается о правительстве, чем их отцы. Хотя большая часть критицизма основывается, как представляется, скорее на слухе, чем на факте, нет сомнения, что в стране существуют социально-экономические и политические проблемы».

Экономическая скачка в Иране усугубила социальное расслоение. Разрыв в уровне жизни «верхов» и «низов» увеличился. Чтобы увидеть, как обстоят дела в городе, приведу данные, которые являются редчайшим примером публикации такого рода в иранской печати. «В городе на 50 процентов семей приходится 18 процентов расходов, а на 11 процентов самых обеспеченных семей — 40 процентов расходов,— писала газета „Кейхан Интернэшнл".— Однако так как первая группа вынуждена

тратить почти все свои доходы, а вторая — значительную часть доходов направляет во вклады и сбережения, то разница в распределении богатств будет разительнее, если использовать цифру доходов, а не расходов».

За последние годы жизненный уровень некоторых слоев иранского населения вырос, но они сталкиваются с проблемами более развитого общества: дороговизной, особенно жилья, нервной нагрузкой больших капиталистических городов. По болезням сердца, неизменному спутнику промышленного развития, Тегеран догнал развитые страны Запада.

Азбука классовых противоречий не остается секретом для режима, и он стремится если не предотвратить, то хотя бы максимально ослабить социальные конфликты. «Внутри страны наша задача — создать средний класс, который обеспечил бы нам стабильность,— говорил в беседе со мной Месбах-заде, директор газетного объединения „Кейхан“.— Раньше у нас были очень богатые и очень бедные. Сейчас прослойка богатых крестьян, чиновников, квалифицированных рабочих образует наш средний класс». Так называемый средний класс должен отличаться консервативностью и быть против революционных изменений.

«Верхи» пытаются упредить социальные волнения, сгладить остроту классовой борьбы, ни в коем случае не дать рабочему классу организоваться. Если в некоторых других развивающихся странах к этой проблеме подходили интуитивно, то здесь с самого начала действовали сознательно. Государство ломало сиюминутный эгоизм иранской буржуазии во имя более широкого эгоизма стабильности строя. Оглядываясь вокруг и видя социальные и материальные завоевания рабочих в других странах, и в особенности в социалистических, «верхи» были вынуждены делать кое-что хотя бы для части рабочих.

Я был в поселках нефтяников, этих вкраплениях благополучия в окружении пусть не нужды, но во всяком случае нехваток. Видел больницы, рабочие клубы (конечно, отдельно от клубов инженеров и служащих), бассейны для плавания, спортивные залы, бары, подстриженные лужайки. За тяжелый труд в адовом климате (летом до 50 градусов жары при 99 процентах влажности) нефтяники получают приличное по иранским масштабам воз-

заграждение. Их не стоило бы сравнивать, например, с революционными бакинскими рабочими. Но мне в память врезалась одна деталь: в Ахвазе, рядом с жилым городком трубопрокатного завода — филиала ИННК, я увидел современную тюрьму с вышкой. Соседство было случайным, но смысл его мне показался символичным — выбирай: или тюрьма, или кондиционированный оазис, то пристанище в котором ты должен быть смирным и вкладываться на работе. Могущество САВАК, ее роль и методы слишком хорошо известны, и тот, кто бросает им вызов, знает, на что идет.

«Сдержанность иранцев не удивительна, учитывая, что Иран представляет собой полицейское государство,— писал Фрэнсис Фицджеральд в журнале „Харперс".— Тайная полиция, сокращенно именуемая САВАК, имеет агентов в вестибюле каждой гостиницы, в каждом государственном учреждении и в каждой университетской аудитории. В провинциях у САВАК есть служба сбора политической разведывательной информации, а за границей она следит буквально за каждым иранским студентом. По неофициальным подсчетам, число агентов САВАК составляет 70 тысяч человек, то есть один агент приходится примерно на 450 иранцев, но эти цифры во многих отношениях потеряли свой смысл. Сами сотрудники САВАК говорят, что неоплачиваемых осведомителей у них больше, чем платных агентов. Эти осведомители и агенты в основном сосредоточены в высших слоях иранского общества, и поэтому в определенных кругах уже не столь важно, кто принадлежит к САВАК, а кто нет. Образованные иранцы не могут доверять ни одному человеку за пределами узкого круга своих друзей, и для них практически ничего бы не изменилось, если бы даже агентами тайной полиции стали все остальные жители страны.

САВАК дополнительно усиливает этот страх, ничего не сообщая о своей деятельности. Люди в Иране просто исчезают, и их исчезновение никак не фиксируется. Время от времени на Запад просачиваются обрывки каких-то сведений. Так, например, известно, что Вида Халжеви Табризи, преподавательница социологии из Тегеранского университета, находится в тюрьме с середины 1972 года, куда она была брошена без суда, и там ее подвергают жестоким пыткам. Когда ее арестовали, расска-

зывает одна из шведских газет, она обследовала „условия жизни крестьянского населения Ирана“. Шах утверждает, что в его стране нет политических заключенных (коммунистов, объясняет он, следует считать не политическими, а обычными уголовными преступниками)... Число политических заключенных в Иране достигает более 20 тысяч человек». Фицджеральд отмечал далее: «Именно американцы вместе с израильтянами (которые нуждались в иранской нефти) создали САВАК и обучили ее сотрудников».

«Элита»

Помню коктейль для прессы, который был частью праздника по случаю десятилетия «белой революции». Он проходил на верхнем этаже роскошной гостиницы «Шератон». Из зала был виден ночной Тегеран, залитый огнями, и персидский поэт назвал бы его, наверно, «садом света». На коктейле присутствовали многие высшие чиновники и министры. В Иране я увидел, что такое по-настоящему холеный человек. Какими белыми бывают ухоженные руки с аккуратно вычищенными розовыми ногтями. Добавьте к ним волосы с серебром, обрамляющие ясный лоб, распушенные бакенбарды, изысканную одежду, обаятельную улыбку, источающую доброжелательность и спокойствие. Один из двух лифтов в гостинице испортился. В небольшой очереди встретились два роскошных, «вальяжных» аристократа.

— Сегодня счастливейший день в моей жизни,— говорил один.

— Сегодня праздник моей революции.

— О, что вы, что вы, это — моя революция,— отвечал другой, и лицо его дышало искренностью и благородством.

Проникнуть в тайники экономической и политической власти, которая, по общему мнению, представлена в Иране тысячью семей, мне по вполне понятным причинам было невозможно. «Тысяча семей» — понятие условное. Может быть, их несколько меньше, может быть,— несколько больше. Трудно определить, какой из мелких кланов обладает достаточным могуществом и связями, чтобы считаться частью этой «тысячи». Во всяком случае будем употреблять это число, имея в виду, что господст-

ющая прослойка в Иране — не сотни семей и не тысячи, а именно «тысяча».

О характере «тысячи семей», их взаимоотношениях, поведении, психологии рассказывает исследование Мариан Зониса «Политическая элита Ирана». Эта книга продавалась в тегеранских магазинах, и в иранской прессе я не встречал ни критических высказываний в ее адрес, ни опровержений. Учитывая, что автору было официально разрешено собирать материал для работы, будем пользоваться некоторыми его наблюдениями, хотя и сознавая невозможность перепроверки ряда фактов. Конечно, с точки зрения нашей строгой методологии можно найти много слабых сторон у Зониса, хотя бы в самом термине «политическая элита», который нам чужд и не носит классового характера.

В «политическую элиту» автор включает даже некоторых врачей, астрологов, мастеров верховой езды, но он сам же находит одну общую черту для ее представителей — служба в правительстве, при дворе, в гражданской или военной администрации. Поэтому в иранских условиях «элита» становится синонимом высшего эшелона в государственном аппарате.

Самые влиятельные люди в иранской политике, как правило,— представители бюрократии. Раньше вес и влияние «элиты» определялись крупными земельными владениями в сочетании с постами внутри государственной машины. Сейчас старая база в значительной степени подорвана. Но важно отметить, что, по мнению Зониса, дети базарных воротил, то есть представители национальной буржуазии, составляют менее одной пятой от общего числа самых влиятельных людей страны.

Главный источник обогащения «элиты» — нефтяные доходы — находится в руках правительства, и контроль над ним осуществляет верховная власть. Поэтому сейчас «тысяча семейств» больше зависит от государственной власти, чем когда бы то ни было. «Как относительно, так и абсолютно нынешний монарх обладает большим могуществом, чем его отец или какой-либо правитель Ирана в прошлом,— утверждает исследователь.— Он лично, без помощи советников или доверенных лиц принимает тысячи решений, которые позволяют правительству функционировать. От назначений и продвижений офицеров армии и до решения асфальтировать или нет глав-

ную улицу в каком-либо провинциальном городе его императорское величество является арбитром». Премьер-министр Амир Аббас Ховейда сохраняет свой пост дольше, чем любой другой глава кабинета в текущем столетии. Тем не менее, когда корреспондент «Кейхан Интернэшнл» однажды спросил его, как долго он сохранит свой пост, Ховейда ответил: «Это — не в моих руках. Но я работаю так, как будто я собираюсь остаться на этом посту тысячу лет, и в то же самое время я готов подать в отставку по первому требованию».

Фрэнсис Фицджеральд приводит следующую структуру иранской государственной машины: «За законодательным собранием стоит чиновничий аппарат правительственных учреждений, а за чиновничьим аппаратом — шахский двор. Чиновники двора, с его шахским инспекторатом и другими многочисленными департаментами, выполняют роль как бы теневого правительства по отношению к министрам и Иранской национальной нефтяной компании. За министрами и двором шпионит ведомства безопасности, в том числе САВАК и военная разведка. Шах стоит в самом центре, контролируя все проходы в этом лабиринте... Буквально все имеет свой противовес. Для каждой организации существует парная, и интересы этих организаций постоянно приходят в столкновение или порождают соперничество между ними. Каждый, кто занимает сколько-нибудь важный пост, имеет где-нибудь в правительстве двойника, у каждого важного чиновника есть свои соперники».

По мнению Зониса, перераспределение богатства внутри «элиты» идет не только с помощью высоких окладов и подарков, но прежде всего путем прямой и широкой коррупции. Несмотря на то что почти все опрошенные исследователем придерживались мнения, что коррупция не полезна Ирану, в подавляющем большинстве они не считали, что ее необходимо уничтожить. «Мне постоянно напоминали,— пишет он,— что честный дурак не так уж хорош, как слегка коррумпированный, но умный человек, которого можно контролировать».

Все требования, идущие «сверху», «вырвать коррупцию с корнем» остаются призывами, хотя приняты и особые законы и создана система инспекций. Изредка тегеранская печать начинает кампанию за чистку государственного аппарата, но, как правило, быстро ее сворачи-

шет, как бы исполнив необходимый ритуал. «Коррупция — это раковая опухоль на теле нации»,— метала громы и молнии одна тегеранская газета. Но ее гнев быстро остыл.

По словам Зониса, «члены элиты» прилагают максимальные усилия к приобретению материального богатства, чтобы обеспечить себя на черный день, когда кто-нибудь из них лишится власти.

Автор выражает сомнение в способности этих людей модернизировать Иран. «Элита не в состоянии демонстрировать самодисциплину, которая требуется, чтобы выполнять амбициозные проекты монарха. Организованная главным образом только для того, чтобы удовлетворять собственные материальные запросы, элита не хочет пойти на самопожертвования, которые от нее требуются».

Изучая поведение иранских «верхов», Зонис пришел к выводу, что их отличают четыре основные особенности — политический цинизм, личное недоверие, явно выраженное отсутствие чувства безопасности и эксплуатация личных отношений. Один из иранцев, принадлежащий к «элите», вернее только пробивающийся вверх по иерархической лестнице, так говорил исследователю: «Чтобы стать выдающимся на любом поле деятельности в Иране, требуется вкус к коррупции и к личному разложению». Естественно, что, когда определяющий принцип поведения — стремление к личному обогащению,— остальные принципы отбрасываются или играют второстепенную роль.

Один из иранцев так объяснял Зонису свое отношение к принципам: «Идеи, слова в иранском обществе — это оружие, которым пользуются, чтобы добиться власти. Ни один человек из тысячи не верит в то, что он говорит, для него слова — средство достижения успеха. Века ассимиляции победителей сделали нас неспособными к истинной вере. Мы говорим „да-да“, когда имеем в виду „нет-нет“». (Замечу в скобках, что под словами «общество» и «иранцы» следует подразумевать высший эшелон бюрократии.)

Афоризм «Скрывай твое золото, твои цели, твою веру» распространен в высших кругах. В таком же духе представители «элиты» воспитывают и своих детей. Вот одна из детских игр: группа мальчиков садится в круг и за-

водила начинает тянуть за нос, щекотать и щипать одного из них. Его жертва делает то же самое с соседом — и так по очереди. Тот, кто не в состоянии контролировать свои эмоции,— хихикает, морщится или ерзает, считается проигравшим. Игра продолжается до тех пор, пока не останется победитель — ребенок, который наиболее успешно скрывает свои чувства.

Маскировка подлинных мыслей — важная черта шиитской идеологии и ее этических принципов. Ее использовали еще в первые века ислама. Иранские шииты избегали репрессий со стороны арабских или тюркских хозяев — суннитов, скрывая свои религиозные убеждения. В тех условиях сокрытие истинной веры считалось признанной и даже почетной мерой. Эта тактика, в сущности оружие слабого против сильного, была так необходима и полезна для самозащиты в делах религии, что, естественно, распространилась и на дела мирские, на отношения между людьми.

Однако подобное поведение противоречит этике древнего Ирана. Геродот, например, утверждал: «Воспитание мальчика проходит в период между пятью и двенадцатью годами. За это время его учат только трем вещам: ездить на лошади, пользоваться копьем и говорить правду». Ахеменидская надпись в Западном Иране гласит: «Так говорит Дарий-царь: тот, кто может быть царем, должен остерегаться лжи».

Взаимным недоверием среди членов «элиты» многие объясняют неэффективность, которой поражена государственная бюрократия. Чем больше недоверия, тем больше бумажной работы, стремления перестраховаться, избежать ответственности, переложить ее на других.

Средствам массовой информации не доверяет бо́льшая часть людей, опрошенных Зонисом. Лишь шесть процентов из них утверждали, что газеты, телевидение и радио «обычно или почти всегда» заслуживают доверия. Поэтому, чтобы разобраться в обстановке, многие в Иране ориентируются на слухи, которые в их глазах принимают достоверность фактов. Большую роль играют и узкие кружки друзей, с которыми говорят более или менее откровенно. Так как член одного кружка может быть одновременно членом другого, то создается цепочка «доверенных лиц», и иногда самые секретные решения правительства быстро становятся достоянием базара.

Представители «элиты» могут позволять себе остроумно критические замечания в свой адрес, но это не мешает им считать себя выше всех людей на свете. «Одна из особенностей иранцев,— замечает Зоннс,— это убежденность в том, что они превосходят как морально, так и интеллектуально всех окружающих. Один из наблюдателей иранской жизни утверждал, что мания величия настолько обычна в Иране, что ее социально приемлют как безопасную. Персы убеждены и в личной исключительности, и в исключительности самого Ирана. Постоянно делаются ссылки на ряд таких „исключительных" фактов, как непрерывность иранской истории, величие прошлых монархов, особый характер национальной и официальной религии Ирана и, конечно, постоянную способность Ирана „завоевывать своих завоевателей"». Здесь, как и в большинстве случаев, хотелось бы поправить Зонпса, сократив круг «иранцев», о которых он говорит. Но националистические чувства, подогреваемые экономическими успехами страны, присущи не только высшим чиновникам и буржуазии. Национализм распространяется волнами по всей бюрократической прослойке, захватывает часть интеллигенции, рабочего класса, не говоря уже об армии. Молодые писатели, газетчики, радио- и телекомментаторы успешно внедряют в язык древнеперсидские слова вместо арабских. Дело не зашло так далеко, как в Турции, но разрыв в языке отцов и детей велик. Традиционные арабские имена Мухаммед, Али, Аббас меняются на чисто персидские: Хосров, Дарьош, Курош — для мальчиков, Азар, Парвин — для девочек. Если в прежнем поколении национализм в Иране носил оборонительный характер и был направлен против засилья иностранцев, против империализма и колониализма, то сейчас он превращается в чванливый шовинизм и становится наступательным.

Но, оценивая иранский национализм, не будем возводить его в абсолют и принимать за чистую монету. «В Иране все кажется немного не таким, как в действительности,— пишет Фицджеральд.— Иностранец обнаруживает там за надменностью неуверенность, за бурной радостью — печаль. И эта действительность вполне может оказаться единственным реально существующим принципом в Иране».

Дорога в Хорасан

На старую хорасанскую дорогу мы решили выехать из Тегерана часов в пять утра, чтобы не терять время в автомобильных пробках. За спиной остались центральные и северные районы иранской столицы, где роскошные магазины сверкают стеклом и никелем и заставляют думать о нефтяном буме и нефтяных деньгах.

Город просыпается рано. На тротуаре у министерств уже стучали на машинках современные писцы, облекая в канцелярскую цветистость жалобы и просьбы посетителей. Разносчики чая лавировали в толпе подобно футболистам, обходящим защиту противника. Рабочий люд штурмовал двухэтажные автобусы. Молодые отпрыски аристократических семей после разгульной ночи подбадривали себя горячим хашем из бараньих ножек.

Нам повезло с погодой, и, вырвавшись из города, мы увидели сверкающий снежный пик Демавенда, самой высокой вершины Западной Азии. Наш путь лежал сначала в Гярмсар, где была создана так называемая сельскохозяйственная корпорация, а затем в Мазендеран и Хорасан.

Иран — прежде всего деревня. Несмотря на быстрый рост городов, большая часть его жителей добывает пропитание, возделывая землю, пася скот, выращивая овощи и фрукты. Земледелие всегда было основой иранской цивилизации. В одном из древних иранских гимнов, восходящих к первому тысячелетию до нашей эры, проповедник Зороастр спрашивает: «Кто приносит стране высшую радость?» Ахурамазда, «воплощение добродетели», отвечает: «Тот, кто орошает пустыню и осушает болота, чтобы возделать поля».

Сегодняшний Иран — большая страна. Он простирается на 2200 километров с северо-запада на юго-восток и на 1400 — с севера на юг. Лишь десятая часть его территории пригодна для земледелия и шестая — для скотоводства. Остальное — выжженная, местами просоленная пустыня и горы. Но вопреки засухам, наводнениям и бурям, землетрясениям и набегам кочевников в пустыне всегда цвели оазисы. Они гибли и возрождались благодаря труду крестьян. Однако земля, политая потом поколений, не принадлежала крестьянам.

Лет пятнадцать назад Иран отличался очень крупным

земледелием и мелким землепользованием, богатыми помещиками и нищими, забитыми крестьянами. Были феодальные кланы, владевшие десятками деревень, и не было даже понятия «крестьянин-середняк». Персидские феодалы, как правило, жили в городах, общаясь со своими подданными через алчных и жестоких посредников, владели дворцами в Тегеране, виллами в Швейцарии, проигрывали за вечер годовой доход деревни в казино Монако или Лас-Вегаса.

Урожай с персидского поля делился на пять частей на основе пяти элементов — земли, воды, семян, рабочего скота, труда. Крестьянин, в большинстве случаев предлагавший лишь труд, получал пятую часть урожая, и то не всегда. Над ним висели неоплатные долги ростовщикам и перекупщикам и унизительные натуральные повинности.

Нищета и косность иранского сельского хозяйства тормозили развитие всей национальной экономики. В политике влияние феодально-помещичьих кланов было преобладающим.

Закон об аграрной реформе был провозглашен в январе 1962 года. Он ограничивал землевладение максимально одной деревней по выбору помещика. Предусматривалась компенсация помещикам на основе налогов, которые они вносили раньше. Крестьяне, получившие землю, должны были за нее платить. Сады, чайные плантации, посадки леса, все земли, обрабатываемые сельскохозяйственными машинами или наемными рабочими, не подпадали под действие нового закона.

Суть аграрной реформы не оставляла сомнений: подорвать основу власти и влияния крупных феодалов-помещиков, создать прослойку крепкого независимого крестьянства, в какой-то мере расчистить путь для капиталистического хозяйства в деревне. Но, как это часто бывает, практика и действительность сильно отличались от деклараций. Помещики оформляли фиктивные документы о разделе земли между родственниками, участки, обрабатываемые примитивным способом, заносили в разряд «механизированных плантаций», лишали воды крестьян, получавших землю.

В 1963 году в Фарсе бандой, нанятой феодалами, был убит уполномоченный по проведению реформы. Началось антиправительственное восстание. Под действие рефор-

мы подпадали и так называемые вакуфные земли, которыми фактически распоряжалось мусульманское духовенство. В Тегеране, Куме, Мешхеде, Ширазе бесчинствующиеся толпы фанатиков, возбужденных богословами, вышли на улицы с требованием отменить реформы, в частности избирательное право женщинам, и учинили погромы. Правительство подавило волнения, в Фарсе — с применением авиации. Сотни, некоторые утверждают — тысячи, людей были убиты.

Реформы в персидской деревне проводились «сверху», и многие крестьяне оставались пассивными, не доверяя чиновникам и вообще намерениям правительства. Поэтому в таких провинциях, как Хамадан, Керман, Фарс, где режим феодальной, ханской власти был жестоким и беспощадным, а крестьяне отсталыми и забитыми, распределение земель осуществлялось медленно. В районах же с более высоким уровнем грамотности и с традициями крестьянских выступлений — на северо-западе, на севере, в центре, а также в некоторых районах с остатками племенных свобод, например в Курдистане, реформы шли быстрее. Крестьянские требования росли и сталкивались с помещичьими. «Какая разница для крестьянина, владеет ли его хозяин одной деревней или же сотней. Крестьянин все равно должен будет платить ренту и оставаться во власти помещика, как и раньше»,— говорил один курдский крестьянин иранцу, изучавшему проблемы, связанные с проведением аграрной реформы.

Второй этап начался в 1965 году. В дополнение к прежнему закону упорядочивались отношения крестьян со средними помещиками, отменялись пережитки барщины, натуральная арендная плата и вводилась фиксированная денежная. При определенных условиях производился раздел земель между арендаторами и помещиками.

В 1968 году правительство приняло решение о продаже крестьянам арендуемых ими участков или разделе земли между крестьянами и помещиками. Государство национализировало воду, оставив, впрочем, часть средств ирригации — колодцев, подземных каналов и арыков в руках их бывших владельцев. Продажная стоимость воды была определена для каждого района.

«Мы считаем, что аграрная реформа завершена»,— говорил в беседе со мной Абдоль Азиз Валиан, который был в 1973 году министром кооперации и сельского раз-

ции. Слова «аграрная реформа» были выброшены даже из названия его министерства, как и из перечня политических задач иранских «верхов».

Каковы же итоги десятилетних аграрных преобразований, которые правящие круги Ирана считают завершенными? Не вызывает сомнения, что сложившиеся в течение столетий отношения в деревне существенным образом изменены. Исчез класс крупных помещиков-феодалов, подрублены его экономические корни, подорвано его влияние в прежнем виде. Возврата к старому нет. Крепкие крестьяне, растущее кулачество выиграли, приобретя землю, получив кое-какие кредиты и сельскохозяйственную технику. Внедрение денежных отношений создало растущий рынок для иранской промышленности, во всяком случае состоятельные крестьяне больше покупают холодильников, стиральных машин, телевизоров и даже автомобилей.

Однако приобрели ли землю все те, кто ее раньше не имел? Нет. В официальной брошюре министерства кооперации так определяются результаты реформы: «В целом у двух миллионов сельских семей, то есть более двенадцати миллионов человек, прояснилась позиция, касающаяся собственности на землю». Итак, официально признано, что глубокие пласты сельского населения затронуты преобразованиями собственности на землю лишь частично.

Некоторые из крестьян, даже получив землю, оказались не в состоянии стать на ноги, лишенные капиталов, сельскохозяйственных и коммерческих знаний. Они все глубже увязали в долгах, попадали в кабалу к помещикам и новым сельским бизнесменам. Чтобы снять социальную напряженность в деревне, поощрить производство, в Иране с первых шагов аграрной реформы попытались создавать кооперативы. В них обязали вступать крестьян, получивших землю.

В министерстве кооперации мне рассказали, что производственная деятельность кооперативам не удалась. Лишь в отдельных случаях они занялись строительством колодцев или подземных каналов. Некоторые из них выполняли функции снабжения, закупок, кредита. Несомненно, что от кооперативов выигрывали прежде всего более образованные, более предприимчивые, как правило, более богатые крестьяне.

Официально считается, что политические и отчасти социальные задачи аграрной реформы решены. А экономические? В фермерских и крупных капиталистических хозяйствах выросло производство высокотоварных культур — риса, сахарной свеклы, хлопка, чая, овощей, частично пшеницы. Но одновременно резко увеличился импорт продуктов питания, на который тратят сейчас сотни миллионов долларов в год. В тегеранских супермаркетах можно увидеть болгарскую брынзу, датское масло, немецкие сосиски, сомалийские бананы, но с трудом найдешь иранский продукт. Лет десять назад в деревне было 4500 тракторов, теперь их гораздо больше, но сельскохозяйственных машин в Иране по-прежнему во много раз меньше, чем в соседней Турции — самой отсталой стране Европы. Применение удобрений пока что ничтожно. При общем экономическом подъеме частный капитал неохотно идет на вложения в сельское хозяйство, привлеченный большими и более быстрыми прибылями в торговле, строительстве и промышленности. Государство само произвело серьезные вложения, прежде всего в сельскохозяйственную инфраструктуру. Было построено несколько крупных плотин. На их основе надеются создать агропромышленные комплексы, плантации на десятках тысяч гектарах, объединенные с перерабатывающей промышленностью, привлечь в них иностранный капитал и экспертов. Любые инвестиции в сельское хозяйство освобождены сейчас от налогов. Отменены таможенные сборы на сельскохозяйственные машины. Однако сельское хозяйство по-прежнему остается самым слабым сектором иранской экономики.

Одним из путей развития высокомеханизированного сельского хозяйства в Иране считают так называемые корпорации.

Старая хорасанская дорога привела нас в Гярмсар, где создано хозяйство такого типа. Несмотря на то что асфальт на шоссе местами выщербленный, связь с Тегераном неплохая и местные дыни доставляют на столичные рынки с прибылью — обстоятельство немаловажное для товарного производства. Главные продукты «корпорации» — хлопок, ячмень, пшеница, дыни. Основу ее составили несколько сот семей из восьми деревень, которые объединили свои четыре тысячи гектаров земли в обмен на примерно 18 тысяч паев-акций. В «корпорации»

постоянно работает пятая часть владельцев акций, время от времени половина. Кроме доли от прибыли они получают зарплату. Хозяйство нанимает несколько сот сезонных батраков, ведь 40 процентов семей Гярмсара земли никогда не имели. Паи свободно продаются и покупаются внутри «корпорации», поэтому сельские бизнесмены могут сосредоточивать в своих руках все больше акций. Это снимает вопросы о сути «корпорации», играющей роль акционерной капиталистической компании. Государство освободило ее от налогов, предоставляет кредиты. В Иране создано около полусотни подобных «корпораций». Пока что они — капля в море иранской деревни. Вопрос состоит в том, окажутся ли они жизнеспособными, если их станут насаждать в массовом масштабе. «Во главе сельскохозяйственных корпораций стоит государственный чиновник,— писал журнал „Харперс".— Поскольку очень трудно найти чиновника, который хоть немного разбирался бы в сельском хозяйстве, не был бы насквозь продажным и мог убедить крестьян в том, что заботится прежде всего об их интересах, эти корпорации работают еще менее рентабельно, чем кооперативы».

Мы свернули со старой хорасанской дороги и пыльными проселками выехали на новую магистраль, отвечающую международным стандартам. Новое шоссе в Хорасан — часть великой трансазиатской дороги, что пролегает от Стамбула до Сингапура. Дороги в Иране строятся быстро и энергично, увеличивается число грузовиков, автобусов и легковых автомашин. Но, впрочем, остается немало отдаленных районов в пустынях или горах, куда надо добираться на верблюде, лошади или осле. Я ездил, например, в Аламут, к развалинам крепости знаменитого «Горного старца» — шейха ассасинов, таинственных убийц времен крестовых походов. Мы добрались за несколько часов на автомашине из Тегерана в одну из деревень, а до следующей по горным тропам долго ехали верхом. Все товары туда по-прежнему доставляются вьюком.

Шоссе пересекло отроги Эльбурсского хребта, и мы оказались как будто в другой стране. Влажные ветры с северо-запада, остановленные стеной гор, часто приносят сюда теплые благодатные дожди. Когда после многих поездок в южные районы Ирана я впервые попал в Гилян, где воздух жаркий и липкий, зелень густая и сочная, а

старые крестьянские дома покрыты островерхими соломенными крышами, меня поразили плантации рисовых полей, необычайно напоминавшие Таиланд или Вьетнам.

Дальше к востоку осадков выпадает поменьше. Здесь лежит золотой Мазендеран. В нем тучная земля, мягкий климат, плантации хлопка, сады, пшеничные поля.

Когда погружаешься в суету базарчиков уездных городов, тебя охватывает дразнящий запах лепешек — лавашей, которые, как полотенца, развешаны на крюках и веревках, дыхание толпы, крики ослов, треск мотоциклов и автомобилей. Бросается в глаза реклама, прославляющая героев американских прерий или японского каратэ, смирновскую водку или кока-колу. Ты любуешься тугими мешками с фасолью и рисом, головками сахара, который иранцы до сих пор предпочитают пиленому, чтобы пить свой чай вприкуску, противнями со знаменитыми восточными сладостями, клетками с кудахтающей или крякающей живностью.

Иранцы умеют поесть и, когда накрывают на стол, создают целые произведения искусства из сочного шашлыка, пахучих и острых трав, мариновапного чеснока, разных овощей и масли. Разве оставит кого-либо равнодушным шашлык из осетрины с гранатовым соусом или челоу-кебаб — поджаренное на шампуре мясо и подаиный отдельно рассыпчатый рис, куда добавляются сливочное масло, желток сырого яйца и разные приправы?

Но чтобы узнать, кому доступно изобилие иранской кухни, обратимся к офицнальному ежегоднику. Если в развитых странах дневной рацион человека состоит из 3200 калорий, то в Иране на душу пока приходится 2100.

«Критерий, именуемый „доход в расчете на душу населения“, отражает лишь сумму национального богатства, поделенную на численность населения, и отнюдь не свидетельствует о том, как живет бо́льшая часть населения страны,— писал Фрэнсис Фицджеральд.— В Тегеране две трети населения имеют доход менее 200 долларов на человека в год. Сопоставление в долларах, может быть, не вполне точно, но условия жизни почти так же плохи, как следует из этой цифры. В сельских районах, где до сих пор живет 58 процентов населения, свыше трети всех семей имеют менее 400 долларов в год,

а еще 40 процентов зарабатывают менее 800 долларов. При этом не следует забывать, что темпы инфляции в 1974 году составили 18—20 процентов. В сельской местности широко распространено недоедание — иранцы в среднем ежедневно получают примерно столько же калорий, что и жители Индии,— и сельское население страдает от всех болезней, которые порождаются такими условиями жизни».

Для очень многих иранцев обед — это кислое молоко, покрошенная в него лепешка и лук. И если бедняк приходил в чайхану, то главная его услада — самовар. Эта «русская машина для кипячения воды», как назвал его египетский писатель Таха Хусейн, вошла в быт персов, турок и арабов вместе со столь приятным для нашего уха названием. Чаю отдают предпочтение в Иране и в Афганистане, а вот кофе — это по части турок и арабов. В массе своей иранцы кофе не пьют. В поездках по Турции я любил подбадривать себя чашечкой кофе каждые двести-триста километров, но когда на прогоне Анкара — Тегеран пересек границу, то запах кофе почувствовал только в тегеранских гостиницах.

В Мазендеране меня встретил Эбрахим Махдави — личность любопытная и по-своему яркая. У него за плечами посты министра сельского хозяйства и декана сельскохозяйственного факультета, он говорит на нескольких европейских языках и, хотя ему уже за пятьдесят, пытается выучить русский. Сейчас он глава фирмы, которая консультирует по вопросам сельского хозяйства и ирригации, член совета Государственного сельскохозяйственного банка, консультант министерства кооперации и хозяин крупной сельскохозяйственной компании.

Отец Махдави владел в Хорасане землями размером с Бельгию. Шестнадцать его наследников стали жертвами аграрной реформы. Кое-кто из них разорился и опустился, но только не дальновидный и энергичный Эбрахим Махдави. К реформе он был готов. Лет двадцать назад Махдави с группой компаньонов арендовал в Мазендеране 200 гектаров земли, нанял рабочих и тракторы, основал сельскохозяйственную компанию, избрав пшеничную и хлопковую специализацию. Сейчас у него около тысячи постоянных рабочих, 1750 гектаров отличных земель. К прежней специализации добавились племенное животноводство, яблоневые сады, построена небольшая

плотина, фабрика древесноволокнистых плит. «Могу ли я быть недовольным?» — полувопросительно-полуутвердительно говорил он.

Когда-то по дороге в Хорасан шагали караваны купцов. Их дневные марши составляли 25—30 километров, и примерно через равные промежутки еще встречаются развалины караван-сараев. Их внутренние дворы давали кров, а крепостные стены защищали от кочевников. Сейчас можно переночевать в одном из базарных городов покрупнее. В нем почти наверняка будет мотель, устроенный по американскому образцу, с горячей и холодной водой и стаканами в туалете, запечатанными в гигиеническую бумагу. Но вы не всегда встретите традиционное иранское внимание, так как наплыв туристов и деловых людей, повышенная мобильность иранского общества и увеличение числа автомашин наполнили гостиницы и ухудшили обслуживание до того, что на него стали жаловаться с трибуны парламента. «После многих веков летаргии у людей появляется вкус к предприимчивости, но в погоне за золотым тельцом они забывают все,— писал тегеранский журналист Амир Тахири.— Я встретил хозяина гостиницы, с серым лицом, нервными руками и бегающими глазами, который зарабатывал все больше. Но он признавался, что последний раз видел лес только на картинке, и то там были изображены Альпы».

В Хорасане, который десять веков назад был центром иранского Ренессанса, лежат могилы, дорогие не только иранцам. Из всех великих назовем лишь имя Омара Хайама. Именно он завоевал наибольшую популярность в других странах. Но для иранцев Омар Хайам — прежде всего великий математик, философ, геолог, этнограф, астроном, один из создателей солнечного календаря.

Классическая персидская поэзия тонка и образна, и в ней иранец часто видит тот смысл, который пропадает в переводе. Одно и то же произведение могли толковать и как любовную поэму, и как обращение к монарху, и как мистическое размышление, и как политическую сатиру. Такая усложненная поэзия — плод глубоких и давних традиций, и она, естественно, не поддается переводу. Тем не менее ее ценит народ. Неграмотный иранец получит удовольствие, декламируя или слушая поэтические отрывки. Величайшие из персидских поэтов

перешли через барьер придворной замкнутости и выразили душу народа. Их могилы постоянно посещают иранцы, не жалея сил и средств для долгих поездок.

Многие знатоки толкуют «вакхические» четверостишия Хайама как гимны опьянению свободой, как протест против мракобесия и угнетения. В Нишапуре над могилой поэта и мудреца, холодного математика и острого наблюдателя взметнулся параболой купол мавзолея необычной формы. Нишапур был когда-то величественной столицей Хорасана, а сейчас стал уездным захолустьем, будто подтверждая известные мысли Хайама о бренности всего земного. Над мраморным надгробием в мавзолее склоняются люди и шепчут поэтические строки. Я всматривался в их лица и пытался угадать, какой же смысл вкладывали они в хайамовские четверостишия.

Любой иранец — в душе поэт, но мало кто из них раскрывает книгу, что удивительно для страны, которая гордится именами своих средневековых мыслителей. Некоторые объясняют это быстрым развитием телевидения в стране массовой неграмотности. Миллионы людей, перехватив сэндвич с кислым молоком, ежедневно устремляются к телевизору, чтобы получить порцию эрзац-знаний и эрзац-информации. Один из специалистов в области книгопечатания и книготорговли, Мохаджер, с горечью писал: «Между 1965 и концом 1971 года в Иране было издано около шести тысяч наименований книг общим тиражом 10 миллионов экземпляров. Это означает, что на каждые десять взрослых грамотных иранцев в год была опубликована лишь одна книга». Тиражи в две тысячи экземпляров считаются удачей, а пять тысяч — невероятная редкость. Иран по этим показателям далеко отстает от соседней Турции, где лучшие книги расходятся десятками тысяч. Газета «Эттелаат» писала, что в Тегеране на полсотни книжных лавок и 15 библиотек приходится примерно полтысячи лавок, торгующих спиртным.

Недалеко от Нишапура расположены копи, где добывают бирюзу — около пятидесяти тонн в год. Пятьдесят тонн — это десять пятитонных грузовиков, нагруженных доверху голубыми камнями. Ее добывают 200 рабочих, но гораздо больше людей обрабатывают. Они умеют различить в камнях будущие украшения, подобрать подходящую форму. В мире есть страны, где предпочитают

бирюзу светло-голубого цвета, бирюзу с прозеленью, с прожилками и абстрактными рисунками. Но для правщ настоящая бирюза — это чистый небесно-голубой камень ровного цвета.

Каждый год в столицу Хорасана Мешхед стекаются тысячи паломников. В нем находится Астана — гробница восьмого шиитского имама, почитаемого последователями этого толка мусульманской религии. Здесь воздвигнут мавзолей с позолоченным куполом, его минареты также выложены золотом, а внутри — многопудовые украшения из драгоценных металлов и камней, фантастическая роскошь убранства. В стены вделаны мелкие зеркала, что создает впечатление хрустального дворца. Можно представить себе, какое впечатление производил этот мавзолей на верующих из нищих деревень.

Вечером сам мавзолей и выстроенные вокруг него мечети подсвечиваются яркими прожекторами. Музей при святилище полон прекрасными образцами бронзовой и серебряной чеканки, коврами, оружием, утварью, редкими манускриптами. По особому разрешению служитель, вооруженный тяжелой палкой с серебряным набалдашником, может провести гостя по дворам мечетей. Но в сам мавзолей имама вход для «неверного» закрыт.

Астана, оплот мусульманского духовенства и фанатизма,— одно из богатейших учреждений Ирана. Она был самым крупным землевладельцем страны, и размеры ее поместий превышали даже шахские и правительственные. Ее владения сложились из пожертвований верующих. Астана как экономическое целое господствовала в Мешхеде. Ей не было равных в Хорасане. Ее средства были вложены в фабрики и отели, кинотеатры и жилые дома, направлялись на содержание больниц и школ. Кроме того, она владела собственностью или деревнями в Иранском Азербайджане, Кермане и даже в Афганистане. Аграрная реформа подорвала независимые позиции Астаны и всего мусульманского духовенства, и ее экономическая деятельность поставлена под контроль государства. Но духовный авторитет Астаны по-прежнему велик. Влияние шиитского духовенства не может игнорировать государственная власть, и сам шах регулярно совершает паломничество в Астану, демонстрируя верность шиитским традициям.

Хотя развитие коммуникаций и образования ведут к

;валку народных и религиозных традиций, некоторые из них живы. Во многих городах Ирана, но прежде всего в Мешхеде и другом религиозном центре, Куме, до сих пор организуют процессии «шахсей-вахсей». Они собираются в день смерти имама Хусейна, внука пророка и сына четвертого правоверного халифа Али, на десятый день лунного месяца мухаррама. В прежние времена верующие маршировали по улицам и избивали себя в кровь цепями, в экстазе наносили удары кинжалами по лицу или телу и со стенаниями распевали скорбную историю о Хусейне и его брате Хасане, умерщвленных суннитами. Горе иностранцу, если он пытался сфотографировать эту процессию,— его могли просто растерзать. Сейчас, впрочем, я видел в процессиях нанятых бедняков, которые усердно избивали себя... алюминиевыми цепями, предварительно обильно намазавшись бараньей кровью.

Путешественники XIX века описывали представления, которые посвящались мученикам шиизма и ставились в месяц мухаррам. В других представлениях издевались над халифом Омаром, завоевателем Персии, олицетворением суннитского ислама, который стал символом арабизма, а затем и Османской империи. Но сейчас редко можно увидеть что-либо подобное.

Ансамбль мечетей в Мешхеде окружают торговые ряды. Иран разочаровывает путешественника отсутствием «восточной экзотики», единообразием городов. Нет и в помине Востока сладких романов, полного запаха благовоний и таинственных приключений. Может быть, последний налет «экзотики» еще найдешь близ Астаны, где в дыме кальянов сидят живописно одетые афганцы, перебравшиеся нелегально через границу для сезонных работ, и пакистанские купцы, которые привезли поделки из ароматного сандалового дерева, а в торговых рядах бродят гордые белуджи-кочевники, их жены с открытыми лицами и торговцы четками.

«Экзотика» и в Мешхеде доживает последние годы. Сейчас в городе рядом с женщинами, закутанными в бесформенное черное покрывало, видишь модно одетых студенток, а рядом с молодыми теологами в длинных халатах — студентов в джинсах и пестрых рубашках. В местном университете около четырех тысяч студентов. К теологическому факультету добавились медицинский, инженерный, факультет точных наук.

По полуавтоматическому телефону из Мешхеда можно быстро связаться с Тегераном и другими крупными городами. Однако бюрократическая медлительность, которая отягощает государственную машину, не уменьшается из-за появления современной техники. Мне предстояло встретиться с руководителем сельскохозяйственного департамента провинции. Он попросил представителя службы информации, опекавшего меня в Мешхеде, получить разрешение на встречу. С помощью телекоммуникаций мой опекун мгновенно связался со столицей, но за трое суток хлопот так и не получил необходимого разрешения.

В течение десятилетий правительство стремилось покончить с автономией провинций, с остатками феодально-племенной раздробленности, создать безусловно централизованную систему. Сейчас разросшийся административный и промышленный аппарат становится все более неповоротливым, если он управляется только из центра. Поэтому были вынуждены отказываться от абсолютной «централизации». Известный тегеранский журналист Бахаш писал, что, хотя по этому поводу еще больше разговоров, чем действий, начало уже положено.

На аэродроме в Мешхеде я прошел обычную процедуру, которой подвергаются при посадке все пассажиры,— осмотр багажа, личный обыск, проверку, не замаскированы ли ручные гранаты под фотоаппараты,— и очутился в салоне самолета, где играла музыка — джазовая обработка «Катюши» и «Подмосковных вечеров». Под крылом жарко блеснул золотой купол Астаны, улыбнулись синие глаза прудов в городском парке, и оазис растаял в белесом мареве. Потянулась коричневая пустыня, припудренная снежным налетом соли, будто промокшая от пота и высушенная на солнце крестьянская рубаха.

Огнепоклонники

Из Шираза, где каждую весну лепестки цветов с апельсиновых и вишневых деревьев покрывают надгробья на могилах Саади и Хафиза, за час с небольшим можно добраться на автомашине до Персеполиса. Между его колоннами я провел многие часы, пытаясь прочитать по барельефам книгу жизни эпохи, которая отшу-

меи почти двадцать три века назад. Персеполис был пожжен Александром Македонским якобы по просьбе его любовницы и с тех пор как будто испарился из памяти людей. Упоминаний о нем не осталось в сохранившихся текстах на древнеиндийском, греческом, финикийском, арамейском языках. Лишь в XIX веке Персеполис был вновь открыт. Тогда же начались раскопки, которые не завершились и по сегодняшний день.

Империя Ахеменидов, разгромленная Александром Македонским, простиралась от Аральского моря до Нильских порогов и от Босфора до предгорьев Гималаев. Вместе с воинами или жрецы огненных алтарей, так как официальной религией древних иранцев был зороастризм. Негасящий огонь сопровождал правителя империи в походах, пылал в столице древнего Ирана — Сузах и в ритуальном центре — Персеполисе, куда стекались сокровища и прибывали вассалы, чтобы выразить свою покорность. Религия древних иранцев не сгорела в пламени Персеполиса, а сохранилась вплоть до арабского завоевания Сасанидской империи в VII веке нашей эры. Постепенно почти все персы приняли ислам. Но до сих пор несколько десятков тысяч огнепоклонников в Иране, а также в Индии и Пакистане, где они известны как «парсы», сохранили заветы и предания предков.

Небольшая община зороастрийцев есть в Йезде, старом торговом центре на краю пустыни Дешт-е Лут. Над старыми домами города возвышаются многометровые вентиляционные башни, предназначенные для охлаждения помещений в летний зной. Хотя город объявлен историческим памятником, через него пробивают проспекты, вспарывая глинобитные дома и ломая башни.

Глава местной общины зороастрийцев привел меня в храм огня. За запертыми дверьми в священной комнате, отделенной от остального храма позолоченной решеткой, тянулись вверх веселые языки желтого пламени. Жрец в белом тюрбане и в белой ниспадающей до пола одежде вошел в комнату, закрыл лицо покрывалом, чтобы не осквернить дыханием огня, и положил на алтарь несколько сандаловых поленец, привезенных из Индии. Храм наполнился душным, сладковатым ароматом.

Вряд ли эта операция произвела бы на меня какое-либо впечатление, если бы не мысль, что я вижу огонь, который горит, не угасая, более 1300 лет. Легенда рас-

скивает, что его перенесли сюда из самого Ктесифона, столицы Сасанидского государства, разрушенной арабами-мусульманами.

В храме огня висит изображение русого или, скорее, рыжебородого мужчины — Заратуштры (Зороастра). Он якобы был основателем новой религии — зороастризма в начале первого тысячелетия до нашей эры. Мир представлялся ему полем космической битвы между добром и злом, а огонь признавался священным отблеском божества. В Европе имя Заратуштры было известно лишь горстке историков, пока в конце прошлого века им не стал спекулировать немецкий философ Ницше, пытавшийся прикрыть чужими гимнами свой культ «сверхчеловека». А нацисты похитили у зороастрийцев знак солнца, солнцеворота — свастику («су» — добро, «астика» — основа, «суастика» — добрая основа), которая для современного мира стала символом чудовищных злодеяний.

По-европейски одетый юноша сидел на полу в храме, а рядом с ним жрец читал на пехлевийском языке заунывные молитвы. Иногда он брал щепотку пыли из чаши, стоящей перед ним, и сдувал ее с ладони. Что означал этот жест? Что все в мире бренно? Что все мы станем пылью и прахом? Никто не объяснил мне. Огнепоклонники держатся замкнуто и не посвящают чужаков в тайны своих ритуалов.

Я вышел из храма и попал в рощицу субтропических сосен. Ветер пустыни разлохматил их кроны, и ветки показались мне языками зеленого огня на фоне пепельно-голубого неба.

На следующий день рано утром я уезжал из Йезда автобусом. Еще затемно к нему собрались люди. Среди них я узнал молодого человека, которого видел накануне в храме огня. Оказалось, что он окончил среднюю школу и уезжал в Исфахан. Там работали его родственники в новом огнедышащем индустриальном храме современного Ирана — на Исфаханском металлургическом комбинате.

Недалеко от Йезда на скалистых, лишенных растительности холмах до сих пор стоят «башни молчания». На их вершинах зороастрийцы раньше оставляли умерших в печальном демократизме смерти. Труп человека по их верованиям не должен был осквернять землю. Но уже несколько лет эти башни пустуют. Иранские огнепоклон-

ники стали придерживаться тех же обычаев захоронения, что и мусульмане, и лишь в Индии парсы все еще пользуются «башнями молчания».

Отдельные кварталы зороастрийцев в иранских городах прежде как бы утверждали и закрепляли их обособленность и изолированность. Сейчас в эпоху телевизоров и развитых коммуникаций особые обычаи, замкнутая психология огнепоклонников все больше размываются. Молодежь забывает язык пехлеви, на котором говорила вся их община, и даже дома переходит на современный персидский. Старики ворчат, но новое поколение считает себя прежде всего иранцами, а уж потом зороастрийцами.

Верховный жрец тегеранской общины огнепоклонников Ростам Шахзаде Анджоман, сын и внук священнослужителя, говорил о настроениях молодежи, казалось, вполне спокойно: «Мы должны сохранить основы, главные принципы нашей общины, а не внешние формы. Возьмем хотя бы одежду. На барельефах Персеполиса вы можете увидеть, как одевались наши предки. С тех пор мы столько раз меняли покрой платья... Сейчас, кроме жрецов во время службы, все зороастрийцы одеваются по-европейски. Для нас главное — дать всем детям образование...»

Среди огнепоклонников немало крестьян в оазисах около Йезда, но большинство из них — люди образованные: инженеры, врачи, адвокаты. Некоторые занялись бизнесом. В Индии парсы составляют касту крупных торговцев и промышленников. Современные зороастрийцы любят повторять изречение, полное мрачной решимости: «Лучше убить ребенка, чем оставить его невежественным».

В тегеранском храме зороастрийцев Анджоман привел меня в библиотеку. «Здесь наши книги,— сказал он.— Книги тех, кто писал о нас, и книги, написанные нами самими». Я взглянул на полки, на которых рядами стояли тысячи томов на персидском, арабском, пехлевийском, европейских языках. Который раз за годы путешествий и изучения Востока я как бы физически ощутил необъятность океана, имя которому — востоковедение. Община в несколько десятков тысяч человек — фрагмент иранского общества, но разве хватило бы жизни человека, чтобы изучить ее.

Многие обычаи зороастрийцев не остались уделом их маленькой общины, а сохранились среди всех персов. Самый популярный праздник в Иране — ноуруз, встреча Нового года. Он отмечается 21 марта в день весеннего равноденствия, в час, когда Солнце входит в созвездие Овна. Персы собираются вокруг столов, на которых непременно будет семь кушаний, название которых начинается с буквы «син», а также Коран, зеркало, крашеные яйца, свечи, стеклянные банки с живыми красными рыбками, цветы, сладости, монеты, выращенная к празднику зелень.

Персы-мусульмане не задумываются над тем, что ноуруз отмечался в древнем Иране как день, когда на землю спускались духи умершнх, принося с собой от Ахурамазды — бога добра и света благословение своим родственникам. И мало кто вспомнит, что яйца на новогоднем столе были у их предков символом жизни, так как по зороастрийским преданиям в ноуруз Ахурамазда сотворил человека. Зеркало когда-то означало беспредельность вселенной, а свечи — память о священных огнях.

Накануне ноуруза в последнюю среду старого года на всех улицах вспыхивают костры из колючих растений пустыни. Иранцы прыгают через огонь, как бы оставляя в нем все беды и неудачи прошлого.

Сегодняшний Иран в определенном смысле разбегается, чтобы перепрыгнуть через огонь, надеясь оставить за спиной груз веков и очутиться в последней четверти XX столетия. Время покажет, удастся ли ему совершить этот прыжок.

АФГАНИСТАН — РЕСПУБЛИКА

Наша машина остановилась в центре плато, которое от хребта до хребта рассекала прямая линия шоссе. Лиловые безлесные горы лежали вдали. Было так тихо, что тишина оглушала. Не слышалось ни шороха ветра, ни крика зверя, ни шума мотора.

Вдруг донесся перезвон колокольчиков, и из-за холма появился небольшой, почти плакатный, почти кинематографический караван. Впереди семенили два ослика. На них сидели мужчины — по виду отец и сын. Верблюды с тюками товаров, связанные голова с хвостом, вышагивали следом. Когда-то здесь пролегал древний шелковый путь, по которому путешествовал еще Марко Поло. От оазиса к оазису шли караваны с грузом шелка, пряностей, ковров. Кружилась желтая пыль. Даже сейчас, когда в Афганистане создано почти полное кольцо дорог, верблюды, ослы и лошади остаются незаменимым средством транспорта для большинства районов.

Караван пересек шоссе и скрылся из виду. Разные века скрестились на одной земле.

Афганистан, похожий на карте на дубовый лист, занимает высокие плато, разделенные горными массивами, главный из которых — Гиндукуш. В горах есть плодородные долины, но равнины на юге — пустыни и полупустыни, а на севере — степи. Высокие суровые горы, бесконечные степи и пустыни, зеленые оазисы — вот три компонента физического окружения афганцев. Суровая природа требует большого приспособления, умения выжить и силы характера.

Кочевники, которые раньше населяли евразийские степи и пустыни, остались здесь почти в первозданном виде. На протяжении истории сочетание социально-поли-

тических и географических факторов не раз порождали демонические взрывы энергии кочевых масс и завоевательные походы из недр Центральной Азии. Потомки прежних завоевателей континентов — свирепые и добросердечные, нищие и гордые — живут в условиях, которые мало изменились за столетия.

Войны, набеги, переселения, смена цивилизаций, рас, религий оставили в Афганистане свои неизгладимые следы. Перекресток Азии, ее плавильный котел — назови так эту страну — и все будет верно. Сегодня она граничит со всеми крупнейшими государствами континентальной Азии, а ее территория исторически была мостом между Индией и Средней Азией, Ближним Востоком и Китаем. Возможно, что земля Афганистана знала больше нашествий в течение известной истории, чем любой другой район мира. Через него арии во втором тысячелетии до нашей эры принесли санскритский язык в Индию. Волна кочевых племен, говоривших на одном из индоевропейских языков и занявших в VII веке до нашей эры бассейн реки Гельменд и Пенджаб, стоит упоминания потому, что Геродот назвал их «пактики». Возможно, что они были предками пуштунов.

Как метеор, через древний мир пронесся Александр Македонский. Он разрушал и основывал города, оставляя после себя страны с эллинским влиянием, легенды и сказания. В первые века нашей эры территория Афганистана стала одним из главных центров буддизма, который воспринял некоторые философские и эстетические концепции эллинизма. Отсюда, в частности, буддийская литература и искусство проникли в Китай и другие страны Дальнего Востока.

В начале нашей эры кушане создали империю, охватившую значительную часть Средней Азии, Афганистана и Индии. Буддизм претерпел в ней большие изменения, и новая буддийская школа Махаяна (Большой колесницы) заменила старую школу Хинаяна (Малой колесницы). Кушане постепенно ослабели, и в III веке эфталиты — белые гунны беспощадно разрушили их цивилизацию. Территория страны за несколько столетий восстала из пепла, чтобы снова быть растоптанной ордами Чингисхана. Такие города, как Балх, Бамиан, Герат и Газни, были стерты с лица земли. Затем пришел новый удар совсем с другой стороны: был открыт торговый путь во-

круг мыса Доброй Надежды и значение прежних караванных путей через сердце Азии упало.

«Афганистан переживает сейчас пятитысячный год своей жизни, полной славы и великолепия,— писал Мухаммед Али в книге „Афганцы", изданной в Кабуле в 1969 году.— Афганистан горд своей историей, монументами и культурным наследием. Афганистан — отец демократии и место рождения двух важных религий — индуизма и зороастризма. Он родина арийцев — предков большинства прогрессивных наций сегодняшнего дня». Я не буду комментировать высказывание афганского автора. Скажу только, что в своих поездках по Востоку я не встречал националиста, будь то турок, перс, араб или пуштун, который не говорил бы о превосходстве своего народа над всеми другими, своей культуры над прочими, своей истории над историей остальных стран. Поэтому будем спокойно-снисходительными к заявлениям такого рода, пока они ограничиваются брошюрами для туристов.

Вплоть до XVIII века Афганистан был не страной, а географическим районом. Но после распада империи Надир-шаха конфедерация пуштунских племен положила начало современному Афганистану. Хотя страна — мозаика рас, языков, наречий, диалектов, пуштуны — главный составляющий ее компонент. Лишь себя считают они настоящими афганцами и, конечно же, испытывают жалость ко всем, кто не родился от пуштунов. Их гордость, воинственность и любовь к родине помогли им изгнать английские войска сначала в XIX веке, а затем в 1919 году.

«Когда англичане столкнулись с сопротивлением афганцев, они не оценили размах национального движения,— писал один кабульский автор в официальной брошюре.— Они не могли понять народ, который предпочитал плохое, но свое управление рациональной администрации, навязанной извне». Сама по себе эта идея заслуживает внимания. Колониальная эпоха в прежнем смысле слова все больше становится воспоминанием, и сейчас ее жертвы начинают спокойнее оценивать свое прошлое. Колониализм, во всяком случае в Азии и Африке, лишь на первом этапе был просто грабежом и истреблением. Затем он сменился «рациональной» эксплуатацией и «организованным» выкачиванием богатств угнетенных

народов и отличие от прационального, рвацского грабежа населения местной феодальной знатью и государственной бюрократией. Однако колониализм, система, навязанная извне, служил интересам европейского, американского, японского капитала, а подлинный прогресс мог происходить только на основе национальной независимости, какими бы издержками это ни сопровождалось.

Сейчас пуштунов примерно половина населения Афганистана, некоторые говорят больше, некоторые — меньше. Именно они составляют костяк армии, особенно офицерского корпуса, полиции, верхнего эшелона администрации, значительной части интеллигенции. За ними следуют таджики, поставляющие кадры интеллигенции, чиновников, остальные — хазарейцы, а также узбеки, киргизы, племена Нуристана, арабы, белуджи, евреи. Официальные языки — пушту и диалект персидского — дари.

Пуштуны — высокого роста, с удлиненной головой и светлой кожей, орлиным носом, иногда — с голубыми глазами. Они считают себя подлинными арийцами.

На вид пуштуны кажутся свирепыми, однако у них добрые глаза, и они один из самых дружелюбных людей на свете. Если иностранец выучит их язык и приедет в их селение, то они будут защищать его с риском для собственной жизни. Неписаный пуштунский кодекс чести, напоминающий обычаи бедуинов, требует защищать свою родину, свое племя, своего гостя, предоставлять убежище преследуемым, даже преступникам или повстанцам, независимо от их веры или убеждений. Если женщина, попавшая в беду, посылает шарф или вуаль мужчине и просит его быть братом и защитником ее самой и ее семьи, невозможно не откликнуться на этот призыв.

Когда вас угощает пуштун, будь вы по горло сыты, нельзя отказаться от все новых и новых блюд. Если гость без причины покинет его дом, это будет одним из худших оскорблений. Но гнев хозяина обратится тогда против того, кто пригласил, «отбил» у него гостя. Однако, как и аравийский бедуин, пуштун никогда не забудет извлечь выгоду из чужеземца, а просто путник на большой дороге может стать его добычей.

Одно из свойств характера пуштуна — мстительность. Он совершенно не верит тому, что можно забывать или прощать обиду. «Око за око, зуб за зуб и кровь за

кровь» — другого закона он не знает. Иногда даже в маленьком, но жарком споре хватаются за кинжалы, и проливается кровь. Обязанность мщения передается от отца к детям и ближайшим родственникам, как и среди бедуинов. Межплеменная вражда не прекращается столетиями. До сих пор почетной считается смерть на поле боя, а не в постели.

В большой афганской семье женатые дети живут под одной крышей с родителями. Они подчиняются власти отца и даже отдают ему свой заработок. Невестками и внуками «командует» его жена. В нормальных условиях эта система обеспечивает экономическую устойчивость и благосостояние семьи, хотя и не исключает деспотизма. Но подобная семейная группа — оплот консерватизма, потому что, как правило, пожилые люди — сторонники традиций и обычаев. Лишь в больших городах молодежи удается вырваться из-под власти отца и самостоятельно строить свою семью. В отличие от арабийских бедуинов разводы среди афганцев редки, хотя и дозволены, и браки, как правило, сохраняются на всю жизнь. Они по-прежнему устраиваются родителями и только в образованных семьях считаются с желанием жениха или невесты.

Среди пуштунов многие все еще кочуют. Это так называемые кучи. Они живут в палатках из козьей или верблюжьей шерсти, которые легко перевозить на горбах верблюдов. Главный источник существования кочевников — скотоводство, а также караванный извоз и контрабанда. Летом «кучи» поднимаются высоко в горы, а зимой спускаются на равнины. Они пересекают границы государств, не обращая внимания на пограничные посты. Караван «кучей» движется, нагруженный разным скарбом. Крупные верблюды вышагивают первыми, за ними следуют лошади, ослы, скот и собаки, а среди животных, детей и женщин идет или едет верхом мужчина, высокий и гордый, с винтовкой на плече. Женщины-кучи — всегда с открытыми лицами, в черных свободных одеждах, и среди них многие достойны кисти Боттичелли или иранских миниатюристов.

По мнению пуштуна, у настоящей красавицы должны быть миндалевидные глаза, большие, черные, подвижные, как ртуть, похожие на глаза газели; лицо — круглым, как полная луна, а на щеках и подбородке — ямоч-

ки; зубы — белыми и блестящими, как жемчуг; нос — прямым; рот — маленьким; губы — рубиновыми; брови — подобными молодой луне или дуге; ресницы — как стрелы; груди — в форме граната; тело — мягким, гладким; стан — стройным и гибким; талия — тонкой; голос — нежным и мелодичным. Этот портрет идеальной красавицы, видимо, писали с женщин «кучи», так как даже самая необузданная фантазия не обнаружит ничего женственного в фигуре, закутанной с головы до пят в бесформенную накидку «бурка», где вместо лица густая решетка паранджи. Многие горожанки все еще носят «бурка». Я наблюдал однажды, как женщины в паранджже собрались в чайхане. Беседа лиц без лиц производила странное впечатление встречи призраков. Напомню, однако, что поводом к восстанию против Амануллы-хана в 1929 году и неудачи его реформ была попытка снять с афганки паранджу.

Если в городах можно встретить мужчин в европейской одежде, то в деревнях они по-прежнему носят шаровары и длинные рубахи почти до колен, с разрезами по бокам. Поверх надевается жилет, а зимой на плечи накидывается шерстяное одеяло или ватный халат. Вокруг небольшой хлопчатобумажной тюбетейки мужчины накручивают тюрбан. Насколько же эта одежда удобнее и практичнее для афганских условий, чем, скажем, ковбойские брюки в обтяжку. Если же говорить о красоте, то есть ли на свете что-либо более иррациональное, чем мода? Одежда женщин состоит из шаровар, длинной юбки, паранджи и платка. В деревнях афганки украшают себя тяжелыми серебряными браслетами, кольцами, серьгами, ожерельями.

В Кабуле и других городах много трудолюбивых хазарейцев, которые влачат по улицам и базарам свои тачки, свою нищету, свое унижение. В полукастовом обществе Афганистана они стоят в самом низу общественной лестницы. Они — шииты, в то время как большая часть остальных народов Афганистана — сунниты. Хазарейцы считаются потомками монголов, появившихся здесь в XIII веке, но говорят они на диалекте персидского языка. Их особенно много в бесплодных районах центральных горных массивов.

В Афганистане есть кочевники, которые каждый год преодолевают тысячи километров, и есть оседлые, кото-

рые за всю жизнь не покидают горных долин или оазисов. Отсутствие хороших средств связи до недавнего времени мешало объединению и слиянию даже родственных племен. Поездки были трудны, и обмен идеями и обычаями почти невозможен. В результате многие племена и кланы жили изолированно, сохраняя свои языки, диалекты, особую культуру и обычаи.

На одной из кабульских улиц столпились магазинчики, предназначенные для туристов. Если у меня выпадал свободный час, я неизменно посещал их, рассматривая старые кинжалы, мечи и щиты, любуясь глубокой синью ляпис-лазури, розовыми разводами редчайшего афганского оникса. Здесь продавали ковры и маты, масляные светильники и древние монеты, оригинальные серебряные украшения и рукописи. Когда я впервые наткнулся на эти лавки, меня больше всего заинтересовали вымазанные сажей деревянные болванчики. Их лица были мрачно-выразительны, а на головах виднелись шлемы или замысловатые прически. Они сидели, опираясь на мечи, или стояли. Их позы были монументально непо-движны. Некоторые фигурки были насажены друг на друга, составляя как бы дверные косяки. Собранные вместе в плотные ряды, они производили сильное впечатление. Изображение человека в мусульманской стране? Я стал приглядываться к фигуркам. Не напоминают ли они африканских болванчиков? Нет, другая манера работы, другие лица, другие выразительные средства, да и какая может быть связь между горами Афганистана и Африкой?

Я отправился в Кабульский музей, и там тоже обнаружил деревянные статуи чуть ли не в рост человека. Все они были привезены из Нуристана — горной провинции, расположенной к северо-востоку от Джелалабада. В ней живут племена, среди которых удивительно много голубоглазых людей — блондинов или рыжих. Болванчиков для продажи делают сами нуристанцы или по их образцам кабульские ремесленники.

Нуристан — труднодоступный район, покрытый густыми лесами. Высоко в горах водится снежный барс; до-

быть которого мечтают лучшие охотники мира. Возможно, наиболее образный рассказ о неприступности Нуристана описан в хрониках о походах Тамерлана. Жестокие набеги нуристанцев досаждали их соседям, и они попросили помощи полководца. Экспедиция, вероятно, представлялась Тамерлану легкой прогулкой, но кончилась полным поражением его армии. На горных кручах он растерял свою кавалерию, и его самого спускали со скал в корзинке.

За много столетий до него другой великий завоеватель, Александр Македонский, также столкнулся с голубоглазыми горцами, но при других обстоятельствах. Греков встретили по-дружески и устроили праздник, сопровождавшийся обильным возлиянием. Некоторые нуристанцы даже участвовали в индийской кампании Александра Македонского, но когда он отправился домой, они вернулись в родные горы.

Нуристанцы живут в бревенчатых рубленых домах, украшенных резьбой и деревянными человеческими фигурками. Они построены, как правило, на вершинах холмов или скал, на краю страшных обрывов — явно в оборонительных целях, и дети играют над пропастями, приучаясь к высоте и опасности.

Горцы предпочитают пользоваться столами и стульями, а не подстилками на полу, как их соседи. Музыка у них совсем другая, чем у окружающих народов; они, в частности, знают арфу. Нуристанки носят длинные юбки, а не шаровары, свободно общаются с мужчинами, участвуют в общих праздниках, вместе водят хороводы и поют. Пока что трудно сказать, каково происхождение жителей Нуристана. На их древних могилах встречаются деревянные изображения всадников. Может быть, это доказывает, что их предки были выходцами из Центральной Азии?

Нуристанская пастушеская аристократия большую часть времени проводит на горных пастбищах. В каждой деревне имеются ремесленники, которые обеспечивают ее жителей почти всем необходимым, кроме чая, сахара, керосина. Раньше ремесленники были как бы рабами пастушеской аристократии. Деньгами в горах по-прежнему мало пользуются, и богатство определяется количеством коров, овец и коз.

В Нуристане несколько долин, где обитают разные

племена. Каждое из них говорит на собственном языке, зачастую не понимая соседей, хотя все их языки — ветвь индоевропейской семьи. Здесь раздолье и для этнографов, и для лингвистов, и, возможно, их ожидают фантастические открытия.

В течение тысячелетий голубоглазые горцы последовательно отвергали буддизм, индуизм, ислам. Мусульмане называли их район Кяфиристаном — «Страной неверных». Лишь в конце XIX века армия, посланная эмиром Абдуррахманом, покорила эту область и обратила ее жителей в ислам, после чего провинция была названа Нуристан — «Страна света». Исламизация придала новый характер общественным отношениям в Нуристане, идеологии его жителей и их эстетическим воззрениям. Этот факт любопытен сам по себе. В то время как в Европе и Северной Америке происходила техническая революция, век пара сменялся веком электричества, капитализм уже приближался к своему зениту, а на горизонте сгущались тучи мировой войны, в Афганистане шли совсем иные исторические процессы.

...После многих поездок по Афганистану я стал смотреть на нуристанских болванчиков с особой симпатией, как на привет, принесенный из другой эпохи, такой далекой и такой близкой. Однажды я не устоял перед соблазном и накупил целый ящик черных фигурок с решительными выразительными лицами.

«Российское Советское правительство и Высокое Афганское государство имеют общие интересы на Востоке, оба государства ценят свою независимость и хотят видеть независимыми и свободными друг друга и все народы Востока. Оба государства сближают не только вышеуказанные обстоятельства, но и в особенности то, что между Афганистаном и Россией нет вопросов, которые могли бы вызвать разногласия и набросить хотя бы тень на русско-афганскую дружбу. Старая империалистическая Россия исчезла навсегда, и северным соседом Высокого Афганского государства является новая Советская Россия, которая протянула руку дружбы и братства всем народам Востока и афганскому народу в первую очередь» (из послания В. И. Ленина эмиру Афганистана Амануллэ-хану).

У афганцев есть притча. Однажды старого садовода спросили: «Какое событие в своей жизни ты считаешь самым радостным?» Он ответил: «Первый сбор плодов с посаженного мной сада». Эту притчу вспоминаешь, когда видишь в Джелалабаде темно-зеленые кипарисы, глянцевитую листву цитрусовых, сероватые кроны маслин. Дикая каменистая пустыня расстилалась здесь до самого горизонта десяток лет назад. Раскаленное безмолвие нарушал лишь перезвон верблюжьих колокольчиков. Советские люди вместе с афганцами превратили этот край в большой оазис. Они построили гидротехнический комплекс, плотину, ГЭС, магистральный канал длиной 70 километров. Вода сможет напоить 30 тысяч гектаров земли. На уже освоенных землях собраны коммерческие урожаи цитрусовых и маслин. Часть из них закупается Советским Союзом.

В Джелалабаде, в молодом апельсиновом саду, я встретился с сенатором Султаном Ахмедом Ширзоем, который был участником и свидетелем афганской истории в течение полувека. Он стоял у истоков советско-афганских отношений, беседовал с Владимиром Ильичем Лениным. Наша встреча произошла незадолго до кончины сенатора.

Ширзой неплохо говорил по-русски и, несмотря на преклонный возраст — ему было за 80, сохранил ясный ум и цепкую память. Он рассказал о своем первом путешествии в Россию. В те годы это действительно было путешествие, полное опасностей. Миссия во главе с Мухаммедом Вали-ханом в 1919 году направилась в Москву, чтобы подготовить обмен постоянными дипломатическими представителями. Почти полтора месяца афганцы верхом добирались до Ташкента — столицы Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики (ТА ССР). Об их прибытии сообщили по радио в Москву.

Ширзой придвинул ко мне блюдечко, наполненное орешками, каленым горохом и изюмом, потом произнес:

— Вы, молодые, даже не думаете о расстоянии, садясь в самолет в Кабуле. Не успел позавтракать, выпить стакан воды — и уже в Ташкенте. А в те годы...

Когда афганцы прибыли в Ташкент, они узнали, что правительство ТА ССР уже направило в Кабул своего полпреда Н. Бравина. Басмачи устроили засаду на Аму-

дарье, пытаясь его захватить. Бравин отбился, скитался несколько недель по афганским селениям и в августе добрался до Кабула.

Несколько месяцев афганские дипломаты провели в Ташкенте, отрезанные от Москвы белыми, и только после их разгрома смогли выехать поездом в столицу России. Они добирались тринадцать дней, в голоде и холоде, разбирая вместе с русскими пассажирами пристанционные заборы и заброшенные здания, чтобы топить паровоз. На одной из станций Оренбургско-Ташкентской дороги они встретили советского посла Я. З. Сурица, направлявшегося в Кабул. Сурпц прибыл в афганскую столицу в декабре 1919 года и приступил к подготовке договора о дружбе между Афганистаном и Советской Россией. Афганская миссия в Москве встретилась с В. И. Лениным.

Молодая Советская Россия и Афганистан, только что отстоявший независимость в войне против англичан, шли навстречу друг другу. Этому движению попыталась помешать Англия, надеясь вернуть с помощью интриг то, что она потеряла на поле боя. В январе 1921 года в Кабул прибыл для возобновления переговоров о заключении мирного договора с Афганистаном представитель Великобритании Генри Добс. Он сделал эмиру Аманулле следующие предложения: Англия передает ему в качестве дара 20 тысяч винтовок, 20 полевых батарей, вооружение для 20 пулеметных рот и обязуется выдавать ежегодно субсидию в размере 4 миллионов рупий, а в течение 25 лет выплатить еще 40 миллионов рупий, обещанных в свое время эмиру Хабибулле за соблюдение нейтралитета в первой мировой войне. В обмен Афганистан должен был аннулировать уже парафированный советско-афганский договор о дружбе, выслать из Кабула советского посла и всех лиц, присутствие которых Англия сочтет для себя «опасным». Добс также потребовал, чтобы афганское правительство вело переговоры с третьими странами через английское посредничество, то есть фактически признало бы английский протекторат. Афганцы отказались.

28 февраля 1921 года в Москве был подписан договор о дружбе между СССР и Афганистаном. Впервые в своей истории афганский народ увидел, что одна из великих держав, Советская Россия, проявляет уважение к его национальному достоинству и праву на самостоятельное,

независимое существование. Таким было начало. Так стали складываться новые отношения между великой и малой страной, основанные на принципах равноправия, добрососедства, взаимной выгоды.

— Много времени прошло с той поры, многое не удержалось в моей памяти,— говорил Ширзой,— но встречу с Ленным я запомнил. Запомнил и то, как мы готовили договор. За полстолетия ни одно облако не омрачило нашу дружбу с Совстским Союзом.

Рассказать подробно о советско-афганском сотрудничестве значило бы повторять, в частности, увесистые отчеты торгпредства и аппарата экономического советника. Поэтому я отмечу лишь, что многое в области экономики и просвещения Афганистана — дороги, рудники, заводы, показательные фермы, вузы, техникумы — так или иначе связано с содействием Советского Союза. Мы импортируем из Афганистана газ, хлопок, шерсть, кожи, сухофрукты, цитрусовые.

Долгие годы ушли на то, чтобы Афганистан упрочил свою государственность, разорвал сеть английских шпионаж, обуздал сепаратизм кочевой аристократии и межплеменную вражду. Когда лет двадцать назад он приступил к значительному по его масштабам экономическому сотрудничеству, ему пришлось преодолевать нищету, средневековую психологию, безденежье, отсталость, бюрократическую заскорузлость. В стране не было ни одного километра асфальтированных дорог. Перебросить тонну груза через Гиндукуш стоило дороже, чем перевезти ее по океанам вокруг земного шара.

В Афганистане разработали пятилетние планы и принялись их осуществлять, но выполнили намеченные задачи лишь частично. Это вызывало оскорбительные ухмылки западной буржуазной печати, которой был не по душе нейтралистский независимый курс Афганистана и его дружественные отношения с Советским Союзом. Но ведь экономическое строительство происходило в стране, где помещикам принадлежало около 70 процентов всех обрабатываемых земель, многие крестьяне целыми семьями или даже селениями состояли фактически в крепостной зависимости, национальный доход на душу населения был намного ниже 100 долларов в год. Только каждый

десятый умел читать и писать, а начальную школу посещала лишь пятая часть детей. Больниц катастрофически не хватало. С учетом всего этого, скорее, надо удивляться тому, что кое-что было сделано, а не тому, что многое не сделано.

Почти завершенное кольцо дорог с асфальтированным или бетонным покрытием впервые в истории связало главные районы Афганистана в единый экономический организм. Была начата добыча газа, который превратился в важнейший экспортный товар. Набирал мощность Джангалакский авторемонтный завод, появилась химическая промышленность.

«За три пятилетки у нас произошли кое-какие сдвиги,— говорил мне экономист Абдель Азиз Фаруг.— Выросла занятость, появился рабочий класс, первые квалифицированные кадры. Но сейчас мы подошли к новому трудному перевалу. Положение остается серьезным. Мы даже не можем освоить всю иностранную помощь. Ведь на каждый доллар помощи мы должны вкладывать 40 афгани в местной валюте, а этих 40 афгани у нас как раз и нет. Одна из наших трудностей — отсутствие базовой статистики. Мы до сих пор не знаем, сколько у нас жителей — 13 или 18 миллионов. Не знаем их доходов, демографического движения». Наша беседа состоялась в декабре 1972 года.

Мой собеседник не был пессимистом. В его словах сквозил суровый реализм. Когда я говорил с ним или с другими экономистами об отдаленном будущем, не о ближайших годах, а о десятилетиях, судьба Афганистана отнюдь не казалась им мрачной. Сейчас многие страны, производящие нефть, уровень развития которых еще ниже, чем Афганистана, вытащили счастливый билет. Возможно, им удастся совершить прыжок и преодолеть вековую техническую и культурную отсталость, сломав заодно и реакционный социально-политический строй. Но кто знает, не потребуется ли человечеству после нефти какое-нибудь другое сырье, за которое оно будет готово платить любую цену, и это сырье может как раз оказаться в Афганистане. Ведь его недра — сокровищница.

Долго считалось, что древние очаги цивилизации в Афганистане были обязаны своим существованием караванным путям или оросительным системам. Сейчас обнаруживается, что много веков назад его территория была

и кузнечным цехом, и плавильной мастерской. «Мы открываем медь и свинец, железо и ртуть — и во многих местах находим следы заброшенных древних выработок,— рассказывал мне советский геолог Владимир Михайлович Чмырев, советник афганского министерства горных дел и промышленности.— Чего стоят, например, пятитонные жерлова, обнаруженные на месторождениях рудного золота в южной провинции Мукур».

Белое пятно геологической карты в центре Азиатского материка закрашивается всеми цветами с помощью советских специалистов.

О газе я уже упоминал. Под Гератом начались разработки барита — минерала, необходимого для химической промышленности, для бурения скважин и производства красок. В пойме реки Пяндж готовятся к освоению богатые россыпи золота. Недалеко от Бамиана открыты крупнейшие в Азии месторождения высококачественных железных руд. Они залегают в тяжелых горных условиях и далеко от дорог. Но не вечно оставаться железу нетронутым в недрах гор. Найдены промышленные запасы плавикового шпата, слюды, лития, тантала. В провинции Нуристан обнаружен редчайший драгоценный камень — кунцит. До сих пор он встречался в значительных размерах только на Мадагаскаре.

Богатые месторождения меди стали своего рода сенсацией. Они были обнаружены в местах, где безуспешно работали французские и западногерманские геологи. Месторождения находятся буквально в часе езды от Кабула рядом с хорошей дорогой. Разведка меди также не обошлась без историко-археологических сюрпризов: на глубине нескольких десятков метров были обнаружены ходы, проложенные горняками древности. Находка дает пищу для ума людям отнюдь не геологической профессии, так как ходы настолько узки, что в них могли работать либо дети, либо вымершие сейчас племена низкорослых людей.

Мне одно время казалось, что по уровню развития Афганистан без Кабула — это примерно Северный Йемен. Я немало поколесил по стране и убедился, что ошибался. Афганистан в лучшем положении, чем была вся Аравия до открытия нефти, до того как ее оросил золотой дождь. У него больше населения, чем в Аравии, есть университет, политехнический институт, техникумы, кое-какая

промышленность. В Афганистане много плодородной земли и воды. Конечно, нужны крупные капиталовложения в ирригационные системы, культурная революция и ломка отживших аграрных отношений, но сельскохозяйственный потенциал велик. К тому же эта страна когда-нибудь сможет стать азиатской Швейцарией, и сюда потянется массовый турист, а не хиппи или пресыщенный толстосум.

Но все это — не завтра и не послезавтра. Афганская действительность сурова и горька.

В первый раз я прилетел в Афганистан в декабре 1972 года и остановился в большой, пустой и гулкой гостинице «Кабул». В ней были горячие батареи. Но город по ночам мужественно коченел от холода, слегка отогреваясь под дневным солнцем. По вечерам опускался морозный туман, и в тусклом свете редких фонарей двигались похожие на привидения фигуры, закутанные в поношенные пальто или старые ватные халаты. Некоторые несли под одеждой на груди горшочек с горячими углями. Я удивился, увидев, что афганцы закутывают шарфом голову, оставляя босыми ноги в сандалиях.

Как бы тяжело ни было в Кабуле, город жил. А там, за снежными хребтами, замерзали деревни. Вьюжные ветры заносили караванные тропы. Было ясно, что многие, кому не придет помощь, до весны не доживут. Сначала умрут старики и дети, женщины, потом мужчины.

Я зашел в штаб по оказанию помощи пострадавшим районам. Он был расположен в микрорайоне, который называли «Кабульские Черемушки». Меня принял руководитель штаба — афганский генерал. «Мы не знали таких бедствий, наверное, лет сто,— рассказывал он.— Этим летом стало ясно, что угрожающее положение сложилось в Центральном Афганистане, в некоторых районах Герата и Памира. Нужно было организовать переброску продовольствия, теплой одежды, медикаментов до снегопадов, пока не закрыты перевалы, чтобы люди могли пережить зиму».

Операторы в штабе день и ночь не отходили от радиопередатчиков, дежурные офицеры отмечали на картах и диаграммах движение автоколонн, работал телефонный узел, мчались «газики» со связными. Бойцы афганской армии на грузовиках, с караванами верблюдов и мулов

пробивались по жуткому бездорожью, по кручам, над бездонными пропастями. Они везли продовольствие голодающим, рискуя остаться отрезанными на зиму от внешнего мира. «Мы делаем все, чтобы продовольствие попало тому, кому оно предназначается, чтобы не допустить хищений. Но не поддается учету, сколько разворовывается по дороге,— признался мне с горечью один афганский офицер.— А потом начинается спекуляция на человеческой жизни, на страданиях и горе».

В районах, пораженных голодом, крестьяне продавали землю и детей, спасаясь от смерти. Крупные помещики, ростовщики, торговцы и чиновники наживались.

Стихийные бедствия и голод усугубили кризис режима, истощили и без того скудные ресурсы Афганистана. Правительство и короля в Кабуле ругали, почти не таясь. Ходили слухи, что в королевском дворце устраивались оргии, достойные маркиза де Сада, и что король окружил себя жалкими прихлебателями. Один студент говорил мне с возмущением: «Посмотрите на дворец короля. Он давно не ремонтирован. Вы знаете почему? Не хочет тратиться. Все деньги заранее переводит за границу... На всякий случай...» Было все это правдой или нет, но такие слухи подрывали престиж правящей семьи. Рассказывали, что в разгар голода человек, стоявший на высшей ступени бюрократической лестницы, выписал себе роскошный автомобиль, от которого из-за его дороговизны отказался президент крупной западноевропейской страны.

Многотысячные толпы людей стекались в города и не находили там никакой работы. Остались без дела полтора десятка тысяч выпускников лицеев: у них не было технической специальности, они мечтали о продолжении учебы или работе «белых воротничков», но ни в университете, ни в госаппарате для них не нашлось места. В столичных вузах не прекращались волнения. Парламент, где заседали представители феодально-племенных кланов и мусульманского духовенства, многие из которых были неграмотны, блокировали даже скромные попытки реформ. Бандитизм сделал опасными многие дороги. Афганистан находился в тупике, из которого его могла вывести лишь смена режима.

Никто в Афганистане ни тогда, ни сейчас не отрицал, что и королевское правительство кое-что предпринимало

в интересах страны. Называли, в частности, [illegible] аспекты внешней политики — курс на укрепление независимости, нейтралитета, дружественных отношений с Советским Союзом. Но афганский монархический режим стал анахронизмом, пережил самого себя, не смог преодолеть крутой исторический перевал, перед которым оказалась страна.

Может быть, наиболее очевидным проявлением кризиса старого режима был бюрократический склероз администрации и ржавчина взяточничества, кумовства, которая порождала цинизм, апатию, чувство безысходности.

Ученые спорят о причинах отсталости Востока по сравнению с Западом в средние века. Этот спор, конечно, не решить односложным ответом. Но, по-моему, одной из главных причин этого отставания, то есть относительного упадка мусульманской, китайской, индийской цивилизаций, была чудовищно разросшаяся бюрократия в странах Азии, гораздо большая, чем в Европе. Бюрократический аппарат, столь привлекательный на первый взгляд для монарха или диктатора, создает иллюзию «порядка», исполнения приказаний «сверху». Но, необычайно расширяясь, он превращается в паразитическую, самодовлеющую, мертвящую систему, в которой нарушается обратная связь между потребностями общества и ответом на них со стороны власть имущих. Западная Европа и ее историческое продолжение — США подпялись, в частности, потому, что многие сферы жизни, особенно экономика, оказались предоставленными сами себе — частной инициативе. В период своего подъема капитализм отвергал вмешательство государства в сферу экономики и обратился к помощи государственно-бюрократической машины на своей монополистической стадии.

Афганистан более сорока лет не знал войн и разрушений. Но феодально-племенная верхушка вместе с бюрократическим аппаратом высасывала из населения все соки. Полученный прибавочный продукт и часть необходимого продукта, отнятого у труженика, верхушка просто «проедала», используя непроизводительно на предметы роскоши, переводя в швейцарские банки. В такой обстановке афганский народ не мог в полной мере использовать преимущества взаимовыгодного экономического сотрудничества с Советским Союзом.

Когда в ночь с 16 на 17 июля 1973 года по улицам Кабула загрохотали танки, никто особенно не удивился. В это время провинциальные гарнизоны обычно прибывали в столицу для участия в параде по случаю Дня независимости. Однако лязг гусениц на этот раз означал государственный переворот.

Армия захватила радиостанцию, почту, телеграф, телефон, аэродром, правительственные учреждения. К пяти утра все было кончено. Переворот совершила группа патриотически настроенных офицеров, создавших Центральный комитет во главе с Мухаммедом Даудом. Смена власти прошла почти бескровно. Среди убитых было четыре полицейских, два солдата и водитель танка, свалившийся в реку.

В 7.20 утра 17 июля Мухаммед Дауд объявил по радио, что королевский режим ликвидирован и Афганистан провозглашен республикой. Он начал свое выступление словами: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного... Фальшивая пропаганда последних десяти лет не могла скрыть горьких фактов, которые свидетельствовали о полном упадке и банкротстве афганской экономики, администрации, социально-политической жизни». Дауд отмечал, что в обстановке «нищеты, нужды и несчастья» силы, представлявшие старый режим, «были способны добиваться лишь своих материальных и политических целей... Подлинные патриоты с глубоким сожалением и негодованием наблюдали это ужасное положение своей страны. Предыдущий режим стал настолько коррумпирован, что не осталось никакой надежды на его реформу. Поэтому все патриоты, особенно патриотически настроенные вооруженные силы Афганистана, решили положить конец этой прогнившей системе и спасти нацию от бедствия».

На пресс-конференции 25 июля Дауд так резюмировал причины переворота: «Когда нация стоит на пороге катастрофы, когда коррупция правительственных институтов достигает наибольшего размера и надежды на реформу полностью потеряны, тогда обязанность каждого патриота — идти на спасение своей страны».

23 августа 1973 г. Мухаммед Дауд передал по радио обращение к нации по поводу 55-й годовщины независи-

мости Афганистана и вновь дал оценку прежнего режима. Глава государства и премьер-министр, в частности, обвинил королевский режим «в антинациональной политике». «Экономика двигалась к полному развалу и банкротству,— заявил он.— Экономическое планирование стало служить личным интересам и фантазиям. Экономический рост прекратился, не происходило накопления капиталов. Объем капитальных вложений государства уменьшался из года в год... В настоящее время экономика страны основывается на сельском хозяйстве, которое дает 90 процентов валового национального продукта. Устаревшие методы ведения сельского хозяйства вместе с древней отсталой техникой, которая, к сожалению, есть еще в нашем обществе, привели к нищете наших крестьян, к ограничению национального рынка и к низкой покупательной способности населения и недостатку сырья...

Уровень жизни, культуры, общественного здоровья на нашей родине — самый низкий в мире,— продолжал глава республики.— В течение последних 10 лет уровень жизни народа Афганистана значительно упал, в то время как прожиточный минимум вырос... Деспотизм и жестокость влиятельных и высших государственных чиновников усилились, и коррупция распространилась среди администрации. Обогащение за счет государственной казны, использование в корыстных целях национального богатства стали преобладающими. В стране правил закон джунглей, деспотизм и анархия».

Мухаммед Дауд говорил о тяжелом наследии, которое получила республика от старого режима. «Администрация абсолютно коррумпирована и устарела,— подчеркивал он,— социальная несправедливость существует во всех сферах жизни. Нищета, безработица, болезни и неграмотность господствуют в стране. Дискриминация, неравенство привели к пездоровым последствиям. Таким образом, перед нами десятки трудностей, которые нужно преодолеть, и сотни срочных национальных задач, которые должны быть решены».

Поспешная попытка разом преодолеть века отсталости и немедленно все преобразовать — это безнадежный и незрелый акт,— продолжил Дауд,— поэтому мы должны двигаться вперед, реформируя наше общество и обеспечивая лучшую жизнь для населения, с мудростью и

терпением, правильно оценивая и максимально используя все возможности».

Королевский режим пал от небольшого сотрясения, как перезревший плод. Но новая власть не ставила перед собой задачи отомстить сторонникам монархического порядка. Королевской семье была предоставлена возможность выехать в Италию, где в это время находился низложенный монарх. Захир-шах вскоре объявил об отречении от престола.

Глава Афганской Республики Мухаммед Дауд, двоюродный брат короля, женатый на его сестре, получил образование в Афганистане и во Франции. С 1932 по 1945 год он занимал ряд важных военных и административных постов и дослужился до звания генерал-лейтенанта. В 1948—1951 годах он был министром национальной обороны, а с 1953 по 1963 год — премьер-министром. Его правительство пыталось развить национальную экономику, создать государственный сектор, ввести элементы планирования. Во внешнеполитической области оно придерживалось принципов нейтралитета и неприсоединения.

Вскоре после государственного переворота были обнародованы три указа. Они регламентировали основные вопросы законодательной, исполнительной и судебной власти. Были аннулированы те положения конституции 1964 года, которые не соответствовали республиканскому режиму. Полномочия короля, как главы государства, передавались главе республики. Были объявлены недействительными положения конституции, касавшиеся парламента, внесены изменения в судопроизводство. В то же время отмечалось, что статьи законов, действовавших до 17 июля 1973 года, оставались в силе, если они не противоречили духу указов и законов республики. Таким образом, основные функции законодательной, исполнительной и судебной власти до принятия новой конституции сосредоточивались в руках главы государства и правительства Мухаммеда Дауда.

Новое правительство, сочетая твердость и умение маневрировать, осуществило ряд преобразований. Оно провело чистку в армии, уволило в отставку полсотни высших офицеров. Политическая активность партий была приостановлена, а все газеты и журналы, за исключением правительственных, закрыты. Одним из первых ак-

тов республиканского режима было решение построить новую мечеть, чтобы подчеркнуть свою лояльность исламу. Но несколько раскрытых антиправительственных заговоров говорили о том, что противники Дауда отнюдь не сложили оружия.

Республиканский режим стремился расширить свою социальную базу, увеличить число сторонников. Крупные чиновники и судьи, замаранные взятками и спекуляцией, лишались постов и отдавались под суд. Пытались покончить с застарелой болезнью Афганистана — кумовством и семейственностью. На месте ставленников феодально-монархической верхушки появлялись молодые, образованные, патриотически настроенные люди. Специальные инспекторы обнаружили в тюрьмах Кабульской провинции около тысячи заключенных, которые по десять лет ожидали суда. Большинство из них освободили. «Когда старое меняется на новое, нужно объяснить людям достоинство нового,— говорил в беседе со мной заместитель премьера Мухаммед Хасан Шарк.— Мы должны поднять жизненный уровень населения. Если мы будем болтать и обещать впустую, мы потеряем авторитет. Политическое сознание большинства людей невысоко. Они смогут различить режимы только тогда, когда увидят перемены собственными глазами».

Впервые в истории Афганистана были приняты законы о труде. Рабочий день ограничили восемью часами и несколько повысили зарплату. Кое-кто стал пользоваться пенсионным обеспечением и бесплатным медицинским обслуживанием.

Новому правительству удалось избежать большого роста цен на важнейшие продовольственные товары, в том числе на хлеб и сахар. Лавочники, нарушавшие установленный максимум цен, беспощадно штрафовались. Армейские подразделения привезли частные склады, чтобы не допустить укрывательства товаров.

«Республиканское правительство имеет в виду провести земельную реформу в интересах большинства населения Афганистана»,— заявил Мухаммед Дауд. Правительство намерено было действовать решительно, но с осмотрительностью и без поспешности. Оно не собиралось со счетов ни влияния феодально-землевладельческой верхушки, ни воздействия реакционного мусульманского духовенства на значительную часть населения. Поэтому,

как говорил в беседе со мной Шарк, аграрную реформу начали с распределения земель, принадлежащих государству. И первые тысячи гектаров передали безземельным крестьянам. Это был символический жест, как вспышка света, которая донеслась из будущего. Что касается второго этапа, то его контуры правительство разрабатывало, взвешивая реальную ситуацию в стране. По замыслу руководителей страны, арендатор должен превратиться в собственника земли, а владения помещиков должны быть значительно ограничены.

— Как вы оцениваете нынешнее состояние афгано-советских отношений и их будущее? — спросил я Шарка.

— Более полувека мы жили как добрые соседи,— ответил он.— Никто и ничто не может создать напряженности между нашими двумя странами. С точки зрения преемственности и прочности история не знает примера столь дружественных отношений между соседними странами с различными политическими системами. На нашей границе нет военных укреплений. Днем наши соседние народы спокойно трудятся, ночью они спокойно спят. Одна из основных целей нашей внешней политики — и дальше укреплять и развивать дружественные отношения между Афганистаном и Советским Союзом.

«Пакистан — единственная страна, с которой мы имеем разногласия»,— заявил вскоре после переворота Мухаммед Дауд. Речь шла о судьбе пуштунов и белуджей, то есть племен, родственных афганским, но живущим по ту сторону границы с Пакистаном.

26 июля 1973 года, выступая на пресс-конференции, Дауд заявил: «Вопрос о Пуштунистане — реальность, которую нельзя отрицать. Мы надеемся, что обе стороны, проявляя понимание этой реальности и на условиях взаимной доброй воли, смогут найти дружественное, мирное и почетное решение этой проблемы».

Проблема Пуштунистана не перестает волновать афганцев более восьмидесяти лет. В 1893 году англичане установили границу своей Индийской империи таким образом, что разбили на две части народ пуштунов, которых по ту сторону Хейберских ворот называют патанами. Это разделение стало источником пограничных трений, постоянных волнений, а иногда и восстаний.

После завоевания независимости Индией и Пакистаном Кабул не раз требовал предоставить пуштунам, жи-

вущим в Пакистане, право на самоопределение. Афгано-пакистанские отношения раскалялись настолько, что дважды — в 1955 году, а также с сентября 1961 по июнь 1963 года между двумя странами разрывались все связи, в том числе дипломатические, консульские, транспортные.

Из четырех областей Пакистана, которые сохранились в его составе после отделения Бангладеш, одна — Северо-Западная Пограничная провинция — населена патанами (пуштунами), другая — Белуджистан — родственными им белуджами. Пакистанское правительство, отвечая Кабулу, выдвигает тот аргумент, что, если история, раса, язык будут критерием при определении межгосударственных границ, многие из них придется изменить. Президент Пакистана Бхутто заявил, что не может быть никакого компромисса в вопросе, касающемся суверенитета и территориальной целостности его страны.

В Кабуле я сел на самолет «ЯК-40» местной авиакомпании, направлявшийся в Герат. Со мной было несколько по-европейски одетых афганцев, группа американских туристов — пожилых бакалейщиков и старых дев и один туркмен в потрепанном халате, который сопровождал больную мать. Летчики-афганцы обучались в Советском Союзе и с удовольствием приветствовали меня по-русски. В полете они пригласили меня в кабину, и мы прослушали прогноз погоды, переданный из Ташкента и составленный, как мы знали, с помощью спутника Земли. Мы летели над заснеженными горами и сухими степями. Где-то внизу шли караваны, в палатках кочевников жались к костру люди, а в глинобитных постоялых дворах сидели на ватных одеялах, скрестив ноги, бородатые торговцы и пили из пиал чай. На земле жизнь человека вращалась вокруг насущных проблем — пищи, крова, тепла, продолжения рода.

Стоял ноябрь. В Герате по ночам хрупкий слой льда покрывал арыки. Снежная пороша выбеливала степи, окружающие оазис, припудривала кипарисы. Мертвые, схваченные морозом листья чинар шуршали. Но не для того, чтобы согреть себя, а чтобы добыть пропитание, с утра до позднего вечера стучали чеканщики в медных рядах, стеклодувы плавили заготовки, превращая их в стаканы или пиалы, а гончары обжигали глиняные горш-

ки. Почему в Афганистане сохранилось столько прекрасных ремесленных изделий, которые в Европе могут украсить лавку антиквара или даже стенд музея? Потому что ремесленная традиция здесь не прерывалась. Ремесло — часть повседневной жизни, оно призвано удовлетворять обыденные потребности афганцев — от многоведерного пузатого самовара до кинжала с тонкой резьбой на ножнах, от звонкого глиняного кувшина до серебряного браслета. Слишком долго Герат, как и многие другие города Афганистана, был связан с внешним миром лишь караванными тропами и плохими дорогами, слишком узка была щель, чтобы через нее могли проникнуть изделия фабрик и заводов, ветер перемен.

В древнеиранской священной книге «Авеста» Герат упоминается под названием «Гери» как одно из самых благословенных мест, созданных богом Ахурамаздой. Хорасан в средние века охватывал значительно большую территорию, чем современная иранская провинция, и Герат входил в его состав. Тогда говорили: «Хорасан — раковина земли, а Герат — жемчужина в ней».

С тех времен в городе остались голубые мечети, соперничающие с исфаханскими, и башни минаретов, которые напоминают о грандиозных сооружениях прошлого. Но Герат на меня произвел впечатление более сильное, чем голубой волшебник Исфахан. Памятники там — чудо искусства, но их слишком аккуратно отремонтировали, слишком тщательно стерли следы веков, превратив в блестящие шкатулки. И еще — они расположены в городе, полном людей, одетых по-европейски. В Герате же творения средневековых зодчих сохранились, так сказать, в своем первозданном виде. Их окружают ремесленно-торговые ряды, мало изменившиеся за столетия, их посещают люди, одетые в национальные костюмы.

Больше всего мне запомнилась могила знаменитого поэта Востока Ансари. Чтобы пройти к ней по двору мечети, я снял обувь и почувствовал под ногами холод истертого отполированного камня. Около мечети было кладбище. Я огляделся. Старики с седыми бородами сидели между мраморных плит и могильных стел и грелись на позднем осеннем солнце, перебирая четки. Громко ворковали голуби. Ни звука современного мира не доносилось сюда. Изысканная глазурь на стенах растрес-

калась и облезла. Сталактитовые айваны были выщерблены. Над могилой Ансари была построена нелепая деревянная беседка, похожая на ящик. Один из стариков показал мне другой черный камень, покрытый изумительной резьбой, лежащий на могиле какого-то третьестепенного правителя.

Здесь рождалось удивительное ощущение сопричастности к истории. Я почувствовал себя словно на кладбище великой цивилизации и, как когда-то в Шибаме, подумал о том, с каким энтузиазмом и восхищением великие европейские путешественники по Азии и Африке открывали неизвестные памятники в те времена, когда не было ни путеводителей, ни антибиотиков, ни самолетов.

Потом я посетил мавзолей Аллишера Навои в сосновой рощице, где вода журчит по арыкам и шумят деревья. Это было современное непримечательное сооружение над строгим надгробием.

...Более десятка лет назад афганские и советские строители проложили бетонированное шоссе Кушка — Герат — Кандахар. Оно вступило в строй на несколько лет раньше, чем знаменитая трасса через Салант, ведущая из Кабула на север. Закипел, возродился древний Герат и начал меняться на глазах. Когда едешь по шоссе, снова и снова убеждаешься, что семена советско-афганского сотрудничества дали на этой земле добрые всходы. Если видишь здания элеватора или современной гостиницы, то афганцы говорит: «Это — советский элеватор, советский отель»,— хотя, конечно, принадлежат они афганскому народу.

Мы со школьной скамьи знаем, что Кушка — самая южная точка нашей страны. Но для советских людей, которые оказались в афганском городе Герате, она, естественно, лежит на севере. Когда кто-нибудь из них собирается в Кушку за газетами, письмами или черным хлебом, то говорит: «Поехал на север, домой».

В Герате живут семьи наших дорожников, ветеринаров, представителей «Автоэкспорта» и «Тракторэкспорта», переводчиков. Когда пишут о советском человеке за границей, обычно предпочитают браться за что-то весомое,— если коллектив, так уж сотни людей, если стройка, так уж металлургический комбинат или большая плотина, если коммерческая сделка, так на многие миллионы рублей. Но сколько наших людей, разбросанных неболь-

шими группами по белу свету, выполняют неброскую будничную работу, которая необходима как для нас и наших внешних связей, так и для тех стран, куда их занесла судьба. Ветеринары или дорожники не только делают свое дело, но и представляют Советский Союз, хотя и без зеленого дипломатического паспорта. По их поведению, взглядам, умению найти общий язык с местными жителями и коллегами создается обобщенный образ советского человека за рубежом, в данном случае — в Афганистане.

Естественно, что во время зарубежных поездок я много встречался с нашими людьми. Меня принимали по-разному, но одно могу сказать определенно: чем глуше был угол, куда я забирался, чем тяжелее условия, в которых жили мои соотечественники, тем теплее и внимательнее ко мне относились. Герат не составлял исключения, поэтому упомяну на этих страницах добрым словом хотя бы несколько имен.

Анатолий Петрович Спиридонов — дорожник. Он был еще среди тех, кто строил участок Герат — Кандахар, когда техника раскалялась так, что оставляла на руках ожоги. Изобретательные русские люди из подручных средств сделали и вставили в окна времянок «кондиционеры» — наволочки, набитые увлажненными колючками, и злой жаркий ветер, проходя через них, охлаждался.

Николай Николаевич Давыдов — ветеринар. Группа, в которой он работал, спасла от падежа десятки тысяч голов скота, а заодно и не пустила эпизоотию в нашу Среднюю Азию. Он говорил мне полушутя-полусерьезно: «Великое дело — иммунитет. Сибирская язва косит здесь скот. Но афганцы, если замечают больное животное, тут же режут его — и в котел. И ведь не болеют люди».

Юрий Алексеевич Ванслав представлял «Автоэкспорт». Он был не только коммерсантом, но и инженером-консультантом, и автомехаником, и гостем на свадьбах и прочих торжествах. «Если бы наш автоинспектор увидел ЗИЛ, превращенный в трехэтажный автобус, набитый сотней пассажиров,— говорил он мне.— Но... афганский транспорт действует. И, к слову сказать, большинство машин — наших марок».

Дорогу Герат — Кандахар — Газни — Кабул я проскочил за два дня. Впечатления были отрывочные и поверхностные. Запомнились кандахарские гранаты, может

быть лучшие в мире, которые с трудом помещаются на ладони. Когда их разламываешь, то зерна светятся, как рубины, а вкус — божественный. На кандахарских базарах чувствовалось дыхание Индии и Пакистана — в одеждах, в лицах людей, в говоре толпы. Даже из харчевен нередко доносился острый запах карри — спутника многих блюд южноазиатского субконтинента. На юг от Кандахара до пакистанского Белуджистана лежит незаселенная песчаная пустыня. Но через нее, как и тысячи лет назад, идут караваны с легальными и нелегальными товарами. Афганистан — это живая история, которая рассказывает понятным и образным языком о терниях рода человеческого. И невольно думается, что английское владычество над этими краями, как и над соседними Индией и Пакистаном, было всего лишь эпизодом, похожим на греческое завоевание в глубокой древности...

Под Газни — глинобитным средневековым городом в сухой степи одиноко стоят башни минаретов, напоминая о его прошлом величии. Недалеко от них — непримечательное сооружение — мавзолей султана Махмуда, основателя империи Газневидов. Я заглянул внутрь. Мавзолей был безлюден. Султан воевал, убивал десятки тысяч людей, грабил, создавал империю, мучимый тщеславием, собирал при дворе поэтов, философов, ученых. Потом был прах и забвение.

Дорогу преградила пыльная буря. Она была серого цвета и постепенно чернела. Струйки песка, как потоки воды, переходестывали через шоссе. Мой шофер решительно повернул в город:

— Переждем бурю. В это время года она не может быть долгой,— сказал он.— А заодно купим мумиё.

— Что такое мумиё?

— Вы не знаете мумиё? — на лице шофера было написано искреннее изумление.

Мы зашли в лавку, где торговали крупной желтоватой солью, хозяйственным мылом, перцем и пряностями. Из мешка мне достали несколько кусков окаменевшей смолы грязно-коричневого цвета с запахом, слегка напоминавшим деготь, но с примесью аромата тропических лекарственных трав. Я на всякий случай взял два фунта этого снадобья. Мои друзья и знакомые в Кабуле упрекали меня в легкомыслии и говорили, что нужно было ку-

нить больше, что мумиё в Газни — лучшее в Афганистане, что это — одно из таинств Востока, что оно — чудодейственное средство от самых разных болезней. Мне напоминали о статье в «Науке и жизни», которую я пропустил. Не буду перечислять, от чего, как утверждают, помогает мумиё, а то меня упрекнут в знахарстве. Но однажды я решил попробовать, не спасет ли это чудо-лекарство от бессонницы. Использовал я его не сложным способом, как это положено, а по совету шофера, размешал пару граммов мумиё в стакане горячего молока. Получилась жижа, довольно отвратительная на вид, но безвкусная. Я ее выпил. Результат получился обратный: я не спал всю ночь и весь следующий день ходил в лихорадочном возбуждении. Больше я не экспериментировал и, так как ни у меня, ни у моих родных не было болезней, против которых мумиё должно было помогать, я разбил его молотком на куски и раздарил в Москве друзьям.

«Я никогда не смогу вырвать из своего сердца прелести Кабула, как никогда не смогу выразить силу моей жажды вернуться в него»,— писал Бабур, основатель империи Великих Моголов, своему сыну, губернатору города. Для жителей раскаленных равнин юга и тропической Индии свежий горный воздух Кабула, звон воды в арыках и тень его садов были усладой, о которой можно было только мечтать. Бабур вернулся сюда и лежит в простом мавзолее в одном из его любимых кабульских садов.

История Кабула полна ярких событий. В городе видишь камни, которым тысячелетия, и памятники сравнительно недавней войны за независимость. Никто не знает, когда был основан город. Некоторые находят имена, похожие на названия афганской столицы, в Ведах и Авесте. Во II веке до нашей эры Птолемей писал о Кабуре — столице страны Каболитае. Позднее в текстах на пехлевийском языке в сасанидский период появляется упоминание города Кабула.

Один из английских путешественников прошлого века записал пуштунскую легенду, которая утверждает, что предками афганцев были два сына Ноя — Какул и Хабул. Они долго спорили, в честь кого из них назвать основанный ими город, и сошлись на том, что первый слог

возьмут от первого имени, а второй — от второго. Так появилось название Ка-бул.

В Кабуле я снова столкнулся с именем Каина, могила которого якобы находится в городе Адене. По-персидски двух сыновей Адама — Каина и Авеля зовут Кабиль и Хабиль, и именно первый будто бы основал Кабул.

Есть и другая легенда. Когда-то, гласит она, на месте Кабула было большое озеро. В центре его лежал остров, на котором жил весельчак, предававшийся музыке и танцам. Однажды великий царь посетил эти места и захотел побывать на острове, но не нашел лодки, чтобы пересечь. Тогда он приказал привезти из окрестных селений соломы — «ках» и построить из нее мост — «пул». Места так понравились ему, что он основал город, назвав его в память о мосте — Ка-пул.

Но довольно рассказов и легенд, потому что нет им конца.

В Кабуле сейчас полмиллиона жителей, и ему еще предстоит превратиться в город, похожий на большинство азиатских столиц. На высотах, окружающих его, почти есть даровая земля. Хижины бедняков лепятся по склонам гор и кажутся издали не творением рук человека, а прихотливой игрой природы. В Кабуле есть водопровод, но есть и водоносы, которые поднимаются с тяжелыми бурдюками туда, где живут немудрые. В этом смысле социальная топография Кабула противоположна Тегерану, где у подножья гор живут самые богатые люди.

Река Кабул — кровеносная артерия города, потому что без нее не было бы плодородной долины. Река течет бурным потоком лишь весной, когда тают снега, остальное время она — жалкий ручей. Ее используют и как бассейн, и как прачечную, и как туалет. Даже зимой можно увидеть обнаженных людей, которые обмываются в ледяной воде. Женщины, одетые в синие или коричневые «бурка», сидят на камнях и стирают белье, отбивая его гладкими камнями. А над ними через подвесные мосты течет поток людей — пуштунов, таджиков, хазарейцев, узбеков.

Два десятка лет назад на площади Пуштунистан стояла беседка. Рано утром в нее приходили барабанщики и дробным стуком будили город. Сейчас на месте

беседки фонтан, а горожан в центральных кварталах поднимают с постели клаксоны автомобилей. На главных улицах построены многоэтажные дома, появились большие магазины и кинотеатры. Но пройдешь несколько километров от центра — и ты как бы отдаляешься от современности на несколько веков, попадая в старый город. Здесь узкие кривые переулки образованы глинобитными стенами, а по ним текут ручейки с нечистотами. Но ты идешь дальше и на окраине города видишь комплекс Кабульского политехнического института — ансамбль современных зданий, десятки аудиторий и лабораторий, парк, клуб с кинозалом, спортивный зал, плавательный бассейн, общежития.

Кварталы, освещенные электричеством, не отделены непроходимой стеной от старого города. Его жители наполняют улицы и площади, приходят поглазеть на магазины, наполненные иностранными товарами, или посмотреть индийские кинофильмы. Из репродукторов доносится своя и индийская музыка.

Примерно за час до темноты, когда солнце садится за пики гор, резко холодает и улицы пустеют. Закрываются лавки. Тысячи тележек бродячих коробейников скрываются в переулках, и их хозяева запахиваются в халаты и ложатся рядом с ними, если у них нет другого крова. Быстро наступает вечер. В домах и харчевнях готовят пищу, и город наполняется запахом еды и дымом очагов. Дерево в Кабуле продают на вес на специальных базарах, и каждое полено стоит дорого. Поэтому в холодные зимы дома просто не отапливаются. Торговцы вдоль берега реки, для которых их «торговая точка» — и кров и дом, зажигают масляные лампы, и цепочка огней издали кажется странным хороводом.

Я не раз прилетал в Кабул, бродил по его улицам, площадям, базарам. Всматривался в лица людей, отмечал знакомые и новые черты городского быта. Изменился ли Кабул за последние два-три года? Многое осталось прежним, но в его жизни ощущаешь свежую струю перемен. В центре видишь все больше женщин, навсегда сбросивших «бурка». Некоторые из них работают в учреждениях.

Уже есть генеральный план реконструкции Кабула, рассчитанный на 25 лет и составленный при сотрудничестве с советскими градостроителями. На макетах и чер-

тежах можно видеть Кабул будущего, когда его река станет постоянно полноводной благодаря новой большой плотине, а на берегу поднимутся 10—12-этажные здания.

Тот, кто ожидал, что одна лишь смена власти способна преодолеть вековую отсталость, и бедность, и средневековую психологию, легко может впасть в пессимизм. В Кабуле есть вокзал несуществующей железной дороги, построенный в 20-е годы. И кто не хочет, чтобы появились такие «вокзалы», кто понимает, что перемены и прогресс — это и тяжкий труд, и борьба, и жертвы, и временные неудачи, в будущее смотрит с оптимизмом.

«В Афганистане сотни молодых специалистов, закончивших советские вузы. Среди них выпускник ВГИКа режиссер Ахмед Шах Алям. Он поставил в Кабуле «Ревизора» Гоголя. Рафик Яхьяи перевел на персидский язык Сергея Есенина. Вали Латифи дублировал на язык пушту «Цветы запоздалые». На курсах русского языка перед экзаменационной комиссией молодая поэтесса Хуршид Аттайи читала «Письмо Татьяны» Пушкина» (Из репортажа корреспондента АПН в Афганистане Руслана Сикоева).

Преподаватель Кабульского политехнического института Мухаммед Насер Шафии защитил в Москве диссертацию на соискание ученой степени кандидата математических наук по теме «Гиперголоморфные функции». Другой преподаватель из этого же института, Мухаммед Анвар Султан, защитил в Москве диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук по теме «Поляризация протонов при упругом рассеивании» (Запись из дневника после посещения Кабульского политехнического института. Примечание: автор этих строк не знает, что такое «гиперголоморфные функции», не говоря уж о «поляризации протонов» да еще «при упругом рассеивании»).

С одним моим афганским знакомым, молодым экономистом, учившимся в Киеве, человеком образованным и тонким, мы зашли выпить пива в ресторан «Хейбер». Расположенный в центре города на площади Пуштуни-

стаз рядом с кинотеатром, он пользуется популярностью среди хиппи. Их много в Афганистане, кудлатых и немытых, одетых в потертые джинсы. Их встречаешь от Герата до Мазари-Шерифа и от Хейберских ворот до Бамиана.

На стене висело объявление: «Полицией арестован подросток, его гражданство неизвестно, но говорит он по-французски. Помогите опознать». Под текстом портрет мальчика с упрямым лбом и непокорными волосами. Под другой фотографией новый призыв: «Пропал подросток, который добирается из Австралии в Англию. Родители в отчаянии. Помогите найти». «Если кто-либо что-нибудь знает о судьбе Джеймса Тёрнера, 24-х лет, сообщите в посольство США».

За соседним столом громко говорил, почти кричал молодой человек с жидкой бороденкой, волосами до плеч и желтыми прокуренными зубами. Он был взволнован, резко и нервно жестикулировал, пытаясь убедить в чем-то своих собеседников — молодых швейцарцев, одетых в засаленные брюки и полувоенные рубашки. До нас долетали обрывки фраз:

— ...Все это слишком плохо и не нужно для Афганистана — все эти машины и дороги... Да, может быть, у афганцев не хватает средств, чтобы есть досыта, но им вовсе не нужно столько пищи, сколько нам... В конце концов, пища не значит для них так много. У них есть кое-что другое, у них есть духовная гармония. У них так много мира внутри, что они не жалуются на свою жизнь. Посмотрите на их лица. Они безмятежны. Если кто-нибудь дает им несколько монет, это «о'кей». Если не дают монеты, все равно «о'кей». Мы должны многому учиться у них.

— ...Вы видите здесь «упадок», но это же прекрасно,— продолжал он.— Это же означает, что афганцев не волнуют вещи. В Европе мы сошли с ума, пытаясь спасти старые здания. Мы любим наше прошлое слишком сильно. Это для нас клетка. Мы сохраняем старые церкви, но никто не вспоминает о боге.

Ему что-то возразили, но он нетерпеливо перебил:

— Афганцы строят крыши для того, чтобы спрятаться от дождя и холода. Они счастливы, позволяя прошлому умереть, потому что это прошлое. Они нищи, но их не волнует их нищета... Нищета — это здоровье духа.

Когда в вас есть бог, вещи и пища не столь важны. Они могут молиться где угодно, хоть и центре пустыни или на улице. Бог для них везде.

Поднялись неразборчивые голоса, потом молодой проповедник снова выкрикнул:

— Мы — преступники, потому что даем им всю эту машинную технику и слишком много образования! Нашего образования!..

Мой спутник все с большим раздражением прислушивался к монологу хиппи и даже сделал движение, чтобы вскочить и подойти к соседнему столику, но потом остановился.

— Что толку спорить с этим кудлатым,— сухо сказал он.— Этот тип разглагольствует о благе нищеты и голода, потратив на один ужин едва ли не пятую часть месячной зарплаты афганского чиновника.

— Но среди хиппи попадаются и искренние ребята,— сказал я.— Они действительно пытаются «опроститься» и жить, как афганцы.

— Искреннее заблуждение не перестает быть ложью оттого, что оно искреннее,— парировал мой собеседник.— Иностранцы приезжают в Кабул, чтобы почувствовать его экзотический аромат в качестве бесплатного десерта. Если они страдают от нашей нищеты, то лишь до тех пор, пока это не отражается на их здоровье. Некоторые из них романтизируют жизнь в такой стране, как наша, но они очень быстро устают от нее и стараются отсюда убраться. Для хиппи мы — актеры, которые существуют лишь для того, чтобы пощекотать им нервы и воображение.

Я был согласен с моим спутником, но сделал вид, что спорю, чтобы услышать его аргументы:

— Некоторые молодые люди, отвергая западную культуру Запада, бродят по свету в поисках других духовных ценностей...

Афганец заметил мой нехитрый маневр:

— Но вы же лучше меня знаете, что социализм, который в качестве основы человеческой личности видит свободный труд, материальный и духовный прогресс, для них не подходит. На словах отвергая собственную цивилизацию, они хотели бы законсервировать нас в средневековье, чтобы приезжать и любоваться на наши язвы. В этом своя ирония — слышать протесты против прогр-

са и осовременивания Афганистана как раз от людей, приехавших из самых развитых стран. «Духовная гармония»... Они видят живописную сторону нищеты и не хотят видеть голодные глаза детей. Кроме того, они отнюдь не так невинны, как прикидываются.

— Вы имеете в виду наркотики?

— Да, конечно. Опиумокурильни — это наш бич. Но появление хиппи дало им дополнительный стимул...

Многие из тех, кто приехал сюда с романтической надеждой приобщиться к некоей восточной мистике, находят «смысл жизни» в гашишном дыму. Но другие пытаются свой «мистический опыт» быстро перековать в звонкую монету. В тюрьмах Стамбула и Эрзерума, Тегерана и Мешхеда, Герата и Кабула — на всем пути, по которому хиппи едут в Индию и Непал, сидят американцы, немцы, англичане, юноши и девушки из полдюжины других стран. Они осуждены на сроки от нескольких месяцев до семи лет за обладание или нелегальный провоз наркотиков.

Несколько лет назад гашиш и опиум легко можно было достать в Турции. В переулках около улицы Истикляль в Стамбуле, в забегаловках и дешевых гостиницах около Айя-Софии перекупщики предлагали его иностранцам. Потом в Турции был введен более жесткий контроль.

В королевском Афганистане, несмотря на формальный запрет, торговали опиумом и гашишем, морфием и коканом. Килограмм гашиша, стоивший в Афганистане 10—25 долларов, превращался в 500 долларов в Европе и 1000 — в США. Таблетку морфия можно было приобрести в любой аптеке за 20 центов. Наркотики продавали упакованными в консервные банки с обычными наклейками, в газовые баллончики для зажигалок или сувенирные поделки. Некоторые молодые туристы, которые предавались этой отнюдь не пашвой, а жестокой и опасной торговле, клевали на крючок, забывая, что здесь нужно было давать бакшиш всем, начиная от владельца гаража, который прятал наркотики в дверцах автомобиля, и кончая полицией.

Однако даже те, кто попадался с грузом в сотню килограммов, были лишь мелкими сошками в большой игре. Опиумный мак выращивался в стране в течение многих поколений, и поле под ним давало крестьянину втрое

больше доходов, чем пшеница или ячмень. Крупные воротилы переправляли наркотики за границу тоннами. Через Дубай, Сингапур, Гонконг опиум шел в Европу и Америку. Торговцы наркотиками имели покровителей в высшем эшелоне королевской администрации, или сами принадлежали к ней. Один из международных экспертов по борьбе с наркотиками говорил мне в декабре 1972 года: «Здесь никто никого не ловит. Ни одна крупная фигура в контрабанде наркотиков никогда не была арестована в Афганистане».

Лишь после республиканского переворота было объявлено, что за эту проблему примутся всерьез. Глава государства Мухаммед Дауд сказал: «Мы решили принять эффективные меры, чтобы покончить с незаконной торговлей наркотиками и выращиванием опиумного мака». «Раньше в контрабанде были замешаны многие — от высших должностных лиц до простых офицеров и пограничников,— рассказывал в беседе со мной заместитель премьера Шарк.— Это считалось нормальным. Контрабанда, в том числе наркотиками, была почти легальной. Мафии торговцев опиумом были связаны с правительственными кругами, и попадались лишь те, кто не входил в их организации. Мы решительно пресекаем прежнюю практику».

Можно лишь пожалеть, что Александр Македонский не дожил до седых волос и его не обуяла страсть писать воспоминания. С каким интересом читались бы его мемуары. Спустя почти тысячелетие, в VII веке новой эры, примерно в тех же краях, что и он, побывал китайский проповедник Сюань Цзанг. В его руках была не меч, а посох и кисточка для туши.

«Я вошел в Великие снежные горы (Гиндукуш.— *А. В.*),— писал Сюань Цзанг в своем „Путешествии в западные страны".— Долина здесь глубокая, и летом в горах опасно. Ветер в этих местах очень сильный, снега глубокие. В горах температура ниже точки замерзания даже летом. Долины покрыты снегом, что делает проход очень трудным. Вдобавок бродячие банды нападают на путешественников, убивают и грабят. Только того как я преодолел 600 ли (около 180 км.— *А. В.*), я наконец прибыл в Бамиан».

Сейчас в Бамиан из афганской столицы можно добраться на автомобиле за несколько часов. Я нанял машину и проводника в туристском бюро «Афгантур», и мы выехали из Кабула, держа путь на север. Не доезжая крутого подъема к тоннелю Саланга, мы свернули на запад, на старую гравийную дорогу, которая до строительства магистрали Кабул — Салант — Мазари-Шариф в летние месяцы использовалась для связи между севером и югом Афганистана.

Наш путь пролегал по долинам. Желтые рощи тополей и чинар были по-осеннему прозрачны. В горных теснинах из боковых ложбин языки снега спускались прямо к дороге. Глинобитные селения, скученные, небогатые, почти непрерывной цепью тянулись вдоль долин. Кругом был камень и камень. Природа здесь не мать, а мачеха, и каждый квадратный метр полей отнят у гор с боем. Из поколения в поколение земледельцы отодвигали большие валуны и отбрасывали мелкие камни, чтобы расчистить хотя бы маленький участок, на многие километры тянули по склонам гор каналы, умело и умно разбивая их на арыки. Поля обрабатывали мотыгами или сохой, в которую впрягали осла, лошадь, в лучшем случае — пару быков. Долины сделали цветущими крестьяне, жизнь которых изломана, как трещины в сухой земле, а пальцы узловаты и корявы, как ветви старых деревьев. И кто это выдумал, будто крестьяне-мусульмане «ленивы» по сравнению с японцем или китайцем? Чтобы выжить, надо было трудиться, надрываясь не меньше, чем где бы то ни было.

Мы остановились перекусить в Горбанде в чайхане, где стояли скрипучие стулья и старые неустойчивые столы. Гроздди винограда свисали прямо над террасой. В лавках, сколоченных из старых досок или глинобитных, неподвижно сидели торговцы. Рядом стоял грузовик, набитый хазарейцами. Мальчишки подкачивали камеры «газика». Хриплая музыка неслась из радиоприемника. Прошла группа школьников, среди которых были девочки. Ветер завил столб пыли и разогнал дерущихся петухов. Группа западногерманских туристов в темных очках, пестрых рубашках и шортах, ехавших в «мерседесе» с прицепленным к нему жилым фургончиком, казалась пришельцами из другого мира.

В Бамиан мы прибыли затемно. Меня поселили в киргизской юрте, которая выглядела совсем как настоящая.

Каркас из оглобель и палок, перевязанных веревками, был покрыт войлоком. Землю устилали войлочные маты. Но вторая дверца юрты вела в ванную и туалет, которые, впрочем, не работали. От ледяного холода спасали толстые шерстяные одеяла и керосиновая печка.

Сюань Цзанг писал, что в Бамиане есть колоссальные статуи Будд, высеченные в скалах. Лицо Большого Будды было позолочено и украшено драгоценностями, которые слепили глаза, а его одеяние покрывала голубая краска. Вокруг Будд были сосредоточены храмы и жилые пещеры. «Здесь больше десяти монастырей и больше тысячи монахов»,— отмечал китайский путешественник.

Когда я проснулся и вышел из юрты, брезжил серый рассвет. Напротив террасы, на которой разбиты юрты и построен отель, в крутом склоне горы смутно вырисовывались гигантские статуи. Волны тумана у ног пока еще темных Будд смешивались с горьковато-сладким дымом очагов. Люди суетились в глинобитных домах, самый высокий из которых не достигал колена каменного изваяния.

Первые лучи солнца высветили розовыми бликами снежные вершины, окрасили в охристый цвет горный обрыв, большую и малую статуи. Громче и чище стал шум реки. Раздался перестук молотков в мастерских хазарейцев. Растаял туман, рассеялся дым. Верхом на ослах и пешком появились на дорогах путники. И вот уже луч света упал на закрытое нишей каменное лицо Большого Будды. Верхняя половина его давным-давно была разрушена, но до губ так и не добрались, и в солнечном свете на них заиграла загадочная, все понимающая улыбка.

Высота Большого Будды — 53 метра, Малого — 35. Я ходил у ног статуй, рассматривал в бинокль изящный медальон, выполненный в индийской манере на верхней арке над головой Большого Будды, единственный из сохранившихся, лазил по пещерам. Тысячи и тысячи их тянутся на километры, и обрывистый склон напоминает пчелиный улей. Некоторые пещеры были заселены хазарейцами. Они встречали гостей дружелюбно.

Я поймал себя на мысли, что не верю своим глазам. В центре Гиндукуша, в долине, окруженной ледяными зубьями хребтов, плодородной, но в общем-то небольшой, возник когда-то мощный, жизнеспособный очаг цивили-

зации. Бамиан вовсе не был побочным продуктом истории, которая шагала по дорогам и караванным тропам где-то между Индией, Ираном и Средней Азией. Гигантские Будды были одеты в греческие туники, напоминая, что Бамиан сплавил эллинизм и буддизм, соединил древнегреческие и древнеиндийские элементы. От Бамиана потянулись радиальные связи к пещерным буддийским городам Тибета и Гоби, к храмам Аджанты. Буддизм сохранился в Бамиане еще в X веке, несмотря на завоевание его арабами-мусульманами в VII—VIII веках, и рухнул в XII—XIII столетиях.

Статуи Будд возводились многими поколениями. Нужно было высечь из целого утеса нишу и основу будущей скульптуры, обмазать статую глиной, смешанной с соломой, придав ей соответствующую форму, покрыть штукатуркой и покрасить, а затем на опасной высоте расписать арки. Видимо, не только приказ и материальное вознаграждение двигали поколениями людей, но и духовный порыв, стремление выразить свои эстетические и этические идеалы. Потом изменились условия, «порвалась связь времен», рухнул старый государственный и общественный строй. Новая религия начала утверждаться, не считаясь ни с чем. Мусульманские фанатики громили символы старого, разрушали все, что могли разрушить.

Бамианская долина и ее окрестности интересны не только статуями Будд и пещерами. Рядом с селением Бамиан лежит город-крепость Шахр-е Гольголя («Город стенаний»), разрушенный монголами, лабиринт крепостных стен из необожженного кирпича, пещер, рвов, лестниц. Рядом с ним — романтическая «крепость дочери», внутри которой небольшое селение, где дома топят по-черному, а на плоских крышах лежит колючий кустарник — топливо на зиму. Его вырубают в горах, еще больше оголяя их и помогая наступлению пустынь. В нескольких часах езды от Бамиана находятся знаменитые на весь Афганистан озера Банд-е Амир — чаши, расположенные ступенями. В их зеркале в девственной чистоте отражается голубизна неба. Наконец, при выезде из Бамианской долины видишь «Красный город» — могучую крепость, в которой и стены, и башни, и сами скалы окрашены в грязно-кирпичный цвет. «Красный город» тоже рухнул в свое время под ударами монголов. Все эти края окутаны преданиями и легендами. Но я пишу не путеводитель, а жур-

палистские заметки, поэтому оставлю горы и долины Гиндукуша... до следующего раза. А пока что наш путь — через Саланг, на север.

Дорога, которую советские люди вместе с афганцами проложили от Кабула до Мазари-Шарифа через Гиндукуш,— действительно дерзкая магистраль. Она взбирается серпантином по склонам, исчезает в туннелях, ныряет в долины, выбегает на равнины. Горные пики окружают ее. Иногда дорогу стискивают круги по нескольку сот метров высотой. Когда подъезжаешь ближе, убеждаешься, что каньоны пропилили за миллионы лет бурные речки, а теперь проходами воспользовался человек.

В горах встречаются селения того же типа, что и на Кавказе, в Восточной Турции, Северном Иране. Сакли с плоскими крышами, карабкаясь друг на друга, образуют как бы уступчатые стены крепостей. А на севере на глинобитных строениях возведены куполы, также сложенные из сырцового кирпича. Дорога влила новое вино в старые бурдюки, дала жизнь селениям, окостеневшим в вековой изоляции. Они связались с внешним миром, плоды труда их жителей находят сбыт, сюда поступают товары из более развитых районов Афганистана.

Один из способов понять национальный характер — обратиться к народным играм и развлечениям. Хотя понятие «национальный характер» едва ли применимо к жителям столь разнонаселенной страны, как Афганистан, но их, в частности, объединяет любовь к боям животных — собак, петухов, верблюдов или баранов. Интернациональный футбол завоевывает поклонников, но по-прежнему самый популярный спорт у многих народов страны, особенно к северу от Гиндукуша,— «бозкаши» — «козлодрание». Всадник должен выхватить из круга тушку обезглавленного козла и провести ее по определенному маршруту. Его противники отнимают тушку, а товарищи по команде защищают его. Чтобы победить, нужны великолепные качества наездника, физическая сила, выносливость, ловкость, бескомпромиссного соперничества, умение выносить боль. Каждый из участников вооружен нагайкой, которой нередко хлещут не только лошадь,

но и соперника. Соревнования могут кончиться увечьями, но упавший всадник со сломанным ребром считается в своем племени героем, а победитель «бозкаши» будет сидеть в своей палатке, принимая знаки внимания и почтения, как какой-нибудь хан.

Для «бозкаши» подбирают равнину, покрытую песком или травой, так как каменистая площадка опасна. Когда стоит жара — с марта по октябрь, «бозкаши» не проводят. Лошадей для соревнований специально тренируют и откармливают ячменем, а дважды в месяц дают ячменную муку, смешанную с яйцами и маслом. В рацион скакунов добавляют дыни, а зимой их подкармливают овечьим жиром. Как правило, наездникам лошади не принадлежат — это слишком дорогое удовольствие. Скакунов выращивают богатые любители — меценаты.

В самых массовых играцах, которые в Кабуле привлекали десятки тысяч зрителей, участвовало до восьмидесяти всадников. По выстрелу судьи в «бой» вступали тяжелые лошади, которые устремлялись в круг, где лежала добыча, а легкие, быстроногие скакуны затем вели гонку. Зрители обычно были настолько наэлектризованы, что их с трудом сдерживали полицейские.

Я видел «бозкаши» поменьше недалеко от Мазари-Шарифа. Забравшись на холм, мы с группой наших геологов наблюдали яростную и мужественную борьбу. Два десятка всадников сшиблись около тушки козла. Ее хватали и роняли. Кожаные плетки секли воздух, коней, людей. Что происходило в круге, рассмотреть было невозможно, так как клубы пыли окутывали наездников. Но вот из кучи вырвался всадник, овладевший добычей, и устремился с ней по полю. Но его настигли. Соперник тоже вцепился в тушку, и вот уже двое, повиснув на стременах, неслись параллельно земле; гиканье, свист и топот нескольких сот всадников — участников и зрителей — нарастали. Все громче ржали лошади, все выше поднимались клубы пыли. Наездникам оставалось промчаться примерно половину дистанции...

Но почему вдруг угас пыл соревнования? Почему все — участники и зрители — обернулись в нашу сторону? Что могло остановить бешеную скачку в самый азартный момент? Увлеченные «бозкаши», мы не заметили, как сзади к нам по сухой степи подошла буровая вышка, тоже окутанная пылью. Ошпаривая коней нагайками,

устремилась ватага навстречу невидимому зрелищу. Горячие кони взлетели на холм и замерли рядом с нами. «Нефтяники, нефтяники»,— прошелестел по пестробиным рядам радостный шепот узнавания. Мощные тракторы тянули за собой «колесницу» — нефтяную вышку на катках. За рычагами сидели русые ребята с севера и местные водители, похожие на кошников, как родные братья. Наши геологи вместе с афганцами нашли на севере страны нефть и газ и продолжали разведывательное бурение.

Афганцы утверждают, что в Мазари-Шарифе похоронен сподвижник пророка Мухаммеда и четвертый праверный халиф Али. Он был убит в Месопотамии и именно там, по мнению арабов и персов, лежит его могила. Но у афганцев свое мнение. Есть легенда, что тело убитого халифа увезли на верблюде, и когда после многих дней пути он стал на колени на месте сегодняшнего Мазари-Шарифа, то здесь и предали земле тело Али.

После Исфахана, Герата или Самарканда мавзолей Али на меня не произвел впечатления. Глазуровапная мозаика превосходна, но здесь нет той простоты, лаконичности и завершенности, которую видишь, например, в Исфахане. Слишком много минаретов и куполов делают комплекс несколько громоздким.

Гораздо больше Мазари-Шарифа меня интересовал Балх, расположенный неподалеку. Раньше он назывался Бактрией и был одним из величайших городов мира. О нем есть упоминания в Ведах и Авесте. Легенда рассказывает, что в нем за много веков до нашей эры родился Зороастр. Бактрия считалась и родиной древнеперсидского царя Кира. В городе Балхе Александр Македонский встретил прекрасную Роксану, а после его смерти здесь образовалась греко-бактрийская империя. О Балхе упоминают Эсхилл в трагедии «Персы» и китайский путешественник Сюань Цзанг. По данным археологов, в первых веках нашей эры город был обнесен стеной, длина которой составляла 85 километров. Видимо, она окружала не только город, но и прилегающий к нему обширный оазис. Много раз Балх захватывали, разрушали и снова восстанавливали. Через него проходили завоеватели — арабы, тюрки, монголы. Мусульманские путешественники называли его «матерью городов». «Балх — большой и знатный город, и прежде он был и больше и еще лучше,— писал Марко Поло.— Татары и другие на-

роды грабили и разрушали его: в старину... здесь было много прекрасных мраморных дворцов».

Афганские путеводители утверждают, что в Балхе якобы родился Ибн-Сина (Авиценна) — великий врач, книги которого изучали в европейских университетах вплоть до нашего века. Хотя сейчас доказано, что он — сын Бухары, не вздумайте говорить это афганцам — обидятся. Город был также родиной поэта Джелалуддина Руми.

Сейчас в Балхе полуразвалившиеся стены, пыльные улицы, корявые деревья, седые старики. Основной тип жилищ в Афганистане — глинобитные хижины. Их нетрудно строить, но они легко разрушаются, обращаются в прах. Может быть, поэтому в Балхе не осталось древних сооружений. Круговорот жизни и смерти, созидания и разрушения: земля — виноградная лоза — вино — человек — смерть — земля... Таковы постоянные темы классической иранской, среднеазиатской и афганской поэзии. В них пессимизм, но и проблеск надежды. Еще совсем недавно для афганцев прошлое, настоящее и будущее было одним. Пыль столетий затуманивала горизонт будущего. Рождение республики как бы расчистило небо.

На афганском базаре вы можете уловить запах баранины, поджаренной на масле. Он смешивается с ароматом риса, приготовленного с орехами и изюмом. Если вы последуете за этим запахом, вы увидите чайхану, где много топчанов, на которых люди лежат или сидят, скрестив ноги. Мужчины держатся отдельно от женщин. Вода кипит в самоваре. Разносят черный и зеленый чай. Вам дадут плов или шашлык и большой кусок лепешки. В районах Передней Азии при раскопках обнаружены печи для приготовления таких лепешек, и этим печам семь тысяч лет.

В мелких городах и деревнях чайхана становится своего рода клубом. В ней беседуют, играют в нарды, курят кальян.

Знаменитые мыслители средневекового Балха — закрытая книга для народа. В наши дни он пьет из другого источника — слушает уличных певцов, исполнителей баллад о любви, о героях «бозкаши», о халифе Али, который приехал в Афганистан, чтобы убить дракона и совершить другие чудеса. И вы с удивлением обнаружите в этих песнях пестрый синтез арабо-иранских, индийских

и китайских сказаний, ибо таков Афганистан — извечный перекресток Азии.

Но в старые легенды вплетается современная информация. Свадьбы, рождение детей, денежные дела, засуха еще недавно были главными темами разговоров в чайхане. Сейчас вам расскажут и о последних известиях, услышанных по радио, и о новых декретах республиканского правительства, и о новых школах, и о собраниях женщин, которые все чаще появляются на улицах без «бурка». В чайхану где-нибудь в Балхе придет рабочий с завода азотных удобрений. Ему уступят почетное место, нальют самый крепкий чай, приготовят самый сочный шашлык и будут слушать его с таким же вниманием, как и мудрого старика.

Я был на этом заводе, единственном крупном предприятии Афганистана. Назвать его мощность и количество рабочих — значит сказать и слишком много, и слишком мало. В мире есть сотни таких заводов и десятки гораздо более крупных. Но мне особенно запомнилась лаборатория, где работают афганские техники в белых халатах. Вчерашние дети степей делают химические опыты, математические расчеты. Не в первый раз в истории люди перешагивают через века, но в Афганистане видишь, что многим, очень многим помогает сделать этот шаг советский человек.

Вместе с главным специалистом Аркадием Борисовичем Рогозиным и афганским инженером, выпускником Московского инженерно-экономического института Гулямом Мухаммедом Рахими, мы забрались на крышу завода. Вокруг расстилалась равнина, с ее кочевниками, стадами верблюдов и лошадей, палатками и юртами. Мы заметили, что степь изменила свой зимний рыжий цвет на нежно-зеленый, а местами по ней будто пробежали ручейки пламени — расцвели алые тюльпаны. Был март, весенний месяц.

ОГЛАВЛЕНИЕ

СИРИЯ, ОКТЯБРЬ 73 ГО	3
ПУТЕШЕСТВИЕ В «АРАВИА ФЕЛИКС»	32
ДОФАР, ОПАЛЕННЫЙ ВОЙНОЙ . . .	63
«ПАТРИЦИИ» И «ПЛЕБЕИ»	94
АЗИЯ И ЕВРОПА ВМЕСТЕ	142
БЕГ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ	200
АФГАНИСТАН — РЕСПУБЛИКА	261

Алексей Михайлович Васильев

ТРУДНЫЙ ПЕРЕВАЛ

Редактор *А. М. Козлова*. Младший редактор *Л. А. Добродеева*.
Художник *В. Локшин*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*.
Технический редактор *Л. Е. Синенко*. Корректор *Г. В. Стрыгина*

Сдано в набор 11/II 1977 г. Подписано к печати 5/VIII 1977 г. А-02924. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 8,5+1,5 вкл. л. вкл. Усл. п. л. 18,48. Уч.-изд. л. 18,67. Тираж 50 000 экз. Изд. № 3959. Зак. № 1621. Цена 1 р. 50 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-16, ул. Жданова, д. 12/1

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16